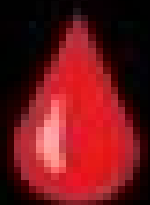

Вадим Володарский

**С
в
е
ж
о
я**

КРОВЬ

Он, кажется, потерял в жизни все. Но судьба делает неожиданный кульбит, — и вот он уже богач...

Она никогда не имела права выбора, а потом была обречена на смерть, но оказывается в его объятиях.

Шанс на счастье? Или возмещение за их страдания? Чтобы понять это, им нужно узнать, почему погибла его сестра, которую он никогда не знал. Как она вообще оказалась в чужом городе? Связано ли это с миллионным бизнесом? А может, с теми, кто оказался в неволе? Смогут ли они узнать, кто и что стоит за этим? А если да, — жить дальше с этим знанием? Где можно найти разгадку, — в его родном Киеве, или на ее родном Кавказе?

В конце концов, смогут ли они выжить и быть вместе?

А еще эта книга — творческий эксперимент: как создать несколько сказочную атмосферу в произведении реалистического жанра.

1. За несколько месяцев до...

Все персонажи, сюжетные ходы, а также некоторые места и народы являются плодом авторского вымысла. Все совпадения являются случайными.

Эй вы, задние, делай, как я!

Это значит — не надо за мной!

Колея эта — только моя,

Выбирайтесь своей колеёй!

Владимир Высоцкий.

Закон Джунглей, никогда не приказывающий чего-либо беспричинно, позволяет зверям есть человека, только когда зверь убивает его, желая показать своим детям, как это надо делать, но тогда он должен охотиться вне мест охоты своей стаи или племени. Настоящая причина этого состоит в том, что вслед за убийством человека, рано или поздно, являются белые на слонах и с ружьями и сотни коричневых людей с гонгами, ракетами и факелами. И все в джунглях страдают. Однако между собой звери говорят, что Закон запрещает убивать человека, потому что он самое слабое и незащищенное из всех живых созданий, и, следовательно, трогать его недостойно охотника. Кроме того, они уверяют — и справедливо, — что людоеды страшно худеют и теряют зубы.

Редьярд Киплинг.

Женщина с ребенком вышли из мечети на улицу. Можно снять платок с головы, подумала женщина, но прямо здесь она этого делать не будет. Дождутся такси, и уже в машине... В конце концов, они были в городе, где почти не было мусульман. И только две мечети, — а это ведь большой город. Может быть, где-то были еще, но она не знала... Она не местная. А эта мечеть даже расположена неизвестно где, на горе. Никакой транспорт сюда не ходит, впрочем, она и не поехала бы с ребенком троллейбусом или маршруткой. Значит, придется ждать такси.

Был теплый весенний день, но у женщины было совсем другое настроение. Она приняла

ислам не только формально, как некоторые в ее положении, это стало важной частью ее жизни. Но сегодня умиротворения не наступило в ее душе. Молитва не помогала.

Возможно, дело было в том, какая ситуация сложилась. Она решила, что будет делать, — а если ничего не получится? Что тогда? Если она не найдет того единственного человека, который сможет помочь? А если... а если не захочет? Ведь он даже не подозревает о ее существовании. Нужна ли она ему? Учитывая всю эту историю... Да еще и мусульманка... Но приходилось лишь надеяться, что ей не откажут в помощи.

Впервые за сколько лет она пытается взять свою судьбу в собственные руки? Семь, восемь? Смотря как считать, возможно, и больше.

— Мама, еще долго? — послышался детский голосок. Она подумала, есть ли в этом городе еще кто-то, кто говорит на том же языке. Посмотрела на экран смартфона.

— Нет, доченька. Машина скоро приедет. И мы поедем домой.

— В большой дом дома?

— Да.

Жить в многоквартирном доме дочь никак не могла привыкнуть. За свои пять лет она знала только такие дома, где живут одни лишь родственники, а остальные — за забором. В какой бы стране это не происходило, — а ребенок успел побывать в нескольких странах.

Изменится ли все это теперь? Вероятно, да. Возможно, это будет жестоко по отношению к ребенку, но у нее нет другого выхода. Иначе — какая судьба ждет ее саму? Однажды это уже произошло, и она, кажется, искупила вину. К тому же, в конце концов, можно сказать, что тогда ей все же повезло... Но, если это произойдет снова... Она не перенесет...

— Мама, это наша машинка?

Она подняла голову. Перед людьми, которые выходили из мечети, остановилась зеленая легковушка, модели которой она не знала. Что-то дешевое.

— Нет, доченька. За нами должна приехать белая. — Цвет, модель и номерной знак сообщило мобильное приложение, с помощью которого она и заказала такси. — Уже скоро. А... Что это?!

Правая дверь зеленой легковушки открылась, и двое мужчин в черном, выскочив наружу, начали швырять что-то у людей. Один из этих предметов оказался прямо у ее ног. И она успела понять, что это — граната. Но больше не успела ничего.

Автомобиль сорвался с места. В начавшемся хаосе никто не запомнил ни номеров, ни даже модели. А водитель знал маленькие улочки вокруг, и свернул в проезд, где вряд ли кто-либо мог бы его искать. Он, как и пассажиры, провел предварительную работу, и не собирался оказываться в тюрьме.

А таксисту, который через несколько секунд приехал на заказ женщины с ребенком, осталось только оказывать помощь раненым, используя аптечку из собственного автомобиля. И полицию и скорую вызвал именно он. По крайней мере, одному человеку он спас жизнь, вовремя остановив артериальное кровотечение.

Он станет героем на короткое время. Его наградят премией для тех, кто спас людей, сотрудники одного из телеканалов, и будут долго с благодарностью вспоминать в мусульманской общине. Но своих потенциальных пассажиров он увидит уже мертвыми. Лицо маленькой девочки будет преследовать его много лет. Если бы он только на этот раз объехал пробку, хоть по встречной, хотя по тротуару!

Полицейские его, конечно, тоже допросили. И не только полицейские.

Президент, премьер, министр внутренних дел и многие другие выступили с осуждением этого террористического акта. А что это были именно террористы, ни у кого не возникало сомнения. С возмущением сделали свои заявления посольства иностранных государств, — и не только исламских, но и США, стран ЕС и Израиля. Конечно, власть, вплоть до президента, пообещала сделать все возможное для того, чтобы наказать виновных. И заявила, что это чудовищное преступление направлено на дестабилизацию ситуации в стране. Но найти виновных по горячим следам не удалось.

Потом власть стала докладывать: ведется следствие. Не разглашая подробностей. А еще чуть позже новый президент вступил в должность, и за политическими баталиями как-то отошел в тень теракт, в результате которого погибли пять человек (в том числе один ребенок), трое из которых были иностранцами (две гражданки России, в том числе ребенок и гражданин Ливана). Первый (насколько припоминали журналисты) террористический акт на почве ненависти к мусульманам в Украине.

Взрывы возле киевской мечети иногда вспоминали журналисты, мусульманская община требовала расследования, но всем было понятно: если в первые дни никого не нашли, шансы раскрыть преступление таяли с каждым днем. Тем более, что версий было много, от диверсии со стороны соседнего государства до действий радикальных националистов или религиозных фанатиков.

В конце концов, все поняли, что, если это преступление и раскроют, то лишь случайно. Даже российские журналисты не очень подробно писали о неспособности украинских правоохранителей раскрыть преступление, жертвами которого стали, в том числе и их соотечественницы.

2. Американские горки.

Говорят, что сорок лет — та дата, которую не нужно отмечать. Влад Бурсак стоял с бокалом вина и думал, можно сказать, что он ее отмечает, или нет. Если судить по бокалу в руке, — пожалуй, да. А если учесть, что делает это он один, в чужой стране, в том месте, куда он никогда не думал даже попасть? В чужом доме, — впрочем, дом-то теперь его, но он не собирается здесь жить. И уж точно не будет устраивать никаких торжеств. Да и с кем?

Но ему нужно было выпить этот бокал. Не больше. Он сможет удержаться, — в конце концов, то, что произошло почти месяц назад, случилось впервые. Можно надеяться, что и в последний раз.

Вино было хорошее. Местное. А Владу надо было вспомнить этот последний год. Год, за который он так много потерял. Собственно говоря, почти все. А теперь...

Почти год назад он потерял работу. Любимую, к которой шел большую часть жизни. И которая приносила удовлетворение. Он был одним из немногих, кто так относился к этой работе, а хуже всего то, что потерял ее из-за несправедливости, потому что делал ее слишком добросовестно. Иногда этого не прощают. Конечно, он сделает все, чтобы эту работу вернуть. Но суды по этому поводу могут длиться не один год, это Влад знал.

Это было плохо, но не было бы катастрофой, он не умер бы от голода, ему бы хватило денег на какое-то время, — если бы не Ольга. Алчная бывшая жена, искусно использовавшая их сына против него во всех возможных аспектах. И в денежном, — потому что, конечно, подала на алименты, и в моральном, — мол, ты виноват перед ребенком, оставил его без отца, и в психологическом, — в конце концов, она как раз психолог по профессии, — манипулируя и сыном, и им, в вопросах их общения. Единственное, что он мог противопоставить Ольге, — это право дать или не дать разрешение на выезд сына за

границу. Но это работало только в некоторых случаях... Потому что каждый день за границу ездить не нужно. Тем более — школьнику.

К тому же, в свое время он просто ушел в никуда, оставив жене квартиру. Как когда-то сделал и его отец, — разница была в том, что сам он собственного отца с тех пор и не видел, а вот сына видеть хотел. Как бы там ни было, а жилье приходилось снимать. А это требовало денег. Так что работу нужно было искать новую, и он сделал это. Хорошо, что у него остались водительские права со всеми открытыми категориями. Водить автомобиль — это вторая вещь, делать которую Влад умел и любил. К тому же, работа «дальнобойщика» позволяла... отдохнуть от людей. Лишь оказавшись один в кабине на долгие часы, он понимал, насколько устал от них за последние годы. Хотя лучше бы не иметь такого повода это проверить.

Но долго продолжаться так тоже не могло. Дело не в том, что это было трудно, нет, — Влад не мог смириться с тем, что потерял. Не только в деньгах, но и из уважаемого высококвалифицированного специалиста превратился в обычного водителя. Хотя и объехал за эти полгода многие страны, от Германии до Казахстана.

К тому же, у него появилась идея. Но, чтобы воплотить ее, надо было многому научиться, много нового узнать. И он снова принялся учиться, — пошел на курсы программирования. А это требовало находиться дома почти постоянно. И, соответственно, найти работу, которая бы позволяла это.

Влад вспомнил про второе свое преимущество — свободные английский и немецкий. С соответствующими сертификатами. Тем более, в последнее время он имел практику общения на обоих языках, когда ездил по Европе. А теперь стал зарабатывать переводами — текстов (иногда ему даже бывшие коллеги подбрасывали такую работу) и на деловых переговорах. Казалось бы, все стало налаживаться.

Но потом, в течение всего месяца... Он потерял почти все. Мать... Пожилая, но энергичная женщина погибла, когда водитель маршрутки по непонятным причинам столкнулся с грузовиком. Следствие до сих пор разбиралось, виноват кто-то из водителей, или неправильно работал светофор. Экспертизы могли длиться месяцами, это он хорошо знал.

Едва отойдя от похорон, Влад узнал, что Ольга опять что-то придумала, — на этот раз «долг» по алиментам. И сразу лишился автомобиля — на него наложили арест, и полиция изъяла прямо на улице, — и денег на карточке, так как банковский счет тоже заблокировала исполнительная служба. А значит — и квартиры, которую арендовал, поскольку хозяйка входит в его положение не захотела. Особый колорит ситуации добавляло то, что с Ольгой когда-то достигли договоренности, что на машину она не будет претендовать, тем более, что она не водила автомобиль.

И это еще не все.

Катя. Которую он любил, или думал, что любит. С которой вместе был три года. Которой хотел вскоре сделать предложение.

— Это же надо так все про...ть за год! — сказала она. — Я думала, ты мужик. Ты борец. А ты потерял все и даже не знаешь, что делать. Тряпка!

Выяснение отношений на кухне продолжалось около часа. А потом Влад просто встал и ушел. И оказался в той однокомнатной «хрущевке» на Борщаговке[1], где вырос. Только уже без мамы. И наследство нужно было еще делить с отчимом, — но эту проблему он оставил на потом. В конце концов, отчиму, в отличие от него, есть где жить. Может, удовлетворится

дачей, хотя ту тоже построил отец Влада, как и эту квартиру. Как и гараж с машиной, — вот «Волгу», ставшую уже семейной реликвией, он не собирался никому уступать.

Но все это сразу — было для него уже слишком. Впервые в жизни с Владом произошло то, что происходит с мужчинами, которые не выдерживают жизненных неурядиц. Потом он не мог вспомнить, сколько времени прошло, и сколько было выпито. Единственное, что знал точно, — что за руль в таком состоянии не садился, дебошей не устраивал, никого не убил и не покалечил. Если бы что-нибудь подобное произошло, то недоброжелатели точно довели бы до его сведения так, что не забыл бы.

Однажды он проснулся на своем диване в единственной комнате, и понял, что накануне лег, не раздеваясь. Только ботинки стояли рядом на полу. А еще откуда доносился запах. Запах кофе.

Прикрыв глаза, через некоторое время Влад почувствовал, что запах усиливается. Похоже было, что кто-то водит чашкой прямо перед его носом. Глаза пришлось открыть, — и он увидел перед собой мужчину. Старика с большими седыми усами. Именно он и поднес чашку кофе к лицу Влада.

— Не привиделись вы мне, добрый человек? — сорвалось с языка.

— Кофе — реальность, — ответил тот, и Влад взял чашку непослушными пальцами. — А значит, и я тоже.

Старик ответил на русском, с легким акцентом, но Влад не мог бы определить, что это за акцент. И сам перешел на тот же язык.[2]

— Спасибо за кофе.

— У вас, кстати, здесь хороший кофе, — сказал старик. Он был прав. Мама Влада любила хороший кофе, и после нее еще оставался запас. Но, наверно, гость пытался определить, в состоянии ли Влад общаться на серьезные темы. Но что же ему могло быть нужно?

— И почему же вы здесь хозяйничаете, добрый человек? Если вы мне не привиделись, то, надо думать, хотите добра. Иначе бы не пытались сделать так, чтобы я проснулся.

— Я здесь, чтобы принести вам добрую весть. — Усы зашевелились, и Влад понял, что старик улыбается. — И для этого мне пришлось приехать издалека. А вы здесь в таком состоянии, еще и друзей ваших разгонять...

Каких друзей? Разве у него остались друзья? Но старик не был похож на лжеца, и Влад решил, когда будет в состоянии, проверить, ничего ли из квартиры не пропало. Однако, спрашивать нужно было не об этом.

— Добрую весть? Надеюсь, вы не проповедник? — поинтересовался Влад.

— Чего нет, того нет! — Усы продолжали шевелиться. Словно у таракана, подумал Влад, хотя старик ему, неизвестно почему, был симпатичен. Как ни странно, похоже, с этим необычным гостем можно было найти общий язык. К тому же, от крепкого кофе, кажется, действительно стало лучше. А гость, видимо, подготовился к визиту, потому что достал коробку с маленькими белыми таблетками. — Вот, возьмите одну, чтобы можно было говорить о делах...

Влад послушался. И спросил:

— И какие же ко мне сейчас могут быть дела? Я потерял все... Кому и для чего я сейчас интересен?

Надо было признать, — таблетка подействовала. В голове прояснилось. Но понятнее от этого, что происходит, не становилось.

— Это вам только так кажется... Но позвольте спросить: ваш отец — Бурсак Юрий Романович? Родился в Дрогобыче, в сорок седьмом году, верно?

— Все правильно. Только я его не видел... года так, кажется, с девяностого. После этого он исчез из моей жизни... Даже не знаю, куда.

Влад подумал, что гость, видимо, примерно того же возраста, что и отец. Может, даже чуть постарше.

— Может, и документы покажете? — спросил старик. Почему бы и нет..? Влад поднялся и проковылял к секретеру. К счастью, «друзья», которых упоминал гость, кем бы они ни были, туда не добрались. И он положил на столик перед стариком паспорт и свидетельство о рождении. К тому же, всего несколько сделанных шагов, — видимо, вместе с таблеткой, — прочистили мозги. И назад он возвращался уже гораздо более уверенной походкой. А гость, перелистнув страницы документов, продолжил. — Да, я пришел, куда нужно.

— И что же вам нужно от меня?

Гость пытливо посмотрел на него и, видимо, решил, что Влад уже в нужной кондиции для серьезного разговора. По крайней мере, обращения типа: «добрый человек» употреблять уже перестал. Усы снова зашевелились, выдавая улыбку хозяина.

— Денег вам, коллега, принести, и себе заработать.

Влад сразу понял, кем является гость. Но, что коллегами их теперь называть нельзя, решил пока не уточнять. Если это будет важно, скажет. К тому же, кажется, старик точно знал, к кому шел, и проверил, чем тот «дышит». Вряд ли он мог чего-то столь важного не знать. И пришел к нему гость не просто так, и отцом, кажется, интересовался не зря. Мысль еще не сформулировалась в мозгу окончательно, когда он спросил:

— И что надо будет делать?

— Принять наследство, — прозвучал ответ, чем-то его удививший, а чем-то — нет. Предположить что-то другое, после того, как гость интересовался его отцом, было трудно. Но ведь...

— Неужели отец где-то разбогател после того, как нас бросил? — спросил с иронией Влад. Гость посмотрел на него неодобрительно.

— Нет, чего не было, того не было. А что сестра у вас была, вы знаете?

— Впервые слышу!

— А она была. Младшая. Ее звали Злата. И именно после нее...

— Неужели там достаточно, чтобы вы приехали издалека? — поинтересовался Влад. Старик кивнул, — непонятно было, отвечая на вопрос, или был доволен, что собеседник вспомнил то, что он говорил раньше. С человеком в таком состоянии — это было обнадеживающим признаком.

— Вы бы не удивлялись, если бы знали, за кого вышла замуж ваша сестра... — Старик улыбнулся. — Вам же не надо объяснять, что такое наследственная трансмиссия[3].

Влад поднялся с дивана и пересел на стул напротив гостя.

— Тогда расскажите, что там такое... и откуда вы приехали.

Старик достал из кармана металлическую коробочку, раскрыл ее и вытащил оттуда визитную карточку. Передал Владу, и тот прочитал на русском, что гостя зовут Салман Таханов, и он — адвокат. Сверху визитки было написано: «Адвокатская палата Каластана», а внизу — адрес офиса адвоката в городе под названием Хасанкала. Ни о Каластане, ни о Хасанкале Влад никогда не слышал. Но из названия «адвокатская палата» и из номера

телефона на визитке следовало, что речь об одном из регионов России.

— И где же находится эта земля крепостей[4]?

Усы снова шевельнулись.

— На Кавказе! Оттуда я и приехал. А теперь вам придется ехать туда. Если, конечно, хотите... решить все проблемы.

— Что же, если вы приехали из такого далека, если это стоит того для вас, наверное, для меня тем более. — Влад пожал плечами. — Но тогда надо, чтобы меня там за это наследство не убили... Потому что что-то подсказывает, если моя сестра, которую я никогда не видел, но которая была младше меня, умерла, и была богатой наследницей, — скорее всего, умерла она не своей смертью. Я прав..? А вы зовете меня как раз туда...

— Если мы все сделаем правильно — убивать вас не будут. — Усы зашевелились интенсивнее. — А ошибаться мы не станем... Не так ли? К тому же, сестра ваша погибла не там, у нас, а именно здесь, в Киеве. Вы помните террористический акт у мечети? Да, она приняла ислам... А те, от кого наследство перешло к ней, — вообще в Эмиратах. Так что вряд ли у нас будет опаснее, чем в Киеве или в любом другом месте.

— Прийти помолиться — и погибнуть... Печальная ирония судьбы, правда? — сказал Влад. Он подумал, что собеседник имеет достаточно философский взгляд на мир, — возраст и профессия обязывают. — Что ж, теперь вам пора рассказать мне, что же это за наследство такое, и от кого моя сестра, которую я не знал, должна была его получить. И что, в конце концов, произошло с моим отцом...

— Он умер... немного больше десяти лет назад. Сердце... — Таханов пожал плечами. Это не относилось к делу, — или относилось лишь потому, что, умерев раньше дочери, сам он претендентом на наследство быть не мог. К тому же, старый адвокат догадывался, что Владу судьба отца, конечно, интересная, но продолжать пребывать в запое от горя он точно не станет. — Но от второго брака, уже в России, у него осталась дочь, тогда подросток. Злата. Она выросла без матери, та умерла при родах... Наша медицина, да еще и в девяностые, сами понимаете. А когда не стало отца, жила у тети, пока не поступила в университет... Но не доучилась. Потому что вышла замуж за сына одного очень уважаемого у нас человека. И очень состоятельного, впрочем, сын был тоже в семейном бизнесе, и человеком не бедным. Далеко не бедным.

И Влад приготовился внимательно слушать.

Мужа Златы звали Искандер. А его отцом был Юнус Талаев, один из самых богатых людей Каластана. Раздел наследства таких людей в любом случае был бы делом сложным. А тут отец и сын погибли одновременно, в авиакатастрофе. Злата с ребенком в это время оставались дома — на побережье одного из эмиратов. Юнус Талаев имел там виллу, и вместе с сыном они должны были лететь на деловые переговоры — на яхту одного человека, по сравнению с которой сами они были почти как владельцы киосков у вокзала. Яхта не должна была заходить в порт, так что Талаевы, чтобы попасть на эту важную встречу, воспользовались небольшим гидросамолетом, — можно было не ехать в аэропорт, а отбыть прямо от причала у виллы. Но до яхты не долетели. Тела, — их и пилота, — были найдены вскоре, как и обломки самолета. Власти Эмиратов проводили какое-то расследование, но окончательных выводов сделать никто не мог.

Злата с ребенком некоторое время вынуждена была оставаться на месте, из-за каких-то местных формальностей. А потом полетела в Киев. Если бы она только знала...

Салман Таханов увидел, что его собеседник воспринимает информацию, как положено. Как будто и не был в полубессознательном от алкоголя состоянии еще вечером. Да и не один день. Но, когда речь идет о наследстве, подумал он, мозг начинает работать автоматически. Даже не обязательно, чтобы наследство была собственное, — так уж устроен у них мозг. А если собственное, то тем более.

— Так что нам надо делать? — спросил Влад.

— Лететь к нам, — пожал плечами старый адвокат. — Подавать заявление о принятии наследства. А потом... вести переговоры с другими наследниками.

— Их много?

— Нет. У Юнуса Талаева было трое детей, но еще один сын погиб. Давно... Осталась дочь. И ее муж... Они на самом деле думают, что получают все...

— Тогда меня точно убьют, — улыбнулся Влад. — Чтобы не мешал.

— Я же говорил — не убьют, если все сделаем правильно. Надо подавать заявление — и уже потом ставить в известность всех... А когда заявление подано, убивать не будет смысла. По крайней мере, с юридической точки зрения, — снова улыбнулся старик. — Но... это уже будет наше дело — обеспечить безопасность. А если удастся договориться — тогда вся опасность отпадет.

— А получится?

— Должно получиться. Никто не заинтересован в войне.

Последние несколько предложений о многом сказали Владу. Даже если гость и не хотел, чтобы он сделал такие выводы. А может, хотел? Впрочем, тогда почему не сказать прямо?

— Вы мне поможете, конечно?

— Конечно. Не хочу показаться нескромным, но без меня... вы ничего там не сделаете, Влад. — Усы снова зашевелились.

— Я понимаю, как и то, что вы не останетесь без собственной выгоды. У вас разрешен гонорар в процентах от дела?

— Для таких случаев — разрешен. Я так и думал, что мы договоримся. — В голосе гостя послышалось удовлетворение.

— Надо собрать документы...

— И быстро. Потому срок подачи заявления заканчивается.

— Почему же вы не пришли ко мне раньше..? — Здесь Владу пришла в голову одна мысль. — Но может возникнуть проблема. Меня могут не выпустить за границу. Из-за дела по алиментам... У нас сейчас на эту тему — настоящий психоз. — И он рассказал о части своих потерь.

— Я знаю, — кивнул гость. — И даже проверил. У вас запрета на выезд нет. Ваша бывшая жена сделала все это с другой целью... Вы еще не догадались? Вывести ребенка, — у вас же сейчас, если есть долг по алиментам, разрешение отца не нужно...

— Черт побери! Об этом я не подумал... Но куда?

— Кажется, тоже в Россию, — пожал плечами гость. Этого точно он не знал, потому что не интересовался. Влад понимал его. Это не было частью дела, по которому Таханов сюда прилетел. И намек тоже понял.

— Так когда надо лететь?

Началось, конечно, с аэропорта. Аэропорта Грозного, куда Влад с Тахановим прилетели

через Стамбул. Если все равно лететь с пересадкой, потому что прямых рейсов нет[5], так будет быстрее и удобнее, объяснил старик. Главное, что они спокойно прошли паспортный контроль, подумал Влад. Он несколько раз уже пересекал российскую границу, — но за рулем фуры. Тогда вряд ли к нему, простому водителю, было бы какое-то особое внимание. А вот сейчас... Но все обошлось спокойно, и снаружи их ждал приветливый парень.

— Мелхан, мой внук, — представил его Таханов. — Он нас отвезет.

Тот, действительно, открыл перед ними двери БМВ. Машина была не самая новая, но ухоженная, по крайней мере, на вид.

— Далеко нам ехать? — спросил Влад. На самом деле, накануне вылета он посмотрел в интернете карту региона, и даже маршрут прикинул. Километров двести должно получиться, думал он.

— Сто восемьдесят километров, — сказал Мелхан. — Чуть больше двух часов.

Дед о чем-то спросил его непонятном Владу языке. Юноша ответил что-то успокоительное. Даже не зная ни слова, можно было понять: речь идет о скорости. Дед спрашивал, не слишком ли мало времени внук отводит на поездку. А тот отвечал, что все нормально, он всегда так ездит.

Дальнейшие два с половиной часа показали, что прав был дед. Особенно, учитывая то, что большая часть пути пролегла по горным дорогам, а крутые повороты Мелхан был склонен проходить быстро, иногда с заносом. Владу, сидевшему на заднем сиденье, часто казалось, что его вот-вот стошнит.

Наконец, БМВ остановился перед отелем в центре города Чарахкала, столицы Каластана. Влад читал, — перед поездкой нашел время, чтобы найти в интернете основную информацию о месте, куда должна занести его судьба, — что не зря республика носила такое название, почти все населенные пункты имели названия, заканчивающиеся на «-кала» — крепость. Исключениями были села, где когда-то, лет сто пятьдесят назад, или даже больше, поселились русские-староверы, бежавшие от преследований. Эти села, — несколько из них выросли с тех пор в небольшие города, — носили русские названия.

— Что дальше? — спросил Влад, выйдя из автомобиля. Мелхан доставал из багажника чемоданы.

— Сейчас поселимся. Вечер уже, ничего не работает, — развел руками Таханов. — А завтра начнем все оформлять...

Почти стемнело. Влад оглянулся вокруг. То, насколько город и окружающие горы были непохожи на все, что он видел во время своих поездок по России в Казахстан, — не говоря уже об Украине, — казалось, убеждало, что всю свою предыдущую жизнь он оставил за спиной. И неизвестно, вернется ли он домой, и если да, то с чем... Когда Салман Таханов появился в его квартире с известием и предложением, он долго не думал, соглашаться ли. Только выяснил основные детали. Но все это Влад с самого начала воспринимал как некую авантюру. Слишком уж быстро все это произошло, слишком неправдоподобной выглядела вся история. Фантастической. Словно сказка. Словно мечта советских людей времен его детства о наследстве от заграничного миллионера...

Однако — почему бы не попробовать? Владу казалось, — возможно, из-за количества выпитого, предполагал он теперь, — что ему нечего терять. Что уже потерял все, что только можно было потерять. Известие о том, что Ольга таки нашла способ вывезти сына за границу, — это означало, что они вряд ли еще увидятся, — подкосила Влада. Кому он теперь нужен? Да и нужен ли он сам себе?

А теперь, стоя на тротуаре перед отелем в чужом городе, трезвый и немного встревоженный, он думал, правильно ли поступил, когда решил ввязаться в это. И правильно ли оценил свою жизнь...

После завтрака за ними снова заехал Мелхан на своем БМВ, вот только по узким улочкам Чарахкалы он не мог гонять так, как на трассе. И они поехали в нотариальную контору. Оказалось, что время визита Салман Таханов согласовал по телефону, — интересно, подумал Влад, еще из Киева? Или когда они ехали из аэропорта? По дороге старый адвокат несколько раз звонил кому-то по мобильному, это он помнил. Но разговаривал всегда на родном, непонятном Владу, языке. А нотариус оказался русским лет пятидесяти. Тем самым, которому уже подала заявление о принятии наследства дочь Юнуса Талаева.

О Владе она, конечно, ничего не знала, а потому претендовала на все. А вот составленное Тахановим от имени Влада заявление точно описывало, кто являются наследниками, и от кого и в какой части к каждому из них должно перейти наследство. Поскольку Юнус и Искандер погибли одновременно, и наследовать друг после друга не могли, то наследство Юнуса должно была делиться между его дочерью и внучкой, а наследство Искандера — между его ребенком и женой. После гибели же последних в результате теракта в Киеве — наследство после сестры отходила Владу, как единственному родственнику, а после ребенка, — делилась между ним и дочерью Юнуса, как, в свою очередь, ближайшими родственниками, дядей и тетей. Для Влада ничего нового или необычного здесь не было, российские правила наследования были похожи на украинские. А вот для другой наследницы его появление должно было стать неприятным сюрпризом. Сам нотариус смотрел на предоставленные ему документы с удивлением. Перевода не требовалось, — советское свидетельство о рождении Влада было составлено как на русском, так и на украинском языках. Нотариус даже пошутил:

— Вас там еще, Владлен Юрьевич, имя не заставили поменять?

— Зачем? — удивился Влад.

— Ну, у вас же там, кажется, закон о декоммунизации. А назвали вас в честь Ленина!

— Нет, до такого у нас еще не дошли! — ответил он с улыбкой. Представления россиян о том, что происходит в Украине, иногда могли только повеселить. Оставалось только догадываться, какую предварительную работу провел старый адвокат, и чего ему стоило решиться на поездку в Киев.

Но все, что положено, нотариус сделал. И теперь, объяснил Таханов, опасность, что Влада убьют, отступила.

— Они же — рациональные люди. И понимают, что, когда мы это сделали, ваша смерть, Влад, им ничего не даст. У вас тоже будут так или иначе какие-то наследники...

— Вы успокоили меня насчет того, с кем мы имеем дело, — иронично ответил Влад с заднего сиденья БМВ. Они возвращались в гостиницу. Очевидно, адвокат считал, что рассуждения из области закона и нравственности от убийства их возможных оппонентов не остановили бы. В конце концов, Салман Таханов производил впечатление человека, который хорошо знает тех, с кем можно здесь столкнуться по делам, — и своих соотечественников вообще. — Хорошо, убивать меня не будут. А как насчет похищения, чтобы я таки отказался от этого наследства? Или, например, задержания по какому-нибудь «левому» делу? — На самом деле, ему нелегко было решиться на эту поездку еще и потому, что, считал он, с

украинским паспортом лучше было сейчас не оказываться на территории Российской Федерации. Там могли арестовать под любым предлогом, или даже без такового, например, обвинив в участии в каких-то старых конфликтах. Или в транспортировке наркотиков... Впрочем, в розыске он там не был, иначе задержали бы еще, когда в качестве водителя ездил в Казахстан. И, в конце концов, если он рисковал тогда — за зарплату, то тем более логично было сделать это теперь... Первая опасность явно миновала, потому что в аэропорту его никто не задержал. Мелхан молча крутил баранку, но из разговора явно не пропускал ни единого слова. Для него это тоже была практика — он учился на юридическом факультете местного университета, и, очевидно, хотел продолжить дело деда.

Но старый адвокат, как выяснилось, все предусмотрел.

— Как вы думаете, я бы привез вас сюда по такому делу, если бы не получил гарантий безопасности... по крайней мере, от ареста? — спросил он.

— Хоть это радует. А дальше-то что?

— Дальше? Вы сидите в гостинице. — И снова зашевелившиеся усы выдали улыбку старого адвоката, — он как раз повернул голову в сторону Влада, наклонившись на переднем сиденье. — Или, если хотите, гуляете по городу и смотрите здесь все... Поверьте, здесь есть, на что посмотреть, хотя, к сожалению, туристов у нас бывает немного. А я сейчас поеду к своему коллеге — адвокату Заремы. Точнее, ее мужа. Всем там на самом деле заправляет муж, как у нас принято. Сообщу о том, что мы сделали, хотя, думаю, он и так уже будет знать — от нотариуса. Уверен, тот ему позвонил, как только за нами закрылась дверь. Но есть, во-первых, профессиональная вежливость. Мы здесь все друг друга знаем, это же не Москва и даже не Киев... А во-вторых, ему надо понимать, что будем делать мы, — и чего на самом деле хотим. А нам нужно знать, что в такой ситуации будут делать они...

Адвокаты работали три дня. У Салмана Таханова работы было вдвое больше, чем у его коллеги. Потому что приходилось каждый день несколько часов проводить со своим клиентом, — того надо было не столько информировать о ходе переговоров, сколько вводить в курс относительно того, какое именно наследство было предметом этого дела. Понемногу Влад начинал понимать, в чем же, собственно, он ввязался.

Когда-то он читал, — кажется, в романе Тома Клэнси, — что в китайском языке иероглиф, обозначающий «кризис» состоит из двух частей: «опасность» и «благоприятная возможность». Это было о его ситуации. Потому Юнус Талаев оказался владельцем местной нефтяной компании, — хотя по российским меркам и небольшой, поскольку нефти было немного в самом Каластане, — нескольких местных заводов, даже фирмы, которая производила вино, и небольшого завода по выпуску сигарет, а также совладельцем местного банка, носивший пышную название «Первый банк Каластана». А вместе с Искандером и некоторыми другими родственниками они владели несколькими строительными компаниями, которые строили и ремонтировали не только жилье, но и дороги, мосты, школы и тому подобное.

— Короче говоря, «пилят» местный бюджет? — спросил Влад с иронией, которая, стал замечать он, стала ему присуща в последнее время. Но ответ Таханова не сопровождался движениями усов, а следовательно, он был серьезен.

— Нет. Федеральные дотации. Здесь все занимаются этим. Большинство денег заходят в республику таким образом. — Тут усы зашевелились. — Разве вам, украинцу, не будет приятно... немного пожить за счет федерального российского бюджета?

— И кто же мне даст это делать? Я себе представляю, сколько просто воруют на этих стройках... И я ничего не смогу с этим поделаться.

— Но все компании выплачивают дивиденды. А проследить, чтобы вас не обманули... Это уже наша с Мелханом работа, правда?

Старик явно намеревался продолжать сотрудничество и после того, как оформление наследства завершится. Влада это устраивало.

А потом на переговоры пригласили самого Влада.

Они должны были проходить в небольшом конференц-зале банка. Он сначала не понял, почему именно там. Но все стало понятно, когда увидел, кто собрался здесь. Таханов представил ему всех по очереди.

Вторая наследница — Зарема Тохова с мужем, которого звали Хайдер. Их адвокатом был брат Хайдера — Фазиль. Очень удобно, подумал Влад, за одним исключением: если дойдет до развода, — будет плохо... Но на это не было похоже, и, в любом случае, это не его проблемы. Здесь же трое высших оставшихся руководителей банка, вице-президент нефтяной компании, исполняющие обязанности директоров строительных фирм, — все они были родственниками Юнуса Талаева, — и руководители предприятий поменьше. Среди последних были даже конный завод и завод вин. Каждый считал доли в предприятии, которым руководил, которые должны были отойти тому или иному наследнику. Каждого интересовало, что будет с его фирмой дальше. Зарема была здесь единственной женщиной, и, понимал Влад, ее присутствие здесь было формальным. Она ничего здесь не решала.

Говорили по-русски. Влад сначала подумал, что только из-за него. Но оказалось, что двое из присутствующих банкиров и руководитель одного из предприятий были русскими, а еще несколько из присутствующих не принадлежали к тому же народу, что и Талаевы, Тоховы и, собственно, Салман Таханов. Хасанийцы были одним из пяти народов, которые можно было считать коренными для Каластана, и самым малочисленным из них. Еще здесь жили потомки тех самых русских старообрядцев, небольшая чеченская диаспора и, конечно, люди, которые, — или их родители и деды, — переехали в республику по разным причинам со всего бывшего Советского Союза.

К старому адвокату обратился Хайдер:

— Хорошо сработали, ничего не скажу. И на себя, и наш уважаемый президент будет доволен. Жаль только, что не в интересах своего народа...

— Давайте к делу, Хайдер, — ответил Таханов. — Мы здесь собрались не для того, чтобы читать морали. Тогда мне не придется вспоминать, в чью пользу работаете иногда вы. Но нам надо решить совсем не это.

Хайдер был немного моложе Влада, и, казалось, только возраст адвоката мешал ему ответить по-настоящему резко. Но стариков здесь уважали, а Таханов был старшим в этой комнате, — с большим отрывом. Лишь один из вице-президентов банка, был моложе лет на десять, всем остальным было до сорока.

Именно этот пожилой вице-президент, которого, к тому же, звали Витольд Олегович, а фамилия, как ни удивительно, было Тараканов и взял слово.

— Давайте не будем ссориться, — сказал он. — Что произошло, то произошло. И на... родственные связи мы повлиять не можем, не так ли? Все в своем праве. А нас интересует будущее. Вот и давайте его обсудим, согласны?

Обсуждение, как поделить бизнес, шло до вечера. И требования к этому бизнесу каждый из наследников ставил свои. Влад, например, сказал, что не может иметь отношения к

любой компании, которая работает в Крыму.

— Вы что, националист? — удивился Фазиль Тохов.

— Нет. Но, в случае чего, могу попасть под санкции у себя дома. А тогда я даже зарплату на карточку получить не смогу...

— А-а, ясно. Ну, у нас ни одна компания там не работает...

К вечеру выработали условия, по которым нужно было заключить соглашение о разделе наследства. В чем-то пришлось пойти на уступки, на чем-то, наоборот, настаивать, — советовал Салман Таханов, — что до Влада, то его бы устроили и более скромные условия. В конце концов, он еще недавно и не думал перейти в лигу владельцев такого бизнеса, да еще и, постоянно напоминал он себе, в чужой стране. А кроме бизнеса, были и дома, и еще кое-что... Но и просто так сдаваться он не хотел. А что касается Таханова, — очевидно, что он, кроме всего прочего, стремился к профессиональному успеху, самоутверждению. Но Влад подозревал, что тот имеет и другие мотивы, а сам он — лишь орудие в какой-то большей игре. И тот, кому за участие в ней должно быть какое-то вознаграждение. От которого он не собирался отказываться.

Последующие дни и недели пошли на то, чтобы выполнить достигнутые договоренности. И одной из первых был переезд из отеля в дом в Хасанкале. Из двух, расположенных на узкой улице почти напротив друг друга, Влад выбрал дом Искандера Талаева. И решил именно его оставить за собой, — пока. А там будет видно.

Он жил здесь уже почти месяц, привыкая к звукам снаружи и виду на горные вершины из окон. Удивляясь, что за долгое время, пока дом стоял без хозяев, из него не разворовали все ценное, — здесь даже охранный сигнализации не было, но не было и никаких следов вторжения. Понемногу, долями, оформляя на себя наследство, и входя в курс дел на предприятиях, которые теперь частично были его. Сотрудники, на удивление, относились к Владу приветливо. И в ожидании двух важных решений, одного из Киева, другого — из Москвы. Собственно, последние дни он как раз и ждал, — ответ из Москвы пришел, сказали ему, вчера. Больше почти нечего было делать. Разве что смотреть вокруг, разговаривать с соседями, пытаться понять здешнюю жизнь. Это было и интересно, но главное — он понимал, что ему придется время от времени приезжать сюда, чтобы контролировать, как идут дела. Дом этот надо будет на такой случай оставить за собой, а не продавать.

И вот теперь Влад стоял один в пустом доме, перед большим столом, за которым никого не было, с бокалом вина в руке. И думал о прошлом и будущем. О том, что его потери и приобретения в последний год напоминают американские горки. Сейчас, кажется, он в верхней точке, но так же сидит в тележке, которая не имеет ни тормозов, ни руля, и катится по рельсам благодаря силе притяжения и инерции. Он может выпрыгнуть на ходу — и разбиться. Может сидеть и ждать, в которую еще пропасть произойдет падение. Но можно ли управлять американскими горками, если ты не тот, кто выпускает тележку на трассу?

От неожиданности он даже вздрогнул, когда услышал дверной звонок.

[1] Борщаговка — район Киева (часто его считают одним из сравнительно небезопасных).

[2] Роман написан на украинском языке и опубликован в соответствующем разделе сайта. Здесь публикуется перевод на русский, сделанный самим автором (автор пишет на двух языках).

[3] Наследственная трансмиссия — переход права на наследство к наследникам лица,

которое, в свою очередь, умерло, имея право на наследство от другого умершего, но не успев его принять.

[4] Перевод названия «Каластан».

[5] После начала военного конфликта в 2014 году между Украиной и Россией нет прямого авиасообщения.

3. Новый жанр.

У Марьям уже не осталось сил сопротивляться. Сначала ей просто не пришло в голову послушаться, и она приехала сюда с братом. А когда увидела, кто собрался здесь, — бежать было уже поздно. И за руки крепко держали. К тому же, куда можно было бы сбежать?

Марьям сразу поняла, что должно произойти. Хотя такого не было, кажется, несколько десятков лет, — но она знала, как это бывало прежде. Каждый хасаниец знал. Правда, она не думала: «За что?». Скорее: «За что именно?». Впрочем, какая разница? Конец один. К тому же, ее никто и не найдет. Ибо не станут искать.

Вопрос был в одном: просто убьют, или перед тем поиздеваются, или... что-то похуже? Они решили просто поиздеваться.

Они зачем-то заставили ее петь. И не на их языке.

И она пела. Она делала все, как они требовали. Ибо у нее уже не осталось сил сопротивляться.

— А теперь эту! — кричал кто-то из толпы, и напевал мелодию. И она начинала... И продолжала петь, чувствуя, как попадают в нее мелкие предметы, — камешки или пробки от бутылок. Их бросали только женщины. Когда попадали особенно ощутимо, у нее немного срывался голос.

Лишь бы подольше... Хотя — разве это жизнь? Но тело, казалось, сопротивлялось смерти. Пока она пела...

Услышав звонок, Влад подошел к входной двери. Посмотрел сквозь узкое стекло, вмонтированное в дверь, мимоходом подумав, что это удобно, когда дверь выходит на улицу. В Хасанкале, заметил он, в основном строили именно так, тогда как даже в Чарахкале большинство частных домов стояли в глубине двора. Тогда пришлось бы одеваться и идти открывать калитку.

На крыльце стоял один из его новых здешних знакомых. По иронии судьбы, звали его, как и бывшего владельца дома, — Искандер. Сотрудник службы безопасности банка и, кажется, друг покойного хозяина. По крайней мере, когда тот уезжал из города, именно его гость занимался собаками — в вольерах жили четыре огромных кавказских овчарки. Когда дом со всем, что здесь было, стал собственностью Влада, встал вопрос, что делать с животными.

— Я собак очень люблю, — сказал Влад. — И о такой всегда мечтал... Но с собой забрать не смогу. Тем более — они меня и не знают... Может, заберешь себе?

Искандер с радостью согласился. Это было решением проблемы, потому что становиться владельцем четырех кавказских овчарок, которые не признали бы его за хозяина, было бы почти самоубийством. Но и усыпить красавцев — рука бы не поднялась.

А теперь Искандер стоял на пороге его дома, явно чем-то встревоженный. Влад открыл дверь.

И услышал:

— Едем, скорее! Ты можешь спасти живую душу!

— Именно я? — удивился Влад.

— Именно ты!

— Хорошо. Сейчас... — Ему нужно было переодеться. В чем дело, можно будет спросить по дороге.

— Только скорее, пока они не успели!

И через несколько минут Влад уже сидел рядом с водителем в новом красном «Фольксвагене» Искандера. А тот гнал машину, сначала узкими улочками, а затем — куда-то вверх, рядом с городом, но по горной дороге. Может, это как раз — попытка похищения? Хотя теперь и нет смысла, да и вряд ли именно этот человек... Но надо было, по крайней мере, спросить:

— А что случилось?

— Аллах иногда посылает во спасение и неверного... — сказал Искандер. Что бы это значило? — Сейчас, когда приедем... Ничего не спрашивай. Что бы ни произошло, никому не рассказывай. Никто ничего расследовать не будет, там есть полицейские... Ты просто можешь спасти живую душу! — загадочно повторил он. — И... не прогадаешь.

Машина остановилась рядом с другими у заброшенной крепости, — наверно, именно от нее произошло название города. А может, тут была еще одна. А здесь, похоже, какое-то собрание. Из крепости доносится какой-то шум. И как будто пение.

В стене старой крепости был пролом, и Искандер повел Влада сквозь него. Они оказались в квадратном бывшем дворе, — или как там называлось это место. Теперь пространство между полуразрушенными стенами и башнями заросло травой.

Люди стояли здесь полукругом. Мужчины, среди которых заняли места и Искандер с Владом, с правой стороны, женщины с левой. Перед ними догорал костер. А в нескольких шагах от него на траве стояла девушка. Абсолютно голая. И пела.

— Что происходит? — прошептал Влад.

— Наш обычай, — так же шепотом ответил Искандер. — Они ее убьют. И только ты можешь ее спасти. Мы успели...

Влад просто не мог поверить в то, что видел. Девушка явно была из местных. Но чтобы они выставляли голой перед всеми? Насколько он успел узнать этот народ, — такое было просто невозможно. Но он видел это собственными глазами! Вот одна из женщин, — что интересно, со светлыми волосами, — что-то взяла и швырнула в девушку. Та вздрогнула, но продолжила петь.

— И что я должен сделать? — спросил, так же шепотом, Влад. — Убить их всех, что ли?

— Нет. Только сказать: «да». И забрать к себе...

— Что?

Его не отпускало впечатление, что девушку он где-то уже видел. Но такого не может быть! Однако после возгласа кого-то из толпы она запела новую песню, — Влад не мог поверить своим ушам, — по-украински! Ощущение дежа вю усиливалось.

— Это что, какое-то наказание? Так у вас принято?

— Да. Сами же доказали... — Влад механически отметил: он не сказал, что девушка невиновна в том, за что его наказывают, в чем бы ни заключалась ее вина. Но все же, что делать, чтобы... предотвратить это? Он не мог допустить, чтобы человека убили на его глазах.

От толпы отделился один из мужчин. Влад узнал его, — старший брат Искандера, Хамзат. Подошел к девушке, которая как раз прекратила петь, и что-то сказал. Владу было

непонятно, о чем говорилось: он говорил на родном языке. Значит, девушка была точно из местных. Она ответила — ее голос дрожал. Ей объявили окончательный приговор? Похоже на то. К ней подошел еще один из мужчин. Что у него в руках? Скотч? Да, он заклеил девушке рот. И тоже что-то сказал.

Рядом с Владом что-то выкрикнул Искандер. Хамзат ответил, — казалось, в разговоре прозвучало слово «кафир», которым мусульмане обозначают иноверцев. Но, кажется, то, что происходило, отнюдь не соответствовало исламу. Влад не был религиоведом, но... Искандер похлопал его по плечу, и взгляды всех, казалось, скрестились на Владе.

Хамзат обратился к нему по-русски.

— Ты... не мусульманин?

— Нет. — И ты знаешь это, подумал Влад. Ты знаешь, кто я и откуда. Они пересекались, когда дело касалось одной из строительных фирм, — Хамзат там работал, он был специалистом по строительству дорог. Врать не было смысла, к тому же, что там сказал Искандер? Аллах может иногда послать во спасение даже неверного?

А второй мужчина сказал:

— Эта женщина совершила такое, за что наказывают смертью. Такого не было очень давно, но у нас нет выбора. Она должна перестать дышать. Однако наш обычай говорит, что тот, кто должен умереть, может выбрать — смерть или рабство у неверного. Если найдется такой, который захочет этого.

Влад, наконец, понял, к чему они все ведут. Но все еще не мог поверить, что это действительно происходит на его глазах. Они ехали сюда на «Фольксвагене», а не на машине времени. Но не на быстрых конях летели. И это, конечно, не то чтобы Европа, но наследство он только оформлял по современным российским законом! Россия тоже не то, чтобы Европа, но и не страна, где застыло средневековье... А тут — он будто перенесся назад на тысячу лет! К тому же, этот, второй, напарник Хамзата, — кажется, Влад видел его в полицейской форме! Выходит, Искандер сказал правду: жаловаться куда-то нет смысла. Вот за это его самого таки убьют.

— Значит, сначала выбор в нее, а потом — у тебя, — сказал Хамзат.

Что же они сделают? Тот, полицейский, достал что-то из кармана. Схватил девушку за плечо и повернул к себе, — Влад увидел, что у нее связаны локти. Что это? Обычная прищепка для белья? Да, он зажал ею девушке нос!

У нее есть минута, может быть, полторы, до потери сознания, мелькнуло в голове. В зависимости от того, насколько она способна задержать дыхание. К тому же, это в спокойном состоянии, а в стрессе и сердце бьется чаще, и мозг, наверняка уж, потребляет больше кислорода... И несколько минут до смерти. А мужчина отпустил девушку. И она побежала. К Владу. Двадцать метров она пробежала секунд за десять. Подбежала и... пытается прижаться к нему.

Время есть. Немного, но есть. Влад сделал полшага назад. Девушка смотрела на него, — в черных глазах застыла мольба. Он все еще не мог поверить в то, что происходит, и прошептал:

— Они это серьезно?

Девушка кивнула; приходилось только представлять, каких усилий стоило ей это, но не спросить еще и у нее Влад не мог. К тому же, почему-то он считал, что в этом вопросе верить может только ей. А потом девушка сделала еще шаг, все-таки прижавшись к нему всем телом.

Влад сделал еще один шаг назад. А потом протянул руку и снял с носа девушки прищепку.

Хамзат что-то громко сказал, толпа зашумела. Девушка упала на колени. Второй мужчина, в котором Влад узнал полицейского, подошел к ней и поставил на ноги.

— Она сделала свой выбор. Ты тоже... — констатировал он на русском. С более сильным акцентом, чем у Искандера и Хамзата. Влад почему-то подумал, что у местных так принято — обращаться на «ты» даже к незнакомым. Может, это связано с тем, как это звучит в их языке. — Теперь — твоя... Где ты живешь, в доме Юнуса Талаева? — Значит, он знал, кем был Влад, и почему он здесь.

— Нет, я оставил себе дом Искандера, — ответил Влад. Это был не разговор, а какое-то безумие.

— Иди туда. Она скоро будет там. — И он потянул девушку обратно. Толпа начала потихоньку расходиться.

— Кто она, и что все же произошло? — спросил Влад. Назад Искандер ехал уже гораздо медленнее.

— Наша сестра. Это должен сделать старший мужчина в семье, но Хамзат сам не смог бы. Так что Расим ему помогал.

— А ты хотел ее спасти?

— Да, потому привез туда тебя и напомнил о второй части обычая. О том, что обреченный имеет право выбрать между смертью и рабством.

— Это что-то невероятное... — пробормотал Влад. Искандеру лет тридцать. А он воспринимает это больше, чем средневековье, кажется, как должное.

— Это — наша жизнь. Хотя я даже не помню, когда такое было в последний раз, но эти обычаи — наша кровь, наша суть. Спасибо тебе. Другого способа не было. Ни у тебя, ни у нее, ни у меня.

— Как ее зовут?

— Марьям.

— Что она совершила?

— По законам государства — самое худшее, на пару лет в тюрьме. Но... некоторые люди сказали, что она сделала это против нашего народа. Если захочешь, она сама тебе расскажет.

Не «если она захочет», — отметил для себя Влад. Да и информации Искандер почему-то не дает. Но сейчас главным было другое.

— А дальше-то что?

— Дальше — ее привезут к тебе. И по нашим обычаям она будет принадлежать тебе.

— Как это? Как это — будет принадлежать? — не мог понять Влад.

— А вот так... Все так будут считать. Она сама так будет считать.

— Не могу поверить в это. — Он покачал головой.

— Скоро поверишь, — ответил Искандер, тормозя возле дома, который Владу все еще нужно было привыкать считать своим. А тот не мог поверить, что он сможет в это поверить.

Возле дома остановился старый ЕрАЗ — это Влад увидел из окна. Он и не замечал раньше здесь на дорогах таких машин. Надо было спуститься и открыть дверь. Водитель ЕрАЗа остался за рулем, двигатель он не глушил, и, кажется, стоп-сигналы горели, — это

было видно по красному отблеску на асфальте в уже наступившей темноте. Неудивительно: на всех автомобилях, которые сделаны на базе «Волги», добиться, чтобы нормально работало ручной тормоз, — та еще задача, это Влад знал по собственному опыту. С сиденья рядом с водителем вышел Хамзат и пошел открывать грузовые двери. Пока Влад спустился со второго этажа, Хамзат уже стоял на крыльце, рядом с Марьям. С улицы их не было видно, — видимо, водитель специально остановился таким образом, чтобы корпус старого микроавтобуса закрывал от посторонних взглядов. Даже заехал на тротуар. Девушка все еще была голая, брат, казалось, держал ее сзади, видимо, за локоть или за веревку, которой связаны локти. Когда Влад открыл дверь, Хамзат толкнул ее вперед и сказал только одно слово:

— Владей! — Похоже было, брат девушки тоже воспринимал все это серьезно, как ни трудно было в это поверить.

Но, казалось, на его лице было написано облегчение. Он, видимо, считал, что Влад спас и его, — но от чего? От выполнения неприятной обязанности? От тяжкого преступления? От тяжкого греха? А потом он вернулся к машине, и та поехала. За рулем, заметил Влад, был все тот же полицейский Расим.

Он закрыл дверь и повернулся к девушке. Та неподвижно стояла посреди коридора, там, куда втолкнул ее Хамзат. Через секунду Влад понял, почему: она просто не видела, куда идти, потому что длинные волосы упало прямо на лицо. Поднес палец и откинул волосы. Увидел, что у нее все еще заклеен скотчем рот. С этим всем нужно было что-то делать, — он легонько взял девушку за локоть и провел в комнату.

В гостиной стоял диван. Увидев его, девушка ускорила шаг, подошла и... легла в такой позе, будто приглашала сделать с собой определенную вещь.

— Погоди, погоди, — успокаивающе сказал Влад. — Сейчас я тебя развяжу...

Что? Она мотает головой, возражая?! И звуки, которые может издавать носом, тоже говорят об этом. Казалось, это какая-то другая реальность. А может, он с ума сошел, ему все это мерещится? Неудивительно было бы после такого года...

— Хорошо, сейчас я сниму эту штуку с твоего рта, и ты расскажешь, что это все значит...

Скотч был снят (осторожно, чтобы не сделать больно), и Марьям теперь сидела в кресле. Кресло она выбрала из тех, которые стояли в комнате, сама, то, что было ближе к радиатору отопления. Наверно, замерзла, голая-то на улице. И теперь смотрела на Влада. Он лишь надеялся, что не испугается, увидев мужчину метр восемьдесят девять ростом, за сто килограммов весом, с круглым, обрамленным короткой бородой, лицом, и большой лысиной. Вообще, кто-то когда-то сказал Владу, что у него внешность старого пирата.

Но, кажется, страха в ее глазах не было.

— Значит, ты — Марьям, да? А я — Влад. И ты сейчас расскажешь мне, что это все значит...

— Это значит, что меня отдали тебе. Я жива, потому что теперь принадлежу тебе. И пока принадлежу... Ты можешь... должен делать со мной, что хочешь. — Она говорила по-русски с тем же легким певучим акцентом. Теперь она стала говорить быстрее. — Только не выгоняй! Завтра и потом. Мне ничего не надо. Проблем не будет. Детей не будет, — меня второй муж заставил сделать операцию... И я... буду всегда благодарна за каждую минуту жизни, с того момента, в крепости!

Благодарность в ее взгляде, действительно, была, и в голосе тоже. А еще была паника.

— Что ты такое говоришь? — Влад только развел руками. Ему все еще казалось, что это какое-то безумие. Что это все происходит не с ним. Только успел привыкнуть к миллионному наследству, а тут еще и такое! Но Марьям сидит перед ним, живая, — он же касался ее, — и совсем не стесняется. — А почему ты не захотела, чтобы я тебя развязал?

— Потому что завтра утром к тебе придет Хамзат. Через п передаст тебе нож. Ты можешь... или убить меня... или выставить... Тогда меня заставят пробежать по улицам до самой крепости, и закончат то, что ты им не дал. Вы с Искандером не дали. Или разрезать веревку, — это означает, что ты окончательно берешь меня в свой дом. Тогда меня не убьют, — повторила Марьям. — Только тогда.

Расим подвоз Хамзата к месту, где он оставил свой автомобиль. ЕрАЗ они взяли специально, чтобы привезти еще недавно обреченную к ее хозяину, — это слово они между собой употребляли абсолютно серьезно. Не на легковом же «Мерседесе» было ее везти! Теперь надо было отогнать старый фургон туда, где его обычно хранили. Расим делал это, постоянно ругаясь. Как только на этом вообще когда-то ездили?! Удивительно, что он вообще завелся и хоть как-то поехал... ЕрАЗ принадлежал одному местному предприятию, но уже несколько лет почти не использовался.

Поставив его на место, Расим вышел из-за руля. Дверцы не закрывались, и он просто отдал ключ охраннику автобазы. Вышел за ворота, достал из кармана телефон и набрал номер.

— У меня новость, — сказал он. — О нашем друге. Кажется, у него будет приятная ночь...

— Как это? — спросил собеседник.

— Вы знаете наш обычай в отношении преступников..? Вот мы и делали это с одной... Но ее брат захотел ее спасти. И привел неверного, — нашего друга. Тот решил сделать так, чтобы ее не убили. И забрал...

— Это плохо, — услышал Расим в трубке. — Может быть, ты все испортил... Впрочем, может, и нет... Докладывай дальше.

Связь прервалась, и Расим не услышал, как собеседник пробормотал:

— Возможно, эти дураки, эти остолопы, эти идиоты испортили все еще до тебя...

Марьям знала, что ее жизнь зависит от мужчины, сидящего напротив. Кажется, очень странного мужчины. Который не спешит воспользоваться... Она ждала чего угодно, но не этого. И считала, что вынуждена говорить прямо.

— Если я тебе не нравлюсь, то... зачем ты забрал меня оттуда? Что тебе надо было? — Она, кстати, действительно не понимала этого. Как и выражения его глаз.

А Влад пожал плечами.

— Я хотел, чтобы тебя не убили там, прямо у меня на глазах. После всего, что было... Как я мог не спасти тебя? — Он сделал паузу, внимательно глядя на нее. — Но... — И внезапно пропел фальцетом, вспомнив песню, которую слышал по радио, когда ехал в машине, и перейдя с русского на украинский. — «Ти подобаєшся мені[1]...».

Влад не погрешил против истины. Но сделал это намеренно. Ему не давало покоя ощущение, что он где-то уже видел Марьям, но... этого, кажется, не могло быть. Но так, как

она пела на украинском в той крепости...

И получил ответ на том же языке.

— Тогда в чем дело?! Ты что, верный муж? Или...

— Нет, я-то разведен. Но — как можно пользоваться? Кстати, может, тебе что-то нужно... сейчас?

— Можешь дать мне попить? — попросила она, потому что после всего в горле пересохло. Влад поднялся и вышел, но быстро вернулся со стаканом в руках. Поднес к ее губам, — сама Марьям не могла этого сделать из-за связанных локтей. Кажется, она хотя бы уговорила не нарушать обычай. Пока что. В стакане была минеральная вода. — Спасибо...

— Так вот, — продолжил Влад, поставив на стол пустой стакан. — Там, наверно, я действительно думал только о том, как сделать, чтобы тебя не убили. На самом деле, ты должна быть благодарна Искандеру, это он привез меня туда. И ты... действительно мне нравишься. Но... я не могу пользоваться... И вообще, я не могу поверить в то, что это происходит сейчас, здесь и со мной. Вот, знаешь, есть такие книги, где герой попадает в прошлое, или в какой-то мистический мир... Фэнтези, что ли... Что-то такое... Вот у меня такое впечатление, что я попал в чужую жизнь.

Марьям внезапно улыбнулась, — кажется, впервые.

— Всего лишь прикоснулся к глубинной жизни хасанийцев! — А потом снова заговорила серьезно — и быстро. — Ты что, не понимаешь, или не веришь? Меня действительно убьют, если ты выгонишь меня. Сейчас или потом. Наш обычай недаром дает... эту ночь перед окончательным решением... И я действительно теперь принадлежу тебе. А ты не сможешь и не захочешь... держать меня просто так. — Встала с кресла и сделал полный оборот, видимо, чтобы Влад мог рассмотреть ее со всех ракурсов. Она точно не стеснялась, возможно, считала, что не время... — А чем еще я тебе могу быть интересна? И благодарной я тоже умею быть. Сделаю все, чтобы быть. — Еще небольшая пауза. — Ты ничем не пользуешься, ты меня уже спас, и будешь спасать дальше. Ты говоришь, что я тебе нравлюсь. Я... хочу жить, и хочу быть благодарной за каждую минуту, что я жива после того, как ты... Как они... И за каждую, которую еще проживу. У тебя никого нет. У меня никого нет. Что же помешает..?

Она осталась стоять посреди комнаты. Влад немного помолчал и сказал:

— Логичн говоришь.

— Так что же мне делать?

— Садись пока тут, рядом...

Она села не рядом, а прямо на колени. Приблизила свое лицо к лицу Влада. И дождалась поцелуя.

А когда повернулась так, чтобы левой рукой дотянуться до пуговиц на его рубашке, Влад сказал:

— Подожди. Для всего остального — мы наверх пойдём...

[1] В переводе: «Ты нравишься мне». Слова из одноименной песни известного украинского исполнителя Виктора Павлика, которая часто звучит в эфире украинских радиостанций.

4. Знания и бумаги.

Телу было приятно, этого нельзя было отрицать. Мозг говорил, что они оба просто подчинились логике ситуации. И отмечал каким-то краем сознания: таки старается девочка!

Но душа была не на месте. Да, Влад чувствовал себя или в каком-то бреду, или в дурном фэнтези, — или как это можно было назвать? Но эмоции, боролись друг с другом, никак не давали решить: он, погружившийся в это фэнтези не только головой, но и телом, мерзавецили нет? Марьям была как раз из таких женщин, что ему навелись, — лет двадцати пяти, довольно высокая, и, как он иногда говорил, «немного не такая худая, как эти модели». Повлияло ли это на его решения и действия? Там, в старой крепости, и потом...

Она-то никакого неудобства, кажется, не испытывала. Конечно, если ее действительно так хотели убить, на глазах у всех, — но Влад не мог до конца поверить и в это.

Способ разобраться в этом, — и в своем отношении к этому, — был один. И через пару часов, когда, казалось, обоим надо было отдохнуть, сказал:

— Нет, не слезай, так и лежи. И теперь — рассказывай!

Ее лицо было в этот момент как раз над его, длинные черные волосы лезли в глаза, Влад кинул их рукой, чтобы смотреть Марьям в глаза. А она спросила:

— О чем?

— Да обо всем. Ты вспоминала второго мужа. И уж никак я не ожидал встретить здесь девушку, которая по-украински поет и говорит, будто не Марьям, а просто Маричка! — Он улыбнулся, потому что считал: ее следует немного подбодрить и поощрить. — А значит, ты, кажется, — девочка с прошлым. Вот я и хочу знать, как ты дошла... до той крепости.

Марьям понимала, что для него это почему-то важно. И решила с самого начала говорить правду. От этого, считала она, зависела ее судьба и даже сама жизнь. Даже если к последнему Влад не относился так серьезно, как она сама.

— А что ты знаешь о нашем народе? — спросила она.

— Если честно — почти ничего. Перед тем, как ехать сюда, а поездка получилась... немного внезапной, какие-то основные вещи о Каластане посмотрел в интернете. Ну, и за то время, что провел здесь, успел понаблюдать... Но это не знания, я это понимаю.

— Тогда тебе будет трудно понять... Вот ты, когда был маленький, о чем мечтал?

Влад понял, что она имеет в виду не конфеты или игрушки. И ответил:

— Да о многом. За руль сесть, кого-то побеждать, по миру ездить... Кстати, почти все я сделал.

— А у нас — даже хотеть чего-то невозможно. Мечтать о чем-то, что будешь делать сам, по собственному усмотрению и по собственному желанию. Потому что все решают за тебя. Родители или старшие в семье, а что касается женщины — еще и муж... Кем ты будешь, за кого выйдешь замуж или женишься... Это у нас закон: старшие знают лучше. Никогда не слышала, чтобы кто-то не послушался...

— Что, даже, с кем жить? — удивился Влад.

— Да, прежде всего это. Чаще всего мужчина и девушка до самой свадьбы не знают, кого там приготовили им родители. Об этом договариваются в тайне. Вот так меня в семнадцать лет привезли в Киев. Но я никак не ожидала, что моему мужу будет пятьдесят, и он будет генералом милиции! Это был двенадцатый год... Он тогда начал делать какой-то бизнес с моими родственниками. И поставил такое условие. Он, конечно, был из наших, работал в Киеве со времен Союза. Получил когда-то туда распределение — и остался... За год до этого на него устроили покушение, он был ранен, а жена погибла... Меня просто продали... А потом уехали... Оставив меня там. После свадьбы, конечно.

— Да, трудно поверить... — Но тут в голове Влада будто что-то щелкнуло. — Это ты хочешь сказать, что твоим мужем был Хусейн Аев?

— Да. А ты его знал?

— Не то чтобы знал — он в свое время мне изрядно попортил крови. И я ему тоже, — улыбнулся Влад. — Работа такая. Вот только я не знал, что он — хасаниец. Даже не задумывался...

— Ну, вот. Вообще, все могло бы быть хуже. Он, конечно, хотел молодую жену, как игрушку. Но вообще — оказался хорошим человеком. Вот, правда, его сыновья меня ненавидели. Они старше меня... Мне ко всему этому было тяжело привыкнуть. Еще и к другой стране. Конечно, он быстро оформил мне гражданство... А потом... Ты же знаешь, что случилось?

— Да, но не знаю, почему.

Через несколько месяцев после того, как в 2014 году в Украине сменилась власть, генерал Хусейн Аев пустил себе пулю в висок в своем кабинете. Тогда это событие наделало много шума в среде правоохранителей и всех, кто имел отношение к этой сфере.

— Я тоже не знаю... Но он был чем-то подавлен последние пару недель. Наверно, это было связано с работой, но он ничего мне не рассказывал. Он вообще о работе почти не рассказывал. А мне надо было как-то жить дальше. Даже его сотрудники, которые меня поддержали, но смотрели... как-то странно. Не знаю, что они о нас понимали... Хорошо, хоть деньги были, Хусейн был не бедным человеком. Потом, правда, с его сыновьями долго наследство делили, но он еще при жизни, когда инвестировал, на меня полтора десятка квартир оформил. Хоть сдавать было можно. Даже машину когда покупал, записал на меня.

— И что ты делала?

— Немного оправилась... Поняла, что надо что-то делать дальше. Получила права. Потом пошла учиться, — язык я уже изучила за эти два года. Мне было девятнадцать. Вдова в девятнадцать... Как раз возникло это дело о наследстве, тогда я сама решила поступить на юридический. Пришлось многое сделать, у меня же был русский школьный аттестат. Но — смогла...

— Вот как?

— Да. Начала учиться. Надеялась, что меня оставят в покое — там, вдали от Хасанкалы... Но нет. Через два года приехали отец и Хамзат. Сказали, что нашли мне мужа. Из Турции. Ему надо было для бизнеса получить украинское гражданство, и они решили воспользоваться тем, что у меня оно уже есть. — Для тех, кто вступал в брак с гражданином или гражданкой Украины, существовал упрощенный порядок получения гражданства, это Влад знал. — Я только спросила — это будет действительно мой муж, или только для вида? Отец ответил, что делать для отвода глаз — большой грех. И я снова послушалась...

— А выдавать замуж против воли, значит, не грех?

— Да не то, что против воли... У нас ни у кого на такие вещи не было своей воли. Все подчиняются. Понимаешь?

— Не очень...

— А мы так живем... Я тоже тогда подчинилась. Но отец с братом потом снова поехали, а мы остались... И это был кошмар. Меня муж заставил сделать операцию, я говорила... Думала, просто не хочет детей. А потом он заявил, что ему одной женщины мало. Повез меня куда-то... — Марьям сделала паузу. — Они там... менялись женщинами! Он меня заставил принимать в этом участие. Я не хотела. Потому что это такой грех, и вообще, даже не знала, что такое бывает, что такое кто-то делает... Он меня ударил, сказал, что это только начало. И... я снова сдалась. Он заставлял меня почти два года, пока все не

закончилось...

— Как? — Влад с трудом сохранял бесстрастное выражение лица в течение этого рассказа.

— Оказалось... Началось с того, что муж ввязался в какие-то поставки частей оружия на экспорт. Наверно, за него поэтому и взялись. И оказалось, что он вообще не из Турции. Я-то знала, что он имеет отношение к чеченской диаспоре, но думала, что он там родился, и мать у него турчанка. Но оказалось, что он на самом деле гражданин России. И имеет уже там семью. Да еще и в розыске. Конечно, он был задержан за эту торговлю оружием, но почему-то судить в Украине его не хотели. Короче, чтобы его выдать, надо было лишиться гражданства[1]. А для этого признать недействительным наш брак через суд. Потому что у него есть в России законная жена. И как же это быстро сделали! Когда им надо... Я знала, к чему идет, потому что продолжала учиться и понимала последствия... Мне уже было все равно. А может, даже облегчение чувствовала. Он сейчас в тюрьме, где-то здесь, в России. Потом мне понадобился год, чтобы отойти от всего этого... И к тому же, это по закону брак недействителен, а у нас такого нет. Я не знала, кто я, — замужем, разведена, вдова?

— А потом?

— А потом — получила диплом. Устроилась на работу. Помощником судьи... Думала: попробую жить, как живут ваши... Появился парень, познакомились на работе... Думала, что любим друг друга, но он меня использовал. Заставил как-то подменить документы по одному делу. Настоящие на фальшивые. Сказал, что он — патриот и хочет сделать так, чтобы фирма из России не получила деньги из украинского бюджета... А потом бросил. Знал, что я никому ничего не скажу...

— Ну а в крепости той ты как оказалась?

— Отец умер. Я сюда на похороны и приехала. Он долго болел... Я знала, что придется ехать, и думала, чем это может закончиться, но и не приехать было нельзя. Его похоронили две недели назад, но Хамзат, он теперь старший в семье, сказал, чтобы я пока не возвращалась. Догадалась, что они мне опять мужа ищут. Или уже нашли. И тут я сказала: хватит. Не будет такого. Что если они будут заставлять — я пойду на любой скандал. В загсе, в мечети... Кажется, они отступились. А сегодня... Хамзат сказал ехать с ним. Мы приехали туда и... они поставили меня там перед людьми, — так это у нас называется. — Она начала говорить быстрее, Влад уже понимал, что так бывает, когда она сильнее волнуется. — И сказали, что я виновата... в разврате, потому должна была умереть, когда второй муж такое со мной делал. В предательстве, — они считали, что это я рассказала о том, кто он, чтобы от него избавиться. Вот этого я не делала, потому что даже не знала! Когда это выяснилось, сама была поражена. И в том, что я сделала против своего народа... Когда я подменила тот документ, дело проиграла одна фирма... которая имела совладельца из наших. И что я послушалась старшего в семье... Они сказали, что все это вместе наказывается по нашим обычаям смертью. Что я должна перестать дышать. Так выполняется это решение... Но перед тем я должна... развеселить их. Мне уже было все равно. Я почти смирилась. Но... Искандер привез тебя...

До сих пор она рассказывала отстраненным тоном, будто о жизни кого-то другого. Владу пришло в голову, что память все хранит, а душа у человека может оказаться как бы под наркозом. Иначе можно сойти с ума. Но теперь на глазах Марьям появились слезы.

— Это было впервые, когда... мне дали выбирать!

— Ничего себе — выбор... Жить или умереть! И что же мне теперь с тобой делать...

— Только одно...

Владу все еще казалось, что он попал в какую-то дурную злую сказку, и пытается там оставаться самим собой. Но Марьям, казалось, хорошо ориентировалась в ней. По крайней мере, все произошло так, как она говорила. Утром — он уже оделся, — зазвонил дверной звонок. Открыв дверь, он увидел на пороге Хамзата, а из-за его плеча выглядывал Искандер. Старший брат не стал даже заходить в дом. Он стоял на пороге в расстегнутой дубленке, — Влад заметил, что за ночь выпал снег (неудивительно, здесь, все же, горы) — а на поясе у него висел нож в ножнах. НЕ кинжал, а что-то вроде охотничьего.

Кажется, все, кроме самого Влада, — который еще несколько раз предлагал Марьям освободить ее от веревки раньше, — придавали большое значение этому ритуалу. Что ж, придется им подыграть, подумал он, поманив Марьям к себе. Та подошла напряженной походкой. Он протянул руку, вынул нож из ножен и перерезал, наконец, веревку. Лицо Хамзата осталось невозмутимым, Искандер, казалось, с облегчением кивнул. Марьям отступила назад, как будто прячась за его спиной. Добавляло ощущение, что происходит что-то нереальное, то, что никто не сказал ни слова. Влад протянул нож Хамзату, — рукояткой вперед, — но тот сказал, отстегивая от собственного ремня ножны:

— Это теперь твое. Вместе с ней. Этот нож теперь не может быть у хасанийца, когда коснулся рабской веревки. Им тоже владей...

Оставив нож в руках ошарашенного Влада, он закрыл дверь снаружи.

Чтобы запереть дверь, нужна была хотя бы одна свободная рука. А сейчас Влад держал в правой нож, в левой ножны от него. Поэтому ему осталось только вложить нож в ножны и повернуть, наконец, ручку замка.

Повернул голову, — Марьям не было рядом. Пошла куда-то внутрь дома, понял он. И, продолжая держать левой рукой нож в ножнах, пошел по коридору.

Дверь в большую комнату, которая была здесь чем-то вроде гостиной, была приоткрыта. Он зашел, машинально положил нож на маленький столик, стоявший около дивана. Поднял глаза.

Когда-то хозяева решили оформить эту комнату частично в британском стиле. Во всяком случае, здесь был камин, — Влад уже даже пару раз разжигал его. А перед камином на полу лежал ковер из волчьей шкуры. Возможно, зверя когда-то застрелил сам бывший хозяин.

На ковре стояла Марьям. А когда Влад вошел в комнату — упала на колени. И, казалось, не могла произнести слова.

Он подошел, взял ее за руку и сказал:

— Вставай же, наконец...

Она так и сделала. И продолжала стоять молча. Наконец, Влад понял:

— Ты что, думала, что я тебя сейчас... им отдам?

— Помнишь, я говорила, что если бы ты это сделал, меня бы заставили бежать до самой крепости? Когда открылась дверь, я уже представляла, как это будет — бежать по этому снегу... — Марьям вновь заговорила быстро-быстро. — Долго бежать вверх... Босиком по этому снегу... Я понимаю, что не была тебе нужна, а уж после того, что тебе о себе рассказала... Даже на одну ночь больше прожить — уже хорошо... А ты не сделал этого, и теперь я, уже принадлежа тебе...

— Так... Давай договоримся о двух вещах, — сказал Влад будничным тоном. — Во-первых, я тебя забрал оттуда не для того, чтобы отдать назад, не для того, чтобы потерять. Во-вторых, это у вас говорят: «она будет тебе принадлежать». Но если уж твои родственники сделали так, что тебя оттуда забрал я, если уж ты со мной, и хочешь остаться, — то будем делать так, как принято у нас. Не надо этих разговоров насчет «я тебе принадлежу», не надо этого стояния на коленях. Ты — просто моя подруга, и все... Договорились?

— Договорились! — Марьям со смехом, хотя и немного нервным, сделала шаг вперед и обняла его.

— Вот так-то лучше! Кстати... Смотреть, конечно, приятно, но надо тебя одеть наконец...

— Как? Во что? Куда мы... так пойдём? — В голосе Марьям была растерянность.

— Пошлим.

Они поднялись на второй этаж, и вошли в комнату, где она еще не бывала. Влад отодвинул дверь большого шкафа, как оказалось, заполненного женскими вещами, и сказал:

— Выбирай, что нравится...

— А... кому все это принадлежит?

— Той, кому принадлежало, уже не нужно... Она погибла. А это все теперь мое, вместе с домом. И всем остальным... Вообще, думал отдать на благотворительность. Но показалось, что... слишком уж вещи хорошие, хотя не очень в этом разбираюсь. Не для тех, кто нуждается в благотворительности... Не говоря уже о том, что действительно бедных я тут у вас как-то и не видел. Вот и решил пока ничего не делать, а теперь пригодилось. Кажется, размер твой... И это сейчас — самый простой выход.

— Я понимаю...

— Короче говоря, хозяйничай тут. А я внизу подожду.

Минут через десять она появилась в той же комнате с волчьей шкурой, уже в кремовом платье выше колен. Интересно, подумал Влад, хочет понравиться мне или самой себе? Носить такое в доме надобности, в общем-то, не было. Платье, казалось, открывало ноги немного больше, чем рассчитывал дизайнер: Марьям была на несколько сантиметров выше Златы, которой вещь предназначалась с самого начала. Но, возможно, так было даже лучше.

— Вот даже не знаю, в каком виде на тебя приятнее смотреть! — сказал Влад с улыбкой. — А теперь, может, наконец пойдём позавтракаем...?

— Да хорошо бы... — Если Влад вчера, за всеми событиями, так и не поужинал, то Марьям, кажется, и не пообедала.

— Кстати, ты кофе пьешь?

— Да. — Наконец, она стала улыбаться. И вообще, чувствовать себя гораздо увереннее. Возможно, поверила, что у нее все же есть будущее. — Даже курю... Второй муж научил, чтобы можно было курить вместе. А бросить теперь не могу...

— Бросить — это очень просто. Я раз десять бросал! — Простая шутка разрядила обстановку. А Влад вспомнил, что снова начал курить в последний год.

— Тогда дашь сигаретку после завтрака..?

А потом Влад включил ноутбук. Тот тоже принадлежал когда-то сестре, но, к счастью, Злата не пользовалась паролем. Так что он мог войти в свою почту. Прочитав какое-то сообщение, заметила Марьям, довольно хмыкнул. И сказал, что надо поехать по делам. Она решила пошутить:

— Как будто и не богатый наследник, а обычный работающий человек!

Казалось, напряжение понемногу отпускало ее. А может, подумал Влад, решила сделать такой вид. Смерти после дальнейшего унижения, по крайней мере, прямо сейчас не ожидала. Уже хорошо. А сам ответил с вымученной улыбкой:

— Ты себе не представляешь, сколько с этим наследством хлопот! Вообще, я бы должен был уже вернуться домой. Но возникли две проблемы. Первая — банк. Юнус Талаев был его совладельцем, и сам держал там большие деньги в рублях и валюте. Теперь половина его доли и его денег принадлежат мне. Но я же не резидент России, и не собираюсь здесь постоянно жить. Поэтому проблема с открытием личных счетов... А если деньги отсюда сразу все забрать, то проблемы начнутся уже у банка. Невыгодно ни мне, ни другим владельцам. Поэтому банк запросил в Москву, да и сами со своими юристами думают, что в такой ситуации делать. Вроде бы придумали, как раз сегодня к ним поеду.

— А вторая проблема?

— Посмотри в окно. — Оно выходило в обнесенный каменной стеной, — тоже как в крепости, — двор. Двор был большой, но теперь почти полностью заставлен автомобилями; сейчас они были присыпаны снегом.

— Целый автопарк! — удивилась Марьям.

— Юнус и Искандер ценили хорошие машины. У каждого была, можно сказать, собственная коллекция. — Влад снова улыбнулся. — А я, когда увидел, что здесь есть, решил оставить их себе. Даже относительно кое-какого бизнеса пошел на уступки Зареме ради этого. В худшем случае я их просто продал бы. Большинство. А в лучшем — перевезу в Киев. В Украине машины дороже, это будет выгодно. Растаможка тех, что получены по наследству, бесплатная. Но могли возникнуть вопросы с ввозом, в частности, из-за запрета импорта автомобилей из России... Поэтому и ждал ответа, — у меня в Киеве знакомый таможенный брокер есть... Только что получил. Почти все можно будет ввезти. Кроме трех: одна машина с правым рулем, они у нас запрещены, и две очень старые, по эконормам не проходят... Их здесь оставлю. Но надо будет подумать, как все это сделать, и те, что остаются, здесь на себя зарегистрировать. Потому что у меня не вид на жительство, а только временная регистрация. Вот по этим делам и надо поехать. Сначала в банк...

— Неужели эти машины такие ценные? — Марьям была искренне удивлена. Видимо, подумал Влад, она, хотя и водит машину, но относится к ним просто как потребитель.

— Здесь много интересного есть. Кстати, почти все по-настоящему дорогое куплено до тринадцатого года. Потом, видимо, дела пошли не так хорошо... Но у Юнуса был даже «Бугатти Вейрон». Не знаю уж, зачем, и где он на нем в этих горах ездил. Но есть, стоит вон там, в углу. Еще есть «Астон Мартин», не говоря уже о... более обычных вещах. Ну разве можно такое отдать? — с улыбкой спросил Влад. Он тоже любил хорошие автомобили. — Вот по всех этим делам и нужно поехать...

— А мне что делать?

— Меня ждать дома. Как и положено...

Как ни странно, металлические ворота не имели электропривода, их приходилось открывать вручную. Влад выехал со двора, поставил машину на ручной тормоз, закрыл ворота и вернулся за руль. И поехал.

Чтобы ездить пока дорогами Каластана, он выбрал «Субару Импрезу», почти такую же, как когда-то делали для автоспорта, но с кузовом «универсал». И с правым рулем, поэтому

забрать этот автомобиль в Украину было нельзя. Придется оставить здесь, и ездить, когда будет приезжать по делам. И сейчас тоже. Машина была очень мощная, но можно было включить специальный режим для езды по зимним дорогам. А полный привод был для этого просто идеальным.

Каластан был небольшой республикой, и от дома на окраине Хасанкалы до офиса банка в центре столицы было километров сорок. Но на пути лежал довольно крутой перевал, а дорога была настоящим «серпантинном». Обогнать на ней было невозможно, а грузовики и автобусы попадались постоянно, поэтому даже на мощной машине дорога заняла почти час. К тому же, в Чарахкалие снежило. Скоро, подумал Влад, такая погода доберется и до них. значит, одно дело надо было сделать как можно скорее.

А пока он вошел в банк, и оказался в кабинете уже знакомого ему вице-президента, Витольда Тараканова. Тот поздоровался и сказал:

— Все-таки решили нашу общую проблему! В Москве подсказали...

— И как?

— Счет будет не ваш личный, а как бы принадлежать самому банку. Который по доверенности будет оперировать вашими деньгами. У вас будут обычные банковские карты. Ну, как обычные, — учитывая сумму на счете, платиновые. — Тараканов улыбнулся. — Кстати, они готовы. Подпишете документы, и можете забирать...

— Это хорошо. Спасибо...

Но с документами по такой нестандартной операции пришлось ознакомиться очень тщательно. Только на это ушло около двух часов, пришлось даже вносить некоторые изменения. Но все, что нужно, было подписано, и Влад, наконец, получил доступ к причитающимся ему деньгам. Когда он спрятал карточки в свой бумажник, Витольд Олегович сказал:

— Ну, поздравляю!

А потом положил руку на плечо, — руку пришлось поднять, Влад был гораздо выше ростом, — и тоном, призванным вызвать доверие, сказал:

— Если честно, я бы вам посоветовал, если будет возможность, постепенно деньги выводить отсюда. Но не сразу. Под разными предложениями, — инвестиции, там, или что-то еще. За пару лет, думаю, ничего не случится. А вот потом... Нам-то не куда деваться, а вы там у себя...

— Вы думаете, у нас лучшие перспективы?

— Вы хотя бы ближе к Европе, и визы вам не нужны... Сейчас я жалею, что в свое время не остался. Я в Киеве работал, еще при Союзе. Потом переманили, в конце концов оказался здесь. Конечно, здесь тоже хорошо...

— Спокойно?

— Сейчас да. Но, когда в Чечне воевали, мы здесь опасались, чтобы не докатилось. К тому же, удобные дороги до «большой земли» были перекрыты... Но сейчас нет этих проблем.

Разговор крутился еще некоторое время вокруг того, где же лучше жить. Витольд Олегович оказался в Чарахкале лет пятнадцать назад, но очень любил эту маленькую горную республику, и сказал, что теперь вряд ли оставит ее, даже если будут приглашать в Москву. Но — «вы же никому не скажете, Влад?», — выразил сомнения относительно перспектив российской экономики в целом.

— Но мы выживем. Местные привыкли. Даже когда все разваливалось...

— Как это?

— А вы разве не знали, что Каластан вошел в состав Союза и, соответственно, РСФСР только в сорок четвёртом? Одновременно с Тувой. А до того — как-то же они жили, и говорят, неплохо... Особенно по сравнению с соседями — под властью коммунистов...

— Непонятно, как это могло быть... — Но здесь я уже ничему не удивляюсь, подумал Влад, вспоминая, что произошло вчера и сегодня. — Но, наверное, лишние четверть века без Ленина и Сталина только хорошо могли отразиться на состоянии дел...

— Я тоже так думаю, — сказал Тараканов. А Влад подумал, что надо будет узнать, как же такое могло произойти. В Интернете посмотреть, местных расспросить. С Марьям начиная, если, конечно, она это знает, если ей это когда-нибудь было интересно. Раз уж у него оказался, кажется, собственный источник информации о жизни Каластана и хасанийцев...

А потом он распрощался с вице-президентом и вышел. На первом этаже подошел к банкомату и снял несколько тысяч рублей наличности, — лимита на его новой карте, конечно, не было. И наличные были нужны, и проверить, работает ли карта, хотелось. Потом перешел улицу, зашел в магазин одежды и купил себе полушубок, — на местные изделия из меха Влад давно обратил внимание. В Украине таких просто не было. Положил пакет в багажник «Субару», пообедал в кафе рядом, и поехал искать хозяйственный магазин, где приобрел только одну вещь, вызвав недоумение у продавца. А потом поехал обратно в Хасанкалу. Проехав перевал, убедился, что с этой стороны горного хребта снег только начинался. Съехал с главной дороги на подъезде к городу, и остановился у той самой крепости, где разыгрались вчерашние драматические события.

За завтраком он спросил Марьям:

— А паспорт твой у кого остался, кстати?

— Ни у кого... Ты там, в крепости, костер видел? Вот там и осталось все, что у меня было. Паспорт, вся одежда, ключи... Даже деньги. Это у нас так делают, когда выставляют перед людьми. Чтобы у человека не осталось ничего. Как говорится, ни тела, ни души... Еще до того, как он должен перестать дышать.

— А... так только с женщинами делают? — поинтересовался Влад.

— Мне кажется, так ни с кем не делали много-много лет.

— Не скажи... — У него была своя точка зрения. — У кого-то был опыт... Вот смотри, например, как тебя связали. Как подобрали длину веревки, — они же ее не отмерили, правда? Чтобы ты не могла ни сама ту прищепку снять, ни закрыться, когда перед всеми там стояла. Но могла... немного выставить руку вперед и что-то сделать. Нет, я не верю, что кто-то мог сделать это так... грамотно с первого раза.

Пусть задумается, вреда не будет, считал он. Кажется, Марьям далеко не глупа. Кажется, ему повезло дважды... К тому же, не надо было привлекать ее внимание к тому, что он собирался сделать. Пусть будет сюрприз!

А теперь он подошел к месту, где вчера видел догорающий костер. Несколько минут — и в руках оказалось то, ради чего он сюда приехал. Влад подошел к машине, — кажется, его никто здесь не видел; если бы и увидел, не случилось бы катастрофы, но так было лучше. Сел за руль и поехал в офис Салмана Таханова.

— Можете меня поздравить: теперь я могу, наконец, заплатить вам гонорар! — сказал Влад.

Усы старого адвоката зашевелились.

— Поучили, наконец, доступ к деньгам? И как же наши банкиры сделали это?

До этого сделано было только переоформление самих предприятий. Но «живых» денег, которые составляли существенную часть наследства, тратить Влад не мог. Теперь он объяснил механизм, который нашли банкиры вместе с кем-то в Центробанке.

— Остроумно! — сказал Таханов. — Но должно работать.

— Ну, если уж вы так считаете... — улыбнулся Влад. — Теперь у нас остался только один вопрос.

— Да, машины. И надо же оно вам было..! Потратите кучу времени, а те, что надо оставить здесь... упираемся в ту же проблему, — вашу временную регистрацию. Или все же хотите получить вид на жительство?

— Нет, но буду иногда приезжать. Контролировать дела. — Опять улыбка. — Значит, из этого и надо исходить. Есть потребность. Как ее удовлетворить? Как бы я сделал у нас... — И он изложил идею. — При этом я не буду тратить на это время.

— Если найдете, кто сможет это сделать. — Усы снова зашевелились. — С легким использованием коррупционных связей... Чтобы пару вещей просто не заметить. А в остальном проблем не вижу. Вот только надо сделать именно такую доверенность...

— Думаю, сделаем.

— Возможно, вы знаете то, чего не знаю я, — покачал головой Таханов. А Влад сменил тему.

— Я еще хотел с вами посоветоваться по вопросу не юридическому... а, скорее, такому, который касается традиций вашего народа.

— Я уже знаю, что у вас там вчера произошло... — Старик улыбнулся. — А вы думали, что могло быть, чтобы в городе произошла такая вещь, а я не знал? Хотя бы в общих чертах...

— Нет, я на это и не рассчитывал. Вот что произошло, если точно... — И Влад изложил события, как он их видел и чувствовал. Кроме тех, конечно, которые происходили в доме. — Но... я хочу узнать несколько вещей...

— Каких?

— Насколько это, на самом деле, было серьезно? Насколько... я — подонок? И не грозит нам какая-то опасность?

На минуту воцарилась тишина. Видимо, владелец кабинета формулировал ответы.

— Во-первых, это было серьезно. Этот Искандер Мухидинов... из него вышел бы хороший юрист, я вам скажу. А какая разница, работать с нормами писаного права или обычаями..? Так вот, он нашел единственно верное решение. По нашим обычаям другого способа пересмотреть... такой приговор нет. Еще хорошо, что вы оказались на месте. Что вы занялись машинами, а банку пришлось ждать ответа из Москвы... Другого выхода не было. По второму вопросу — Марьям сказала вам правду. Если вы ее выгоните — ей не жить. Вернется к тому же, с чего вы начинали... Все наши люди теперь считают вас законным владельцем, как бы вы не относились к этому сами. — Усы снова шевельнулись. — А все остальное вы уже решите вдвоем... Вообще — считайте это... подарком судьбы на день рождения. Одной из нас Марьям уже не будет... А выгоните — все будут считать, что она... даже в таком качестве никому не нужна. И, действительно, убьют. У нас здесь — сто процентов, но могут и в любом другом месте... Что касается третьего вашего вопроса — опасность если и возникнет, то не поэтому. С точки зрения хасанийцев, вы полностью в своем праве. Приняли решение, которое могли принять. И у вас было время подумать...

Неприятности могут быть, скорее, у Искандера. Он-то все вроде бы и сделал в рамках обычая, но пошел против воли старших... Но на самом деле, не думаю. Их отец умер, старшим остался Хамзат. А он, — я его немного знаю, — почувствует, скорее, облегчение.

— Ну тогда ладно. Правда, придется решить еще одну проблему...

Открыв ворота, Влад загнал «Субару» во двор. Потом забрал из машины покупки, в том числе большой пакет с полушубком. Запер машину, лишний раз полюбовавшись безрамочными дверями, — ему такие давно нравились. На новых моделях «Субару» так уже не делали... Жаль, что не заберешь домой этот автомобиль, но можно будет ездить на нем здесь... если все получится.

Конечно, в доме был второй вход, со двора. Дверь вела в тот же коридор первого этажа, но со стороны, у кухни. Только войдя, он почувствовал какой-то незнакомый, но вкусный запах. И понял, что происходит.

— Привет! Чем это пахнет? — спросил. И услышал голос Марьям со стороны кухни:

— Ты же сам приказал — ждать и хозяйничать!

— Во-первых, мы же договаривались без этого: «приказал»... — покачал он головой, заходя на кухню. Пакеты с вещами остались в коридоре. — Во-вторых, я имел в виду: хозяйничать в том шкафу, где одежда... — А потом потянул носом. — Но, судя по запаху, отказываться не надо! Мои кулинарные способности ограничены...

— Я заметила!

Девочка явно пытается продемонстрировать свою пользу... во всем, подумал Влад. И понял, что отказываться, действительно, бессмысленно. После разговора с Тахановим это стало еще очевиднее. Однако и чувствовать себя так, будто то, что произошло, — нормально, ему тоже было тяжело. Но, похоже, придется привыкать.

— А ты что, сам не заметил?

— Что именно?

— Вещи. Те, что ты... мне все как бы подарил. Которые... принадлежали твоей сестре.

— Не как бы, а сказал, что все это теперь для тебя. Потому что бывшей хозяйке не понадобится... А что с ними не так? — спросил Влад.

— Все так. Это очень хорошие вещи. У меня... таких и не было... А ты не заметил, что некоторые... такие яркие, красивые, а некоторые скромные?

— Заметил. И что ты надела дома платье из первых...

— Правильно. — Марьям кивнула. — У нас так и есть — если женщина куда-то выходит, то для чужих одевается... поскромнее. А вот дома для мужа... Ну, а я — для тебя.

— Интересная теория! — Влад рассмеялся. — Чужим нечего восхищаться, так? Все — в дом!

— Да, только это не теория. Мы так живем. Правда, я теперь не знаю, как на улицу выйду...

Кажется, она... привыкла к мысли, что будет жить. И стала думать о, хотя бы ближайшем, будущем. И о том, как... сохранить самоуважение? Надо ей помочь, подумал Влад, доставая что-то из кармана.

— Кстати, я нашел кое-что, что тебе принадлежит!

И он положил на стол связку ключей. Они были закопчены, а брелок вообще сгорел. Но сами ключи — хотя сейчас двери, к которым они подходят, открывай. На одной связке были

ключи от киевской квартиры и, очевидно, от родительского дома в Хасанкале, которыми пользовалась Марьям, пока жила здесь, понял Влад по их форме и по тому, что они были на двух соединенных между собой кольцах.

— Как ты смог..? — У нее загорелись глаза.

— Да очень просто. Ты сказала, что все твои вещи бросили в огонь. Но я подумал, что ключи — из металла, не должны сгореть. Поэтому, когда был в Чарахкале, купил там мощный магнит. А на обратном пути заехал в ту крепость, и через несколько минут нашел их в пепле. Больше ничего там, действительно, не осталось... — Да что же она смотрит на эти ключи, но, кажется, боится протянуть к ним руку? — подумал Влад. А вслух спросил: — Кстати, ты говорила, что устроилась помощником судьи. А в каком суде работаешь?

Работаю..? — Странное выражение глаз. Хотя, возможно, ей кажется, что это теперь очень далеко... — В окружном административном.

— На Болбочана? — На улице Петра Болбочана размещался Окружной административный суд города Киева, тот самый, что фигурировал в последнее время во многих публикациях украинской прессы и считался «скандальным» судом. Какой-то край сознания отмечал, что разговор об этом здесь, в доме на окраине Хасанкалы, все еще напоминает шизофренический бред. Хотя и не в такой степени, как то, что произошло в старой крепости... и потом. Но Влад решил, что Марьям надо вернуть к привычной ей реальности. — А у кого?

— У Наймытовской. Работала... Я хотела спросить, может, разрешишь мне...

— Что?

— Поговорить с Искандером!

— А почему ты меня об этом спрашиваешь? Это твой брат, конечно, поговори... Вот закончим ужинать, дам тебе телефон... Думаешь, беспокоится за тебя?

— Нет, он знает, что самого худшего со мной уже не случится. Но я беспокоюсь за него, потому что он, чтобы спасти меня, пошел против людей... Он использовал наш обычай, здесь его нельзя упрекать, но все понимают: они меня осудили, а он решил спасти. Я хочу знать, все ли с ним в порядке.

— Хорошо. Позвонишь после ужина. Кстати, если все в порядке, дашь мне потом трубочку, я ему тоже пару слов скажу... По делу, не думай... — Мозг Влада построил очередную комбинацию, как решить сразу несколько проблем. Искандер производил впечатление порядочного человека, и в хороших отношениях с ним теперь заинтересован. Сестру он явно любит, если ради нее пошел на такой риск. — Что касается работы — почему же «работала»? Если захочешь — дальше будешь работать.

— Как же я окажусь в Киеве? — Теперь уже Марьям смотрела на него, как на сумасшедшего. — Без паспорта, без денег, без телефона...

— Очень просто. На самолете. Сегодня у нас что, пятница? Значит, в понедельник едем в полицию, подаешь заявление... нет, просто о потере паспорта...

— В полицию? Но там Расим...

— На самом деле, ничего он тебе не сделает, если мы туда придем вместе. И заявление подадим не о преступлении. Но, чтобы не было проблем... Мы поедем в Чарахкалу и подадим заявление в тамошней полиции. Ничего особенного, гражданка другого государства потеряла паспорт. А потом, скажем, во вторник, — садимся вон в тот черный «Мерседес». — Влад показал рукой на внедорожник, который стоял напротив окна во дворе. — И едем в Ростов, там — украинское консульство. Там получишь удостоверение, по

которому вернешься в Украину. И спокойно окажешься дома. Ключи у тебя теперь есть, — улыбнулся Влад.

— Ничего себе — в Ростов... Километров шестьсот...

— Чуть меньше.

— Зачем ты так со мной возишься? Хочешь просто отправить туда... и выгнать? — Марьям смотрела ему прямо в глаза. Ее речь снова стала быстрой, — Влад уже понимал: так бывает, когда она волнуется. — Но, во-первых, тогда... наши могут меня убить и там... Наши в Киеве остались...

— Господи! Да не собираюсь я тебя никуда выгонять! — Влад покачал головой. Это же надо так бояться... Он все еще не мог поверить, что это серьезно. Хотя, возможно, Марьям лучше знает? Или тут что-то еще? — На самом деле, я планировал, что мы вернемся вместе. А в консульстве я еще одну вещь сделаю... Особенно, если мы с Искандером договоримся.

— Так дело не только во мне?

— Дело в тебе. Я за тебя теперь отвечаю... Но заодно сделаю еще одно дело, разве это плохо? А ты что, — внезапно понял он, — считала, что я тебя здесь просто так и оставляю... и буду пользоваться, когда приезжаю?

«Считала» — это было сильно сказано. Для Марьям то, что она только что спокойно жила в доме своего отца, — и вдруг стояла голая перед людьми, и должна была умереть, но потом в последний момент была спасена... этим странным человеком, — уже было потрясением. Она до сих пор и не думала о будущем. Только о том, чтобы он все-таки не выгнал ее на улицу, — это означало бы смерть, уже окончательно, ибо обычай давал только одну попытку.... Она даже не задумывалась о том, что у нее нет ни денег, ни документов. Она жива... Даже если проживет еще неделю или месяц — уже лучше, чем было умереть в этой крепости. А где именно жить... Какая разница? Да, казалось, Владу нравилась она сама, и понравилось с ней спать. Да, кажется, он не собирался ее выгонять. Может, он будет проводить больше времени здесь... Марьям понимала, что ему придется бывать в Каластане. Такой бизнес, как тот, что принадлежал теперь ему, — она знала, кем были Юнус и Искандер Талаевы, а о том, кто стал их наследником, знала если не вся республика, то точно вся Хасанкала — не позволял просто бросить его на произвол судьбы. Поэтому подсознание выдало именно такой вариант. Насколько этого хватит? На год, на два..? Уже было бы неплохо. Точно лучше, чем бежать голой обратно в крепость, зная о смерти в конце пути... Но говорить этого вслух, конечно, она не стала. Надо было сменить тему разговора. А заодно попытаться понять, как думает человек, которому отдала ее сама судьба, — она продолжала думать именно так, как бы то ни считал сам Влад. Не говоря уже о еще одном обстоятельстве...

— А почему именно на этот «Мерседес»? Здесь же у тебя много машин...

— Ну не на «Бугатти» же ехать, в этом снегу... — Влад улыбнулся. — Выбирать приходится из тех машин, на которые не закончилась страховка. Таких меньше половины, потому что ими давно не пользовались, — некому было... И страховку не продлевали. Дороги сейчас скользкие, поэтому надо ехать на полном приводе. А это значит — или взять тот же «Субару»... Но ехать нам более пятисот километров, с его звуком, а там прямоточный глушитель, — голова будет болеть. Или этот «кубик». — Так называли внедорожник «Мерседес» G-класса. — Или «сотый» «Лендкрузер». Но есть проблема. Я машины на себя не оформлял, — ждал решения вопроса по вывозу. Здесь, в Каластане, меня вряд ли остановят. Покажу в крайнем случае документ на наследство и дальше поеду. Но по этому

делу нам далеко ехать, одних блокпостов по дороге сколько... К тому же, у тебя из всех документов будет только справка, что ты обратилась в полицию по поводу потери паспорта. Нам внимание ГАИ, или как их тут, не нужно. На этом «мерсе» номера А005АА, хотя и с новым кодом региона. Наверное, Искандер Талаев любил погонять... Да еще и антенны на крыше — можно подумать, что это машина како-той непростой службы. Вряд ли нас на трассе тронут. Если ничего не... начудить... Да и свет на «мерсе» лучше, чем на «крузаке». Ксенон. А мы, скорее всего, ночь прихватим...

— Ты так все продумываешь...

— А как же? Без этого нельзя действовать, — убежденно сказал Влад. Хотя на самом деле для опытного водителя некоторые вещи были очевидными. — Собрать информацию, обдумать, и только потом... — Он сделал паузу. — Правда, и это не всегда помогает. Ну, хорошо, давай, забери свои ключи с этого стола.

— А потом что? — На скатерти от обугленных ключей осталась черное пятно.

— А потом — посуду в посудомоечную машину, достаю телефон, ты разговариваешь с Искандером, о чем там хотела. Дашь мне трубку, я договариваюсь с ним о встрече, — лучше завтра, или, в крайнем случае, в понедельник. Есть к нему одно предложение, надеюсь, он не откажется...

Марьям, кажется, немного успокоилась. С братом, — Влад дал ей смартфон с двумя сим-картами и показал, как сделать звонок по российской (купленной на паспорт Мелхана), она разговаривала довольно долго. Влад даже удивился, сколько времени можно обсуждать вопросы типа: «Как дела?», — без подробного обсуждения этих самых дел. Разговаривали они, кстати, по-русски, а не на родном языке. Возможно, в присутствии Влада Марьям так сделала из вежливости? Брату и сестре, видимо, хотелось убедиться, что с другим все в порядке... Но, когда они закончили, Влад взял телефон и спросил, может ли Искандер с ним встретиться, по совсем другому делу. Тот согласился, назначив встречу на завтра в кафе в центре Хасанкалы. Влада это устраивало. Посмотрев на часы, он подумал, что уже поздно, — если бы Искандеру это не сестра позвонила первой, было бы и неудобно разговаривать о делах.

Отложив смартфон, он сказал:

— Кажется, все сделал, что хотел сегодня.

— И... что? — спросила Марьям.

— Да что-то устал. Спать идти надо уже... А ты..?

— Да тоже... душ приму и...

— И кто первый туда пойдет? — устало улыбнулся Влад. Вообще-то, в большом доме было три ванных комнаты, но он считал, что удобно пользоваться той, что ближе к спальне.

— Хм... — Теперь уже на лице Марьям появилась улыбка. — А если вместе?

[1] Украина не выдает своих граждан в порядке экстрадиции другим государствам.

5. Домой, домой.

Все удалось сделать так, как планировалось. Влад сделал несколько звонков, — по крайней мере, один из них кому-то в Киеве. Возможно, это подействовало.

В чарахкалинской полиции их уже ждали, приняли заявление об утере паспорта и выдали соответствующую справку почти мгновенно. Правда, в Ростов они выехали через день, ему надо было еще кое-что уладить. И дорога заняла целый день. Там пришлось заночевать, — Влад снял квартиру, которая сдавалась посуточно, с помощью интернет-

сервиса. В гостиницу, пояснил он Марьям, ее без паспорта могли не пустить...

В консульстве, кажется, тоже были готовы к их приходу. И все сделали за один день, зайдя в какую-то базу данных. После всех замен паспортов из-за смены фамилии (при признании недействительным второго брака, она автоматически потеряла и фамилию мужа, поэтому пришлось менять паспорт) у нее были биометрические документы. Возможно, это помогло. А может, то, что Влад позвонил какому-то знакомому, который работал в Министерстве иностранных дел. Сам он пока ходил по каким-то другим кабинетам, держа в руке кожаный «дипломат». А потом встретил у дверей.

— Ну как, успешно? — спросил.

— Да, вот. Положи к себе... — Она протянула ему полученный документ, и тот оказался в «дипломате». Сумочки у нее не было, и карманов, куда бы уместилась «книжечка», тоже. Владу, правда, показалось, что дело было не только в этом. Неужели она до сих пор считала, что «принадлежит» ему, а если так, то и документ должен храниться у него..?

— У меня тоже.

— Едем назад?

— Нет, переночуем и выедем утром. Не хочу ехать всю дорогу ночью, — пояснил он. Так и сделали — на дорогу снова ушел весь день. Перевал перед Хасанкалой пришлось проезжать в глубоком снегу, — решение ехать на внедорожнике оказалось верным.

А еще через два дня на этом же «Мерседесе» их в аэропорт отвез Искандер. Влад понимал, что по дороге брат с сестрой захотят наговориться, — когда еще представится возможность? Поэтому сел на заднее сиденье. Билеты на самолет он приобрел через интернет, но на месте пришлось еще доплатить за багаж, — у каждого было по большой сумке. Влад долго уговаривал Марьям собрать часть вещей, некогда принадлежавших Злате, но уже не могли ей понадобиться, и, в конце концов, та сдалась.

Наконец, она вздохнула с облегчением, пройдя со своим необычным документом пограничный контроль. Но, кажется, окончательно успокоилась только в самолете, на который они пересели в Стамбуле, следовавшем в Борисполь.

— Возвращаемся домой... — сказал он, когда самолет оторвался от взлетной полосы. — Кстати, к кому?

— У тебя сколько комнат? — с улыбкой ответила Марьям. — Одна? А у меня три. Выбор очевиден, правда?

Наследство Хусейна Аева, подумал Влад. И сказал:

— Это такое проклятие новоиспеченного богача. Деньги есть, а где жить — не очень. Еще приобрести надо.

— Это — легче всего. И приятнее.

— Ты так считаешь? Посмотришь, что такое делать выбор... — Он намеренно так сформулировал свою мысль. Пусть не боится, что он ее «выгонит на улицу», пусть понимает, что будет причастна к этому выбору. Если у нее другие планы — скажет сейчас...

Но Марьям не сказала. Наоборот — восприняла как должное. Что ж, так тому и быть. Процесс выбора, действительно, будет нелегким. Возможно, его придется немного отложить...

— А о чем вы тогда договорились с Искандером? — Теперь уже она задала вопрос. Ей это, действительно, было интересно, но вопрос имел двойной смысл. По тому, ответит на него Влад, или скажет что-то вроде: «Не твоё дело» — Марьям поймет, кем, все же, он ее

считает: подругой, как говорил он, или «живой собственностью», по обычаям хасанийцев, как какой-то частью себя продолжала чувствовать она?

— Ты же знаешь, чем он занимается в банке? — спросил Влад.

— Да. Безопасностью отделений в Хасанкалинском районе. Поэтому и живет здесь, а не в Чарахкале... Легкая, на самом деле, работа, никогда не слышала, чтобы в Каластане грабили банки. Хотя все необходимое они делают, чтобы предотвратить...

— Кажется, у вас там вообще не принято красть. — Влад пожал плечами. — Вот хоть мой дом взять, там больше полугода никто не жил. Где-то под Киевом — могли бы все разворовать. А здесь я в первый раз зашел — как вчера хозяева уехали. Только пыль вытереть... И дом Юнуса — тоже. И машины... Ну, а Искандеру я предложил еще и для меня поработать. В банке так принято, у каждого совладельца есть... ну, скажем, человек для поручений. А поскольку он уже живет там же, где у меня дом...

— Это... из-за меня? — В голосе Марьям снова появилось напряжение. Интересно, а что плохого, даже если и так?

— Ну... можно и так сказать. Но не потому, что он — твой брат, — успокоил Влад. — Мне понравилось, как он действовал в этой истории... с крепостью. То, что он захотел тебя спасти, и не побоялся идти... против всей общины. То, что мгновенно придумал, как это сделать, нашел способ и, наконец, средство. — Он улыбнулся. — Меня. Искандер быстро думает и умеет принимать правильные решения. И знает, как там все устроено, — а я много чего не знаю. Мне как раз и нужен такой человек. И ему выгодно тоже. Дополнительной работы немного, в основном, когда я там буду. А в зарплате выигрывает... почти вдвое.

— Всем хорошо...

— Кажется, да. Хотя несколько человек в банке были недовольны. Но я имел на это право... Кстати, он же для начала займется машинами. Надо их снять с учета, загрузить на автобусы, которые перевезут в порт, и проследить за оформлением на таможне и загрузкой в контейнеры. А потом их перевезут в Одессу. Там уже будет, кому заняться...

— Сколько их?

— Восемнадцать. И еще три остаются. Которые перевезти нельзя. «Субару» с правым рулем, восьмидесятый «Лендкрузер» аж девяносто пятого года, его нельзя ввезти официально, и того же года «Мерседес-600» купе. Буду ездить в Каластане. Зарегистрировать их уже на меня тоже должен Искандер. Доверенность на него я оформил, когда мы были в консульстве. И в ней указано адрес в Хасанкале, просто, что я там живу. Не упоминается, что это временная регистрация. Если они там не будут очень тщательно проверять...

— Их всегда можно... хорошо попросить.

— Вот для этого, — улыбнулся Влад, — мне и нужен там, на месте, человек, который знает, как принято это делать. Не говоря уже о том, что в аэропорту будет, кому встретить... Вообще, Искандер — хороший парень. Вот только... я теперь, когда разговариваю с хасанийцами, каждый раз думаю: неужели и этот женат, или эта замужем, против воли? Или по сговору родственников? Тот же Искандер... он же женат, да?

— Да. И двое детей... У нас так и есть. И разводов почти не бывает.

— Стерпится — слюбится, так?

— Что-то такое... Так ведь не только в этом. Вот ты думаешь, Хусейн сам решил милиционером стать? Нет, его когда-то родители отправили учиться. А его брата, Исмаила — на врача. Хотя тот всегда любил математику. Он теперь большой человек в Москве,

специалист по генетике, кажется. Я в этом не разбираюсь, а самого Исмаила только раз видела, он как-то к нам, в Киев, приезжал. И... он тоже так же женат, хотя и доктор наук. Но ты видишь — многие... выбивается в люди. Поэтому... может, что-то в этом и есть, — задумчиво сказала Марьям. Влад удивленно повернул голову.

— Вот от тебя такое странно слышать! После всего, что ты о себе рассказывала...

— Случайная жертва. — Она грустно улыбнулась. — Когда такое нужно для пользы всего народа, приходится мириться. И вообще, как говорил отец: если я для своего ребенка имя выбираю, то могу выбрать и все остальное.

— Но почему это нужно для пользы народа? — удивленно переспросил Влад. И подумал: но даже имя человек может сменить...

— Хасанийцы — маленький народ. Нас называют «евреями Кавказа». Мы всегда были больше купцами, чем воинами. Ты же сам говорил, что бедных в Хасанкале, можно сказать, и не видел. Хотя грабить или захватывать хасанийцев никому не рекомендовалось... И, кроме как в торговле, с нами никто особенно не хотел иметь дела. Да и сами хасанийцы не слишком хотели... Когда меня вдруг выдали замуж... не за хасанийца — это был чуть ли не первый такой случай. И с другими народами Каластана мы почти никогда не рождались. Вот так и живем — внутри себя... Хасанкала и часть Хасанкалинского района — это наша земля, наши горы...

Влад о чем-то задумался, а потом сказал:

— Осталось еще понять, как же тогда моя сестра оказалась женой хасанийца. И еще нескольких таких женщин я видел. Явно русских. Одна из них в тебя камни бросала там, в крепости...

— Да, это Алла, жена Амира Ансарова...

— Вице-президента нефтяной компании? — удивился Влад, который сам теперь был ее акционером.

— Да, его. Не знаю, почему, но она поссорилась с Ирадой — женой Искандера. Ну и теперь, видимо, всю нашу семью не любит. Ей... было мало, что я должна была умереть... Еще и потому я хотела поговорить с Искандером. Это могущественная семья...

— Но не забывай, Амир работает в моей компании! Да, есть еще и Зарема, но они не станут ссориться со мной. Кстати, он вполне нормальный человек... Но эта Алла не одна такая.

— Да, русские жены стали появляться... лет десять назад. И только в очень богатых семьях. Кстати, все — настоящие красавицы. Но... не знаю, как это происходило. Каждая семья хранит свои тайны.

Хорошо, что самолет не заполнен, подумал Влад, рядом с нами — никого. И билеты он заказал в бизнес-классе. Настоящего первого в самолете турецкой компании не было. Если говорить тихими голосами, то их никто не услышит. Хотя трудно сохранять спокойствие, когда слышишь, что сейчас, в двадцать первом веке, люди могут жить так. И они сами этого хотят. Россия, может, и не самая демократичная страна мира, но чего-чего, а принудительных браков, принудительного выбора пути в жизни, — ее законы точно не предусматривают.

Внезапно Владу пришло в голову: эти люди умудряются, не вступая в прямой конфликт с законом, поколениями жить по законам собственными. Пряча среди себя то, что чужим не нужно видеть и знать. И согласовывая интересы между своими бизнесменами. И внезапно он оказывается в самом центре этой, скрытой от посторонних, жизни. Абсолютный чужак,

даже не из России, не говоря уже о Каластане, где оказался впервые. Пользуясь законом, а не обычаями, становится владельцем большой доли бизнеса, который хасанийцы считали «своим». Да еще и своими глазами наблюдает, как должны были казнить человека, с точки зрения хасанийцев, совершившего преступление, и спасает... Как же должны они быть... недовольны его вмешательством! Не это ли имел в виду муж Заремы, когда пытался высказать претензии Салману Таханову? Еще говорил, что «президент должен быть доволен». Какой? Президент России? Или глава Каластана? С этим всем, решил Влад, надо будет разобраться. Марьям расспрашивать нет смысла, она последние семь лет в Каластане не жил, и вряд ли могла знать кого-то из высших кругов... А вот о другом спросить, решил он, когда стюардессы стали разносить обед, можно.

— Мне говорили, что Каластан стал советским... и, соответственно, российским только в сорок четвёртом. А до того что было? Вы, наверное, — улыбнулся Влад, — это учили в школе!

— Да не только в школе, все мы это и сами знаем... Ты видел наши горы, ты видел наши дороги. А представь себе, что там сто лет назад было! Кроме местных, почти никто не мог попасть. Туда ни белые не заходили, ни красные. Где-то в России воевали, в Грузии... А к нам никто не лез. Знали, наверно, что на этих перевалах их могут остановить даже небольшие отряды, а защищать себя в Каластане умели... Так что, когда империи не стало, местные старейшины решили жить... своим умом. Создали что-то типа совета. Не вмешивались в дела соседей, и почему-то коммунисты долго не лезли в наши. Возможно, считали, что... слишком маленький кусочек, а потратить на него нужно много сил. Так и жили... Многие и разбогатели как раз тогда. Потому что вокруг, где были коммунисты, был голод. А в Каластане его не было. Кто-то к нам проходил из тех мест, меняли на продукты золото, или у кого что было...

— Такой себе местный Торгсин[1], - отметил Влад.

— Ну, может быть... Кажется, только во время войны вспомнили: как это можно, такая территория — и не в составе Союза? Как и Тува. И решили... исправить это. Но у нас не было больших репрессий. Между прочим, чеченцы тоже тогда у нас поселились. Те, кто бежали от депортации, у нас легко было спрятаться, потому что у людей еще советских паспортов не было...

— Интересная история. Как ты думаешь, Сталин знал о Каластане? Должен был знать, он же был грузин, а Грузия — рядом...

— Думаю, не занимался такими ... мелочами. До поры до времени... А потом у нас много чего было. Хасанийцы организовывали артели, шубы шили, еще много чего... Так и до перестройки дожили.

— Вот тут и пригодилось золото, тогда накопленное, да? — догадался Влад. — Как начальный капитал...

— И это тоже. А главное — у нас остались люди, которые еще помнили, как это — собственное дело иметь... — Марьям почему-то покачала головой. — Мы на одно поколение меньше во всем этом были, и меньше пострадали. Вот так...

— Теперь много чего понимаю... — протянул Влад. И действительно, недаром у него было впечатление, что это место — будто и не совсем Россия, в которой он хотя и не жил, но много километров по ее дорогам проехал. Он вспомнил, как в детстве, при Союзе, они с родителями поехали на «Волге» в Прибалтику. До сих пор он помнил свои впечатления: будто попал в совершенно другую страну. Гораздо позже он понял, почему так: эти

республики были под властью коммунистов на двадцать лет меньше. На одно поколение. И вернуться в Европу им было легче — потому что в девяностые там еще жили люди, которые помнили, как это — жить без коммунистов у власти, без дефицита всего, но с возможностью иметь собственное дело, работать на себя... Вот и Каластан был чем-то таким же, — но в пределах Кавказа. Как только они выживали, будучи окруженными советской территорией? Как смогли избежать депортации и всех других злоключений эпохи? Как бы там ни было, а каластанцы вообще, и хасанийцы в частности, смогли не только обеспечить процветание, насколько это возможно было в России, но и сохранить себя. И это было второй стороной медали их, странных и диких для постороннего, обычаев. Надо было многое обдумать...

На следующий день нужно было заниматься делами. Это Марьям, у которой оставались еще несколько дней отпуска, могла отдохнуть. Хотя даже ей было нужно восстановить банковские карточки, вместо сгоревших в костре. Влад такого отдыха позволить себе не мог. Утром он начал кому-то звонить и назначать встречи.

— А чем ты занимаешься? — поинтересовалась Марьям. — Ты не рассказывал... Ты юрист?

— Почему ты так подумала?

— Когда ты расспрашивал, где я работаю... Я сказала, что в суде, помощником судьи. А ты спросил: «А у кого?». «Не у какого судьи?», А именно «у кого?». Так говорят адвокаты...

— А я думал, профессиональная деформация зашла так далеко, что даже со стороны видно! — Влад только рассмеялся. — А оказывается, ты просто наблюдательная. Только я уже не работаю. Меня лишили адвокатского свидетельства. Не захотел сдать клиента, а другая сторона имела какие-то «концы» в нашей дисциплинарке[2]... Им надо было выкинуть меня из дела, но они не ограничились приостановлением, а решили пойти на лишение... Конечно, я подал иск об отмене решения, кстати, в тот самый суд, где ты работаешь. Но сама знаешь, сколько времени могут слушать дело... — Это могло растянуться на годы. Марьям тут же спросила:

— А у кого там дело, не у «моей» судьи?

— Нет. У Коротенко... — И сотрудники судов, и практикующие юристы в разговорах между собой обычно так и называли судей — по фамилии.

— Я могу помочь..?

— Не вмешивайся. — Влад все еще улыбался. — Я выиграю и так... Теперь, как ты понимаешь, мне это не очень-то нужно. Но — дело принципа. А потом — разберусь с теми, кто это устроил... Мстить, как известно, — блюдо, которое надо подавать холодным! Хорошо, буду такси заказывать, чтобы по делам ехать... Завтра надо будет или какую-то машину взять напрокат, или «Волгу» свою старую из гаража забрать, чтобы было на чем ездить, пока те машины не привезут и не растаможат... Ту, на которой я ездил раньше, уже, наверное, продала исполнительная служба с торгов, а покупать новую сейчас нет смысла. Скоро их будет столько — ставить некуда... — Эту проблему тоже еще нужно было решить.

— Можно сделать проще. Пока мою возьми, если мне ездить не надо.

Марьям жила рядом с судом, где работала, на улице Джона Маккейна, нужно было только перейти бульвар Леси Украинки. Это было удобно, и, скорее всего, она потому и устроилась на работу именно в этот суд.

— Хорошо, спасибо, хотя тебе придется потом заняться восстановлением паспорта, — отметил Влад. — Ну, ничего, уладим. А что у тебя..?

— «Инфинити». Вон стоит... — она показала рукой в окно.

— Ничего себе! — Это был не просто «Инфинити», а огромный внедорожник QX-56 Хотя и предыдущего поколения. — И ты на нем ездешь?

— На самом деле, это еще Хусейн покупал. Но ездил мало, у него служебная была... А я — в основном, когда училась. Сейчас — почти некуда... Хорошо работать через улицу!

Влад пожал плечами и еще раз поблагодарил. И через час сел за руль.

Прежде всего, он появился в офисе компании под названием «Нефтяные горы». Она владела сетью автозаправок в Киеве и нескольких областях. И ради того, чтобы стать владельцем контрольного пакета ее акций, Влад на переговорах с Хайдером и Заремой Тоховыми уступил дом и бизнес в Эмиратах. Сам он, конечно, жить там не собирался, и его интересовал именно украинский бизнес. Интересно было то, что до сих пор никаких скандалов, связанных с принадлежностью сети заправок российскому бизнесу, не было. А теперь и не будет.

А вот директором этой компании был украинец. Даже не наемный менеджер, а владелец небольшой доли акций. Кажется, Юнус Талаев считал, что так тот будет заинтересован в результатах работы компании. Звали директора Андрей Пащенко, ему было лет сорок пять, и он беспокоился о своей дальнейшей судьбе, как и каждый бы на его месте. Хотя хорошо скрывал опасения, с которыми смотрел на нового владельца.

— Мне в Каластане сказали, что компания работает успешно. Насколько это возможно в нынешних условиях, — сказал Влад. Часть заправок в Донецкой области компания потеряла из-за боевых действий и потери территорий, несмотря на российских владельцев. Андрея нужно было немного успокоить. — Я, по крайней мере, пока, настроен оставить все, как есть. Все равно, не слишком разбираюсь в этом бизнесе. Но войду в наблюдательный совет, на место, которое раньше занимал Искандер Талаев.

Это означало, что Влад будет иметь такой же доступ к делам компании, только сможет уделять им больше внимания, потому что постоянно живет в Киеве. К тому же, Пащенко уже знал, что он — юрист по профессии. Надо было посмотреть на реакцию: если, пользуясь своим положением, директор компанию обворовывал, наличие такого «наблюдателя» на месте ему вряд ли понравится.

— Гм... Подготовить для вас кабинет, который был для него предназначен? — Искандер Талаев бывал в Киеве максимум пару раз в год, и уж точно в офисе не работал. Что касается директора, то он выглядел лишь немного удивленным и озабоченным. Влад пришел к выводу, что больших грехов за ним нет, а на мелкие можно не обращать внимания.

— Было бы неплохо. Мне понадобится... какое-то рабочее место. — Кабинет можно было использовать не только для дел компании. — А еще введите меня в курс дела: где тут что, и кто чем занимается. Или дайте человека, который это сделает...

Директор на минуту задумался.

— Давайте сделаем так. Я вам сейчас расскажу основные вещи. Потом приставлю к вам временно кого-то из менеджеров, а позже вы сами подберете личного помощника. Водитель с машиной вам нужен?

— Вообще-то, нет, я сам за рулем. Но может понадобится... на какой-то случай.

Первое знакомство с компанией он завершил после обеда. Увиденное Владу понравилось, а еще оказалось, что член наблюдательного совета должен получать зарплату. До недавнего времени сумма показалась бы ему очень привлекательной, но по сравнению с теми деньгами, которые хранились в Первом банка Каластана, это были, конечно, мелочи.

Но не отказываться же было! Главному бухгалтеру он пообещал сбросить на электронную почту реквизиты своей банковской карты, — конечно, украинской; оставалось надеяться, что исполнительная служба уже отменила арест по иску Ольги об алиментах. Хорошо хоть, до каластанского счета она добраться не сможет. Хотя, если узнает, может попробовать... Но на наследство алименты не начислялись в любом случае, к тому же, добиться выполнения решения украинского суда в России — та еще задача. Быстро это не будет, и в Хасанкале этим будет заниматься Салман Таханов. А со стариком так просто не справиться...

Сегодня же Влад отправился к его, — и некогда собственному, — украинскому коллеге. Тот занимался тем, в чем сам он силен не был, — налоговым правом. Александру Васильевичу Руденко было под шестьдесят, и он был одним из лучших в этом. Влада он давно знал, но не понимал, почему тот решил записаться к нему на прием. Об истории с лишением права на профессию Руденко знал, — собственно, все знали, среди киевских адвокатов она в свое время вызвала скандал. Но какие у него могли быть крупные налоговые дела? Мелкими Александр Васильевич не занимался.

Впрочем, поздоровался, как всегда, как и положено было с коллегой. Влад подумал, что, по крайней мере, все «профессиональные» знакомые у него остались. Можно сказать, даже появились новые, если считать Таханова.

— И о чем вы хотели посоветоваться, Влад? — спросил Руденко. Он думал, что собеседник устроился на какую-то работу, по которой надо было обратиться к специалисту его профиля. Некоторые клиенты попадали к нему именно так. Но получил неожиданный ответ:

— О наследстве. Собственном.

— Рад за вас. — Александр Васильевич улыбнулся. Подавленным потерей гость явно не выглядел. — Если вы ко мне пришли, то, наверное, наследство немалое. Но... какие же с ним проблемы?

— Более, чем немалое, — пояснил Влад, понимая, что, какая бы адвокатская тайна не была предусмотрена законом, слухов, по меньшей мере в профессиональных кругах, не избежать. — Но главное, что российское. Да еще и... довольно сложное. Но я уже все с другим наследником поделил и оформил, а теперь возникает вопрос налогов. И как их не платить дважды — в России и Украине.

— Понятно. — Именно на таких вещах, как избежание двойного налогообложения, Руденко и специализировался. Ему, действительно, стало понятно, почему Влад именно к нему пришел. — Тогда давайте разбираться, что же вы там получили, и сколько заплатили... Зная вас, предполагаю, что документы у вас при себе.

— Да, конечно. — Влад раскрыл «дипломат» и положил на стол толстую папку. И через десять минут даже опытный Александр Васильевич не мог скрыть своего удивления. — Еще у меня будет к вам один вопрос...

А через пару часов Влад вышел из его кабинета с пониманием, сколько примерно придется ему заплатить, и оставив копии документов, чтобы Руденко искал пути, как уменьшить эти суммы.

И достал свой смартфон. На нем было несколько сообщений и один звонок, на который он не ответил, потому что во время разговора с адвокатом отключил звук. Номер был незнакомый, поэтому он начал с сообщений. Одно было от Искандера. Тот сообщал, что автомобили с учета сняты, и три, которые оставались в Каластане, на учет на имя Влада

поставлены. Доверенность, в которой дом в Хасанкале был указан, как его место жительства, пригодилась, а именно такую Влад оформил в консульстве. К сообщению даже было добавлено фото «Субару», на которую переставили номерной знак с черного «Мерседеса», на котором Влад ездил в Ростов, — А005АА. На «Астон-Мартине» прогнозируемо был номер 007, поскольку именно автомобили этой марки часто снимались в фильмах о Джеймсе Бонде, но теперь он перекочевал на «Мерседес» — купе, тоже остававшийся в Хасанкале. А вообще, писал Искандер, местные гаишники были очень довольны: более десятка «крутых» номеров им сдали, и теперь их можно было выдать кому-то повторно, — точнее, продать... Теперь, продолжал он, надо было заниматься таможней и отправкой машин. Которые еще предстоит загонять на автовозы, — те к дому, который стоял на узкой и крутой улице, подъехать не смогли бы. Влад ответил, чтобы Искандер продолжал заниматься этим, и держал его в курсе. И что тому придется хоть немного, хоть триста метров, но проехать за рулем «Бугатти». После этого предложения он поставил смайлик. У Искандера было чувство юмора.

Проверил еще несколько сообщений, а затем нажал на строку в перечне звонков, выделенную красным, — тот самый звонок, на который он не ответил, пока разговаривал с адвокатом.

— Добрый вечер. — На улице уже было почти темно. — Вы мне звонили, извините, не мог ответить. — Привычка перезванивать в таких случаях осталась от работы адвоката.

— Добрый вечер. Это Владлен Бурсак, так? — послышалось в трубке. — Спасибо, что позвонили. Это вас из СБУ[3] беспокоят, следователь Дорошенко Сергей Павлович.

— Слушаю вас, — ответил с удивлением Влад. Кажется, никаких дел у СБУ к нему не должно было быть. Может, дело было в поездке в Россию? Но тогда к нему бы пришли оперативники, а не позвонил следователь.

— Вы могли бы завтра подъехать ко мне? Где-то в первой половине дня.

— Мог бы. — Никаких планов, которые нельзя было бы скорректировать по времени, у Влада не было. — Но в чем дело?

— Надо вас, как свидетеля, по одному делу допросить, — успокаивающе сказал следователь. — Ну... скажем, в десять утра?

— Хорошо, я буду. Где?

— Знаете Аскольдов переулочек? — Там находилось киевское управление СБУ. На Печерске, недалеко от станции метро «Арсенальная». — Вот и хорошо, буду вас ждать.

Закончив разговор, Влад на какое-то время задумался. Да, СБУ могла иметь интерес к человеку, только что вернувшемуся из России. Но интерес разве что оперативный, а тогда его бы не вызывали на официальный допрос. Конечно, следователи испокон веков умели «мягко стелить», и, теоретически, всегда существовала вероятность превратиться из свидетеля в подозреваемого. Но для этого нужно было хоть какое-то основание. Чтобы спецслужба, — даже не полиция, — начала «раскручивать» на уголовное дело человека, который вообще не имел отношения ни к одной из сфер ее интереса? Такого он припомнить не мог. Бывало, что тем, кто занимался макетами оружия, пытались «шить» оружие боевое. Тому, кто имел отношение к экспорту каких-то «чувственных» товаров, могли «нарисовать» нарушение правил их вывоза. Но вряд ли что-то серьезное могли предъявить, если ни к каким делам, интересным службе, человек ни сном, ни духом... А если бы интерес был связан с его поездкой в Каластан... Никакого связанного с этим уголовного производства существовать не могло, в конце концов, он только вернулся... Если бы дело было в этом, к

нему бы пришли оперативники, а не следователь официально вызвал на допрос. Поэтому особой опасности он не видел.

Придя к такому выводу, Влад отправился к дому Марьям, но по дороге заехал еще в одно место...

Марьям почувствовала, что такое остаться без доступа к благам цивилизации. Нет, конечно же, в ее квартире оставалась горячая вода. (Когда ее не отключали.) Но она осталась без телефона и банковских карточек, которые сгорели в костре в старой крепости. Хорошо хотя бы, что остались документы. Загранпаспорт сгорел, но внутренний, в виде карточки, Марьям с собой не брала. И права тоже, потому что не собиралась садиться в Каластане за руль.

Меньше головной боли, но все остальное нужно было восстановить. И начать с банка. У нее были два счета — один, на который поступала зарплата за работу в суде, а на второй — арендная плата за квартиры, которые она сдавала. Их арендовал предприниматель, который сдавал туристам посуточно, и платил официально, высчитывал налоги, все, как положено. Марьям и не тратила этих денег, — да и на что, когда жизнь делилось между работой и пустой квартирой? Настроения развлекаться в последний год, после окончания истории со вторым мужем, у нее точно не было. Даже на машине ездила раз в неделю, а то и реже. Потому ездить было почти некуда.

Но сейчас нужно было снова получить доступ к деньгам. Хорошо, что отделение банка было через дорогу.

Выходя из квартиры, Марьям чувствовала, что ей чего-то не хватает. И поняла: мобильного телефона в сумочке или кармане. Без него она чувствовала себя беспомощной. Ни со знакомыми связаться, — да хоть с Владом, — ни помощь в случае чего вызвать. Не говоря уже о том, что, кажется, сама она исчезла из жизни всех людей, даже немногочисленных подруг. «Вне зоны» — означало вне жизни.

В банке ощущение беспомощности усилилось. Нет, сначала-то ее встретили приветливо. Ну, утеряны карточки, бывает. Их надо заблокировать? Нет? Просто выпустить новые? Это не проблема. Пожалуйста, напишите заявление, и ждите СМС-сообщение с кодом на ваш телефон.

— Но у меня нет телефона.

— Как это — нет телефона? — Девушка-менеджер смотрела на Марьям расширенными глазами. Она работала здесь уже больше года. Но никогда не встречалась с клиентом, который бы не имел мобильного телефона.

— Вот так. — Марьям развела руками. — Утерян одновременно с карточками.

— Тогда кто-то получил доступ к вашему счету? — спросила менеджер.

— Нет. Телефон не работает. К тому же, это было за границей. — Она подумала, что не надо рассказывать девушке эту историю. Та точно не поймет и не поверит. Она элементарных вещей, кажется, не понимает.

— Но у нас система предусматривает отправку СМС на телефон. Мы не можем без этого провести операцию. Восстановите телефон, и тогда приходите.

— А на что, вы думаете, я куплю новый телефон, если у меня нет доступа к деньгам?

Этот вопрос сбил менеджера с толку. Ответа она не могла дать.

На самом деле, Марьям могла бы сделать это. Когда они с Владом летели из России, тот попросил ее положить в сумочку пачку долларов. Потому что каждый человек при

пересечении границы может ввезти определенную сумму без декларирования; он снял с валютного счета в банке сумму, которую нужно было разделить на двоих, чтобы иметь наличные. А потом оставил эти деньги в ящике, сказав, что это «на первые нужды и, вообще, на хозяйство». Двести долларов и сейчас лежали в сумочке, — надо было обменять... Она могла бы приобрести дешевый аппарат из этих денег, но, во-первых, не считала их своими. А во-вторых, в конце концов, что это такое, чтобы банк ставил ей условия?

Но менеджер решить проблему не смогла. По ее словам, «система» просто не позволяла ничего сделать без мобильного телефона. Телефон нельзя было купить без денег, а деньги получить — без карточки, для доступа к которой нужен был телефон.

— А если внести, — хотя бы временно — в систему другой номер, и СМС придет на него? — спросила Марьям. Девушка посмотрела на нее глазами, похожими на чистый лист бумаги. Кажется, она была очень удивлена, что кому-то, — а тем более клиентке, — такое могло прийти в голову. Задумалась и выдала:

— Но сменить номер телефона, к которому «привязан» счет, можно только в банкомате. А для этого нужна карта.

Казалось, девушка получала удовольствие от того, что клиентка оказалась в затруднительном положении, а она сама может отказаться решать проблему, ссылаясь на «систему». И помочь некому. К кому она могла бы обратиться? К Владу? Он бы не отказал в помощи, но что бы он сделал с «системой» банка? К тому же, с ним связаться, опять же, невозможно без проклятого телефона!

Но нервы у Марьям были уже на пределе. Здесь, как клиентка банка, она чувствовала себя в своем праве. К тому же, кроме доступа к карточкам, были и другие дела. А то, что ей пришлось пережить недавно, тоже не добавляло крепости нервной системе.

— Если не можете решить проблему сами — вызовите сюда начальника вашего отделения!

Начальником оказалась женщина лет сорока. Увидев состояние клиентки, она отослала менеджера выполнять какую-то другую работу, а Марьям провела в свой кабинет, и выслушала. А потом развела руками.

— Но наша система действительно требует сообщение на телефон с кодом...

— И что, никак нельзя решить эту проблему? — Марьям была искренне удивлена. — Это элементарная ситуация — утерян телефон. Или сломался, или разрядился...

— Никогда ни бывало такого, чтобы такое произошло с картами и телефоном одновременно. Да еще, чтобы не было возможности приобрести новый... Но сейчас будем... что-то думать.

В отличие от менеджера, начальник отделения хотела помочь, и Марьям немного успокоилась. Но решить проблему было не так просто. Пришлось звонить сначала в центральный офис банка, а затем к каким-то техническим специалистам, занимавшимся этой самой загадочной «системой». А специалисты советовались друг с другом, с центральным офисом и начальником отделения. А потом связывались с разработчиком «системы», и, в конце концов, решили что-то «ввести в ручном режиме», для чего, по словам начальника отделения, «систему» пришлось почти что взламывать. Но, наконец, заявление о восстановлении утраченных карт приняли.

— И когда новые карты будут готовы? — поинтересовалась Марьям измученным тоном.

— В течение десяти дней, — был стандартный ответ.

— А чтобы их активировать, телефон понадобится?

Смущенное молчание было ей ответом. И, наконец, обменяв доллары в кассе того же банка, Марьям вышла на улицу. Теперь можно сделать покупки, чтобы дома хотя бы было что есть на первое время.

Потом она вернулась домой. Единственным средством связи с внешним миром остался компьютер, на котором тоже был установлен Вайбер. Марьям включила его, но поймала себя на мысли, что желание общаться таким образом с подругами, — да и сколько у нее в Киеве тех подруг? — таким образом не возникает. Вот если бы был телефон... Она написала сообщение судье, с которой работала, — о том, что уже вернулась из-за границы и вовремя выйдет на работу, но пока не на связи из-за потерянного телефона. Кому же написать еще? Сообщить Искандеру, что уже дома, нормально долетела..? Зайти на Фейсбук и рассказать историю о замкнутом круге в банке из-за отсутствия телефона? Но тогда ее спросят: а как же ты потеряла одновременно телефон и карточки? А рассказывать об этом кому-то, тем более в Киеве, конечно, нельзя. Да и желания нет.

Надо что-то приготовить поесть, неизвестно, когда точно вернется Влад. Даже об этом без телефона не знаешь. И как только жили без этого раньше? А потом она подумала, как быстро, кажется, они... привыкли друг к другу? Притерлись? Распределили роли? Ну, можно назвать и так... У нее не было другого выхода — или у обоих..?

Именно в этот момент Марьям услышала, как поворачивается ключ в замке.

То, что Марьям сразу дала ему запасные ключи, — знак доверия, подумал Влад, открывая дверь. Она делала все, чтобы... быть идеальной подругой? И тут же получил подтверждение, оказавшись в ее объятиях, как только снял куртку.

— Ну, иди сюда, голодный, наверное? — сказала она. — И... рассказывай, как дела. — Она снова была одета «как для дома, как лучше», заметил Влад. Он ничего не имел против. Последовал за ней на кухню, и поставил «дипломат» рядом со стулом.

— Помнишь, я тебе говорил, как тяжело быть богатым наследником? — улыбнулся. — Даже не представляешь себе, сколько дел... И завтра придется ими заниматься. После того, как из СБУ вернусь.

— А что они от тебя хотят? — в голосе Марьям было беспокойство.

— Еще не знаю, но думаю, ничего страшного. Просто допрос. Если бы это были проблемы, думаю, все выглядело бы иначе. Задержали бы, или «опера» пришли бы разговаривать, — пояснил он.

— Но в чем дело?

— Представления не имею. Никогда не сталкивался ни с чем по их линии. Завтра узнаю. А у тебя как?

— Намучалась там, где никак не ожидала! — и Марьям рассказала о своих злключениях в банке. Владу осталось только покачать головой.

— Вот уж не думал, что у нас с сервисом так плохо! Ты не будешь возражать, если я расскажу эту историю в Первом? — Он имел в виду Первый банк Каластана. — У них тоже карточки привязаны к телефону. Надо будет узнать, возможно ли у них такое. И если да, предложить переделать систему... Да, я знал, что без телефона — плохо. Но чтобы настолько?! Так что... у меня кое-что для тебя есть! — улыбнулся Влад, доставая что-то из «дипломата». На столе появилась коробка с логотипом «Эплл». — Чтобы больше не мучилась.

— Да ты что, я... — Марьям почти потеряла дар речи.

— Так и думал, что к первым необходимым хозяйственным расходам ты это не отнесешь. — Он продолжал улыбаться. — Поэтому пришлось позаботиться самому. Даже не думай отказываться! Нужно же, чтоб была на связи... К тому же, зайдешь в свой аккаунт — все контакты и приложения сохранятся...

Неуверенным движением она протянула руку к коробке.

— А откуда ты узнал, что у меня был айфон?

— Тоже мне загадка... Когда искал твои ключи в пепле, увидел обгоревший телефон. Не узнать было трудно, сразу понятно, что это айфон. Кажется, седьмой. Спасать там было нечего, но я его расковырял и сим-карту вытащил. Она здесь, в коробке. Если повезет, будет работать.

— Даже не знаю, как тебя благодарить... — Марьям уже поняла, что в коробке — аппарат последнего поколения.

— Мелочи... И знаешь, что больше всего непривычно, когда ты — богатый наследник? — Влад продолжал улыбаться. — Не те дела, которыми приходится заниматься. Я подобными и раньше занимался, только для других... А как раз то, что такие вещи — действительно мелочи. Что в таких... бытовых вещах можно не обращать внимания на текущие расходы. Вот когда мы ездили в Ростов, можно было вообще не думать: а сколько же топлива «съест» этот «Мерседес»? А «ест» он за двадцать литров, это же AMG с компрессором... И так далее, и тому подобное. Вот надо, чтобы ты была на связи, — и можно легко решить проблему...

Марьям было не понятно, действительно ли он так считает, или пытается приуменьшить значение того, что для нее делает... Действительно, считает ее «просто подругой», как и сказал с самого начала, теперь она убедилась окончательно. И подумала, что это и хорошо, и плохо. Плохо потому, что, кажется, Влад не осознавал, какая опасность, действительно, ей угрожала... Но сказала только то, с чем трудно было не согласиться:

— Хорошо иметь деньги! — Она ловко вставила сим-карту в телефон и дождалась сигнала сети. — О, работает!

— Набери меня, — попросил Влад, продиктовав номер. — Внесу тебя в контакты... Кстати, ты обратила внимание, что у нас все... наоборот?

— Как это?

— Ну, как обычно мужчина знакомится с девушкой? Сначала — узнает, как ее зовут, потом — спрашивает номер телефона. А потом, если повезет, приглашает к себе домой... и раздевает. А у нас? Увидел тебя впервые раздетой, потом ты оказалась у меня дома, а номер только сейчас узнал! После стольких дней... знакомства.

— Все, не как у всех? — Марьям наконец рассмеялась. Она как раз ввела пароль и подключила новый телефон к сети wi-fi, и теперь делала вход в свой аккаунт, чтобы «подтянуть» всю сохраненную там информацию. — Может, мы тоже не такие, как все?

— Ты — точно. А мне повезло, — сказал Влад. А потом оглянулся вокруг. — Надо будет все же дом подыскать...

— Дом — это хорошо. У Хусейна был, но... его сыновья забрали...

— Но тогда тебе придется выбирать, — сказал Влад. — Или бросить работу, или бросить меня, или ездить на работу из другого места. Каждый день за рулем...

— Да что ты опять говоришь... как будто хочешь меня выгнать? — сказала Марьям, но в ее голосе, казалось, уже не было такой паники. Краем сознания склонный анализировать все, что видит или слышит, Влад задался вопросом: это потому, что они уже не в Каластане,

а не среди хасанийцев, или просто чувствует себя теперь с ним более уверенно? К тому же, какое там «выгнать», когда это он находится у нее дома, а не наоборот? Но сказал, подняв руки так, будто ее слова одновременно раздражают и вызывают непонимание:

— Опять ты за свое?! Никто тебя никуда не выгонит... тем более с твоей же квартиры. Я говорю, что у тебя есть выбор. И время подумать над вариантами. Дом за два дня не покупают... Решить, что тебе больше нужно. Например, эта работа...

— Ну... — она поморщилась. — Среди людей все-таки надо быть... Но это... когда-то...

Она о чем-то задумалась, — Влад не торопил. А потом сказала:

— Это, наверное, хорошо, — выбирать...

[1] Торгсин (от «торговля с иностранцами») — советская организация, которая во время голода 1930-х годов, в частности, на территории Украины, занималась скупкой золота у населения, среди прочего, в обмен на продовольствие. Упоминается в песне Владимира Высоцкого «Лукоморья больше нет», там Кот Учёный «цепь золотую снёс в Торгсин».

[2] Квалификационно-дисциплинарная комиссия адвокатуры (в Украине — орган, занимающийся допуском к профессии адвоката и вопросами дисциплинарной ответственности адвокатов за нарушения).

[3] Служба безопасности Украины.

6. Национальная безопасность.

Влада всегда удивляла склонность размещать органы власти, суды и тому подобные организации там, куда или трудно добраться, или где почти невозможно припарковаться. Или и то, и другое. Аскольдов переулок — это от дома Марьям на другой стороне Печерска[1], пешком не дойдешь. А найти место, чтобы припарковаться, здесь — проблема. Только на это ушло минут десять (тем более — на огромном «Инфинити»), и еще потом дойти с одной из соседних улиц...

Но вот все препятствия были преодолены, и он сидел в кабинете следователя. Сергеем Дорошенко было лет тридцать пять, и он смотрел на Владу, казалось, с каким-то неодобрением.

— Знаете, по какому делу я вас вызвал? — спросил следователь.

— Со вчерашнего дня гадаю. Вроде никогда не имел дел с вашей службой, и со сферой ее интересов тоже, — пожал плечами Влад.

— Но мы занимаемся делами о терроризме, — подсказал следователь.

— И меня хотите в террористы записать? — На самом деле, Влад начал догадываться, о чем пойдет речь. Так оно и произошло.

— Вас? Нет. Но ваша сестра погибла в результате террористического акта. А мы ведем следствие... И вас надо допросить в качестве свидетеля.

— Тогда уже нужно было бы потерпевшим признавать... — решил перейти в наступление Влад. Он подумал, что следователь, видимо, не очень хорошо изучил того, кого решил вызвать на допрос.

— Вы будете этого требовать?

— Пока заявление подавать не буду. — Влад покачал головой.

— Ну, тогда ознакомлю вас с вашими правами. — Следователь зачитал стандартную и хорошо знакомую Владу формулу. — Итак, что вы можете сообщить по делу? Все же, погибла ваша сестра!

— Ничего. — Ему пришлось лишь развести руками. — Так случилось, что... я вообще не знал, что у меня есть сестра, пока она была жива. Тем более — что она живет в России, в Каластане. Мой отец оставил семью, кажется, в девяностом году, — пояснил Влад. — И уехал из Киева. С тех пор я ничего о нем не знал, как и о том, что он второй раз женился, и родилась Злата... Пока, чуть больше, чем месяц назад, мне не сообщил, что я имею право на наследство, адвокат из Каластана.

— Значит, сестру вы никогда не знали, даже о ее существовании не подозревали, но от наследства не отказались, — резюмировал следователь. Влад только улыбнулся.

— А вы бы на моем месте, что отказались?

— Нет! — рассмеялся следователь. — Но, во-первых, в Россию бы не поехал. А во-вторых, задумался бы: почему это ко мне приехал какой-то адвокат издалека, и хочет вдруг сделать меня богачом? Вы не задумывались? Если бы вы не знали о сестре и о наследстве и дальше...

— Ну, здесь долго рассуждать было не нужно: я подумал, что адвокат хочет заработать гонорар. Вы же знаете, что я сам занимался этой работой..? — Следователь, судя по всему, слышал об этом впервые. — Тогда, когда занимался, — я бы сам мог так сделать. Если бы, тем более, речь шла о таких деньгах. Это была первая мысль...

— Но потом вы ее изменили?

— Не изменил, а пришел к выводу, что это не единственное, чем руководствовался адвокат — его фамилия Таханов. Хотя гонорар свой он заработал честно. Но тут еще и другое... Каластан — маленькая республика. Там свои... расклады по бизнесу, свои связи и конкуренция. Если бы не я... Единственной наследницей была бы дочь Юнуса Талаева, Зарема. А она — жена Хайдера Тохова, тоже большой фигуры в местном бизнесе. Я так считаю, — сделал вывод по некоторым разговорам, которые там слышал, — что глава Каластана очень беспокоился, чтобы Тохов не сконцентрировал слишком много влияния в республике. Поэтому обратился к Таханову, чтобы этого не допустить. А тот нашел меня, — они ничего не могли сделать, я законный наследник, даже несмотря на то, что Злату никогда не знал.

— Они вам... ставили какие-то условия? — спросил следователь. — Возможно, заставляли что-то для них делать?

— Да нет... Вы смотрите с точки зрения вашей службы, — снова улыбнулся Влад. — Но это же не разведчики... Если бы это было, скажем, в Москве, я бы тоже удивился. А Каластан — такое себе маленькое государство в государстве. Они там решают свои проблемы, ну, и федеральный бюджет «пилят» потихоньку. На все остальное им, кажется, наплевать.

— Что ж, кажется, вы нам мало чем поможете. — Следователь распечатал протокол и дал его прочитать Владу. Тот внимательно ознакомился с документом и подписал.

— Я бы с радостью сделал что-то большее... — Он не грешил против истины. Теперь, когда выяснилось, что он, как таковой, следователя не интересуется, Влад почувствовал облегчение, хотя еще вчера пришел к выводу, что прямой опасности нет. Но, когда имеешь дело с «органами», одно дело — догадаться, другое — удостовериться. Особенно, когда только вернулся из России. Интересно, как они узнали, что он поехал туда по поводу наследства, и чьего именно? — А что, собственно, вы хотели от меня узнать?

— Нас очень интересует, зачем ваша сестра вообще приехала в Киев? Вы же, наверное, согласитесь, что это странно! Молодая женщина, которая только что стала вдовой, но

одновременно — очень богатой. Это произошло за границей, в Эмиратах. И вот, когда она может покинуть страну, она, — конечно, гражданка России, — летит не домой, не в Каластан. Даже в Москву. Она летит в Киев, где раньше никогда не бывала.

— Никогда? — удивился Влад.

— Нет. Вообще не въезжала в Украину. Ни как Злата Талаева, ни под девичьей фамилией — Бурсак. Мы проверили. Тогда — что ей здесь было нужно?

— К сожалению, понятия не имею. А вы, кажется, думаете, что она могла быть... не случайной жертвой? — догадался Влад.

— Мы проверяем все версии, — ответил следователь так, как и можно было ожидать. Вообще, странно, что он завел такой разговор со свидетелем. Но это было еще не все. — Вообще все. Особенно, когда речь идет о таких больших деньгах.

— Вы говорите, что не знаете, почему сестра полетела в Киев, — задумчиво сказал Влад, делая вид, что не понял намека. — А меня интересует, как она вообще стала женой этого Искандера Талаева...

— Что значит, как? — удивился следователь. — Вышла замуж за богатого... Как там у них говорят? Лицо кавказской национальности? Житейская история...

— Не все так просто... Вы знаете, какой именно национальности Талаевы? Они — хасанийцы. Это один из пяти коренных народов Каластана.

— Ну и что?

— А у хасанийцев очень... интересные брачные традиции... Я узнал об этом, пока был там. — И Влад рассказал о том, что браки у хасанийцев заключаются по сговору родителей молодых, но только об этом. — И вот среди такого народа, в такой семье появляется в качестве жены русская девушка. Конечно, она украинка по отцу, но для них все равно — русская... Причем ее родители давно умерли. Как же это произошло?

— Вам интересно? — спросил Дорошенко.

— Да. Теперь — да. И я попробую узнать, тем более, что мне надо будет узнать еще кое-что... уже собственное.

— Что ж, надеюсь, будете держать меня в курсе. Если узнаете.

— Если смогу...

Идя к месту, где оставил машину, Влад размышлял: этот намек следователя, что они проверяют и его причастность к убийству, — как раз ради наследства, — это случайность, следователь просто обмолвился? Не думал, что допрашиваемый сразу догадается? Или это было сказано специально, чтобы побудить его к чему-то?

Уже садясь за руль, чтобы ехать на следующую встречу, он подумал, что версия о преступлении из корыстных побуждений его собеседнику должна казаться очень удобной. Если это не теракт, тогда делом должна заниматься полиция, а не СБУ. А любая государственная структура старалась сделать так, чтобы дел у нее было поменьше. Если можно будет «доказать» версию, которая позволит передать дело кому-то другому, — они будут только рады. Он, Влад Бурсак, был очень «удобным» для этого объектом. Тем, на кого можно «повесить» такое дело. Его заинтересованность в наследстве очевидна, вот только как они «докажут», что о самом существовании Златы, а тем более — о том, что она в Киеве, он знал? А тем более — организовал убийство, замаскированное под теракт... Реальных доказательств они не найдут, а если захотят их создать..?

Это была уже совсем другая игра, не та, в которую он согласился играть, наблюдая за тем, как шевелятся усы Салмана Таханова.

— Нестандартна ситуация!

— Но разве мог я упустить такую возможность? — спросил Влад.

Собеседник знал, что вопрос был риторическим. Они были однокурсниками, а следовательно — знакомы больше двадцати лет. Еще тогда Владимир Раскутенко закономерно носил прозвище Распутин. И очень хорошо знал страсть старого товарища к автомобилям.

— Да, ты дорвался! — рассмеялся он.

— Разве тебе плохо? Денег зарабатываешь!

Владимир Раскутенко был таможенным брокером, причем занимался, среди прочего, именно автомобилями. Правда, в основном помогал автосалонам, точнее, так называемым «серым» дилерам, в оформлении автомобилей. Именно такой специалист нужен был Владу сейчас. Именно с ним Влад связывался из Каластана, чтобы получить ответ насчет возможности ввоза автомобилей из России. Сам Владимир считал его важным клиентом, вот, даже разговаривали они не в офисе таможенного брокера, — тот сидел в кабинете, который выделили Владу в компании «Нефтяные горы».

— Я ж разве против? — Он листал копии документов. — Ого! А ты знаешь, в Украине «Бугатти», кажется, пока нет..?

— Ну, теперь будет! Если, конечно, все сделаешь, вместе с другими...

— Да, придется. Но тебе же не только таможня нужна?

— Нет, все «под ключ». Встреча в порту, загрузка на автовозы, транспортировка в Киев, сертификация, растаможка, постановка на учет... У меня бегать по сервисным центрам не только времени — нервов нет, — пояснил Влад. — Я хочу, чтобы у меня стоял ряд машин, с номерами от 0001 до 0018.

— А на «Астон-Мартине» 0007? — опять засмеялся Владимир.

— Ну конечно! Там, в России, 007 стояли! Эстетика... Так как, берешься?

— Ну конечно! Доверенность только выдай. А куда их потом ставить будет надо?

— Позже скажу. Может быть, даже завтра. Но сами машины пока еще в Одессу привезут... Только бы не повредили!

— Я себе представляю, как будут таможенники беситься! — Таможенный брокер знал тех, с кем приходилось работать. — Такая коллекция, миллионная. А ввозится без каких-либо платежей! Деньги мимо бюджета... — Так ввозились автомобили, полученные по наследству. Хотя запрет на правый руль[2] и экостандарты распространялись и на такие машины, поэтому три и пришлось оставить в Каластане.

— А почему, ты думаешь, я их решил ввезти, а не на месте распродать? Ездить на хорошей машине — это вообще классно. А знать при этом, что сама машина тебе досталась даром, да еще и государству ничего не заплатил за нее, — вдвое лучше! Ну, разве я не прав?

Отношение обоих к поборам с автовладельцев было одинаковым, так что таможенный брокер согласился и скоро ушел. А Влад закрыл кабинет, сел за руль и уехал. Путь его лежал в промзону в Святошино[3] — именно здесь было много больших ангаров, один из которых он и арендовал на несколько месяцев. Здесь пока должны были храниться ввезенные машины. Пока этот вопрос не будет решен на более постоянной основе... Получив ключи от ангара и счет, который нужно было заплатить, он поехал в ближайший банк. Заплатить прямо из каластанского банка в Украине было невозможно, поэтому пришлось снимать наличные через банкомат, а потом вносить их через кассу. Влада раздражал, конечно, не

процент, который пришлось заплатить за снятие наличных, — сумма была относительно невелика, — а то, что пришлось стоять в очереди в кассу... Когда он вернулся в ангар, рядом с въездом на территорию его ждал парень. Встреча тоже была назначена заранее. Это был специалист по системам сигнализации и видеонаблюдения. Своя сигнализация, соединенная с пультом большой охранной фирмы, в ангаре была, но на время пользования помещением Влад хотел установить дополнительную, собственную. Машины, которые он собирался здесь держать, были лакомым кусочком для любого вора. Специалист осмотрел помещение и пообещал через день предоставить примерный проект системы видеонаблюдения. И, соответственно, сообщить цену на нее. С учетом того, что делать все это придется быстро.

Они распрощались, и Влад снова поехал в офис «Нефтяных гор», чтобы провести еще одну встречу, которая не имела отношения к компании.

Ох уж эти мне программисты! — думал Влад через пару часов. Завершив дела, за рулем он просто отдыхал. Тем более, что раньше никогда не ездил на большом внедорожнике. А мысли его касались последней встречи.

Еще с полгода назад, решив, что надо как-то зарабатывать деньги, и не просто водителем на грузовике, он решил научиться программированию. Но не для того, чтобы работать на какую-то компанию, а чтобы реализовать одну идею... Обучение он не закончил, хотя представление о программировании получил. А теперь, имея деньги, он имел возможность не заниматься этим сам, а взять на работу специалистов. Пока сидел в Хасанкале, у него было много свободного времени и ноутбук, оставшийся от Златы (его, кстати, Влад тоже привез в Киев), и подробно расписал за это время технические требования к продукту, который хотел получить. А сегодня встречался с двумя программистами, которые могли возглавить команду тех, кто будет реализовывать идею. Они привыкли работать из дома и по свободному графику, и встречу с ними нужно было назначать точно не утром... Вот они и просидели, обсуждая будущее сотрудничество, больше двух часов. У его собеседников было свое видение, и не только финансовое, но и техническое. Но, в конце концов, они договорились об основных вещах, а отдельные мелочи можно было решить позже. Как говорится, в рабочем порядке... А потом Влад подал через интернет документы на получение «электронного резидентства» Эстонии, так как компанию, через которую нужно реализовывать такой проект, лучше было зарегистрировать именно там. Тогда ею можно управлять из любой точки мира. Он уже проверил, как это можно сделать.

Вот и обдумывал теперь итоги встречи. За рулем хорошо думалось. Тем более, когда пробок уже нет, большинство из тех, кто ехал с работы, уже давно дома... Но, когда ехал по бульвару Дружбы Народов, он заметил моргание фар в левом зеркале.

О, смотри! «Номерок блатной — две «семёрочки»!»! — процитировал услышанную когда-то в интернете песню пассажир. Правда, песня была российская, поэтому там шла речь о трех, а не о двух. Но сейчас они видели перед собой темно-зеленый «Инфинити» с номером 0077. Эти трое, сидевшие в машине, ненавидели тех, кто ездит на таких автомобилях и с такими номерами. На их «Эмгранде» были большие наклейки: «Стафф» и «Антимажор».

Но парень, сидевший на переднем сиденье, даже не представлял, как отреагирует водитель.

— Да это же — алкашня известная! — Послышалось ругательство. — Две «сто

тридцатых» за год! — Статья 130 Кодекса об административных правонарушениях предусматривает ответственность за управление транспортом в состоянии опьянения, или за отказ от медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Полицейские и юристы именно так привыкли называть эти дела — по номеру статьи. И «активисты» тоже. Как вот эти, выехавшие этим вечером на «патрулирование».

— И что, он продолжает ездить? — удивленно переспросил сидевший позади. За такое нарушение обязательно лишали водительских прав — помимо большого штрафа.

— Она. — Еще одна матерная фраза. — Да порешала она все! «Мажорка» какая-то, еще и сама в суде работает... — Здесь присутствовал весь набор оснований для ненависти. — Наверное, опять бухая едет. Надо остановить, а ты пока ментов набирай!

Водитель «Эмгранда» нажал на газ, а пассажир рядом с ним достал телефон.

Влад заметил это не сразу. Окна «Инфинити» были затонированы, и довольно темной пленкой. Через зеркала никто не слепил, но, вообще-то, ездить было неудобно, а паркуясь вчера вечером во дворе, Влад вынужден был опустить боковые стекла, иначе заехать задним ходом было проблематично. Тогда еще он подумал, как же с такой тонировкой ездит Марьям? Видимо, привыкла. Скорее всего, как машина досталась ей от мужа, так ни на чем другом и не ездила. Было логично думать, что такую тонировку сделал именно милицейский генерал, — подобные люди любили такую «приватность», — а она просто не стала ничего менять. И ни разу не попала патрульной полиции. Конечно, снимать тонировку на машине, которая ему не принадлежала, Влад не мог.

И вот теперь не сразу заметил, что кто-то в левой полосе моргает дальним светом. Но и не опережает.

За двадцать с лишним лет за рулем он привык к разным неадекватным водителям. И решил не реагировать. Влад точно знал, что никого не «подрезал», потому что давно двигался, не меняя полосы, да и вообще водил осторожно. Если бы, например, спустило колесо, о чем мог хотеть сообщить ему другой водитель — он считал, что почувствовал бы это по поведению машины. Все остальное, что бы это ни было, могло подождать. Хотя, когда приедет, нужно будет посмотреть, работают ли, как положено, габаритные огни и стоп-сигналы. Но останавливаться из-за этого он не хотел. И немного прибавил газу, — может быть, этот «моргун» отстанет...

— Ты смотри! Оторваться хочет!

— Ага. Щас! — сказал водитель «Эмгранда», резко нажав на газ. Машина разогналась более чем до ста километров в час, и начала опережать большой внедорожник по левой полосе. — Тормозим ее! — Он выкрутил руль вправо, одновременно нажимая на педаль тормоза.

Уставший после тяжелого дня, Влад не предвидел таких агрессивных действий водителя «Эмгранда». Может быть, он немного заоздал с торможением. Левая часть бампера «Инфинити» въехала в правый борт «Эмгранда», легковой автомобиль от столкновения с тяжелым внедорожником развернуло и легонько ударило об отбойник.

— Она въехала в нас!

В салоне «Эмгранда» стоял мат, как в матросском кубрике. Высказываться все трое

начали еще раньше, чем легковушка замерла у отбойника. Удар не был сильным, даже не «выстрелили» подушки безопасности. Трое парней в салоне не пострадали. И теперь открыли двери, настроенные разобраться с особой, устроившей им такое...

Влад тоже выругался, резко остановив автомобиль. Вот только этого ему и не хватало! Последний раз в аварию он попал лет шесть назад. А тут еще и не на своем автомобиле... Первая мысль была о том, как хорошо, что вчера, когда заезжал в магазин электроники за айфоном для Марьям, купил еще и видеорегистратор. По цене — мелочь, а теперь...

В следующее мгновение Влад увидел, как от легкового автомобиля к нему бегут трое мужчин. Со злым выражением лиц и серьезным намерениями.

Решение пришло мгновенно. Они находились слева от авто. Надо зайти с другой стороны. Отстегнув ремень безопасности, Влад мгновенно, — сам от себя не ожидал такой скорости! — перебрался на правое сиденье, открыл дверцу и вывалился на дорогу.

— Где она?! — Водитель «Эмгранда» рванул на себя ручку водительской двери «Инфинити». Те не поддались. Кто в салоне, не было видно из-за темноты и тонировки. Один из его товарищей побежал вокруг внедорожника сзади, второй посмотрел ему вслед. Все трое продолжали матюками комментировать происшедшее. Виновной все считали владелицу дорогого внедорожника.

Из-за капота которого внезапно появился здоровенный бородатый мужик, в два прыжка преодолел расстояние между ними, и схватил за воротник водителя «Эмгранда», оттаскивая от машины.

— А ну, что вы тут...?

Одним рывком Влад повалил первого противника, того, что ломился в дверь, на асфальт. Увидев это, второй бросился на него с кулаками. А тот, что упал, закричал:

— Леха, бьют!

А потом вскочил и бросился к своей машине.

Влад никогда не занимался ни боксом, ни борьбой, и вообще не любил драться. И делал это по-настоящему, — если не считать детства, — всего лишь несколько раз в жизни. Но когда такое случалось, — те, кто были свидетелями, потом говорили, что у него включался «режим берсерка». Вот и сейчас — в кровь хлынул адреналин, усталость была забыта, а мозг автоматически просчитывал, что его противники могут предпринять. Кажется, только один из них ростом почти с него, другие — значительно меньше. Но все же — их трое! К тому же, нужно еще и не покалечить, тем более — не убить. Хорошая новость заключалась в том, что продержаться надо лишь несколько минут. Скорее всего.

В стекле автомобиля Влад увидел отражение того, кто пытался броситься на него сзади, — очевидно, Лехи. повернулся и встретил его ударом в лицо, одновременно ударил ногой в живот того, кто до этого стоял перед ним со сжатыми кулаками, и ожидал, в худшем случае, такого же боксерского удара. А получил тяжелым носком кожаного ботинка, согнулся и сделал шаг назад. А Леха пошатнулся от удара.

На секунду они остановились. Влад сделал шаг в сторону, чтобы не стоять между ними, и оглянулся вокруг. Все? Нет! Тот, кого он сначала поднял за шиворот и повалил, теперь возвращался от своего разбитого автомобиля, и протягивал Лехе битую, а сам держал в руках телескопическую металлическую дубинку.

— Вам мало? — сказал Влад, но ответа, понятно, не дождался. Противники перекрикивались только между собой. И бросились на него. Тот, что без биты или дубинки, вынужден был подойти на расстояние удара, — этим Влад и решил воспользоваться, поймав его за запястье и потянув на себя. И закрывшись им от удара биты в руках Лехи. Оставался водитель «Эмгранда» с его дубинкой. Это было опасно. Того, что без биты, Влад сильно толкнул в сторону Лехи с битой, так что они оба упали. А сам, используя энергию толчка, наклонился и бросился мужчине с дубинкой в ноги, подумав на мгновение, что куртку придется отдавать в чистку. Шанса устоять на ногах у противника не было, но оружие свое при падении из руки он не выпустил. К его несчастью, рука оказалась рядом с ногами Влада, который пяткой сильно ударил по пальцам, сжимавшим рукоятку дубинку. Раздался крик, в Влад, вскочивший на ноги, еще несильно ударил противника ногой под ребра, — только, чтобы помешать ему подняться. И для профилактики тоже.

Этот, кажется, выведен из строя. Но на него бросились двое других, один все еще с битой. Вот же настырные! Но в этот момент соотношение сил резко изменилось. Рядом затормозил «Рено Дастер» с желтыми «мигалками», раскрашенный в цвета известной охранной фирмы. Трое парней в униформе и с дубинками выскочили из него, и через мгновение владелец биты и его товарищ оказались на асфальте лицом вниз. А старший из охранников спросил Влада:

— Все в порядке?

Тот только отряхивал одежду.

— Вроде бы... Полицию вызывайте.

— Сейчас.

Охранник пошел к своему автомобилю.

Еще перелезая с водительского сиденья на пассажирское, только увидев, что к нему с явно агрессивными намерениями бегут трое, он тут же открыл приложение на телефоне и нажал «тревожную кнопку». Такую услугу охраны он заказал еще пару лет назад, во время работы адвокатом (на этой работе всякое бывает). В Киеве на вызов должны были приехать охранники — тот экипаж одной из охранных фирм, который окажется ближе. Но только в случае физического нападения. Сейчас был как раз такой случай, — эту систему ему пришлось испытать впервые. Клиента, которого надо защищать, охранники должны были узнать по фотографии в планшете, а место определялось по координатам спутниковой навигации.

— Хорошо система работает! — сказал Влад старшему охраннику, который вернулся к нему. — Можете оставаться на месте?

— Да, час.

— Надо будет, чтобы ваши данные полиция записала. — Охранники подъехали как раз в тот момент, когда на Влада бросились двое противников. Идеальные свидетели.

— Да, у нас и регистратор есть...

В это время, кажется, немного пришел в себя водитель «Эмгранда». Еще лежа на земле, удивленно смотрел на Влада.

— А... Марьяха где?

— Я за нее. Но тебе уже все равно. Ночевать будешь в камере. Если не в больнице. Я тебе пальцы не сломал?

— Не знаю... — Он выругался. — Так это ты был за рулем?!

— Дошло, наконец...

— А мы думали, пьянь эта... Ой! Нет, извини, мы правда не думали.

— А надо думать! Иногда бывает полезно...

Общаться с ним желания не было, но хорошо, что охранники слышали этот диалог. Теперь, думал Влад, осматривая поврежденные бампер и крыло «Инфинити», нужно позвонить Павлику, — его однокурсник теперь был заместителем начальника Печерского райотдела. А потом Марьям, конечно.

Рядом остановился первый полицейский автомобиль. Патрульным пришлось лишь констатировать, что возможный потерпевший и частные охранники сделали всю работу. А поскольку это не обычное ДТП, придется ждать следственно-оперативную группу...

— Да целый, целый, как видишь!

Из объятий Марьям Влад не сразу освободился.

— Они тебя... не побили? Иди сюда...

— Как видишь, нет. Вот только о лицо одного костяшки на руке разбил. Неприятно... А ты мне не рассказывала ни о делах по «сто тридцатой», ни о том, что у тебя есть такие... поклонники среди «активистов»!

Домой, как стал он называть квартиру Марьям, Влад вернулся уже почти ночью. Она ждала и, кажется, действительно волновалась. Влад на секунду задумался, а беспокоился ли так за него кто-то когда-нибудь? Кроме мамы, разве что... Вряд ли Марьям играет, так сыграть трудно...

И ужин ждал, тоже приятно. А Марьям начала рассказывать:

— Да, было. Первый раз — действительно, был грех... Вскоре после... того, как закончилась та история... со вторым мужем. — Влад обратил внимание, что она даже не называет его по имени. — Но дело пошло в Печерский суд. А там закрыли по сроку, не успели рассмотреть. — Административное взыскание можно наложить в течение трех месяцев после нарушения. Если суд рассмотреть дело не успел, дело приходится закрывать. А Печерский суд был самым загруженным в Киеве, поэтому такое случалось нередко. Общественность, «активисты» и полиция часто возмущался. Но не суды были виноваты в том, что половина должностей судей была вакантной! Слишком много их уволилось, или было уволено, за последние годы, к чему разнообразные «активисты» тоже приложили руку. А на оставшихся, соответственно, увеличилась нагрузка...

— А второй раз?

— А когда оформляли первую... Кстати, среди тех, сегодня, не было такого, с круглым лицом и шрамом на верхней губе?

— Был. Именно он и был у них за рулем. Он и на меня напал, а затем с битой вернулся... А что?

— Он — какой-то «активист». Говорил, что они патрулируют для борьбы с пьяными. Записался свидетелем в протоколе. А потом... нашел меня, наверно, по адресу. Сказал, что... в суде скажет, что протокол с нарушениями, чтобы дело закрыли. Если соглашусь с ним встречаться.

— Ничего себе у нас «активисты»! — присвистнул Влад.

— Да, наверно, очень обиделся, когда я ему сказала, что его помощь не нужна. Вот после этого вторую «сто тридцатую» мне уже «нарисовали». Наверно, полиция по его просьбе. Но сделали это так, что суд направил дело на дооформление. А потом тоже закончился срок... А он теперь, видимо, на меня «охотится». Еще несколько раз

останавливали и «продували»...

— Предупреждать надо! — сказал Влад с интонацией, как в старом советском фильме. — Может, машина была бы целая... Но «охотиться» он тебя точно не будет.

— Ты его... напугал? В больницу хоть не отправил? А то у тебя будут неприятности...

— В камеру я его отправил! Всех троих, точнее. Однокурсника набрал, он — заместитель начальника райотдела... Быстренько им за хулиганку групповую в ЕРДР оформили. — Расследование начиналось с внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. — Завтра на санкцию повезут. Если судья только видео посмотрит... С моего регистратора, с регистратора охранников, и с их... Я следователю подсказал, чтобы изъяли. И чтобы к ходатайству добавили. Думаю, всех трех закроют. Туда им и дорога... А потом еще следователь по той дубинке экспертизу назначит, возможно, признают холодным оружием...

— Если это «активисты»... Скандал будет! И тебя, и меня во всех газетах грязью поливать будут... — Марьям была расстроена. — Извини, что я в такое тебя...

— Да при чем же здесь ты? — удивился Влад. — Это они на тебя напали... К тому же, никто нам ничего не сделает. Потому что видео я уже с регистратора на телефон сбросил, и, когда еще в полиции сидел, на Фейсбуке выложил. То, где я спокойно еду, а они на таран идут, а потом к машине бросаются, матерятся и двери ломают. С подробными объяснениями, что произошло. — Пост в соцсети даже был помечен местом — «Печерское районное управление полиции», где Влад раз и писал заявление. Заголовок был: «Нападение «активистов»!», А потом излагалась вкратце история, к посту были добавлены видео и несколько фотографий. — А если мы успели первыми, то всюду будут цитировать именно нашу версию... тем более, она полностью правдива. Я только тебя прошу, потом к следователю на допрос подскочи, надо, чтобы история о том, как он, пользуясь тем, что «активист», к тебе приставал, тоже в деле была... Если судья попадетя — женщина, будет очень хорошо.

— А... ты хочешь, чтобы дошло до суда?

— Да. — Голос Влада стал жестким. — И сделаю все, чтобы эта мразь получила реальные сроки. Они уже дошли до того, что идут на таран на дороге и устраивают драки, — хорошо, что им попался я, а если бы ты ехала?! Или даже мужчина, но... не моих размеров? К тому же, я эту публику давно терпеть не могу. Кто такие эти «активисты»? Самозванцы, которые присвоили себе право говорить от имени общества. Сами вершить правосудие, на что их никто не уполномочивал. Которые, в лучшем случае, сами взяли на себя полномочия полиции, а в худшем — обычные стукачи. Которые прикрываются красивыми фразами, а на самом деле хотят или денег, или власти, или, как в твоём случае... Подонки! Они подрывают закон хуже тех коррупционеров, о которых все говорят, и с которыми эти «активисты» якобы борются. Они разводят вокруг махновщину, а анархия — угроза для государства. Это — преступники, которые сами себя поставили выше закона, и им это позволили сделать... Чем их меньше вокруг, тем спокойнее жить всем нам... До всех добраться я не могу. Но если уж они «наехали» на меня, прослежу, чтобы на их примере другим стало понятно: все им позволено! Причем сделаю это только юридическими методами. Хотя и привлеку всех знакомых, которые еще у меня остались...

— Злопамятный? — Марьям улыбнулась, кажется, впервые за этот вечер.

— Я не злопамятный. Я просто злой, и память у меня хорошая! — рассмеялся Влад. — К тому же, время теперь тратить, машиной заниматься...

— А я как раз думала завтра утром поехать заявление на паспорт подать... Пока на работу не вернулась, чтобы можно было в рабочее время.

— Поедешь. — Влад пожал плечами. — Машина на ходу. Я пока из дома поработаю, надо кое с кем созвониться... А потом к ребятам отгоню, пусть посмотрят и запчасти закажут, а мы пока экспертизу сделаем. Чтобы этим мерзавцам иск на полную катушку... Правда, машина у тебя крепкая, почти не пострадала.

— Да главное, что ты не пострадал! — снова сказала Марьям. Встала, взяла его за руку и потянула в спальню. — Что бы тогда...

— Неужели на самом деле так боишься? Из-за этих троих... — Влад с улыбкой наблюдал, как она раздевается. Впрочем, за веселой интонацией скрывался серьезный вопрос, это Марьям понимала. Замерла на секунду посреди комнаты, потом повернулась к нему и заговорила быстро, как бывало, когда она волнуется.

— Боюсь. Но не того, что ты думаешь... — Она сделала паузу, будто набираясь сил сказать то, что собиралась. — Там, в крепости, я поняла одну вещь... Когда я... сделала выбор, чтобы жить, хотя бы и в рабстве... — Влад мимоходом подумал, что это слово здесь, в обычной квартире на Печерске, звучит еще более дико, чем там, в полуразрушенной горной крепости. Но для Марьям, кажется, это был настоящий выбор. Ему до сих пор было трудно в это поверить. А она, между тем, продолжала. — Когда я подошла к тебе...

— Подбежала, — уточнил Влад.

— Да, подбежала. И прижалась к тебе. Вот так... Показывая, зачем я тебе могу быть нужна... Потому что — что еще я могла предложить? И ты помнишь, что ты сделал? Ты отступил на шаг, а потом спросил: они это серьезно? Я сначала подумала, что ты... собираешься оставить меня там. Что я тебе не нужна. А потом ты это спросил... Когда я бежала... я видела, что ты смотрел на меня... на мое тело, и что тебе нравилось то, что ты видишь. Все мужчины, которые стояли там, смотрели. Многие, я уверена, пожалели... что они не неверные. Любой был бы рад воспользоваться... А ты спросил, серьезно ли они. Спросил именно у меня, потому что не хотел... нет, может, ты им и верил, но не хотел решать мою судьбу... без меня. Если бы я не считала, что это серьезно... И тогда я поняла... Поняла еще до того, как снова смогла дышать. Что... судьба меня еще никогда не сводила с таким... порядочным человеком! И не сведет...

В ее глазах стояли слезы, и Влад снова оказался в ее объятиях. Но теперь последний бастион сопротивления тому, что произошло, в его душе рухнул. Но где-то на краю мозга мелькнула мысль: если он сам, Владлен Бурсак, не считает себя светочем благородства, тогда... какие же люди всю жизнь встречались на ее пути?

[1] Печерск — историческая местность в центре Киева. Там находится Киево-Печерская лавра («печера» по-украински — пещера), отсюда и название района.

[2] В Украине с 1994 года запрещена первая регистрация (при ввозе в страну) автомобилей с правосторонним расположением руля. Разрешена эксплуатация и перерегистрация (например, при смене владельца) таких автомобилей, ввезенных в страну до этого.

[3] Местность в Киеве (окраина).

7. Без границ.

— Если не секрет, кто вам дал мой телефон? — спросил собеседник. Его профессия требовала осторожности. Тем более, когда имени, которым представился звонивший, он

никогда не слышал, а на предложение приехать в офис тот ответил, что не сможет.

— Александр Руденко из Киева. Он сказал, что вместе с вами учился, — ответил Влад. Разговор шел на русском, и звонил он с российского номера. Потому что собеседник находился в Москве. — Я его спросил, нет ли у него знакомого частного детектива в России. И он порекомендовал вас.

— А-а, ясно. Саша далеко пошел, говорят!

— Один из лучших в Киеве по налогам, — подтвердил Влад.

— И какое дело вас интересует? Насколько я понял, вы там же, в Киеве. Хотя номер — российский... — частный детектив продемонстрировал наблюдательность.

— То тут, то там... Хотя сейчас в Киеве, потому и не могу к вам приехать. Придется решать вопросы по телефону. Или по электронной почте. По крайней мере, пока.

— Так какое, все-таки, дело?

Детектива звали Дмитрий Ратников, по словам Руденко, он много лет работал в милиции, потом полиции. Вышел на пенсию и решил открыть собственное дело, занимаясь при этом тем же, что знал и умел. Российский закон, в отличие от украинского, признавал деятельность частных детективов.

— Дел два. Хотя, когда брал номер у Александра, думал, что будет одно. — Кажется, детектив должен услышать, что он улыбается, подумал Влад. — Оба, можно сказать, семейные. Первое заключается в том, что бывшая жена вывезла за границу сына. И, по некоторым данным, как раз в Россию. Но не знаю, куда именно. Надо их найти...

— А дальше что? — спросил Ратников. — Будете... вывозить? — Такие споры между родителями часто заканчивались уголовным делом о похищении ребенка, — не только в России. Детектив не имел никакого желания быть причастным к подобному.

— Ну, мы же — культурные цивилизованные люди! Сначала хочу убедиться, где они живут, какие условия у ребенка. А потом уже — принимать решения. В любом случае, действовать будем... правовыми методами, — успокоил его Влад.

— Это хорошо. Надеюсь, найдем вашего сына. Обычное дело. — Подобные истории, очевидно, дают ему существенную часть дохода, разве что нечасто речь идет об иностранцах. — Данные жены и сына пришлите мне на электронную почту. И все, что знаете... А второе дело?

— А вот второе как раз не очень обычное... У меня была сестра. Хотя я о ней ничего не знал... — И Влад коротко рассказал историю своей семьи — насколько для работы по делу нужно было знать детективу. К тому же, российскую часть истории он знал только со слов Салмана Таханова. Детектив внимательно выслушал, а потом сказал:

— Интересно. Но чего вы хотите в этой истории от меня? Если ваша сестра погибла там, у вас, в Киеве...

— Хочу знать, где Злата жила до того, как оказалась в семье Талаевых. И, собственно, как она там оказалась. Потому что то, что я знаю о хасанийцах, о том, как они живут, как создают семьи, не очень-то позволяет понять, как такая девушка, из такой семьи, могла выйти замуж за одного из них. Что-то подсказывает: если узнаю это, — пойму, и почему она погибла...

— А вам нужно это знать? Ведь вы ее не знали при жизни.

— Нужно. Да и вообще, знать всегда лучше, чем не знать... — задумчиво сказал Влад.

Через несколько минут, оговорив финансовые вопросы, они закончили разговор.

Затем он включил ноутбук. От частного детектива нужно было ожидать на почту образец договора и реквизиты для оплаты. Оплатить он сможет через интернет со счета в каластанском банке. Оставалось надеяться, что платеж пройдет в общей массе, и никто не заинтересуется, зачем ему услуги московского частного детектива.

Вдруг Владу пришло в голову, что кое-что узнать он может, и не платя денег детективу. Ноутбук, который стоял перед ним, когда-то принадлежал Злате. А это означало, что можно попробовать кое-что узнать о неизвестной сестре. До сих пор он этого не делал. Только создал новые папки для собственных документов и вошел в свою электронную почту. Но ничего не удалял. Просматривать старую информацию — до этого пока не доходили руки, и ему казалось, что это тоже самое, что читать чужие письма. Но, если он хочет что-то узнать, придется заняться именно этим.

Почтовая программа была «пустой». Видимо, у него и у Златы была одинаковая привычка: работать с электронной почтой, заходя в собственные ящики через браузер. Вот только Влад пользовался Хромом, а Злата предпочитала Орега. И не выходила из почты, — кстати, как и Влад, она имела аккаунт в Gmail. В любом случае, в ящике стола в доме в Хасанкале он нашел — или, если быть точным, это Марьям нашла, — бумажку, на которой четким почерком был написан адрес почты и пароль. Даже если бы Злата вышла из аккаунта, он бы мог восстановить доступ. Очевидно, когда компьютер оставался в доме, она не беспокоилась о безопасности, — или, возможно, вообще относилась к этому, как и многие пользователи, легкомысленно. Владу все это сейчас было на руку.

К счастью, в почте были и письма, написанные и полученные незадолго до гибели. Нужно было сделать вывод, что в Эмиратах Злата имела доступ к другому компьютеру.

А вот ничего особенно интересного в почте не было. Судя по письмам, никаким бизнесом Злата не занималась, все это, видимо, было делом мужа. Возможно, тот ее к делам просто не допускал. Какие-то письма от банка по обслуживанию личной карточки, письма от магазинов...

Среди всего этого нашлось и переписка с подругой. Казалось, подруга у Златы единственная, но давняя. Ирина Ладычева. Влад начал изучать их переписку, но проблема была в том, что постороннему трудно было что-то в ней понять. Письма состояли из обсуждений каких-то историй из прошлого, которые обеим собеседницам были хорошо известны, а потому в письмах не было их сути. Лишь упоминания о них и обсуждение, как это повлияло на их жизнь и на жизнь еще каких-то людей. Если бы они писали подробнее! Понять можно было лишь одно: самое большое разочарование в жизни Златы — это то, что она не успела получить высшее образование. Бросила учебу. Но почему? Ответа не было, обе подруги сами знали это очень хорошо.

Гибель мужа и свекра Злата, судя по письмам, переживала тяжело. Но сначала не знала, что со всем этим делать. А потом, недели за две до того, как оказалась в Киеве, написала, что будет пытаться «взять, наконец, судьбу в собственные руки». Потому что «еще раз такого она не перенесет», да и о ребенке думать надо. Что бы это значило, чего именно она боялась? Нужно было узнать. Написать Ирине? Но та может просто ему не доверять. С чего бы у нее было другое отношение? А больше ничего о ней неизвестно. Надо будет ее данные отправить частному детективу. Возможно, тому удастся ее найти и поговорить.

Интересно было, что же просматривала в Интернете сестра. Влад вошел в истории просмотров, — но и перечень сайтов ничего ему не сказал. Судя по всему, Злата активно занималась интернет-шопингом. И между десятками страниц различных магазинов

прятались новостные и другие сайты, которые она посещала. Пару сайтов по искусству, социальная сеть Вконтакте. На ее страницу Влад тоже зашел, обойдя блокировку[1], но ничего интересного там не было, кажется, страницу Злата завела лишь формально. Все же так делают... Даже друзей у нее было всего несколько. Что и для кого писать..? А вот фотографии сестры Влад увидел едва ли не впервые. Красивая женщина, блондинка. С удивлением Влад обнаружил, что она еще и на одном автомобильном форуме зарегистрировано. Значит, Злата водила машину? Интересно, на какой из целой коллекции мужа ездила? Ни одной модели из тех, что считают «женскими», там не было. Хотя это, конечно, не показатель, — Влад вспомнил Марьям, которая спокойно ездила (да и сейчас поехала восстанавливать свой паспорт) на большом внедорожнике, и за все эти годы ей даже в голову не пришло сменить его на что-нибудь вроде «Фиата-500» или «Мини-Купера»... Но и постов Златы на форуме было очень мало, в обсуждениях она почти не участвовала. Это и понятно. Вряд ли она разбиралась в технике, а обсуждение того, как водят в Москве или Питере, неинтересно человеку, который ездит по горным дорогам Каластана, и вряд ли когда-нибудь сидел за рулем в большом городе. Кто, кто, а Влад точно знал, что с точки зрения водителя — это разные миры.

К тому же, в отличие от писем, историю просмотров можно было посмотреть только на этом компьютере. Так что, какие сайты посещала Злата, когда была в Эмиратах, было неизвестно.

Но это не относилось к истории поисков в Google, подумал Влад. Ее можно было посмотреть со всех устройств, подключенных к аккаунту. Он решил посмотреть, что же искала Злата в интернете. Первая же попытка дала интересные результаты, и Влад стал вводить в окно поиска по одной букве, — в алфавитном порядке, — чтобы получить больше результатов по каждой букве отдельно, сначала русского алфавита, а потом латинского. Жаль только, что нельзя было узнать дату, когда делался каждый запрос. Впрочем, можно было сделать выводы... Потому что сначала шли запросы по поводу каких-то вещей, — они явно относились все к тому же шопингу. Потом последовали запросы, касающиеся отправки тел погибших. За ними — по закону о наследовании в России. После них — появились словосочетания (русском и английском): «вид на жительство Европейский Союз», «виза инвестора Британия», «паспорт за инвестиции». Но одними из последних были запросы со словами: «Владлен Бурсак Киев» и «Влад Бурсак Киев».

Похоже, подумал Влад, что, в отличие от него, и не подозревавшего о существовании сестры, Злата знала, что у нее в Киеве есть брат. Это было логично: отец при жизни мог рассказать ей. Но из всего этого следовал вывод: скорее всего, Злата приехала не просто в Киев, она приехала к нему. Приехала, чтобы найти брата. Приехала после того, как решила «взять свою судьбу в собственные руки». Но найти его и встретиться не успела.

А из этого следовало, думал Влад, пока писал ответ на только полученное письмо от частного детектива (в нем он решил указать те сведения, которые получил из переписки сестры), что следователь СБУ мог быть не так уж и неправ: Злата могла оказаться не случайной жертвой. Если они не только не раскрыли это дело, но и не рапортовали об активном расследовании, которое вот-вот даст результат (как обычно делали по «громким» делам), — это означало, что с убийством Златы было что-то не так... И, если убить ее решили таким образом, чтобы это было похоже на «теракт против мусульман для дестабилизации обстановки в стране», и не остановились перед другими жертвами, не пощадили и ребенка, — ставки были очень велики. И дело здесь вряд ли в наследстве. У

Хайдера Тохова и так достаточно денег, к тому же, в таком случае нужно было найти и сначала убрать самого Влада. Нет, здесь что-то другое. На карту было поставлено что-то очень важное, — но что?

Если этот «теракт» совершен по заказу, то доказательства следствие может найти. Тем более, когда выяснили о наследстве, они могут плотнее отрабатывать эту версию. Но настоящего заказчика вряд ли найдут. И могут «пристегнуть» к делу его, — следователь уже намекал... А значит, он должен предложить им другую версию. Правдивую или правдоподобную настолько, чтобы они, наконец, оставили его в покое. И, желательно, такую, которая не имеет отношения к Украине, подумал он, и в этот момент услышал, как открывается входная дверь.

Марьям вернулась. Ей, решил Влад, пока лучше не знать обо всем этом. И выключил компьютер.

— А где машина? — Влад не увидел «Инфинити» во дворе.

— На улице. Ты же говорил, что куда-то поедешь...

— Да, на СТО отгону. А пока что-то другое арендую. Кстати, права покажи, я пересниму и в договор тебя впишу, чтобы могла за руль той машины сесть...

Марьям посмотрела на него каким-то странным взглядом. Но достала документы из сумочки, лежавшей рядом.

— Ты что, уже договорился?

— Предварительно. Ну как, все сделала?

— Да. Пообещали, что скоро будет готово... — Оба знали, что верить таким обещаниям о сроках можно далеко не всегда. — Сейчас поедешь?

Влад посмотрел на часы.

— Нет, немного времени еще есть, а потом еще неизвестно, куда... Перекушу чего-нибудь. — Марьям это пожелание восприняла как сигнал, и пошла доставать что-то из холодильника. — Слушай, хотел тебя спросить... А откуда вообще это название — хасанийцы?

— Есть такая легенда... Что когда-то, лет пятьсот назад, в наши горы пришел мулла Хасан. Иногда его еще называют шахид Хасан, — начала Марьям. — Он никому не говорил, кто он и откуда. У него была большая семья, и именно он основал Хасанкалу. Еще о нем рассказывают, что он был воин, которому надоело воевать, который больше не хотел убивать. Поэтому он завещал молиться и торговать, и торговлей укреплять свое могущество... Так всегда хасанийцы и делали. А еще... он покупал рабов. И рабынь. Все хасанийцы — потомки семьи Хасана и его рабов.

— А где он их покупал?

— Наверно, у соседних народов, которые воевали... А может быть, они и до турецких рынков добирались. Не знаю... Тем более, никто не знает, из какого народа был сам Хасан. Некоторые слова, похожие на турецкие, в нашем языке точно есть. Говорят, и на персидские, но тут утверждать не могу.

— А ты знаешь турецкий? — удивился Влад.

— Да. А почему это тебя удивляет? Когда оказалась в Украине, то через пару лет на украинском заговорила. А потом — я же тебе говорила, что жила с чеченцем из Турции... Вот оба языка и выучила. Турецкий хуже, а вот за чеченку некоторые его знакомые меня принимали...

— Тогда у тебя к этому талант! А с английским у тебя как?

— Читать могу, разговаривать — тяжело. Вот если бы пожить там...

— Значит, ты из тех, кому проще воспринимать на слух, — заключил Влад. — Кстати, я говорил, что хочу только перекусить, а не полный обед, но ты меня заставляешь... — Он улыбнулся. — А что касается хасанийцев... Если этот Хасан был мулла, то, очевидно, вы — не только народ, но и отдельная религиозная группа, да?

— Да, но сейчас, говорят, различий уже меньше, чем сто лет назад. Когда я бывала в мечети в Киеве или в Турции... не было большой разницы. А вот раньше, рассказывали... Правда, ты говоришь «вы», но... меня уже нельзя относить к народу.

— Как это? — удивился Влад.

— Тот, кого поставили перед людьми... если он выбирает рабство, то перестает быть хасанийцем. Так было всегда... Ты обратил внимание, что с Искандером мы разговаривали на русском? И по телефону, и потом, когда он нас вез в аэропорт.

— Да, но я думал, что это из-за меня. — В мозгу Власти проскользнула мысль: какое, наверное, у меня сейчас лицо дурачка, который ничего не понимает. Или не может поверить в то, что слышит.

— Ну, и из-за тебя тоже... Но самое главное, потому, что... я сделала такой выбор. И после этого... я уже не буду одной из народа. Я могу общаться с родственниками — если ты разрешишь. Но не могу разговаривать на их языке.

— Гм... А перевести мне, например, сможешь, если понадобится?

— Если ты мне прикажешь — да. — Влад решил не делать замечания за это «прикажешь», потому что сейчас она рассказывала о традициях... Но все еще не мог поверить, что такое может быть, — в двадцать первом веке, и не где-то в стране, куда почти не ступала нога цивилизованного человека, нет, — а в хоть и отдаленном, но регионе России. О России можно было много чего сказать, но все же — это не Африка и не Северный Сетинельский остров[2]... - Хотя я не знаю ни одного хасанийца, который бы не говорил по-русски.

— Теперь я кое-что понимаю... Откуда такие... порядки. Думаю, если народ формировался из собственных потомков и рабов... А, скорее всего, они пытались покупать молодых рабов. И рабынь... И постепенно стали воспринимать каждого, кто моложе, как того, чьей жизнью могут распоряжаться... Приказывать ему, кем быть и с кем жить... А потом все это наложилось на то, как вообще на Кавказе испокон веков уважают старших. Вот никто и не смеет ослушаться... Но все же — не понимаю, как можно жить так в наше время.

— Но... возможно, благодаря этому и сохранился народ. — Марьям дернула плечом. — Понимаешь, каждый хасаниец чувствует себя... как будто частью единого механизма. Который должен лучше делать то, что вытекает из места, которое он в этом механизме занимает. Которое ему определили. Благодаря этому... да, возможно и благодаря этому, это — процветающий народ. И заветам муллы Хасана насчет торговли тоже.

— Может быть, ты и права... — Влад достал пачку сигарет. — Будешь..? Но это значит, что... никто из них не знает, что такое только личное счастье, что такое — жениться по любви... И, в конце концов, самому делать ошибки, но и нести ответственность за них. Такая жизнь может сделать людей... нет, не плохими, но жестокими. Именно это я увидел там, в крепости. И знаешь, что? То, что, как ты говоришь, того, кто сделал выбор, не считают больше частью народа... Это не потому, что он или она делает что-то, что заслуживает

наказания. И даже не из-за позора сделать выбор в пользу рабства, как они это называют, нет. А именно потому, что тот, кто посмел сделать выбор, не может быть среди тех, у кого от рождения нет выбора.

Марьям слушала, глубоко затягиваясь сигаретой. А потом задумалась. Раздавила окуроч в стеклянной пепельнице, стоявшей на столе, и сказала:

— Наверно, так и есть. Но главное, что выбор, когда он хоть раз появится, оказался верным, правда?

Трудно сделать неверный выбор, когда выбираешь — жить или умереть, подумал Влад. Но просто молча кивнул, докуривая сигарету. А еще подумал о том, есть ли еще кроме них сейчас в Киеве хоть кто-нибудь, кто бы говорил об основании пятьсот лет назад Хасанкалы.

[1] В Украине после начала военного конфликта заблокированы ряд российских интернет-ресурсов, в том числе и Вконтакте.

[2] Северный Сентинельский остров находится в составе Андаманского архипелага, на нем живет племя, которое полностью отвергает любые контакты с другими людьми и с цивилизацией. Были случаи убийств представителями племени людей, которые пытались проникнуть на остров, поэтому доступ туда запрещен.

8. Площадь и мощь.

— С корабля на бал?

— Разве ж это бал? — Влад пожал плечами. — Сколько мы уже сегодня объездили?

— Это четвертый — подсказала Марьям. Как будто он не посчитал.

— Я о другом, — сказала агент по недвижимости. — Летали по делам. Только прилетели — а уже поехали дом выбирать. Это же приятно!

— Приятно. Но не просто, Анастасия. Это тоже работа, не так ли? Надо думать прикидывать наперед. — Он улыбнулся. — Думаю, вы считаете нас привередливыми клиентами.

Теперь улыбалась Анастасия.

— Ничего, я привыкла. И вас я понимаю, такие деньги тратят не каждый день.

Дом был для Влада давней мечтой. И теперь он имел деньги на то, чтобы ее осуществить. Но риэлтор сразу поняла, глядя на эту пару: деньги — у мужчины. Девушка, кажется, согласна на все. Однако дает ему советы, и, как правило, заслуживающие внимания. Он и слушает.

А еще по их поведению трудно было сказать, понравился ли им какой-то дом из тех, что они осмотрели сегодня. Все были в одном, недешевом районе, — на Печерске, в так называемом «царском селе». Все относительно новой постройки. А еще потенциальные покупатели не предъявляли требований по площади, — хотя меньше ста пятидесяти квадратных метров здесь не было, — но даже не смотрели те дома, где площадь земельного участка была меньше десяти соток. А таких, которые подходили по этому признаку, в этом районе было немного.

— Полностью оборудованный, — сказала Марьям. — А почему же продают?

— Обычная история. Отец, который разбогател в девяностые. Дети, которые давно за границей, и возвращаться не собираются. Отец умер, им не нужен дом, им нужны деньги...

— А документы в порядке? Наследство принято? — спросил Влад.

— Да. Могу все показать... но это уже в офисе.

— Тогда... давайте так: мы подумаем, и, если что-то решим, то вам позвоним, хорошо? А если нет, тогда на следующих выходных покажете нам еще варианты.

— О-кей, так и сделаем!

Они вышли в переулок через калитку. Машины пришлось поставить у самого забора, иначе они бы заблокировали проезд. Первой уехала Анастасия на своем «Форестере», — она была довольна: эти клиенты, кажется, всерьез настроены покупать. Если и не какой-то из тех домов, осмотрели сегодня, то что-то она им да подберет. А, учитывая цены в этом районе, — получит хорошие комиссионные.

Влад сел за руль и немного отъехал от каменной стены, чтобы Марьям могла открыть дверцу и сесть рядом. Арендванный «Прадо» был довольно громоздким для этого переулка.

— Ну, что скажешь? — спросил он. Марьям наклонилась к нему.

— Скажу, что ты неутомимый. Ночью прилететь из Таллинна — и сразу ехать смотреть эти дома! Скажу, что соскучилась...

— Ну, хорошо, сейчас домой — и отдохнем. — Это означало: побудем наконец вдвоем. — А что касается домов? — настоял он.

— Ну... это же твои деньги и твой выбор... — Это означало: я не имею права голоса. Владу все время казалось, что на Марьям влияли... обстоятельства их знакомства. Что она все еще чувствовала себя чем-то вроде живой собственности. Неудивительно, учитывая традиции, которые стали частью ее с детства. Но ему было неудобно, и постоянно приходилось просить ее вести себя как равную в их паре. Вот только не воспринимала ли это она, тоже как «приказ владельца»?

— Если я тебя спрашиваю, то хочу знать твое мнение, — с упреком сказал он. — Во-первых, если мы что-то купим, тебе тоже там жить. Если таков твой выбор... Во-вторых, я хочу знать твою точку зрения, ты практичная. — Он улыбнулся. — В-третьих, у меня есть свои... требования, не говоря уже о предпочтениях. Но меня интересуют твои. Разве это плохо, если удобно будет нам обоим? — Он немного наклонился вперед, чтобы, выезжая из переулка, удостовериться, что на улице нет машин, которым нужно дать дорогу. — Так что... я тебя слушаю. Только честно...

— Если честно... — Тон Марьям стал мечтательным. — Этот последний дом... Я в него влюбилась.

— Рационально! — Влад рассмеялся. — Я тебе даже скажу, почему... Потому что, несмотря на этот колониальный стиль... По сути-то — здесь много общего с тем, как строят в Хасанкале. Двери дома выходят на улицу, а не во двор. Сам дом вроде как часть этого каменного забора... Тоже как крепость. Как дому и надлежит... — Вот только здесь были не только массивные решетки на окнах, но и сигнализация. Киев — это не Хасанкала, «традиции» насчет воровства здесь были совсем другие.

— Тебе тоже нравится?

— Нравится. Но главное, что подходит... По расположению, по планировке, даже по участку...

— Да, ты хотел не меньше десяти соток, а здесь сколько, двенадцать?

— Дело не только в размерах. Этот участок узкий, вытянутый вглубь, со стороны переулка кажется маленьким. Справа от дома — те ворота. И... поскольку там уже год никто не живет, участок... ну, немного заброшенный. Можно переделать. А вот внутри — не все надо будет делать с нуля, многое можно оставить.

— А что ты хочешь там делать, на участке? — удивилась Марьям.

— Вдоль забора — места для машин, конечно. — Влад снова рассмеялся. — С красивым навесом. Это же представь, какой кайф: каждое утро смотреть в окно и решать, на какой сегодня выезжать! А для пары самых ценных там подземный гараж есть.

— Так что... будешь покупать? — спросила она.

— Ну, не так быстро... Документы все проверю, цену сбить попробую... Пока ты на работе своей будешь, до которой, кстати, оттуда тоже недалеко ехать будет, и почти без пробок, — всем этим и займусь, наряду с прочим...

Влад припарковал арендованную машину на привычном месте во дворе, и они зашли в подъезд. Для соседей он, кажется, уже стал привычной частью «пейзажа», иногда ловя лишь отголоски обсуждений, вели соседские бабушки: «Наконец-то у Марьяшки нормальный мужик появился... Да какой он нормальный, на второй день машину ей побил... Ну такое, с кем не бывает... Но новую пригнал... Да он же старше и лысый... Ну и что...»...

Но просто отдохнуть вдвоем не получалось. Потому что разговоры так или иначе крутились вокруг дома, который нужно купить, и что и как в нем потом делать.

Хорошо, думали оба, что не показали вида Анастасии. А то цена бы мгновенно выросла. Вот просто, пока владелец будет лететь из Лондона, или где он там живет.

«Первое ваше задание выполнено, — читал Влад на экране ноутбука. Письмо было от Дмитрия Ратникова, частного детектива из Москвы. — Бурсак Ольга Александровна переехала в Россию, в Южанск. Переехала вместе с сыном Андреем, 11 лет. Приобрела небольшой дом по адресу: улица Курской битвы, 40 На вопрос об источнике денег отвечает, что продала квартиру в Киеве. Сейчас находится в процессе оформления российского гражданства, подала ли соответствующие документы в отношении ребенка, сведений получить не удалось. В этом же здании открыла частную психологическую практику.

Это, как говорится, основные установочные данные. Но есть просто интересная информация.

Во-первых, непонятно, почему она выбрала для проживания именно Южанск. Вообще, это довольно странный выбор. Южанский край, между нами, — такая Тьмутаракань... Там почти никогда ничего не происходит. Ваша бывшая жена — психолог действительно высокой квалификации, она была бы востребована и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Если бы не хотела жить в столицах — ну, хотя бы в Сочи. Во всех этих местах специалист такого уровня имел бы доход в несколько раз больше. Но она выбрала именно Южанск. Насколько удалось установить, личных причин у нее для этого не было.

Во-вторых, она там странным образом хорошо обеспечена работой, хотя только переехала и начала работать. Судя по всему, клиентов хватает, денег тоже. Если вы волнуетесь об условиях жизни сына, то проблем с этим нет. Своя комната, учится в одной из лучших школ Южанска. Но как это Ольге Александровне удалось, никто точно не знает. Правда, она не только ведет прием клиентов, или пациентов, или как это у психологов называется, но и консультирует местные предприятия. Подбор персонала, климат в коллективе, работа с сотрудниками, психологическая совместимость, и так далее. Вероятно, это неплохо оплачивается.

Кстати, как минимум, дважды у ее дома замечено автомобили с номерами Каластана.

В-третьих, она намеревается там остаться надолго. Не только дом купила, а не сняла, но и пытается устроиться преподавать в Южанской университет. Сейчас там решают, достаточно для этого полученной в Украине степени кандидата наук. Записалась в

автошколу. Явно планирует свою дальнейшую жизнь здесь.

Добавляю другие установочные данные (номера телефонов и т. д.).

P.S. По второму заданию продолжаю работать. Надеюсь на результаты.»

Влад написал в ответ, что благодарит за результат, проведет обусловленную между ними оплату. И надеется на то, что второе расследование также будет успешным.

Что ж, хорошо, что у сына все, кажется, в порядке, подумал он. А что касается всего прочего — есть над чем подумать. Все личные данные — были Ольги. Но все, что сообщил частный детектив, — сам переезд в Россию, то, что она открыла кабинет психолога, то, что решила жить в частном доме, даже, что захотела сесть за руль, — было очень непохоже на Ольгу, которую он знал. И, в конце концов, решение жить в сравнительно небольшом краевом центре вместо столицы, — тоже. Разве для этого она в свое время переехала из Херсона в Киев? Если бы она поехала туда к кому-то, это можно было бы объяснить, но Ратников уверял, что это не так.

Что же с ней произошло? Но это его не касается. Главное, с сыном все в порядке, а если он захочет предпринять какие-либо юридические действия, то теперь знает адрес... Этого пока достаточно. А вот по второму делу пусть частный детектив работает, и поспешит.

Влад подумал, что дворы станций технического обслуживания выглядят почти одинаково. Даже когда станция дорогая, и работает с машинами довольно редкими. «Инфинити», принадлежавший Марьям, был модели, которая встречается в Украине нечасто. Сейчас автомобиль осматривал эксперт, который должен был оценить нанесенный ущерб. Затем он составит заключение, а Влад подаст его следователю, и тот приобщит к делу.

— Привет! — послышалось сбоку. Он обернулся.

— О! Привет, Рома! А что ты здесь делаешь?

— Тачку на ремонт пригнал. — Он махнул рукой в сторону «Линкольна», стоявшего неподалеку. — Сказали, ничего серьезного. А у тебя, кажется, дела идут неплохо, если на такой катаешься!

С Романом Павловым они познакомились лет десять назад. Сначала тот обратился к Владу, который только начинал работать адвокатом, за советом. А потом они подружились, в частности, и потому, что оба были любителями автомобилей. Правда, у Романа было больше возможностей для этого.

— Вообще-то, машина подруги, — поправил Влад. — Но ударили ее, когда ездил я... — И он коротко рассказал об инциденте с «активистами».

— Уроды! — прокомментировал Роман. — А вот иметь такую подругу, которая даст покататься на «Инфинити» — это хорошо!

— Вот тут не поспоришь! — Влад рассмеялся. — Особенно, когда она еще молодая, красивая и не выносит мозги!

— Вот так так! А что, разве такое бывает? — спросил трижды разведенный Роман.

— Да сам в шоке!

— Ну должно же было наконец повезти... — сказал друг, который хорошо знал, сколько за последний год свалилось на Влада. Собственно, это был едва ли не единственный, кого он мог назвать другом. Хотя хороших знакомых и приятелей было много, и виделись они с Романом реже, чем с некоторыми из них.

— Кажется, начало... Наследство, по крайней мере, хорошее получил.

— Ну, я тебе скажу по собственному опыту, жить теперь станет легче! — улыбнулся и Роман. Он понимал, что Влад не стал бы рассказывать ему о наследстве, если бы то не было действительно большим. Которое могло бы произвести впечатление на него самого. А что касается опыта, Роман знал, о чем говорил. Его отцом был известный в девяностые криминальный «авторитет», и, конечно, человек больше, чем просто богатый. Но, когда Роману было двадцать, отец умер, — как ни странно, не погиб в перестрелке, и не разбился на машине, как произошло со многими его «коллегами». В сорок четыре года не выдержало сердце... Его «подчиненные» потом долго делили «полномочия», но большая часть легальной части бизнеса отошла Роману. Который, однако, делами не занимался, полагаясь отчасти на наемных менеджеров, отчасти вкладывая деньги в западных странах. Хотя высшее образование он и получил, однако не только по специальности, но и вообще не работал в своей жизни ни одного дня. Влад никогда не мог понять, что такой человек может делать, проснувшись утром, и целый день? По крайней мере, Роману хватало времени и сил на бурную личную жизнь. Кстати, пил он очень умеренно, а наркотиков никогда не употреблял вообще.

— Я тебе кое-что покажу, как сюда довезут... — Влад имел в виду, конечно, автомобили. Но подробностей рассказывать не стал. Тем более, что его как раз позвал к себе эксперт, чтобы он подписал протокол осмотра. Заключение о размере ущерба нужно будет забрать через несколько дней, и завезти следователю. А потом Влад вернулся к другу. Тот как раз поговорил с кем-то по телефону и отдал мастеру ключи от своего «Линкольна».

— Оставляешь или остаешься? — спросил Влад. Это означало: оставляешь машину на СТО и поедешь, или остаешься ждать, пока ее отремонтируют?

— Остаюсь. Говорят, недолго. А ты оставляешь?

— Давно уже... Запчасти ждем, вот пока эксперта пригласили... Другую пока взял.

— Слушай, а чем ты сейчас занимаешься-то? — Роман знал, что прежнюю профессию Влад потерял. Но не представлял, что он будет сидеть без дела.

— В наблюдательном совете сети заправок... Но разве это работа? Сейчас свое разворачиваю. Технологии...

— Какие именно? Кажется, совсем не твоя сфера...

— Теперь будет моя. Вот смотри, есть фирма Uber, так? А если по такому же принципу сделать в других сферах? Ну хотя бы — ремонты, всякая домашняя работа, уборка, и так далее. Клиент вводит в смартфоне, что ему надо, — пропылесосить или гвоздь забить, или плитку в коридоре положить... А тот, кто занимается именно этим, может подать свое предложение. По цене хотя бы... Конечно, там будет немного сложнее все, со схемой работы с финансами... Но команду уже набрал, разрабатываем потихоньку все, что нужно.

— И когда запуск? — поинтересовался Роман.

— В туманной дали... Только начали. Но... сделаем.

— Ну, держи в курсе! Если что — стану клиентом! Если финансирование нужно — тоже скажи... — С таких проектов можно было, в перспективе, получить немалую выгоду. Но в инвестициях Влад не нуждался.

— Ты, главное, коллегам папиным не рассказывай, — сказал Влад. Это было что-то вроде шутки между ними. Сам Роман ни в какой криминал замешан не был, но знакомства соответствующие сохранил.

— Им это неинтересно! Они не очень понимают, что такое айти-бизнес! — рассмеялся Роман. — Как в девяностые компьютеры возили — они знают, а как разрабатывать для них

программы — нет. Мои знакомые — люди старой закалки.

— Ну, хорошо, мне уже ехать надо, мы здесь закончили... Наберу тебя на днях.

— Пока!

Оставив друга ждать освобождения своего железного коня из рук ремонтников, Влад поехал в офис «Нефтяных гор».

Там его и застала хорошая весть. Пришла она с телефонным звонком.

— Как ты думаешь, где я сейчас? — спрашивал Владимир Раскутенко.

— Ты просто как в том анекдоте! — рассмеялся Влад.

— В каком?

— Когда просыпается парень после вечеринки и бормочет: «Надо позвонить маме, сказать, где я». Достает мобилку, набирает номер: «Мама! Где я?». — И, услышав смех в трубке, продолжил. — Если ты звонишь именно мне, то полагаю, что ты в Одессе.

— Угадал. И наблюдаю, как твои машины заезжают на автовозы. Здесь мы все, что нужно, сделали. Будем отпирать в Киев.

Раскутенко согласился заняться не только таможенным оформлением, но и доставкой, и постановкой на учет тоже. Влад считал, что будет лучше, если всем будет заниматься один человек. Владимиру так было спокойнее, да и дополнительный заработок... Хотя вообще, это было не совсем его дело. Однако организатором он был хорошим.

— Ну как, без повреждений? — спросил Влад.

— На удивление... Хотя — что им в контейнерах делается?

— С «Вейроном» тоже все в порядке? — Это, конечно, был самый ценный экземпляр всей коллекции. Можно сказать, бриллиант в короне.

— Да, я его сам на автовоз загонял!

— Ну вот, тебе уже удалось проехать за рулем «Бугатти». — Влад снова засмеялся. — Мой представитель в Каластане тоже уже попробовал. А я буду, кажется, последним.

— Моя профессиональная привилегия! — сказал Раскутенко. — Вот мне что интересно: пока мы будем в Киев ехать, сколько людей сфотографируют «Вейрон» на автовозе и выложат в интернет новость, что он в Украине вообще появился?

— Сейчас попробуем что-то сделать. А номера уже сняли... Итак, доклад закончил, скоро будем выезжать. И завтра начнем, надеюсь, процесс уже в Киеве...

— Ну, тогда до завтра...

Как и надлежало после такой новости любителю автомобилей, домой Влад возвращался, хотя и поздно, но в приподнятом настроении. Но порадоваться вместе с Марьям не пришлось. Она даже не вышла в коридор, как делала обычно, услышав звук ключа в замке. А сидела за столом на кухне и курила. И, не дождавшись даже вопроса, — который Влад сразу хотел задать, — начала рассказывать:

— У нас такой скандал сегодня... Мы же с Лесей в приемной сидим перед кабинетом судьи. — Леся — это была секретарь судебного заседания, уже знал Влад. Они вдвоем с Марьям работали с судьей Наймытовской. По опыту он знал и то, что рабочие места помощника судьи и секретаря часто располагаются рядом, хотя, конечно, они не все время на месте, а секретарь проводит много времени рядом с судьей в судебных заседаниях. — Мне надо было пойти в канцелярию, кое-что выяснить... В это время зашла Дарья, секретарша Павлышева. — Это был еще один судья этого же суда. — Разговаривает с Лесей,

документы на мой стол положила... И тут Леся видит, что она руки к моей сумке тянет. Сумку я на стуле оставила. И что-то туда опускает. Подняла шум, из кабинета выбежала судья, вызвали охрану... Те — полицию. Оказалось, что она в мою сумку деньги положила. Две тысячи долларов.

— Ого! — Для Влада это были теперь небольшие деньги. Для Марьям — не то, чтобы капитал, но сумма весомая. А для этой Дарьи? — А дальше что?

— Дальше — все изъяли, мы все дали пояснения. Дарья — отказалась. Но ее и не задержали, вроде как и не за что. Судья сказала, что напишет сообщение о попытке вмешательства. — Это была обязанность судьи, если у него или у нее возникли подозрения, что кто-то хочет вмешаться в его или ее деятельность незаконным способом. Сообщение надо было подать в Высший совет правосудия и Генеральную прокуратуру. — На том и закончилось... Пока. Но... это нервы такие для всех!

Где-то на периферии мозга Власти мелькнула мысль, что Марьям рассказывает о своей работе, — или, как сейчас, о приключениях, которые на работе произошли, и с ней связаны, — так, как и положено юристу. Но в то же время — она серьезно восприняла случившееся в Хасанкале, то, что по обычаям своего народа она «принадлежит» ему. И, кажется, до сих пор не избавилась от такого восприятия полностью. Как это может уживаться в голове одного человека? Возможно, перефразируя старую поговорку, можно вытащить девушку из гор, но нельзя вытащить горы из девушки?

Но основная часть мозга анализировала произошедшее.

— Это... закончится ничем. Ничего они этой Дарье не сделают. — Он тоже затянулся сигаретой. — Но все это мне не нравится... Я так понимаю, она тебе никаких денег должна не была, так?

— Нет, конечно. Никогда ей ни копейки не одалживала...

— И чего твоя судья испугалась — тоже понятно. Опасается, что кто-то под нее «копает». Скажи, а она... берет?

Марьям задумалась.

— Знаешь, я почти уверена, что... да. Но, если и берет, то очень осторожно, не у всех, и не по всем делам. И уж точно не через меня! Мне никто даже не предлагал в таком участвовать. Может, знают, что мне есть на что жить. — Она слабо улыбнулась. — А может, потому, что я там недавно работаю.

— Не нравится мне это, — повторил Влад. — Какие-то игры, к которым ты не имеешь отношения, а пострадать можешь... Я бы на твоём месте подумал, не уволиться ли оттуда. Seriously подумал.

— Думаешь, все... так плохо? — спросила Марьям, которой нравилась ее работа, к тому же, ей не хотелось сидеть в четырех стенах. Деньги не были решающими для нее, но... не были и лишними.

— Пока что нет. Но может стать...

Она скептически покачала головой.

Но на следующий день, после того, как встретился с риэлтором Анастасией, и лично проверил документы на дом на Печерске, Влад заехал в некогда родной офис. Сам он, когда работал адвокатом, мало занимался уголовными делами. А вот его коллега, Григорий Фертель, как раз занимался, причем в основном — делами о коррупции. Опыт у него был большой, Грицю[1], как полушутя называли его коллеги[2], было уже под пятьдесят, начинал он когда-то в милиции, в подразделениях по борьбе с экономической преступностью, но уже

лет двадцать работал адвокатом, и все это время специализировался по делам о коррупции. Говорил, что коррупционеры платят хорошие гонорары, и явно не нуждался. Вот с ним и решил поговорить в свободное время Влад: Григорий знал его историю лишения профессии, был возмущен, понимая, что с таким может столкнуться каждый принципиальный адвокат. И помогал, чем мог, в борьбе за возвращение в профессию. Но сейчас был удивлен, когда Влад сказал, что зашел посоветоваться по другому вопросу.

Его мысли Григорий поддержал. И, прощаясь, процитировал известный мультфильм:

— Ну, ты заходи, если что!

Влад тоже ответил цитатой:

— Уж лучше вы к нам

Но сам он знал, что выглядит более уверенно, чем чувствует себя. Потому что его не отпускало ощущение: все это — часть какой-то большей картины, о существовании которой не знает Гриць, не догадывается Марьям, но даже он сам не может пока понять, что на ней изображено.

[1] Гриць (Грыць) — одна из форм уменьшительного имени от «Григорий» в украинском языке.

[2] Юмор в данном случае — в сочетании сугубо украинского уменьшительного имени с не украинской фамилией.

9. Тюрьма и сума.

Уважаемый Владлен!

Задача: установить прошлое и историю замужества Вашей сестры оказалось сложнее, чем я думал.

Как Вы знаете, Злата Бурсак родилась в 1993 году в Санкт-Петербурге. Мать умерла при родах, и они с отцом через год переехали в Южанск. Причиной, скорее всего, было то, что там жила сестра покойной матери, она могла, вероятно, чем-то помочь отцу... Последний умер, когда девочка была подростком. Тетя с мужем оформили опеку, и Злата жила у них.

Мне пока не удалось установить, имел ли она свое жилье. Получить доступ к документам того времени трудно (тем более — в провинции). А свидетелей, которые бы помнили такие подробности, пока найти не удалось. Но идет работа в этом направлении. Судя по всему, Злата имела характер довольно замкнутый, была «закрытой» личностью. Например, с одноклассницами особенно подробностями жизни своей семьи не делилась, хотя, конечно, те знали, что она росла без матери, а потом осталась и без отца.

Как бы там ни было, но после школы Злата поступила в Южанский университет, на биологический факультет. Но не доучилась.

Возможно, Вам будет неприятно это узнать, но, к сожалению, таковы факты. Семья жила бедно, может быть, потому, еще на втором курсе, она оказалась фактически в роли содержанки у одного из местных предпринимателей. Был в Южанске такой Николай Рубинский. Владелец местной сети супермаркетов, по всему Южанскому краю, был человеком весьма состоятельным. Ему было тогда 49 лет. Сами понимаете, как бывает.

Потом Рубинский погиб. Официально — это был несчастный случай на охоте (он был заядлым охотником). Позже за убийство по неосторожности осудили одного из тех, с кем они охотились. Но, как Вы понимаете, когда дело касается таких людей, версии могут быть разные. Само по себе к предмету расследования это отношения не имеет, поэтому в

истории с этим убийством я не разбирался. Если захотите — могу это сделать, но думаю, Злата в любом случае не имеет отношения к этому.

Но через некоторое время она была арестована. Якобы дело было о мошенничестве, и касалась как раз имущества умершего, а заявил об этом сын Рубинского. Он, как понимаете, не имел оснований хорошо к Злате относиться. Но это все, что пока удалось установить. Как закончилась уголовное дело, и как Ваша сестра оказалась в Каластане, замужем за Искандером Тлаевым, установить пока не удалось.

Продолжаю работу.

С уважением,

Дмитрий Ратников.

Влад ответил на письмо частного детектива, попросив его продолжать расследование. Его охватили смешанные чувства.

Была пятница.

Так уж случилось, что этот день недели часто бывал для него несчастливым. Именно в пятницу его лишили профессии. В пятницу погибла мама. Окончательный разрыв с Катей произошел тоже в пятницу.

Но сегодня, кажется, все было хорошо. Утром он, наконец, завершил эпопею с автомобилями. Все они заняли место в арендованном ангаре, уже с украинскими номерами, а он был полноправным владельцем. Правда, им с Владимиром Раскутенко и двумя водителями фур пришлось долго перемещать их с автовозов в ангар. Потому что таможенный брокер оказался еще и ловким логистиком: машины во все организации, где их должны были осмотреть, он решил возить вместе, все теми же двумя автовозами. Так проще, чем перегонять все своим ходом, и быстрее. К тому же, самому садиться за руль чужих машин, некоторые из которых — очень дорогие, и ездить по киевским дорогам, он не хотел. Кое-где пришлось «договариваться», чтобы «пошли навстречу», но, наконец, все было преодолено. Влад считал, что Владимир честно заработал свои деньги.

Так что он вернул прокатной фирме «Прадо», на котором ездил до сих пор, вернулся на такси в промзону, где располагался ангар, и выехал оттуда за рулем «Рейндж Ровера». Выехал с удовольствием и пониманием того, как он все-таки правильно сделал, что перевез эти машины в Киев. Они были не просто дорогие, — все, даже не новые, в очень хорошем состоянии и с небольшими пробегами. Оно и неудивительно: если Юнус и Искандер Талаевы имели по десятку машин каждый (а Юнус еще и служебный «Мерседес» с водителем), то каждым автомобилем пользовались мало. Вот этот «Рейндж Ровер», к тому же, в максимальной комплектации, хотя и предыдущего поколения, — машине девять лет, пробег — сорок три тысячи километров. Надолго хватит, и, действительно, можно получать удовольствие за рулем. Кстати, до того, как сесть за руль «Инфинити», принадлежавшего Марьям, — тот все еще ожидал заказанных запчастей на СТО, — Влад и не ездил на больших внедорожниках. Разве что, когда они ездили из Хасанкалы в Ростов... Но быстро оценил преимущества, потому и арендовал «Прадо», а теперь, имея выбор, выехал именно на «Рейндж Ровере».

Пока он занимался всем этим, — позвонила Анастасия, сообщила, что продавец дома согласился на его последнее предложение по цене. И собирался прилететь в Киев на следующей неделе, чтобы завершить сделку. Казалось, Влад имел основания быть довольным этим днем.

Затем он поехал в офис «Нефтяных гор», и уже там открыл письмо от российского частного детектива. Настроение у него испортилось, — сразу по нескольким причинам.

Но тут зазвонил его смартфон. «Марьям» — было написано на экране. Влад только хотел ответить что-то шутливое, но услышал:

— Меня задержали! Прямо здесь, в суде. Везут в полицию.

— Куда везут, сказали? — сразу спросил Влад. Мгновенно сработал профессиональный инстинкт адвоката, — которым он уже не был, но кое-что в мозгу остается навсегда. Марьям, несмотря на панику, поняла, что от нее требуется.

— Городское следственное управление.

— Ничего им не говори. Ни слова. Что бы они тебе не рассказывали, слышишь?! Держись. Меня к тебе не пустят, но помощь идет.

Тут же он набрал другой номер.

— Гриць, ты на месте? Помнишь, ты говорил заходить, если что?

А поздно вечером, — может быть, это было уже начало ночи, — Влад и Григорий сидели на кухне в квартире Марьям, пили кофе и курили.

— Сразу вижу, здесь еще и обыск был, — сказал Гриша. — Что забрали?

— Мелочи какие-то. Сумочку женскую, еще что-то... Ноуты не трогали, как ни странно. — Для Влада это было очень важно. — Ну, и все деньги из дома, как они делают. Но это не проблема, у меня в банке все, а потом я их за это так взгрею... Лучше скажи, как там дела?

— Паршиво. Ночевать твоя подруга в камере. Завтра — санкция. Ты же понимаешь, они это намеренно делают, чтобы раньше понедельника залог внести было невозможно. И они большую сумму определяют.

— Сумма-то не проблема... Но вытащить ее надо любой ценой. В чем подозревают-то?

— Сто девяностая. — Статья 190 Уголовного кодекса предусматривала ответственность за мошенничество. — Какая-то бизнес-леди заявила, что твоя Марьям требовала у нее деньги, якобы для судьи, в качестве взятки. Но на самом деле в это время находилась в отпуске, и вообще никаких денег передавать не собиралась.

— В отпуске, говоришь? — Влад прищурился. — А ну, расскажи с подробностями с датами. Какая сумма там, кстати?

— Двенадцать тысяч долларов. Двумя частями.

— Угу... А из квартиры забрали двадцать две. И большая часть — это мои деньги, что я легко докажу... Но это потом. Надо Марьям вытаскивать. Так какие там, говоришь, дать?

Григорий рассказал, о чем шла речь в подозрении. Влад выслушал и сказал:

— Идиоты!

А потом они вдвоем составили план действий на завтра.

— Кстати, твоя подруга беспокоится, что я с тебя возьму много! — улыбнулся напоследок Грць.

— Завтра ей скажи, что это не имеет значения. А что до прочего... — он улыбнулся. — А знаешь что? Пусть кое-что останется сюрпризом. Только не забудь мне сбросить все материалы, которые вам вручат вместе с ходатайством о мере пресечения. Все, до последнего листочка. А я уж подберу, чем все это опровергнуть...

После ночи в камере Марьям была в состоянии странного оцепенения. Григорий

Фертель не мог понять причины, — он просто не знал, что с ней произошло совсем недавно, в Каластане. Казалось, после этого все стало хорошо... Но теперь жизнь, казалось, снова пошла под откос. Какая разница, потерять ее физически, или просто потерять все, что в жизни есть? Пока вчера ехали в полицию, ей прямо в машине обрисовали перспективы. Тогда мозг, кажется, не воспринял все, как положено. Но бессонная ночь в камере, — и воображение нарисовало все, что должно произойти дальше.

Конечно, Григорий Михайлович попытается что-то сделать. Но... она сама знала, как в судах часто слушают адвокатов.

А теперь ее завели в стеклянный «аквариум» в зале суда, и сняли наручники. Для конвоя не было разницы между ней и теми, кого подозревали в насильственных преступлениях, — меры безопасности были одинаковы. А ее эти скованные за спиной руки добили. Почти, как тогда...

Вот только Искандер больше не окажется рядом. И Влада рядом нет. Хотя адвоката пригласил именно он, но...

Кажется, слова Фертеля проникали в сознание через одно. А тот рассказывал, что, кроме обычных вещей, будет пытаться опровергнуть подозрение уже на этом этапе.

— Вообще, следственные судьи не очень любят оценивать достоверность подозрения. Но у нас есть козыри... — У кого это — «у нас»? — Сейчас кое-что подвезут... К тому же, — загадочно улыбнулся адвокат, — с судьей нам повезло.

— Почему? — спросила Марьям. Но опытный адвокат чувствовал: это — чисто механически. Все ее мысли — далеко. Что она там себе представляет, будущий срок заключения?

— Потому что он нас знает. — Опять она не поняла — кого это «нас»? — Увидишь. Итак, ты называешь себя, а потом говоришь, что пояснения пока давать не будешь. Все остальное буду делать я. — Адвокат не придерживался бы такой тактики, но видел, что подзащитная не в том состоянии, чтобы активно защищаться. Более того, еще и может сказать что-то не то. — Сможешь?

— Да. — Плохо, подумал он. Даже не «конечно». Простой односложный ответ. Но, кажется, хотя бы поняла, что от нее требуется.

— И еще одно. Я бы мог требовать, чтобы тебя выпустили отсюда и посадили рядом со мной. Я часто так делаю, и практика Европейского суда позволяет. Но в твоем случае — не буду этого делать. Судья — мужчина, пусть он тебя пожалеет. — Адвокат улыбнулся. Марьям никак не отреагировала. Только потерла пальцами левой руки запястье правой, а потом наоборот, — наручники сняли, а неприятное ощущение сохранялось. Ей было все равно, да и какая разница, если потом отправят обратно в камеру? Установят ли залог? Будет ли Влад его вносить? — Ладно, мне тут должны кое-какие документы привезти. Сейчас вернусь. — Григорий Михайлович вышел из зала. Марьям понимала, что сейчас он вернется, но почувствовала себя еще более беспомощной. И присела на скамейку в «аквариуме».

Свое место за столом занял прокурор, — его Марьям видела впервые. А в зале сидел следователь, который ей объявлял подозрение и пытался вчера допрашивать, — она, как и говорил Влад, а потом Григорий Михайлович, отказалась давать какие-либо показания. Следователь пожал плечами и записал это в протокол. Затем адвокат сказал, что давно его знает, и охарактеризовал: «Тварь редкая!». Это Марьям еще раньше успела понять. Фертель вернулся в зал последним, в руках его была папка с какими-то документами, — помимо тех,

что уже лежали на столе. Он ободряюще кивнул, но сказать ничего не успел, потому что в зале появился судья. Фамилия его была Родаченко, об этом Григорий Михайлович уже говорил. Но до сих пор она никогда о нем не слышала. Он занял свое место, пригласил всех садиться и объявил о начале рассмотрения ходатайства прокурора о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Аевой Марьям Каримовны. Секретарь сообщил, кто присутствует в зале, и судья начал выяснять ее анкетные данные. Марьям механически назвала фамилию, имя, отчество, место жительства и работы. На вопрос о семейном положении ответила: «вдова». Судья на секунду посмотрел на нее удивленным взглядом, — но она этого почти не заметила.

— Слово для обглашения ходатайства предоставляется прокурору, — сказал, наконец, судья. Прокурора можно было почти не слушать. Письменное ходатайство ей было вручено, — как и адвокату, — несколько часов назад. Она его прочла и, кажется, могла наизусть процитировать некоторые места, но... сознание не воспринимало, что это о ней самой. А уж юридических документов она видела много, хотя и не по уголовным делам, — административный суд, где Марьям работала, их просто не рассматривал. Вину свою в том, в чем подозревали, она все равно отрицала. В ходатайстве фигурировали статьи 15 и 190 часть 3 Уголовного кодекса — покушение на мошенничество в крупных размерах. Прокурор зачитывал, что какая-то женщина подала заявление, будто Марьям требовала у нее деньги — больше чем десять тысяч долларов — для передачи судье. Но та не поверила, однако почему-то первую часть денег передала, при встрече в кафе, а потом заявила в полицию. Прокурор указывал, что подозреваемая может пытаться скрыться, или скрыть доказательства, воздействовать на свидетелей и потерпевшую, и этим обосновывал необходимость ареста.

— Слово предоставляется защитнику, — заявил судья. Фертель поднялся со своего места:

— Ваша честь, прежде всего, прошу принять во внимание жалобу на незаконное задержание моей подзащитной, которую я подал сегодня. Задержание произошло с нарушением статьи двести восьмой УПК. Как известно, преступление, в котором она подозревается, не является коррупционным, но тогда задержание без решения следственного судьи могло произойти только во время или непосредственно после совершения преступления. А еще, ваша честь, у меня будет несколько ходатайств... Об исследовании доказательств.

— На этом этапе? — удивился судья.

— Да. Я хочу доказать не просто необоснованность подозрений, а то, что подозреваемая не могла совершить то преступление, о котором идет речь в ходатайстве прокурора. Просто не могла, а доказательства сфальсифицированы. Вы знаете, что я нечасто делаю такие заявления, и нечасто заявляю такие ходатайства при рассмотрении вопроса о мере пресечения. Но в данном случае это необходимо.

— И о чем вы просите?

— О допросе одного свидетеля. А потом еще будет ходатайство о приобщении копий нескольких документов... Это не займет много времени, ваша честь.

— Хорошо, заявляйте ходатайство насчет свидетеля. — Судья явно намеревался его удовлетворить.

Василий Родаченко работал судьей не первый год. С этим делом что-то было не так. Он научился разбираться в людях. Состояние этой девушки, — хотя она сказала, что вдова, —

было какой-то ое Кажется, она никак не ожидала... нет, не задержания как такового, а того, что ее вообще могут в чем-то обвинить. Или тут что-то еще?

Фемида должна быть слепой, но судья, действительно, не хотел отправлять молодую женщину за решетку без сверхвесомых оснований. Тем более, та сама была сотрудницей суда. Он хорошо понимал, что сама по себе история, которую изложил в ходатайстве прокурор, могла иметь место. Но... видел в ней некоторые нарушения логики. У него тоже была помощница, девушка примерно такого же возраста. И судье казалось, что если бы нечто подобное произошло в этом суде, — это был Шевченковский районный суд Киева, потому что в этом районе располагалось городское следственное управление, и вопрос о санкции на арест по инициативе его следователей решали судьи этого суда, — то... все происходило бы несколько иначе. В сочетании со странным состоянием подозреваемой, это заинтересовало его. К тому же... Простую помощницу судьи защищает Григорий Фертель, один из самых дорогих адвокатов по «коррупционным» делам. Он сразу решил, что даст защите подать все доказательства, какие она считает нужным. Тем более — после такого заявления адвоката. В таких делах обычно говорили об отсутствии доказательств, а не о невозможности совершения преступления.

— Хорошо, заявляйте ходатайство о допросе свидетеля.

— Я прошу допросить в качестве свидетеля Бурсака Владлена Юрьевича.

— Он присутствует в суде?

— В коридоре, ваша честь.

— Пригласите в зал.

Влад с иронией подумал, что сегодня он вспомнил молодость. Потому что жалобу на незаконное задержание писал именно он. Конечно, от имени Григория Фертеля, утром завез тому на подпись, а уже адвокат неизвестными путями заставил канцелярию суда принять ее в выходной. Это был подвиг. Обычно работать в выходные никто не любит, хотя следственным судьям приходится: если истекают сроки задержания. Или, как сейчас, следователь подает ходатайство об аресте в выходной, чтобы, если судья определит залог, его нельзя было внести раньше понедельника, и человек хотя бы пару ночей провел в камере.

Затем Влад вернулся домой, — в квартиру Марьям, — ему оставалось только ждать. Но ждать пришлось недолго. Следователь, как и положено, вручил копию ходатайства об избрании меры пресечения за несколько часов. Григорий отсканировал все документы, — само ходатайство, протокол допроса заявителя, некоторые другие, а протокол обыска Влад сам видел, как как присутствовал, — в смартфоне адвоката была установлена программа-сканер. И сбросил Владу на электронную почту, а тот на ноутбуке открыл pdf-файл и быстро все прочел. Ругаясь по поводу идиотов в полиции, быстро подобрал соответствующие документы, а потом поехал искать ксерокс, — у Марьям дома даже принтера не было. Быстрее всего было поехать в офис «Нефтяных гор» и самому сделать все необходимые копии, а потом приехать в Шевченковский суд и перед самым заседанием передать все адвокату. А самому остаться ждать в коридоре.

Теперь он вспоминал, как в дороге услышал по радио, в программе, где можно было передать привет и песню, сообщение: «Влад, извини, я была неправа. Ты самый лучший! Катя». И песня была соответствующая. «Ах, вернисаж, ах, вернисаж!». Если это было адресовано ему (имена не были редкими), то... Еще пару месяцев назад он бы задумался. А теперь — только вспомнил анекдот, когда женщина говорит мужчине: «Ты лучший!», и тот

понимает, что где-то таки было соревнование... Видимо, все это было все же для него. Бывшая невеста знала, какую станцию он обычно слушает в машине, и какие песни ему нравятся, вот из этого советского ретро... Но... слишком поздно. И мало кто из мужчин простит, когда его называют бездарностью и ничтожеством. Где-то на краю мозга пробежала мысль, а не могла ли Катя узнать о наследстве? Хотя — откуда бы? Об этом, к счастью, нигде не писали, ни в Украине, ни в России.

Впрочем, сейчас ему было не до того. Особенно, когда открылась дверь зала суда, и его пригласили внутрь.

Краем глаза Влад посмотрел на сгорбленную фигуру Марьям на скамье в «аквариуме». Хотя Григорий изначально ему объяснил эту тактику, — сердце сжалось. Марьям, кажется, сидела, совсем отрешенная от происходящего. Но подняла глаза, когда он вошел в зал. Невольно он сравнил ее взгляд теперь и тогда, в старой крепости. Тогда в ее глазах была мольба о спасении, это он хорошо помнил. Возможно, потому, что каждый человек из ее народа знал об этой традиции... и был внутренне готов...? Теперь — безнадежность. Тогда она сначала смирилась, — наступило принятие, — но, когда появился вариант спасения, мгновенно приняла решение и начала действовать. А теперь — смириться не могла, но и действовать была неспособна. И думать тоже.

Нет, так не пойдет. Но нельзя сейчас подавать никаких сигналов. Судья смотрит на него. Смотрит внимательно. Даже на его расстегнутый полушубок, тот самый, купленный в Чарахкале. Недешевая и необычная в Киеве вещь. А сегодня холодно, хотя и нет снега...

Началось выяснение личных данных, — когда Влад назвал место работы и должность: акционерное общество «Нефтяные горы», член наблюдательного совета, — судья посмотрел на него с любопытством. Затем задал вопрос:

— Какие у вас отношения с обвиняемой?

И Влад ответил лаконично и честно:

— Близкие.

Взгляд судьи стал еще более заинтересованным. А Марьям, наконец, села прямо, глаза ее расширились. Пожалуй, покраснела бы, если бы не то, какой бледной была она, наверно, еще со вчерашнего вечера. А судья дал защитнику слово для допроса свидетеля, вызванного по его ходатайству.

И Гриць задал вопрос о дате, когда Марьям якобы, будучи в отпуске, продолжила вымогательства денег у заявительницы.

— Вам известно, где тогда находилась подозреваемая?

— Известно. В городе Хасанкала, Республика Каластан, Российская Федерация, — ответил Влад. — А еще точнее — в моем тамошнем доме.

— Сколько это километров от Киева?

— Я не считал, но несколько тысяч. Это — Северный Кавказ. И я хочу сообщить суду некоторые важные детали. Мы... познакомились за несколько дней до этого, там же, в Хасанкале. Из личных данных вам, вероятно, известно, что это — ее малая родина... Со слов Марьям я знаю, что она там перед этим находилась около двух недель. Но, как я уже говорил, познакомились мы за несколько дней до этого. В результате... тех событий, когда мы познакомились, она потеряла паспорт. Это мне известно абсолютно точно. Потому что за день до той даты, о которой вы спросили, мы вместе ездили в город Чарахкала, — это столица Каластана, — где Марьям подала заявление о потере паспорта в местную полицию. А после этого, через несколько дней, мы поехали на машине в Ростов, там находится

украинское консульство. В консульстве Марьям получила удостоверение для возвращения в Украину вместо утерянного паспорта. Это мне известно совершенно точно, мы ездили вместе, на моем автомобиле. И, конечно, между этими датами находиться в Украине она физически не могла.

Взгляд судьи стал заинтересованным. А Фертель продолжал задавать вопросы:

— А могла моя подзащитная из этого, — как вы сказали, Каластана? — позвонить кому-нибудь, например, с целью вымогательства денег?

— Только если бы ей кто-то дал для этого телефон. Потому что ее собственный был поврежден... одновременно с утерей паспорта. Он не работал. Из этого поврежденного телефона я лично вытаскивал сим-карту, которую отдал Марьям только в Киеве, после покупки нового аппарата. Поэтому звонить с собственного номера она не могла. И я не видел, чтобы она там пользовалась еще чьим-то телефоном, — кроме моего, для разговора с братом, который живет там же, в Хасанкале.

— Может быть, вам что-нибудь известно о том, когда именно у моей подзащитной появилась сумка... — адвокат посмотрел в свои записи... — бренда «Валентино», коричневого цвета, с золотистой металлической буквой V?

— Известно. Поскольку эту сумку я ей и подарил, — улыбнулся Влад. — Но для того, чтобы объяснить, как это произошло, хочу сообщить: я вообще-то поехал в Каластан, чтобы принять наследство. — Он коротко рассказал историю смерти сестры и наследственной трансмиссии, но не сказал ни слова о том, что сестру при жизни не знал. Это не относилось к делу. — Так вот, сумка, о которой вы спрашиваете, принадлежала как раз сестре. Вместе с некоторыми другими вещами, — обстоятельства сложились так, что возникла такая необходимость, — я ее подарил Марьям. Она, правда, отказывалась... Сумка была вместе с другими вещами в доме в Хасанкале. Сестра была большой аккуратисткой, — улыбнулся Влад. — Все чеки на такие покупки она хранила, а я на всякий случай привез их в Украину, — на те вещи, которые мы везли с собой. На случай, если будет нужно для таможни. Эта сумка, если судить по чеку, была приобретена в бутике в Москве, в 2018 году.

— А привезла подозреваемая сумку в Украину когда?

— Мы возвращались вместе. Уже после тех дат, о которых вы спрашивали. — Он назвал день. — И уже здесь Марьям иногда ходила с этой сумкой, это я видел.

— А другой такой сумки у нее не было? — уточнил адвокат. Влад пожал плечами.

— Я не видел. И сомневаюсь: если верить чеку, она стоила на российские деньги больше двух тысяч долларов. Моя сестра была замужем за довольно состоятельным каластанским бизнесменом... Сомневаюсь, чтобы Марьям сама покупала такие вещи.

— Что еще вы можете сообщить по делу?

— По делу? Ничего. — Влад снова пожал плечами. — Понятия не имею, чем там Марьям занималась в своем суде, мы почти не разговаривали ни об этом, ни о том, чем я занимаюсь в своей компании. Хотя мне известно о двух инцидентах, которые можно расценить как нападения на нее. Об одном я знаю с ее слов, — провокация, которая произошла в суде. А вот во втором, точнее, первом по времени, — участвовал сам, потому что был за рулем ее автомобиля. — Влад коротко рассказал о столкновении с «активистами». — По данному факту есть уголовное производство, расследуется Печерским райуправлением. Мы оба признаны там потерпевшими, я — как лицо, на которое произошло нападение, Марьям — как владелец поврежденного автомобиля. Насколько мне известно, двое фигурантов под арестом, третий — под ночным домашним. Пожалели...

— У меня все, ваша честь, — развел руками Григорий. Не надо было быть психологом, — а Влад после лет жизни с Ольгой немного разобрался в этой науке, — чтобы увидеть, насколько заинтересовался судья. Взгляд его из-под очков перескакивал с Марьям на Влада, с Влада на адвоката. А вот на прокурора и следователя он не смотрел.

Но слово прокурору для допроса свидетеля, конечно, предоставил. Тот сначала спросил, что же такое произошло с паспортом и телефоном подозреваемой в России. На что Влад ответил коротко:

— Сгорели.

— Можете сообщить, при каких обстоятельствах? — спросил прокурор, и Влад уже начал формулировать ответ, который не объяснил бы ничего конкретно, но вмешался судья:

— Уважаемый прокурор, разве это является предметом нашего рассмотрения? По-человечески мне тоже, может быть, интересно. Но для решения вопроса о мере пресечения это не нужно. А расследование чего-то, кроме указанного в ходатайстве, мы здесь не ведем, и я не буду тратить на это время. Ваш вопрос снимается.

Затем прокурор пытался сбить его с толку по датам, из чего, конечно, ничего не получилось.

— Вы мои анкетные данные внимательно слушали? — спросил Влад. — Это все произошло сразу после моего дня рождения. Сорокалетие, которое пришлось, так сказать, отмечать там одному, в чужом городе. Как вы думаете, я бы мог перепутать даты?

Правда, прокурор еще не знал, что его ждет впереди. А Влад сказал, отвечая на вопрос, который, чувствовал, был у прокурора последним:

— Я сообщил, что знаю. А сейчас скажу то, что думаю. Подробности, в чем заключается подозрение, я не знаю. Но не верю. И дело здесь не только в том, что, мне кажется, я Марьям понимаю. Еще и в другом. Мы... планировали будущее. А, если уж мне пришлось сказать об этом наследстве, которое получил в России... Тогда объясню, что... на этом фоне любые суммы, которые, теоретически, может получить, чем-то злоупотребляя, помощник судьи, — это мизер. Я не верю, что она стала бы рисковать... будущим, ради этой мизерной выгоды. А то, что я знаю, что я видел собственными глазами, я вам рассказал. — И он посмотрел сначала на прокурора, а затем прямо в глаза судьи.

— Хорошо, свидетель, можете быть свободны, — сказал судья. — Если больше никто не имеет вопросов.

Влад отошел от трибуны, за которой давал свои показания, и занял место в зале, сбоку от «аквариума». Вот теперь можно было встретиться с Марьям взглядом и подмигнуть. В ее глазах теперь светилась надежда, и сидела она на скамье с прямой спиной. Очень хорошо.

Судья в этот момент смотрел на защитника, который заявлял новое ходатайство:

— А теперь прошу приобщить к делу несколько документов. Копию справки, выданной УМВД Чарахкалы, Республика Каластан, Россия, об обращении гражданки Украины Аевой Марьям Каримовны об утере паспорта. Копию удостоверения, выданного на имя Аевой Марьям Каримовны консульством Украины в Ростове, Россия. Копии авиабилетов на ее же имя. И прошу обратить внимание на даты всех указанных документов, и сравнить с датами, указанными в ходатайстве и сообщении о подозрении, когда, по версии следствия, совершено преступление. Копия свидетельства о праве на наследство на имя свидетеля, где указано, что наследство в порядке наследственной трансмиссии переходит от Талаевой Златы Юрьевны. Копия чека о покупке сумки «Валентино», где указано имя и номер дисконтной карточки Златы Талаевой. Копию выписки из Единого реестра досудебных

расследований в уголовном производстве о хулиганстве, где потерпевшими признаны как моя подзащитная, так и свидетель, а описание обстоятельств уголовного производства совпадает с тем, что сообщил свидетель. — Адвокат сделал паузу, а затем нанес последний удар. — Копию сообщения судьи Окружного административного суда города Киева Наймытовской в Высший совет правосудия о вмешательстве в ее деятельность, а именно — попытку подбрасывания денежных средств в помещении суда в сумочку ее помощницы Аевой Марьям Каримовны.

— Ставиться на обсуждение заявленное ходатайство, — сказал судья. — Подозреваемая, поддерживаете ходатайство своего защитника? Понятно. Прокурор, что скажете?

— Считаю эти документы не относящимися к делу. Зачем нам сообщение судьи, или свидетельство о праве на наследство на имя свидетеля? — смог выдавить из себя прокурор. Было видно, что нечасто ему приходилось получать такие удары в судебном заседании, тем более, на «рядовой» санкции на арест.

— Суд постановил: ходатайство удовлетворить, — произнес судья. — Указанные документы приобщить к материалам дела. Стороны предоставили все доказательства..?

Судья объявил, что предоставляет слово для выступлений сначала прокурору, потом защите. Влад и Марьям не слушали их, а смотрели друг на друга сквозь стекло.

А меньше, чем через час, они, стоя, слушали решение, которое оглашал судья. До этого им удалось коротко поговорить, — кажется, то, что произошло, произвело впечатление даже на конвой, поэтому, когда судья удалился в совещательную комнату, а Влад подошел к «аквариуму», его попросили отойти только через несколько минут. А он успел сказать:

— Не паникуй. Все будет хорошо. В любом случае.

— Теперь... я верю! — Кажется, само присутствие Влада, то, что он... явился на помощь и взялся за это дело, вернуло ей силы надеяться на лучшее.

И вот судья вернулся из совещательной комнаты. И огласил решение, резолютивная часть которого была:

— В удовлетворении ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Аевой Марьям Каримовны отказать... Признать незаконным задержание Аевой Марьям Каримовны... Освободить Аеву Марьям Каримовну из-под стражи в зале суда.

А потом судья зачитал обычную формулировку о том, как может быть обжаловано определение. Это, конечно, было интересно не Марьям с адвокатом, тем более не Владу, а прокурору. Хотя требования закона о том, как обжаловать такие решения, он сам знал. Но сразу решил: будет пытаться доказать своему руководству, что при таких обстоятельствах делать это нет смысла.

Конвой открыл двери «аквариума», и Марьям, наконец, вышла наружу. И сразу оказалась в объятиях Влада, а потом просто повисла у него на шее. В буквальном смысле — на какое-то время ее ноги оказались в воздухе. А когда отпустила его, то услышала, как судья говорит прокурору, который собирал свои бумаги:

— Не отправлю я человека в СИЗО при таких доказательствах. Займитесь своими заявителями лучше, это точно подстава какая-то.

Секретарь, молодой парень, подошел к адвокату и сказал, чтобы они дождались решения, — копии должны были вручить всем участникам процесса. Судья в своей мантии вышел из зала, за дверью исчезли и прокурор со следователем. Краем уха Влад услышал

сердитый голос прокурора:

— Что же ты нас так подставляешь? Как вы там работаете вообще? С ума сошли — с таким алиби человека... — Дальнейшее уже не было слышно.

Они втроем с адвокатом тоже вышли из зала суда. Марьям говорить почти не могла, в глазах стояли слезы. А Влад успокаивающе говорил:

Ну, я же говорил, что все будет хорошо! Сейчас получим все бумаги — и поедem домой...

И, действительно, меньше, чем через час, они сидели на кухне и курили. Даже перехватили только по бутерброду, — есть хотелось, а вот готовить настроения не было. За окном было темно.

— Ты... опять меня спас! — сказала Марьям. — Я бы там не выдержала.

— Ну, не я, а Гриць, — улыбнулся Влад. — Я только немного помог.

— А... как вы это сделали?

— Ты, кажется, не очень следила за процессом, — со смесью укоризны и юмора сказал Влад. Она нервно рассмеялась и глубоко затянулась сигаретой.

— Да как-то мне не до того было. К тому же... там, в Хасанкале, у меня как-то... календарь смешался... Поэтому и не подумала сразу...

— А зря. Если бы ты сопоставила даты... Это же очевидно: когда ты сидела в Хасанкале без документов и телефона, то точно ни у кого требовать деньги не могла. А вот то, что на описание этой заявительницы сумочки, которая в то время, о котором она писала, еще лежала в шкафу, оставшемся мне от Златы, обратил внимание я, мужчина, а не ты, — это уже просто позор! Ну, а после того — мне пришлось только подобрать документы, скопировать и завезти Григорию перед заседанием. Только чтобы получить копию обращения твоей судьи, ему пришлось связаться с ней самой. Она, кстати, в выходной на работу приехала, чтобы копию снять... Так что она к тебе хорошо относится...

— Но ты же сам вышел на ту трибуну показания давать! И о наследстве своем рассказал...

— О наследстве — пришлось, да это и не секрет. Ты думаешь, каждый, кому действительно интересно, из той же полиции, не выяснит..? А что касается показаний... Ты, возможно, уже поняла, что Гриша... в уголовном процессе любит свою драматургию. А тут еще с судьей повезло. Василий сам из адвокатов. Мы некоторое время даже вместе работали. Друзьями не были, но отношения были хорошие. И... он в курсе моей истории. И профессиональной, и семейной... Ты, конечно, не обратила внимания, но ему было очень интересно, где я сейчас работаю. И этим делом он таки заинтересовался. Отчасти из-за меня, а отчасти — сам заметил, что здесь что-то нечисто. Но это же было бы неразумно — не использовать такое преимущество, правда? А потом — немного откровенности и убийственные факты... Лучше скажи, почему ты все-таки была в таком состоянии?

— Я не верила... что выйду оттуда. Не только сейчас... Этот следователь, еще пока мы ехали вчера...

— Его я тоже знаю. Мерзавец еще тот. Фамилия его — Канис...

— Да, он рассказывал, что его прадед был латышским стрелком и чекистом... Тоже запугивал, что ли... Иначе зачем мне это знать..?

— Он всем это рассказывает. — Влад рассмеялся. — Кстати, про латышского стрелка — это правда, кажется... Не уверен, что фамилия прадеда было именно такая: сто лет назад при

оформлении документов большевистские писари часто делали ошибки... Но дело не в том, что он гордится предком. Наш следователь, кроме всего прочего, страшный антисемит, и очень переживает, чтобы его, из-за фамилии, никто не воспринял за еврея. Ну, и немного давит на психику... Но мы-то — юристы, мы учили латынь. А потому знаем, что Canis — это просто собака!

Здесь рассмеялась и Марьям, немного нервно. А потом продолжила:

— Так вот, он мне по дороге рассказывал, что меня посадят, и все, даже квартиру, конфискуют. Пойду, говорил, лет через восемь жить на вокзале, никому не нужная. Да, потом приехал Григорий Михайлович, но я понимала...

— И так запаниковала, что даже не подумала о датах, о том, что у тебя есть алиби...

— И как бы я... оттуда это доказывала? Даже если бы вспомнила...

— Ну, способы есть. Ходатайство о запросе пограничникам, хотя бы... Но, конечно, нам извне это было легче. И быстрее, — снова улыбнулся Влад. — Вот увидишь, завтра на странице Гриши будет пост о том, как суд отказал в мере пресечения! Без указания на тебя, конечно. Для него это тоже — успех. Такое, чтобы отказали полностью, да еще и признали незаконное задержание, нечасто бывает.

— И ему это тоже подарил ты...

— Да затем лавры поделим! — Влад считал, что надо все, что можно, сейчас сводить к шутке. — Нам еще работать и работать. Григорию — подавать в понедельник заявление на твою заявительницу, за заведомо ложные показания. Чтобы в следующий раз даже не думала..! И на Каниса этого тоже. Он уже многих достал, и нас с Гришей тоже. К тому же, надо, чтобы к тебе подойти боялись... — Тон Влада стал серьезным. — Я, конечно, не генерал Аев, у меня батальона подчиненных с оружием нет. Но... пока голова есть, и сделать так, чтобы они поняли: себе дороже выйдет, — могу! На него просто так бы никто не «наехал», а я теперь хочу добиться того же самого...

— Не любишь, когда у тебя отбирают то, что тебе принадлежит? — слабо улыбнулась Марьям.

— Опять ты за свое... — укоризненно покачал он головой. — Мы же договаривались — без вот этого... Но я тебе другое скажу. — Влад подвинул свой стул так, чтобы можно было прижать Марьям к себе. — Когда тогда, в Хасанкале, ты мне рассказала о себе... Ты почему-то тогда подумала, что после этого я тебя... верну Хамзату с Расимом. А я подумал тогда совсем другое. — Он сделал паузу. — «Обидеть больше — не дам!». Если, конечно, сама решишь остаться... — Еще одна маленькая пауза. — Понимаешь, мне уже сорок. А это значит, что жить, скорее всего, осталось меньше, чем уже позади. Тем более, отец умер довольно молодым... А еще... Ты читала Конан Дойля? Помнишь теорию Шерлока Холмса о том, что жизнь каждого человека повторяет историю его семьи?[1] Так вот, это про меня. У отца распалась семья, у меня тоже... Вот, разве что, я с сыном пытался видеться. Кстати, неоднократно замечал такое. У моего приятеля отец женился в восемнадцать, развелся через два года, он сам женился в девятнадцать, развелся через три года, его сын — в восемнадцать, уже два года держится... А еще — подобное тянется к подобному. У меня была... можно сказать, невеста, так она сама с такой же семьи, с такой же историей... Своего отца она даже по имени никогда не вспоминала. Это все... замкнутый круг. Который затягивает, как болото. И я... решил, что сама судьба дала мне возможность все изменить. На те годы, что остались... — Он улыбнулся. — Казалось бы, почему это..? Но почему-то такая мысль мелькнула еще, когда поймал твой взгляд, там, в крепости...

На минуту воцарилось молчание, а затем Марьям высвободилась и встала со стула. На глазах ее стояли слезы, но голос был спокоен.

— От меня, кажется, тюрьмой пахнет... Пойду смою.

— Не так долго ты там пробыла...

— Все равно. Надо...

— А потом?

Марьям с улыбкой махнул рукой в сторону комнаты:

— Благодарить тебя буду! — Она тоже сделала маленькую паузу. — За то, что сделал, и за то, что сказал...

[1] Рассказ Артура Конан Дойля «Пустой дом», Шерлок Холмс говорит о полковнике Моране.

10. Горячие блюда.

— А я думала... мы сегодня просто вместе побудем!

Марьям с удивлением смотрела, как сразу после завтрака Влад сел за ноутбук. Все же — воскресенье!

— Да вместе, вместе, куда ж мы денемся... А вот «просто» не получится.

— А... что ты делаешь?

— О, у нас большая программа. Надо... кое-что сделать. Некоторые документы... По нашему, конечно же, делу. Все остальное — это работа. Этим я бы в выходной заниматься не стал. А личным — можно!

— Ты не успокоился?

— Я в ярости! — признался Влад. — К тому же, если ты обратила внимание, эти мерзавцы, когда делали обыск, не только изъяли ту самую твою сумочку, но и выгребли совершенно всю наличку. Конечно, я снял с карточки еще, но и дарить им не хочу... Так что первое, что сделаю, — это мое собственное заявление на возврат валюты. Тем более, есть чеки из банка Каластана. У меня привычка — каждый чек в карман. Вот и пригодилось...

— А потом?

— Да не потом, а сразу. — Это было сказано со смехом. — Мое заявление о превышении полномочий при изъятии валюты. Я это могу сделать от своего имени, и в суд пойти, если понадобится. Это других теперь представлять не могу, а сам себя... Эх, давненько я не брал в руки шашек! А тут — такая шикарная возможность. И нашего «собачьего» друга надо немного... ткнуть носом в то, что он наделал, не так ли?

Влад говорил обычным тоном, с долей юмора. Но слова, которые он подбирал, понимала Марьям, показывали, насколько он действительно взбешен. Так Влад не характеризовал даже «активистов», которые пытались побить его, и повредили ее автомобиль.

— А еще?

— А еще — заявления от тебя. О незаконном задержании, — не забывай, его признал судья, — о нарушениях при обыске, а главное — о заведомо ложном заявлении о преступлении и даче заведомо ложных показаний. Эту твою заявительницу надо хорошенько так прижать, чтобы неповадно было... Да ходатайство в прокуратуру о закрытии уголовного дела, к нему добавим все те же копии, что пошли и в суд. Думаю, прокурор был зол на то, как Канис подставил и его. С Гришей мы договорились, что я ему скину эти документы, он просмотрит, даже в выходной. И, если все хорошо, если все согласуется с его позицией, — а

по делу ему еще работать, — мы едем их распечатывать. Это плохо, что у тебя дома не на чем, вчера кучу времени потерял... А завтра все отправляем, прямо утром...

— Ты хочешь все сделать быстро?

— Да. Говорят, что месть — это блюдо, которое надо подавать холодным, но это не наш случай. Да мы и не столько мстим, сколько защищаемся. А это надо делать, пока блюдо горячее. Кстати, возможно, успеем даже сегодня, если найдем работающую почту. — Влад что-то посмотрел в интернете. — О! В воскресенье левобережный почтамт работает до пятнадцати, центральный — до девятнадцати.

Влад начал с документов, которые должен был проверить Григорий Фертель, и сбросил ему на почту. А потом набрал на компьютере те, что должен был подать от своего имени. Печатал он быстро, и, к счастью, каждый документ был небольшого объема, а некоторые абзацы из одного можно было переносить в другие. Особенно, когда речь шла об установленных судом обстоятельствах дела. Пока он занимался этим, получил сообщение от Григория: тот составленные документы одобрил, их можно было отправлять.

— Ну, вот теперь собираемся... Сейчас увидишь заодно, где я работаю, — сказал Влад. И скоро уже открывал перед Марьям дверцу «Рейндж Ровера».

— Кстати, откуда такое чудо? — спросила она, усаживаясь на сиденье, обшитом белой кожей. Не самое практичное решение того, кто заказал такой автомобиль, но в сочетании с черным кузовом — действительно красиво! — Я вчера... боялась запачкать...

— Да это мне машины из России наконец довели, растаможили и зарегистрировали. А эту я взял, чтобы пока кататься. Среди твоих соседей вызвала фурор: одна бабушка у меня спросила, у кого же это такого я водителем работаю? — Они рассмеялись, но Влад внимательно следил за дорогой. — Как раз в пятницу все закончили. Хотел тебе рассказать, но наш собачий друг со своей стаей всю радость испортил! Я на него и так злой, а из-за этого — еще больше!

Марьям хотелось сменить тему, к тому же, она понимала, насколько важны были для Влада эти машины. И спросила:

— Все привезли? «Бугатти» тоже?

— Да. Но на нем до весны выезжать не собираюсь. И вообще, нам придется на нем в Германию ездить, по автобанам кататься.

Марьям знала, что на немецких автобанах есть участки, где нет ограничения скорости. Но не понимала, шутит сейчас Влад, или говорит серьезно.

— Но я думала... что именно на него ты закажешь номер 0001! — Сейчас такой номер был на «Рейндж Ровере», в котором они и ехали. — Как на самый ценный...

— Нет, на нем как раз — 1001, - улыбнулся Влад. И, опережая вопрос, объяснил причину. — Потому что «Вейрон» имеет мощность — тысяча одна лошадиная сила! Тот, кто знает, что это за машина, — оценит. Кто не знает, — тому все равно. А, если ты едешь на «Бугатти», демонстрировать свою «крутость» номерами нет смысла. И если найдется полицейский, который остановит его, — от такого никакие номера не спасут.

За такими разговорами они и доехали до офиса «Нефтяных гор». Вставив карточку-ключ в специальное устройство, Влад заехал во двор, и им не пришлось преодолевать пост охраны на входе с улицы. Так что можно было подняться на лифте до этажа, где располагался кабинет члена наблюдательного совета. В офисе почти никого не было, коридоры и кабинеты выглядели необычно пустыми. Большинство сотрудников и не имели права пройти в офис в нерабочее время, но к руководству это не относилось.

Единственным местом, где работала Марьям, был суд. Она никогда раньше и не бывала в офисе крупной компании, поэтому ей все было интересно. И уж никак не ожидала она, что кабинет Власть окажется таким... аскетичным. И сказала, когда он распечатывал документы:

— Ты хотя бы какие-то картины на стену повесил, или, может, цветы развел...

Влад был доволен, что она отвлеклась от своих недавних проблем. Но ответил:

— Из цветов у меня выживали, разве что, кактусы... А в остальном — во-первых, не успел, а во-вторых — лучше, чтобы от работы ничто не отвлекало...

Они подписали документы и надписали конверты. Собирая все это в папку, Влад сказал:

— А теперь едем на Левобережку[1]. Мы еще успеваем...

— А почему туда?

— Потому что если поедем сейчас в центр, то придется бросать машину неизвестно где, и тащиться к почтамту пешком. У Майдана нигде запарковаться[2]. А я считаю, лучше лишних десять километров проехать, чем один пройти... А по времени — мы еще успеваем. Кстати, в суде тебе сейчас... лучше не отсвечивать. Напишешь заявление об отпуске, пусть даже за свой счет... Судья твоя тебя отпустит?

Марьям на минутку задумалась.

— После такого, и когда уголовное дело еще не закрыто? Думаю, что да.

А уже в машине спросила:

— А на какое время ты хочешь, чтобы я ушла в отпуск?

— Самое меньшее — недели на две. — Влад задумался. Кажется Марьям ему доверяла. По крайней мере, сказала: когда дело еще не закрыто. Значит, поверила, что это — только вопрос времени. Это было хорошо. — А вообще — я бы на твоём месте подумал о том, чтобы бросить эту работу. Seriously подумал.

— Почему?

— Потому что кто-то организовал эту подставу не просто так. И организовывали ее в спешке. Они знали, что ты была в отпуске, но не знали, что ездила за границу, тем более — о потере паспорта. А то, что эта так называемая потерпевшая, которая, надеюсь, станет теперь подозреваемой, говорила, что ты деньги при первой встрече прятала в сумочку «Валентино»... Знаешь, о чем это говорит? Что за тобой следили, уже после возвращения из Каластана. Заметили сумочку, возможно, кто-то даже обратил внимание, что это модель восемнадцатого года... Эта заявительница — самая бизнес-леди, может знать. Но они не знали, что до отпуска этой вещи у тебя не было. О чем это говорит?

— И о чем же?

— О том, что кто-то тобой очень заинтересовался, и только что. Кому-то ты сильно мешаешь. А чем ты занимаешься, кроме работы в суде..?

Марьям задумалась.

— А может, это связано... с моим прошлым, с наследством Хусейна? Я уже тебе говорила, его сыновья меня ненавидели... Или... с тобой?

— Думал я об этом. Сомневаюсь... Сыновья твоего мужа ничего не выиграют, а мстители начали бы гораздо раньше, если бы хотели. К тому же, ты сама говорила, никто из них не имеет отношения к силовым структурам... Это все — давно минувшие дни... Со мной? Нс тогда атаковали бы меня. Даже если бы кого-то так заинтересовали мои деньги... Нет, здесь дело именно в тебе. Потому версий три. Или ты что-то знаешь... или кому-то мешаешь в

суде... или это связано с тем, что произошло в Каластане. Но, кажется, твои родственники и земляки не имеют оснований быть недовольными. Они, по вашим обычаям, не должны вредить тебе, если ты остаешься со мной, так? Ты же говорила...

— Да. А ты, кажется, наконец поверил...

— Не так, чтобы окончательно... — пожал плечами Влад. — Все же двадцать первый век на дворе! Хотя и видел все это своими глазами... Но, если исходить из того, что все так и есть, — тогда... Поэтому лучше пока не рисковать. — Он остановил машину у Левобережного почтамта.

Они быстро отправили письма и вернулись к «Рейндж Роверау».

— А давай добьем твоих соседей! — вдруг предложил Влад, и засмеялся.

— А как?

— Приедем двумя машинами. Поедем сейчас туда, где они у меня стоят, и заберем еще какую-нибудь одну. Пусть догадываются, откуда... А мы сможем ездить, независимо друг от друга... Куда кому надо...

Марьям прыснула со смеху.

— Представляю, что они будут говорить! — Она понимала, что среди машин, доставшихся Владу, не было дешевых. — Но... куда мне ездить? Если не на работе... так и буду сидеть в четырех стенах. Тебя ждать.

— Разве ты не найдешь, что делать? — Влад все еще улыбался. — А если не найдешь сама, найдем вместе. Я тут послезавтра все же дом покупаю. Тот самый... Так что можно будет с дизайнером работать, если захочешь, или просто за ремонтом наблюдать. Потому как тянуть смысла нет, правда?

— Неужели..? А я об этом всем и забыла...

— А зря! Так что, едем за второй машиной?

— Едем! — решительно ответила Марьям.

Даже на человека, совсем равнодушного к автомобилям, это произвело бы впечатление. Все это вместе, под одной крышей, в свете мощных ламп! Все, — кроме «Рейндж Ровера», на котором они приехали, оставшегося снаружи, — стояли рядком. Почти вся коллекция отца и сына Талаевых. А теперь все это принадлежало Владу.

Марьям прошла вдоль ряда машин, задержавшись у «Вейрона», потом зачем-то похлопала рукой по капоту «Мерседеса», на котором они ездили в Ростов. Влад подумал, а умеет ли она ездить верхом? Уж очень жест напоминал тот, как хлопают по шее коня.

А потом обратила внимание:

— Смотри, колесо спустило.

Это относилось к «Мазерати Кватропорте», чей цвет был где-то на границе между коричневым и вишневым. А номер на ней был 0013, что свидетельствовало: Влад не рассматривал эту машину как одну из самых ценных и лучших здесь. Но оставлять ее надолго со спущенным колесом не нужно было. Длительная стоянка в таком состоянии может закончиться порчей крыши.

— Сейчас поменяю на докатку[3], и придется на шиномонтаж съездить. — Влад взял ключи и открыл багажник, чтобы достать ту же докатку и домкрат. — Вот, кстати, здесь лежит... — Он достал нож в ножнах, тот самый, который оставил ему Хамзат. Марьям смотрела на него расширенными глазами. — Хорошая работа, положил сюда. Пусть будет... — Нож переместился в его сумку.

Да, это ручная каластанская работа, таких немного. Ты обратил внимание на узор на лезвии..?

— Потому и решил привезти. Для меня это... просто красивая вещь. — Влад вытащил докатку с ее места в багажнике, а за ней и домкрат и ключ, которым нужно было открутить колесо. — Но не самолетом же было везти... О, тут что-то еще... — Это была небольшая сумка из ткани, в которой лежали несколько мелочей, пара ручек и две общих тетради. Все это тоже отправилось в его большую сумку.

— Когда поедем... Пустишь меня за руль? — спросила Марьям.

— Давай, когда будем ехать обратно, уже с нормальными колесами. Хорошо? Мощная машина все-таки, а на докатке...

— Красивая...

— Вот это, я понимаю, причина выбора! — рассмеялся Влад. — Но, если хочешь, мы ее и возьмем.

— Ты разрешишь мне... на ней ездить?

— Почему бы и нет, если уж именно эта тебе понравилась? Ну, готово. Садись, а я открою ворота.

Ближайший шиномонтаж был в нескольких километрах. И по дороге Влад показал, как правильно пользоваться роботизированной коробкой передач «Мазерати». А потом, когда шиномонтажник занес снятое колесо внутрь, — нужно было понять, почему оно спустило, отремонтировать и при необходимости отбалансировать, — они остались сидеть в салоне.

— Но ты справишься, — сказал Влад. — Ничего сложного, на самом деле. На этой машине ездила Злата.

— Почему ты так думаешь?

— Была оформлена на нее, как и еще одна. И именно в ней было установлено детское кресло. Я его Искандеру отдал, он сказал, что у него как раз украли.

— Да, ему нужно...

— На самом деле, — улыбнулся Влад, — ты выбрала здесь почти что самую дешевую машину из всех. Все думают, что «Мазерати» — это страшно дорого. На самом деле такую, две тысячи шестого года, можно у нас купить тысяч за двадцать. Правда, не в таком состоянии... Так что у тебя еще я время передумать.

— Нет, мне нравится...

— Тогда ладно. Поставят нам сейчас колесо — и садись за руль.

Он убедился, что Марьям уверенно водит, хотя, чтобы привыкнуть к машине, нужно было время. Доверять ей мощную машину, — триста девяносто лошадиных сил, — было не страшно. Раньше он не видел ее за рулем.

Потом Влад забрал еще кое-что из одной из машин, — «сотого» «Лендкрузера», — и вернулся за руль «Рейндж Ровера». Марьям выехала на дорогу первой, а через несколько километров настолько привыкла к «Мазерати», что он отстал. Домой она приехала на несколько минут раньше, и, паркуясь рядом с «Мазерати», Влад услышал обычные обсуждения соседских бабушек на любимую тему: где же люди на такие машины денег воруют? Хорошо еще, подумал, они не знают, что эти машины ввезены как наследство, без пошлин. А то бы долго обсуждали, сколько пенсий украдено лично у них. Влад не считал, что что-то им должен. Да, он не заработал эти деньги сам, но и Талаевы ничего у пенсионеров, тем более — украинских, не украли. Если их фирмы и «пилили» российский бюджет, то средства, предназначенные на строительство дорог, да и то, видимо, умеренно,

потому что дороги в Каластане были на удивление приличные. Но... он пытался бороться. Всю жизнь. Не всегда успешно, и лишь однажды допустил слабость, впал в отчаяние, когда навалилось слишком много всего сразу; но, возможно, все это, — и Марьям тоже, — такая себе награда судьбы? А о людях, которые даже не попытались бороться, но теперь обвиняли кого угодно, кто жил лучше них, в том, что те украли у них то, чего у них никогда не было, — Влад давно имел собственное мнение.

И он будет продолжать бороться, думал он, поднимаясь по лестнице. Вот только противники изменились. И ставки тоже. А сама жизнь — нет. Она так и остается борьбой.

— Не удалось.

Посредник не знал, где именно находится собеседник. Современные мессенджеры дают возможность такой связи. Даже по номеру ничего не скажешь, — этот был международной компании, продающей сим-карты для путешественников, которые работают во многих странах. А звонок шел не на телефонный номер. Владелец номера, — заказчик, — мог сидеть хоть в Москве, хоть в Нью-Йорке. И звать его могли как угодно. Можно было сказать только, что он — из бывшего Советского Союза. И то только потому, как он говорил по-русски. Правильная литературная речь, очевидно, хорошее образование, — русский мог быть для него родным языком, а мог и не быть...

Посреднику было все равно. Свои деньги он получал в биткойнах. Как он рассчитывается с исполнителями, заказчика не интересовало.

— Что именно случилось?

Чтобы выяснить это, посреднику понадобились сутки. Поэтому он и не сообщал заказчику сразу, как только узнал о неудаче сам.

— Потому что у нас не было информации, где именно она была... Вы нам ее не дали, а мои ребята... не догадались сначала пограничникам запрос сделать. А еще у нее оказался очень хороший адвокат... Суд ее выпустил, даже полностью отказал в мере пресечения. Дело, думаю, закроют. Придется пробовать еще...

— Да какое там пробовать! — Заказчик был раздражен. — Вы все испортили. Теперь, когда всем очевидно, что это заказ, новое дело будет восприниматься еще хуже. И не надо тянуть с меня деньги! Если хотите заработать — надо действительно решить вопрос.

— Как именно? — спросил посредник.

— Мне все равно. Но так, чтобы он действительно был решен.

Посредник понял намек. Но то, что он понял, не означало, что ему это понравилось. Он не любил применять радикальные способы решения проблем без крайней необходимости, — если только не поступало прямого заказа. А тем более — с таким объектом. К тому же, ему никто не объяснил, в чем заключалась сама проблема. Но выхода не было, — первую, менее радикальную попытку, провалили именно его люди.

Заказчик хорошо понимал эту паузу, но, наконец, услышал:

— Хорошо, сделаем.

— Только уже без ошибок!

Сказал и разорвал связь.

Почему, думал он, пока Влад поднимался по лестнице, почему вокруг одни идиоты? Одни испортили его план с самого начала. Другие сказали ему, только, когда все произошло в этой крепости, — хотя, что бы он тогда мог сделать? Теперь еще и эти все завалили. Куда делись люди, которые нормально делают свою работу? Куда делись люди, которые не

грызутся только из-за эмоций? Свой план он считал идеальным, с точки зрения логики. Но глупость одних и непрофессионализм других... А сам он не может приехать туда. И делать черную работу сам не будет, возраст уже не тот, навыки притупились... Заказчик сам не был сторонником радикальных методов без необходимости. Но, кажется, сейчас необходимость появилась.

А все почему? Из-за идиотов...

— Ну, вот, думаю, у нас был удачный день, — сказал Влад за ужином. А у Марьям горели глаза.

— Ты знаешь, я уже сколько за рулем, лет пять? Просто себе ездила, когда надо, но... даже не знала, что можно получить от этого такое удовольствие! Это что-то совершенно другое... Мой «Инфинити» — добротная машина, но в ней не хватает чего-то такого... Я теперь буду ждать, когда надо куда-нибудь поехать!

— Я доволен, что ты довольна! — Влад улыбнулся, «утвердив» этой фразой переход «Мазерати» в ее полное распоряжение. Он не был удивлен. Это была нормальная реакция человека, который впервые сел на автомобиль, специально сделанный для удовольствия от вождения. А еще — он был доволен. Такое увлечение — лучшее лекарство после того, что ей пришлось недавно перенести. — Меня, скорее, удивляет, что ты за все эти годы не попыталась сменить «Инфинити» на что-то другое... Только осторожно, я тебя прошу. Почти четыреста сил все же, хотя и с системами стабилизации...

— Обещаю! Кажется, я уже почувствовала эту машину... А то, что ты сказал... — Она на секунду задумалась. — Может, я не привыкла сама выбирать, вот и пользовалась тем, что есть. А может... не чувствовала себя вправе менять то, что осталось от Хусейна. Особенно, когда мировое соглашение с его детьми заключили по поводу наследства... Я уже хотела закончить все это, даже дом им поэтому уступила. И... просто оставила все, как есть.

— Хорошо у нас зарабатывали милицейские генералы! — пошутил он. Марьям не обиделась.

— Но знаешь, Хусейн не брал... ну, таких классических взяток. Он... зарабатывал так, чтобы никого не обидеть. Знаешь, с чего начинал? Он мне рассказывал как-то. В девяностые еще, когда много финансовых «пирамид» было...

— О, да! Интересные были времена! — Влад был тогда подростком, но хорошо помнил. Возможно, потому, что отчим потерял деньги на одном из «трастов». — Он их «доил», что ли?

— В том-то и дело, что нет! Помнишь, я тебе говорила, что у него есть в Москве брат? Которого заставили стать врачом и генетиком, но он всегда увлекался математикой.

— Да, его, кажется, зовут Исмаил, верно?

— Да. — Марьям было приятно, что он запомнил то, что она рассказывала. Хотя вряд ли интересовался семьей ее покойного первого мужа. — Вот они и объединили усилия... Хусейн, он тогда еще, конечно, не был генералом, работал в УБЭП[4]. А потому имел оперативную информацию об этих «пирамидах», как тех, которые работали здесь, так и тех, что в России. Тогда же обмен информацией был, в том числе и... неформальный. На личных связях, как говорится. А Исмаил хорошо умел считать, и программировать тоже... Ты догадываешься, что они сделали? — Ей было действительно интересно, сможет ли он понять эту схему.

— А чего тут догадываться? — Влад только пожал плечами. — Один брат предоставлял

информацию, сколько вкладчиков в той или иной фирме, организовавшей «пирамиду», на какие суммы и так далее. Второй брат, пользуясь знанием математики, рассчитывал, в какой момент та или иная пирамида должна рухнуть. Они вкладывали туда деньги, а забирали как раз перед тем, как всему наступал конец. Люди с нестандартным подходом, я тебе скажу! Таким образом обманывать не только других вкладчиков, но и организаторов «пиромид», причем не делая ничего незаконного, — ну, кроме использования служебной информации, — это же надо было додуматься... За эти несколько лет, пока в России цвела «МММ», а у нас — трасты, можно было хорошо «подняться».

— Так и вышло. Только Хусейн еще и получал информацию, так сказать, в процессе... Они оба стали очень богатыми людьми. Хусейн рассказывал, как он приезжал на работу на БМВ, а коллеги просто выходили из себя, видели, что деньги у него есть, но не могли понять, откуда! Потому что взяток он не брал, «крышеванием» не занимался... А потом — тогда можно было квартиры скупать дешево. Они это и делали, чувствовали, что будет инфляция, а может, и это Исмаил просчитал. Особенно он выиграл, ты представляешь, какие цены сейчас на квартиры в Москве? Но Хусейн тоже не прогадал. А потом еще было много чего... — Марьям вздрогнула. — А потом этот Канис мне говорит, что у меня все, наворованное мужем, теперь отберут...

— А чего ты от него хочешь? Ничтожество, не смог даже сделать карьеру, может только рассказывать о своем предке-чекисте. А сам не может даже заказ отработать так, чтобы все сразу не развалилось. Это же надо быть такими идиотами — не выяснить, что ты отпуск взяла не просто так, а поехала в Россию... Но забудь о нем. Думаю, скоро он работать следователем уже не будет. В лучшем случае, сидеть где-то в дежурной части, а может, и из полиции вылетит вообще. Представляю, как на него сейчас злы, — и прокуратура, и руководство! — за то, как он их подставил. А мы с Гришей им еще поможем... А вообще, давай о чем-то более приятном. Вот о хороших машинах, например!

[1] Разговорное название Левобережной площади, станции метро «Левобережная» и прилегающего района в Киеве.

[2] Главный почтамт в Киеве находится на Майдане Независимости (центральная площадь города).

[3] Запасное колесо меньшего размера, предназначенное, чтобы в случае повреждения основного колеса доехать до места ремонта.

[4] Управление по борьбе с экономической преступностью в составе бывшей милиции.

11. Реальные сказки.

— Это вы правильно говорите: купить дом — быстро, а вот потом — начинается... И деньги — только полдела, — сказал Родион Петрович. Он был владельцем небольшой строительной фирмы, так что знал, о чем говорил. Его телефон дал Владу Роман Павлов, который уже пользовался его услугами и остался доволен. Крепкий для своих шестидесяти лет, с татуировкой «ВДВ» на кисти руки, Родион Петрович Луненко был очень энергичным человеком. На месте, кажется, никогда не сидел, и объекты у него были по всему Киеву и окрестностям. — Главное — понять, что именно хотите.

— Ну, мы, кажется, понимаем! — сказала Марьям. Они стояли в большой комнате на первом этаже дома, который Влад все-таки купил несколько дней назад. И только что вместе с Владом объяснили, каким видят будущее жилье. Родион Петрович тоже предложил несколько идей.

— Да, все бы клиенты настолько понимали, чего хотят! — сделал он комплимент. Все улыбнулись. — А еще бы, как для меня объем работ побольше!

— Ну... мы не хотим ломать то, что здесь уже есть красивого, — сказал Влад. — Не в деньгах дело, но рука не поднимется ломать эту лестницу, или снимать этот паркет... — он показал на узоры в виде листьев под ногами. — И еще много чего...

— Да, я вас понимаю... Может, и хорошо, что вам достался дом не с нуля. Там бы все заняло... учитывая площадь... может, и полгода. А так... Кстати, а с мебелью что будете делать? Кроме кухни. — Там все было построено, и разбирать кухонную мебель не было смысла.

— Докупим. Как по мне, то лучше старая добрая... И вообще, — сказал Влад, — всегда мечтал о кабинете с антикварным письменным столом и таким же книжным шкафом. А не вот этим вот, что сейчас делают... А ты? — Он посмотрел на Марьям.

— А я когда-то жила в доме, где вся мебель были встроенная. По-моему, не очень удобно...

— Тоже долго будете выбирать, — сказал Родион Петрович. Он понял, что его приятель, который занимался изготовлением мебели, вряд ли получит здесь работу. А вот ему самому жаловаться было грех. И эта пара была строителю симпатична, что нечасто бывало с теми, кто покупал дома за сотни тысяч долларов. — Тогда будем начинать... — Деньги на первые закупки всего необходимого и ключи от ворот и самого пустого дома он от Влада уже получил. А потом мастер распрощался и уехал, и Влад с Марьям остались вдвоем, — впервые здесь.

— Как в сказке... — сказала она. Влад хорошо понимал, что она хочет сказать.

— Да, как будто дворец. И ты можешь его сделать таким, как тебе нравится. — Он предоставил ей почти карт-бланш, за исключением, разве что, собственного будущего кабинета. И участка — но им нужно будет заниматься весной, не раньше.

— Даже, если он для нас... немножко великоват. Здесь же гулять можно и не найти друг друга. — Но Влад имел другую точку зрения.

— Слишком больших домов не бывает! — Они вышли через боковую дверь, но перед тем, как сесть в «Мазерати», стоявшую на участке перед открытыми сейчас воротами, достали сигареты. — Бывают только те, что маловаты. Если есть деньги, конечно... Уж как-нибудь не потеряемся! — закончил с улыбкой. А еще отметил для себя эти слова — «для нас». Кажется, у Марьям таки прошло это чувство «принадлежности» ему в силу обстоятельств их... знакомства в старой крепости. Но бросать его она все равно даже не думает. Очень хорошо.

— Как ты думаешь, сколько времени им понадобится? — Марьям недаром сказала, что сразу «влюбилась» в этот дом. И теперь хотела бы как можно скорее переехать.

— На основное... думаю, не меньше месяца. Из того, что мы заказали. А потом всякие мелочи можно будет... доделывать, когда будем здесь жить. Так лучше, чем терпеть, правда?

— О, да! — Она села за руль, Влад уселся рядом, в который уже раз удивляясь, что кто-то заказал салон, обшитый ярко-желтой кожей. В сочетании с цветом автомобиля выглядело красиво, но, на его вкус, немножко слишком ярко. — Надеюсь, все будет хорошо... — Она выехала в переулок, и ворота закрылись по сигналу с брелока.

— Почему бы ему и не быть? Ну, хорошо, забрось меня к моему «Рейнджу», и по делам полечу.

А вот Искандер, кажется, до сих пор относился к тому, что произошло в старой крепости, очень серьезно. Общаясь с ним, — они созванивались регулярно с помощью мессенджера, — Влад снова чувствовал себя в какой-то чужой жизни. Или в сказке, но не той, в которой появляется волшебный дворец, причем собственный. Ну, а как еще понимать, когда человек, с которым только обсуждал дела банка, — и который в этих делах хорошо разбирается, и знает, что нужно делать, — вдруг спрашивает:

— Ты не будешь против, если я Марьям позвоню?

— Я уже говорил ей, и тебе говорю: вы можете говорить, сколько захотите! Я не возражаю, и не надо в меня каждый раз спрашивать.

— Спасибо. Сегодня ее наберу. Кажется, неприятности были... — Интересно, каким образом он узнал о том, что сестру чуть не арестовали, если с ней не общался? А главное, что объяснить их отношения Искандеру было невозможно. Сама Марьям — и то едва приняла то, что он предложил с самого начала. После стольких-то лет жизни в Киеве, имея юридическое образование... Искандер, чей жизненный опыт был связан с Каластаном, за исключением, разве что, отпусков, и с порядками, принятыми в его народе, кажется, не мог этого понять. И объяснить ему невозможно. Хотя за сестру он волновался.

— Ну, она сама тебе расскажет. И о плохом, и о хорошем. — Влад сделал это умышленно. Авторитет надо было сохранять, его каластанский помощник должен его уважать. А Марьям, он знал, опишет его роль в истории с неудачным арестом более героическими красками, чем было на самом деле. Особенно после того, как вчера все-таки получила постановление о закрытии уголовного производства. Надо будет поехать и получить изъятое при обыске, Марьям — ту самую сумочку, Владу — деньги. Прокуратура сработала на удивление быстро. Они с Григорием задействовали некоторые связи, но прежде всего дело было в том, как грубо сработали полицейские. С нетерпением Влад ждал ответа на жалобы, из которых станет ясна дальнейшая судьба «собачьего следователя», как они называли его между собой. Ярость на того не проходила. Если это — сказка, то Канис был волком-оборотнем, во всех смыслах, и Влад был решительно настроен забить ему в грудь осиновый кол. — Слушай, мне от тебя еще одна вещь нужна...

— Какая?

— Ты же, работая в службе безопасности, имеешь отношение к базам данных? Можешь сделать выписку по семьям, где муж — хасаниец, или, по крайней мере, имеет соответствующее имя, живет в Хасанкалинском районе, а жена — русская? По крайней мере, из тех, кто имеет счета в Первом.

— Да, попробую. Но это будет... только через несколько дней. Это из-за Златы? — спросил Искандер. — Тебе ее история не дает покоя?

— Да. Не дает... — Влад решил не говорить, что дело не только в простом любопытстве. — Я хочу знать, сколько еще есть таких историй, и с какого времени они начались...

Попросить именно Искандера — было хорошим решением по двум причинам, считал Влад. Тот имел доступ к нужной информации, и мог получить ее незаметно. И не станет никому об этом рассказывать, боясь за сестру. Влад, конечно, не станет угрожать этим Искандеру, и, тем более, ничего плохого Марьям не сделает, — но если тот, со своим жизненным опытом, что-то сам себе представит, — например, что сестра у Влада едва ли ни в заложниках, — и будет держать язык за зубами, — тогда и дело будет сделано, и совесть грызть не будет.

Перед ним лежала общая тетрадь. Одна из найденных в сумке, лежавшей в багажнике «Мазерати». Это был дневник Златы. Писала она для себя, или допускала, что когда-нибудь кто-нибудь сможет прочитать это? Пожалуй, первое. Хотя Влад никогда не понимал людей, которые вели такие дневники. Зачем? То, что произошло с тобой в жизни, помнишь сам, а что не помнишь, — того не стоит.

Открывать тетрадь или нет? Читать то, что другой человек записывал только для себя... Это выглядело чем-то... непорядочным. В другой ситуации Влад не пошел бы на это, а может, и сжег бы тетради в камине своего нового дома. Но не сейчас.

Он чувствовал, что все выстроилось в одну цепь событий. И была эта цепь каким-то образом связана с ним... и с Каластаном. Но с чего она началась, эта цепочка? С того, что Злата приехала в Киев, — возможно, чтобы найти его, — и погибла? Или с того, что она каким-то непостижимым образом вообще вышла замуж за Искандера Талаева? То, как к нему приехал Салман Таханов и, разве что не силой, забрал с собой, чтобы вручить богатство, — хотя все это тоже было, как в сказке, — точно одно из звеньев этой цепочки. А то, что произошло с Марьям в старой крепости, — еще одно звено, или просто удачное стечение и сообразительность Искандера?

В любом случае, приходилось в этом разбираться. Потому что угроза, что его уже более конкретно заподозрят в убийстве сестры ради наследства, оставалась. Хотя эта угроза была, скорее, потенциальной. А вот попытка ареста Марьям — была вполне реальна, хотя, благодаря им с Григорием, и неудачной. А неудачной она была не только потому, что готовили ее идиоты, но и потому, что готовили в спешке. То, что в показаниях заявительницы фигурировала сумка от «Валентино», которую он сам подарил Марьям в Каластане, свидетельствовало об одном: до поездки туда ею никто не интересовался, никто за ней не следил, и, какие у Марьям есть вещи, не знал. Следить начали уже здесь, в Киеве, когда они вернулись, отметили для себя примечную сумку, и решили использовать эту деталь для убедительности показаний заявительницы. И... перестарались. Впрочем, так всегда бывает, если пытаться фальсифицировать доказательства: где-то ложь да и выплывет, главное, чтобы нашлось, кому ее разоблачить, кому это заметить.

Но то, что кто-то не поленился провести такую операцию, — на это, вероятно, потратили немало денег, услуги таких, как Канис с компанией, не стоят дешево, — показывало, что этот кто-то имеет серьезный интерес... Но к чему? Все это сделано в Киеве. А что, кроме сумочки, общего у Златы и Марьям? Только две вещи. Обе имеют отношение к Каластану. И обе имеют отношение к нему, Владу Бурсаку. И вряд ли убийство одной и попытка убрать другую никак не связаны. А если это так... Если это связано с Каластаном, то нужно сделать так, чтобы Марьям больше не угрожала опасность. Ни опасность ареста, ни чего-то худшего... А если это связано с ним, надо сделать так, чтобы опасность не угрожала уже ему. А для этого нужно разобраться, от кого и почему исходит эта опасность...

И Влад открыл первую страницу дневника Златы (интересно, почему та спрятала его в машине, — от мужа, или же автомобиль считала своим личным пространством, тогда как в доме постоянно был кто-то еще?). И начал читать.

Все приходится начинать сначала. Даже дневник. Все, что написано раньше, я потеряла. Да что там дневник, — всю жизнь потеряла.

Первая брачная ночь, — как старомодно, — с мужчиной, которого до этого никогда не знала, с которым до окончания свадьбы даже не разговаривала. Кажется, это какой-то

сериал, или сказка, но это происходит со мной... Когда бы я могла даже представить, не то, что это может со мной произойти, а это может произойти вообще? Но оно произошло...

Но Искандер удивил меня еще больше. Сразу. Он, кажется, смущался, а потом сказал, положив меня на кровать, что... не хотел принуждать, но заставили и его. И извинился за свой народ. Как такое может быть? Он — взрослый самостоятельный человек, бизнесмен. Но...

А я? Я выполняю договор. Альтернатива слишком ужасна. А утешиться можно тем, что, если это и сказка, то, кажется, персонажи в ней — приближенные к королю, и весьма состоятельные.

Прочитав еще несколько страниц — на них было описание, прежде всего, непривычного тогда для Златы быта хасанийцев, — Влад отложил тетрадь, сделав закладку. Через несколько минут должны были прийти «его» программисты — для совещаний по поводу своего проекта он тоже использовал офис «Нефтяных гор» (кто бы ему, как владельцу, сделал замечание?). Но эти минуты можно было использовать, чтобы обдумать прочитанное.

Во-первых, кажется, невеселой оказалась для Златы эта свадьба. А для ее мужа? Трудно сказать. Но она прямо пишет, что это стало следствием некоего «договора». Который она заключила под принуждением, потому что «альтернатива была бы ужасной». Но самое интересное, что, кажется, ее муж, Искандер Талаев, участником этого договора не был. Он... подчинился обычаям своего народа, но, похоже, не считал их правильным. И перед Златой смущался.

Во-вторых, Злата жаловалась на то, что потеряла свой предыдущий дневник. И начинает с нуля не только жизнь, но и записи. Что бы это значило? По времени получается, что это сразу после того, как она была арестована. Есть ли здесь связь? А если освобождение из-под ареста было частью той сделки, которая завершилась свадьбой? С учетом «ужасной альтернативы» — похоже на то. Кстати, арест — еще одно, что у Златы общего с Марьям. Вот только в отношении последней попытка была неудачной, но... это просто кто-то чего-то не учел. На их счастье...

А вот различным было то, что Марьям обычаи своего народа воспринимает, похоже, как должное, даже прожив столько лет в Киеве. А вот Злате казалось, что она попала в сказку, и не могла ни поверить в это, ни понять, каким же персонажем стала она сама. Влад ее понимал. Он-то приехал в Каластан добровольно. — но у него было такое же ощущение. Особенно, конечно, после приключений в старой крепости.

А может, это действительно сказочные горы?

— Вот посмотри, может, кого-нибудь знаешь, — сказал Влад. Список, полученный по электронной почте от Искандера, он распечатал, и теперь положил на стол перед Марьям. Если хочешь разобраться с делом, которое, очевидно, связано с хасанийцами и Каластаном, то хорошо иметь дома источник информации, подумал он. Тем более, такой, который не откажется эту информацию давать, и лишних вопросов не задаст.

— Почти всех, — ответила она, и немного поморщилась. — Особенно — Аллу Ансарову.

— Да, я помню, ты рассказывала. А насчет остальных? Что о них скажешь?

— Все, кого знаю, из очень богатых семей. Вот об этих двух я только слышала. А эти

семьи — это вообще не хасанийцы. — В списке было тридцать пять имен. По меньшей мере тридцать три женщины были женами хасанийцев, причем очень богатых. И это только те, кто пользовались услугами Первого банка Каластана. Возможно, — почти наверняка — были и такие, которые в этот перечень не попали. — По крайней мере, одна из них, это Людмила Сухабова, она — жена брата вице-премьера Каластана. Но они — не хасанийцы, и там... романтическая история. В свое время вся республика знала...

— Тогда они нас не интересуют. Давай о русских женах хасанийцев... Меня интересуют они сами и их мужья.

В основном это были молодые мужчины. Сыновья состоятельных хасанийцев, — бизнесменов или, например, начальника полиции Хасанкалинского района. Можно было догадаться, что семья его не на одну зарплату жила, хотя про конкретные источники дохода начальника Влад мог только догадываться. Начальника он встречал. Такой себе толстый дядька в мундире полковника. Идти с ним на конфликт не нужно было, — если, конечно, он собирался и дальше бывать в Каластане.

Это именно его невестку звали Инга Халединова. Владу сразу бросилась в глаза одна деталь. Дата рождения в Инги была редкая, — 29 февраля. Тот самый день, который бывает только в високосный год. Почему-то это запечатлелось в мозгу. А Марьям продолжала характеризовать каждую из известных ей женщин из списка. И их мужей тоже.

Каждая была настоящей красавицей. Каждая вышла замуж несколько лет назад, — кажется, самый большой «стаж» супружеской жизни был у той, что прожила с мужем десять лет. У каждой, кроме тех, которые вышли замуж год или два назад, было по меньшей мере двое детей, в двух случаях — по четверо, но это было нормально для семей хасанийцев.

— И ни одного развода? — спросил Влад.

— В этих семьях — ни одного, и вообще, у хасанийцев это большая редкость.

— Как ни странно... — Он все еще удивлялся укладу жизни хасанийцев. Но — это не его дело. А вот по этим делам... Он уже знал, что будет делать с информацией о российских жен хасанийцев.

— Что же тут удивительного? — пожала плечами Марьям. — Кстати... ты, действительно, был прав, наверно, я буду увольняться из суда. После того, что случилось... Мне там будет тяжело. Зашла сегодня ненадолго...

— Я же тебе говорил. Да это и безопаснее будет.

— Вот только чем заняться? Просто так дома сидеть — не хочется. — Она улыбнулась. — И хочется же куда-то на «Мазерати» ездить!

— Вот это называется — дорвалась! — Влад только рассмеялся, тем более, что хорошо ее понимал. Не только в желании ездить на хорошей машине, но и в том, что не хотела оставаться в четырех стенах, а предпочитала быть среди людей, и чем-то заниматься — тоже. Он и сам мог бы теперь не работать, но — разве это жизнь? — Если хочешь, можно устроить тебя в «Нефтяные горы». Я там стал... неофициально юридическую службу курировать. Реформировать, точнее. Как посмотрел на это болото... Так что места есть. Кстати... Может быть, еще в одном поможешь.

— В чем?

— Ты говорила, что знаешь турецкий...

— Да, но... не как украинский или чеченский.

— А так, возможно, и не надо... Помнишь, я тебе рассказывал, приложение мы делаем, такой себе Uber для строителей и их клиентов?

— Конечно, помню. — Марьям не забывала то, что было для него важным. Этот проект — был, именно ради него Влад когда-то пошел на курсы программирования, когда хотел реализовать его сам. Теперь, когда были деньги, и можно было нанять специалистов, потребность самому заниматься программированием отпала.

— Ну, так вот, мы его постепенно доводим... И запускать хотим таким образом, чтобы работать в нескольких странах. И на нескольких языках. Конечно, русский, украинский, английский, немецкий, французский. Затем добавим еще и испанский, когда найдем команду того, кто им владеет. Но почему бы и не турецкий? Это достаточно большая страна и большой рынок.

— И что надо будет от меня?

— Помочь с переводом. И самого интерфейса, и перечня работ, которые могут выполнять наши, условно говоря, мастера, и заказывать им клиенты. От обычной уборки до серьезных ремонтов.

— Хорошо. — Марьям улыбнулась. — Такого я еще не делала! Только... вряд ли это будет быстро.

— А мы и не спешим. Программисты тоже будут работать еще долго... Такие вещи за день не делаются. Вот и договорились!

— Ну что, все сегодня?

Она имела в виду: достаточно о делах, время спать. Был поздний вечер, — Влад, как стало уже привычным, вернулся после долгого рабочего дня. Но теперь он сказал:

— Подожди немного, надо кое-что проверить.

Пересел в кресло и поставил ноутбук на колени. И стал что-то искать.

Иногда на верную мысль наталкивает какая-то случайная ассоциация. Так произошло и в этот раз. Это же надо было, чтобы после разговора о русских женах хасанийцев Марьям сказала о смене работы, а он — о переводе с турецкого! В мозгу сложились в одно редкое имя, — Инга, редкая дата рождения — 29 февраля, — и Турция. Сложились благодаря одному воспоминанию. И теперь пришлось только поискать... А потом позвать:

— Марьям! Можешь подойти? Посмотри сюда. Узнаешь?

На экране было фото молодой блондинки. Марьям достаточно было одного взгляда:

— Да, Инга Халединова. Только здесь она, кажется, моложе.

— Да. На шесть лет. — Тон Влада стал мрачным. Он подвел курсор к крестику в углу фото и нажал, фотография уменьшилась в размерах, но теперь было видно всю страницу с сайта. — Читай. Я так и думал, что где-то мне это встречалось...

Статья была шестилетней давности. Тогда девятнадцатилетняя черновчанка Инга Скоренко со своим парнем полетели в отпуск. В Турцию. Но там девушку внезапно арестовали, поскольку она была в розыске Интерпола. И довольно быстро выдали в Россию, где ее обвиняли в преступлениях, связанных с наркотиками. За год до этого она, действительно, ездила на заработки в Россию, но клялась консулу, который посетил ее в турецкой тюрьме, что ни в чем подобном участия никогда не принимала. Впрочем, консул ничего не мог сделать. Экстрадиция[1] состоялась. А потом об этой истории прекратили писать. В российских тюрьмах украинцев сидело достаточно, далеко не все были политическими заключенными, и далеко не все были невиновны. А парень Инги спокойно вернулся в Черновцы и, наверное, давно нашел себе другую...

— Ничего себе! — только я произнесла Марьям, прочитав статью. — Даже не знала, что она с Украины...

— Дело не только в этом. — Влад покачал головой. — То, что она из Украины, а арестовали ее в Турции, это, конечно, необычно. Но ты посмотри на другое. Она так же, как и Злата, сначала оказалась в тюрьме, а потом... нашлась уже, как жена сына состоятельного и влиятельного каластанца, более того — хасанийца. Вот смотри, от времени, когда Турция выдала ее России, и до открытия банковского счета в Первом — прошло... меньше, чем полгода. О чем это говорит?

— Н-не знаю... А о чем?

— А если совместить это с вашими... брачными традициями? И с тем, что у Златы не было близких родственников, и у Инги, как тут написано, тоже. — Влад намеренно сказал: «вашими». Он помнил, как Марьям говорила, что после сделанного в старой крепости выбора, ее уже не считают частью хасанийского народа, она даже родным языком пользоваться не может, а если будет, то ей никто не ответит. Даже с братом они разговаривали на русском. Но сейчас хотел, чтобы она вспомнила все, что происходило с ней до того. И сама сделала вывод. — Я помню ее случай, мы его обсуждали, думали, чем можно помочь, но в Турции ничего сделать не мог никто.

— Ты думаешь... их выкупили из тюрьмы, но для этого заставили согласиться выйти за хасанийцев? Которых они никогда не видели? — Марьям вздрогнула. Но она, кажется, не могла представить что-то хуже то, о чем сказала. А Влад все еще качал головой, выключая компьютер:

— В лучшем случае... А потом, как Инга, просыпаешься в двадцать пять лет, а у тебя уже трое детей... Но хватит. Вот теперь все на сегодня. Иди сюда...

А потом отставил ноутбук и прижал ее к себе. И через несколько минут для них не существовало чужих жизней и чужих проблем.

Кажется, Вы наткнулись на очень интересную вещь. Я согласен с оценкой, что эти истории если и не связаны, то очень похожи. И еще, возможно, Вы не обратили внимания, но эта Инга, когда ездила работать в Россию, то устроилась в Южанском крае. А именно в Южанске жила Злата. (И, как Вы помните, сейчас проживает Ваша бывшая жена.) Я попробую установить, чем она там на самом деле занималась, хотя спустя столько времени сделать это будет трудно. Но вряд ли все это — совпадение. Это, безусловно, следует выяснить, если Вы хотите разобраться в истории Златы.

А вот насчет всех «русских жен» хасанийцев... Таких данных, как относительно Инги Халединовой, по ним нет. Сначала надо установить их девичьи фамилии, и откуда они приехали. Я могу пытаться это сделать, но это расширение расследования, соответственно, требует дополнительных средств. Буду стараться получить соответствующие данные. Если это удастся, предлагаю уже после этого решать, каким будет направление дальнейших действий.

С уважением,

Дмитрий Ратников.

Частному детективу Влад список, полученный от Искандера, со своими комментариями, отправил утром, как только появился в офисе «Нефтяных гор». Теперь получил от него письмо в ответ. Сам он никогда не работал следователем, и, когда был адвокатом, уголовными делами занимался мало, и то больше так называемыми «экономическими». Но, казалось, здесь было достаточно простой логики... Впрочем,

получить оценку своих выводов от профессионала было полезно.

Он дал согласие на дополнительное расследование и дополнительные расходы. И вернулся к делам компании, — оказалось, что вникать в различные аспекты ее деятельности было интересно. И бросать на полпути реформирование юридической службы он не хотел, хотя конкретными делами в судах заниматься не собирался.

Но все это время у него не выходила из головы девушка, которая летит в долгожданный отпуск — но вместо пляжа оказывается в тюрьме, сначала турецкой (он слышал, что условия там далеки от комфорта), затем в российской. А после этого — оказывается женой человека, которого, скорее всего, раньше не знала, и матерью его детей. И все это — в чужой стране...

Влад не мог представить себе такого. В наше время... Но знал, что так произошло, ведь Марьям была с Ингой знакома давно, и узнала ее на старом фото. Да и вообще, видел в Каластане немало такого, во что было трудно поверить, но оно произошло.

И это произошло тоже. А если произошло, то могло произойти снова.

Как сделать, чтобы такое не могло больше случиться ни с кем, но при этом не разрушить жизнь народа, к которому, несмотря на все, он чувствовал только симпатию? И к тому же — не навредить собственному теперь бизнесу, тесно связанному с Каластаном (в конце концов, Салман Таханов с согласия президента республики не для того открыл ему путь к богатству, чтобы он нанес вред тем, кто сделал это возможным, — а Влад умел быть благодарным, — и сам потерял только что приобретенное)... Ему придется найти способ, даже если для этого надо будет пройти, словно по проволоке над пропастью.

[1] Выдача лица, обвиняемого в совершении преступления, другому государству.

12. Взрывная волна.

— Вы уже видели, что о вас пишут? — спросил Евгений. Он был недавно принятым на работу молодым менеджером, которого приставили к Владу в качестве личного помощника. Кстати, собственной приемной с секретаршей члену наблюдательного совета не полагалось.

— Если б я за этим следил, если бы мне было работать? — попытался отшутиться Влад. Но Евгений был серьезен.

— Да они из вас просто монстра делают! Кстати, из подруги вашей тоже. А это и для компании... неприятно. — Влад понял, что он говорит это не по собственной инициативе. А попросить его говорить с Владом о таком не мог никто, кроме директора. Андрей Пащенко, конечно, беспокоился об имидже компании, но Влад был фактически ее владельцем, а не только членом наблюдательного совета. Поэтому надо было вести себя крайне осторожно. Поэтому Андрей решил не вести тяжелый разговор сам, а сказал подчиненному, чтобы тот Влада просто проинформировал о проблеме. Как бы от собственного имени.

— Скинь ссылки, почитаю. — Было понятно, что публикация — в интернете.

Письмо на его электронную почту пришло через несколько минут. В нем ссылок было с десяток. А вот текст на всех сайтах был почти одинаковым. И первоисточник было одно — пост в Фейсбуке журналиста, которого звали, как это ни смешно, Василий Котов.

Все остальное смешным не было. Котову надо было отдать должное — он провел хорошую поисковую работу. Он специализировался, вообще-то, на освещении чрезвычайных событий в Киеве и его окрестностях. С полицией для этого ему надо было «дружить», а еще, — Влад читал его материалы раньше, — Василий ненавидел пьяных водителей. И водил дружбу с «активистами», которые на пьяных водителей «охотились». Вот за то, что отправил двоих таких в тюрьму, а другого под домашний арест, он, по всей видимости, на Влада и

обиделся.

Его материал, который почти дословно перепечатали несколько «солидных» изданий, был сделан в стиле лучших образцов пропаганды Геббельса, который считал, что надо давать шестьдесят процентов правдивой информации, и тогда человек воспримет за чистую монету сорок процентов той, которая направлена на манипуляцию. Материал имел заголовки вроде: «Так кто же отправил за решетку активистов?».

Ответив письмом с благодарностью за эти ссылки, он достал телефон и набрал знакомый номер:

— Привет, Гриць!

— Что, кого-нибудь снова задержали? — переспросил тот. — У тебя еще есть знакомые коррупционеры? Мне работа всегда нужна! — Впрочем, без клиентов Фертель не сидел, это знали оба.

— Вот чего нет, того нет! — ответил Влад фразой из анекдота. — А вот у кого-то из твоих коллег работа таки будет. Я помню, ты говорил, что у тебя кто-то делами о защите чести и достоинства занимается?

— Есть такая!

— Дашь телефончик? Очень надо!

— Сейчас...

И через полчаса, распечатав статьи, Влад уже садился в машину, чтобы ехать в офис очередной бывшей коллеги. Ему надо было только проконсультироваться, — по крайней мере, пока. Защищать себя в суде он собирался сам, но со спецификой таких дел раньше не сталкивался, а значит, надо было переговорить со специалистом. Котов, считал Влад, пытается доступными ему средствами помочь своим дружкам-«активистам», дискредитировав их с Марьям, — потерпевших по делу. И вовсе не собирался позволять ему это сделать, а тем более — позорить их.

Еще один сам захотел борьбы. Что ж, он ее получит! Марьям этому, конечно, не обрадуется, вот только этого ей и не хватало... Хотя, после того, что произошло в старой крепости, и попытки ареста, — какие-то публикации в Интернете, может быть, и будут казаться мелочью. Но, в любом случае, поможет, в этом Влад был уверен.

Даже когда парковала «Мазерати» у приобретенного Владом дома, Марьям не могла до конца поверить, что... скоро будет здесь жить. Это, действительно, было похоже на сказку.

Заехать в ворота она не смогла. Там стоял пикап «Мицубиси», на котором Родион Петрович привез какие-то материалы. С улицы был въезд еще и в подземный гараж на три автомобиля, под самим домом, но она еще не открывала подъемные ворота, и думала, что приехала ненадолго, а потому остановила машину прямо перед ними. Хотя переулочек был узенький, но другая машина, кажется, спокойно проедет.

Конечно, у нее были ключи, но возиться с замками желания не было. Тем более, что сейчас точно должны быть открыты боковые двери, выходящие на участок: именно через них входили и сам Луненко, и двое его работников, именно в них они сейчас заносили привезенные на пикапе материалы и инструменты. Одного из них она и спросила:

— А где Родион Петрович?

Тот посмотрел на нее с интересом, — заказчицу он еще не видел.

— Сейчас! — И прокричал куда открытую дверь: — Вас тут ищут!

Марьям сделала несколько шагов, пройдя мимо «Мицубиси», занимавшего почти всю ширину проезда между боковой стеной дома и высоким кирпичным забором. Участок, на котором стоял дом, был узкий, если смотреть с фасада, но шел далеко вглубь от переуллка, Владу это было удобно для того, чтобы потом устроить вдоль забора за домом навес, где могли бы стоять автомобили. Это была одна из причин, почему он выбрал именно этот дом. Марьям отошла еще немного, чтобы не мешать рабочим, и стала возле угла дома. Из помещения появился Родион Петрович, подошел, поздоровался, осторожно пожав руку (это было Марьям до сих пор непривычно, у хасанийцев так не было принято). И сказал:

— Я чего вам позвонил? Хотел спросить, как лучше... — вдруг его взгляд метнулся куда-то в сторону и вверх, он завопил:

— Ложись!

Обхватил Марьям и вместе с ней упал, но так, чтобы оказаться за углом дома. И тут же раздался взрыв и крик рабочего, с которым только разговаривала Марьям.

Влад как раз выходил из офиса адвоката, — это тоже было на Печерске, на Лаврской, когда зазвонил его смартфон. Он ответил и услышал голос Марьям:

— Приезжай скорее! Нас тут только что чуть не взорвали!

— Нас тут — это кого и где? — спросил он. Во-первых, нужно было понимать, что произошло, и куда ехать. А во-вторых, ее надо было успокоить. В голосе была паника.

— Нас с Родионом Петровичем. Возле дома, во дворе!

— Ты цела? — спросил Влад.

— Да, но один рабочий ранен.

— Я сейчас буду. А ты вызывай полицию!

— Да они уже здесь. И скорая тоже!

— Я еду!

Ехать было недалеко. Через несколько минут он остановил машину, немного не доехав до дома. У забора, рядом с «Мазерати», стояли несколько машин полиции, на одной была надпись: «Взрывотехническая служба».

Пробежав через ворота, он увидел группу людей. Марьям в грязной куртке что-то взволнованно говорила уже знакомому следователю, тому самому, который занимался делом «активистов», — она уже побывала у него на допросе, а теперь он же приехал на место происшествия, видимо, был дежурным. Рядом стояли еще несколько полицейских, эксперт-криминалист со своим чемоданом. И, конечно, Родион Петрович, — на его одежде тоже была грязь.

Прежде всего обняв подругу, он поздоровался с остальными, и спросил:

— Что случилось?

— Вот, посмотрите! — следователь показал на небольшую воронку и разнесённую взрывом заднюю часть «Мицубиси». Осколками выщербило несколько кирпичей, взрывной волной разбило два окна. А Марьям стала рассказывать, быстро, как бывало, когда волновалась:

— Я только приехала, Родион Петрович хотел спросить, как лучше двери в комнаты делать, и еще там о чем-то... Ты же мне разрешил решать! Ну, я и приехала. Мы тут стояли, разговаривали. И тут... он меня потащил, мы упали он туда. За угол. А тут рвануло! А потом... этот крик...

— С тобой все в порядке?

— Кажется... Мы же за углом были, нас не задело. А вот Сергей...

— Что с ним? — спросил Влад. — И куда его повезли?

— В семнадцатую. Врач сказал, множественные осколочные, скорее всего, будут оперировать, — ответил Луненко. — Но угрозы жизни вроде нет...

— Ну, хоть что-то хорошее... Спасибо вам! — Влад понимал, что строитель спас Марьям жизнь. И себе тоже: граната разорвалась в шаге от места, где они стояли за секунду до того. — У вас хорошая реакция!

— Опыт. — Родион Петрович поднял руку с татуировкой. — Афган... Некоторые вещи замечаешь и делаешь на автомате.

— Еще раз спасибо. Узнаете, что с Сергеем, — скажите. Если деньги нужны на лечение...

— Хорошо, мы будем осмотр делать, — сказал следователь. — Олег, — обернулся он к одному из оперативников, — объяснения у всех возьми! — Он имел в виду самого Влада, как владельца дома, Марьям и Родиона Петровича, как непосредственных свидетелей — на кого-то из них, очевидно, и было покушение, и еще одного рабочего, — хотя тот в момент взрыва находился в доме и ничего не видел. — А вы двое пойдите посмотрите, может, здесь где-то видеокamеры есть! — В районе, где стояли дорогие частные дома, наличие видеокamер на доме кого-то из соседей было более чем вероятным.

Влад сначала хотел запротестовать: никакого отобрания пояснений Уголовный процессуальный кодекс не предусматривал. До открытия уголовного производства следователь имел право только осмотреть место происшествия, а все остальное, включая допрос свидетелей, можно было делать только после внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. Но тут же «придушил» в себе адвоката, — которым, напомнил в который раз себе, уже не был, — потому что мозг сразу подсказал, как использовать ситуацию.

И через несколько минут оперативник по имени Олег сказал:

— Если кого-нибудь подозреваете, — пишите!

Влад написал, что каких-либо конфликтов на работе, в результате которых его могли бы захотеть убить или запугать, у него нет. Но есть конфликт по поводу нападения на него, по факту которого расследуется уголовное производство, и как раз сегодня друг подозреваемых, журналист Василий Котов, разместил в соцсети клеветнический пост о нем и Марьям, который, к тому же, содержит завуалированные угрозы, поэтому он, Владлен Бурсак, считает (хотя утверждать и не может), что к взрыву может быть причастен или сам Котов, или кто-то из сообщества «активистов» под названием «Стафф» и «Антимажор».

Он не считал версию об «активистах» такой уж невероятной. С его точки зрения, это были люди, которые нарушали закон и моральные нормы во всем, к чему прикасались, оправдывая это благородными целями. К тому же, они были склонны к насильственным действиям, — в этом Влад убедился сам... В любом случае, если полиция начнет их «трясти», это хорошо: пусть не думают, что они выше закона! А что касается Котова... Вряд ли он сам бросал во двор гранату. Но мог быть причастен к этому или знать, кто это сделал. К тому же, упомянуть его как лицо, которое он подозревает в нападении, имело двойной смысл. За клевету Влад в любом случае намеревался подавать на него в суд. Но, чтобы подать в отношении лица иск, необходимо знать, где это лицо зарегистрировано и живет. Без указания адреса иск не примут, но официально получить адрес постороннего лица сложно. А теперь Котова уже наверняка захочет допросить следователь. А потом он, — или

Марьям, если его потерпевшим не признают, — ознакомится с материалами дела, в том числе и с этим протоколом допроса. Где и будет указан, среди прочего, адрес будущего ответчика. А еще лучше было то, что в суде потом никто не спросит, где же он этот адрес ответчика взял. Все это его мозг принял во внимание мгновенно, для него было естественно построить такую схему и сразу реализовать ее, выразив версию, которая, кстати, действительно вовсе не была нереальной. «Активисты» были приметой времени, но и гранаты в карманах подобных людей, — тоже.

Олег прочитал все это, как и то, что написали остальные. И понес следователю. Тот как раз описывал в протоколе повреждения задней части пикапа, и сказал кому-то из полицейских, чтобы те вызвали эвакуатор. Влад, который тоже вышел на улицу, услышал, как Родион Петрович спрашивает:

— Машину забрать хотите?

— Да, — ответил следователь. — Надо экспертизы по ней делать. Если у вас там вещи остались — лучше уберите.

— А я думал быстро отремонтировать... — Родион Петрович явно был растерян. — У меня без машины вся работа встанет. Объекты же по всему Киеву и окрестностям...

— Ничего не могу поделаться. Мы будем стараться побыстрее вернуть, но... — Влад знал, что это неправда, или следователь не очень понимает ситуацию. На штрафплощадке машины могли стоять годами, до вынесения приговора судом. Обычно это бывало после ДТП. Но и после взрыва необходимо было делать целый ряд экспертиз. Но проблему можно было решить. Тем более, что первый же взгляд на поврежденную заднюю часть «Мицубиси» давал понять, что хозяин часто ездил с прицепом. Учитывая род его занятий, прицеп, скорее всего, был грузовой.

— Я вам могу помочь, — сказал Влад. — Есть машина... «Крузер», сотка. — Так называли внедорожник «Тойота Лендкрузер 100». Именно такой был среди машин, которые Влад привез из Каластана. — Можно с прицепом ездить. Могу вам дать, пока не решите с этим, — он кивнул на поврежденный пикап.

— Да вы что! Вы не обязаны... — пробормотал Луненко.

— Во-первых, вы... пострадали из-за меня, — с грустной улыбкой ответил Влад. — Не говоря уже о том, что спасли Марьям жизнь... Во-вторых, вы сами сказали, что без машины у вас остановится вся работа, а я заинтересован, чтобы этого не произошло. Я хочу, чтобы здесь все побыстрее закончили, а теперь еще и стекла надо вставлять...

— Здесь надо менять окно полностью, — машинально поправил Родион Петрович.

— Ну, тем более... А в-третьих, мне на самом деле это ничего не стоит. Мне... досталось столько машин, что большинство все равно стоят... Когда поедем забирать — сами увидите.

— Ну... тогда просто не знаю, как вас благодарить. К тому же... у меня очень грязная работа...

— Ну, мешки с цементом можно возить в прицепе, — улыбнулся Влад. — Кажется, у вас он есть. Вот только... это бензиновая «сотка», не дизель. Берет литров двадцать с чем-то на сотню.

— А разве есть выбор? — Родион Петрович знал, что другой автомобиль он быстро не получит, а тем более — бесплатно.

— Вот и договорились...

Эту проблему решить было легче всего.

Пока они вернулись домой, — в квартиру Марьям, — она немного успокоилась, сказав, что это такой эффект, когда едешь за рулем. Особенно на «Мазерати». Но руки все же немного дрожали, заметил Влад, и, когда они сели на диван в комнате, сказал:

— Кажется, тебе надо ... успокоить нервы. — И поставил на маленький столик маленькую бутылочку коньяка и фужер. — Немного. Кстати, сегодня звонили с СТО, сказали, твоя машина скоро будет готова. Еще несколько дней.

— А это ты у меня что, забереешь?

— Да нет, катайся, если уж так нравится! — рассмеялся Влад. — А твою пока в ангар с остальными поставим... Вот только если снег все-таки пойдет, тебе тяжелее на заднем приводе будет. — Зима уже началась, но ни мороза, ни снега пока не было. Это точно не горная Хасанкала!

— Ничего, справлюсь... А у тебя как дела?

— Да как всегда, новые враги. Кстати, общие. — И он рассказал о Василии Котове и его клевете, разошедшейся по Интернету.

— И что ты думаешь делать? — спросила Марьям. Еще вчера, услышав такие новости, она бы расстроилась. Но сейчас — это казалось мелочью на фоне взрыва и окровавленного рабочего, которому она сама оказывала первую помощь.

— Как это — что? Конечно, подавать в суд. И не только на него, а на каждого, кто перепечатал «новости». Уже консультировался, как раз, когда ты мне позвонила, от еще одного адвоката выходил... А дальше — все сам. И тебя прошу... Иски сам подготовлю.

— Не собираешься прощать?

— Ни за что! — твердо сказал Влад. Она сделала свой вывод:

— Кажется, у тебя сильно развит... инстинкт борца! Когда на тебя кто-то нападает, ты сразу реагируешь, сразу принимает решение, как ответить. А о том, что можно просто ничего не сделать в ответ, даже не думаешь.

— Может, ты и права. — Он улыбнулся. — Никогда так не думал об этом, но, возможно, со стороны виднее!

— А еще знаешь, кого ты мне напоминаешь? Героя сказки, который внезапно получил... не бизнес, а царство! И кого-то наказывает, на кого-то идет войной, а кого-то вознаграждает...

— Это ты о том, что я Родиону Петрович машину отдал? — догадался Влад. — Но разве можно было сделать иначе? А вообще... интересная ассоциация! — Он только рассмеялся. — Кто-то даже попытался устроить штурм дворца...

— Кто?

Тон Влада сразу стал серьезным.

— А вот в этом нам предстоит разобраться. Потому что это уже не шутки, любимая. Ты сегодня была на волоске... Кто-то не просчитал только одного — хорошей реакции Родиона Петровича. Если бы не он...

— Я это понимаю.

— Ну, вот и подумай, что бы было, если бы... Хотя лучше не думать. Но если не узнать, кто и почему, — рано или поздно они повторят попытку. И в следующий раз может так не повезти. — Он снова улыбнулся. — А разве я ради того тебя спасал? Так что... тебе придется мне помочь.

У Марьям мелькнула мысль, что это — обычная просьба, или все-таки приказ? Но в

любом случае не собиралась спорить. Тем более, что и сама была заинтересована в этом.

— Но... что я могу сделать?

— Думать. И... отвечать на мои вопросы о Каластане.

— Если смогу... Я там не живу уже больше семи лет, не забывай... А при чем здесь Кластан?

— Пока что не знаю. — Влад вздохнул. — Это и надо узнать... Но не забывай: тебя пытались убить, — ты же не думаешь, что это простое хулиганство, или взорвать хотели Родиона Петровича? — таким же способом, каким убили Злату. Ты веришь в такие совпадения? Я — нет. А... что между вами общего? Только то, что связано с Каластаном. То, что ты там родилась, а Злата с мужем там жила. И, кажется, это связано... с традициями вашего народа. С тем, как Злата вышла за Искандера Талаева, — но мы еще не знаем, как это произошло. Но похоже, что... не по доброй воле. А возможно, и с тем, как, в конце концов, ты оказалась со мной... Ты лучше знаешь каластанскую реальность, и я хорошо помню, что ты ориентируешься в традициях хасанийцев. Как ты мне объясняла, что надо делать... Тогда, после крепости. Так что тебе задание — подумать об этом. Может, будут какие-то идеи?

Марьям покачала головой.

— Точно не сегодня. Что-то не могу уже думать...

— Да, понимаю тебя. И не настаиваю, чтобы прямо сейчас... Хватит сегодня думать!

Кажется, Марьям поняла это, как намек. Потому что встала с дивана, остановилась в дверях в соседнюю комнату, и одним движением сняла с себя платье, — одно из тех, лучших, которые носила дома для Влада, следуя традиции хасанийских женщин.

— Да, хватит думать!

Влад уже стоял рядом.

— Я сейчас думаю: как ты это делаешь?

— А я, — засмеялась она, — о том, как ты меня только что назвал!

— Как надо, так и назвал! — сказал он со смехом и объятиями.

13. Горы и песок.

Хорошо, когда ты — владелец бизнеса с должностью члена наблюдательного совета без конкретных обязанностей. Хорошо, если у тебя есть деньги. Если ты приезжаешь на работу, но непонятно, чем там занимаешься, — тебе никто слова не скажет. Если не приедешь вообще — тоже. В конце концов, его предшественник на этом посту, Искандер Талаев, вообще появлялся в Киеве раз или два в год, думал Влад. Сам он затеял реформу юридической службы компании частично, чтобы вообще не сидеть без дела, частично — из-за собственного перфекционизма, когда дело касалось этой работы. Но это можно было отложить. Пока не разберется с этими взрывами. В конце концов, речь шла о выживании. Марьям — точно, а возможно, и его самого. Сама она, возможно, не задумывалась о том, есть ли связь между попыткой ее ареста и подрывом гранаты. А вот Влад не мог об этом не думать. И в совпадения не верил.

Что бы все это значило? Он был бы менее удивлен, если бы такое произошло с ним. Да, бороться было бы труднее, — как там сказала Марьям, у него инстинкт борца? — но тогда бы ситуация была более логичной. Это у него — деньги... Но тут была связь и с убийством Златы. Так он считал, — но ее могли убить из-за денег. Однако эти деньги частично достались ему, но его не пытались убить. По крайней мере, пока.

Связь с Каластаном была очевидна, но тогда — мотив? У Златы деньги были, а у

Марьям таких денег нет. Даже близко. Но для убийства одной и покушения на вторую использовано один способ, одинаковое оружие. Это точно не может быть совпадением, подумал Влад. Из этого нужно было исходить.

Он открыл электронную почту. Там ждал письмо от Дмитрия Ратникова. Читая его, Влад все шире раскрывал глаза.

История, на которую Вы натолкнулись, становится все интереснее. Пока что я не смог проверить всех женицин по всем базам. Но смог проверить их по линии миграционной службы, поскольку Вы привели пример одной, которая была гражданкой Украины. Оказалось, что она не одна. Из перечня, который Вы предоставили, девять имели гражданство Украины, правда, восемь из них получили российское после того, как заключили брак. Одна женицина сменила фамилию, но осталась гражданкой Украины, в России имеет вид на жительство. Если верить данным о месте рождения в их документах, то трое — из Черновицкой области, остальные — из Киева и области.

Что это значит, Вам на месте, возможно, виднее.

Судя по всему, троим пришлось восстанавливать документы, в их числе и та же Инга Скоренко. Из этого я делаю вывод, что именно эти трое могли быть выданы из других стран. То есть, они не въезжали в Российскую Федерацию обычным образом. Но пока это — лишь предположение, буду его проверять, как и данные по всем остальным из этого списка.

Перечень тех, кто имел украинское гражданство, наряду с девичьими фамилиями, прилагаю.

С уважением,

Дмитрий Ратников.

Что ж, это, действительно, были впечатляющие новости... Они сегодня понадобятся.

— Все-таки решили вступать в дело, как потерпевший? — спросил следователь. Влад сидел в его кабинете в Аскольдовом переулке, машину снова пришлось бросить черт знает где, на большом расстоянии от места назначения. Это очень раздражало, пришлось приложить усилия, чтобы отвечать спокойно.

— Да. Решил вам немного помочь. — Соответствующие документы он уже подписал. Это было странно — требовать признания потерпевшим по делу об убийстве людей, которых при жизни не знал. Но это давало возможности по закону, в том числе — влиять на ход следствия... Однако пока Влад решил просто кое-что рассказать.

— Как это? — удивился Дорошенко.

— Я тут понемногу информацию собираю. Поскольку у меня теперь есть контакты на месте, в Каластане, где жила Злата... Давайте так. Вы эту информацию получить сами не сможете. Ни процессуально, ни как-то еще. Я вам хочу помочь. Но под протокол я скажу только: «мне стало известно».

— А это имеет отношение к делу? — спросил следователь. Голос его отдавал скептицизмом.

— Это вы сами решите... Но вот что я вам расскажу. Помните, я говорил, что муж Златы, Искандер Талаев, был по национальности хасанийцем? Это небольшой народ, коренной для Каластана... — Влад рассказал основные сведения о хасанийцах, а затем — о том, какие у них обычаи относительно подчинения воле старших, и о том, как заключаются браки.

— Я помню, вы говорили, хотя и не так подробно. Но при чем здесь это?

— А вот причем. Вы, наверное, помните, у меня сразу возник вопрос: а как же Злата, русская по воспитанию, хотя и наполовину украинка по крови, стала женой хасанийца?

— Да, вы говорили. Но причем здесь..?

— А вот причем. Я достаточно долго прожил в Хасанкале, пока решал вопрос с наследством. Общался с людьми. Видел нескольких женщин, явно русских, которые были женами хасанийцев. И все — из очень состоятельных семей.

— Ну и что? Если ваша сестра была такая не одна, тогда... что тут удивительного? — Следователь, как часто бывает, просто не хочет воспринимать новую информацию, новую версию. Ничего необычного. Надо будет убедить.

— Странно здесь то, как они там вообще оказались... Поэтому... я попросил собрать для меня некоторую информацию. И зацепился за одну историю, связанную с Украиной. — Он рассказал, как имя и дата рождения вывели его на Ингу Скоренко, которая теперь стала Ингой Халединовой. — Теперь я знаю, что это — один и тот же человек.

— Откуда? — Теперь в тоне следователя была заинтересованность.

— Одна человек, который знает Ингу в Каластане, узнала ее на старой фотографии, из статьи о ее печальных приключениях в Турции. — Влад не стал говорить, что человек этот — в Киеве. Пусть следователь думает, что речь о ком-то из его знакомых в Каластане. — Я лично ее не знаю. Ее муж — сын начальника полиции Хасанкалинского района.

— Интересно... И что?

— А вот что. Во-первых, я попросил... собрать информацию еще и о прошлом Златы. Оказалось, что она тоже время была под арестом, только в России. В Южанске. Якобы дело о мошенничестве, но мне еще не удалось узнать, чем это дело закончилось. Но... если смотреть на время, то как раз вскоре после этого, она и вышла за Искандера Талаева.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я запросил еще и информацию о других «русских» жен хасанийцев. Список не полный. Мне неизвестно, сколько их всего, — пояснил Влад, но не стал рассказывать, что это — данные только с одного, хотя и крупнейшего в Каластане, банка. — Вот только... не все из них — россиянки. По меньшей мере девять — имели гражданство Украины. Одна сохранила его до сих пор... Вот список. Всех проверить не успел. Но по двум обычный поиск в Интернете по имени, — по девичьей фамилии, — показал, что они были арестованы. Одна — в России, другая — в Турции. Видимо, ее тоже выдали... И это тоже было незадолго до того, как они вышли замуж.

-И какие выводы вы из этого сделали? — Теперь следователь смотрел на Влада совсем иначе.

— А вот какие. На мой взгляд, есть большая вероятность, что все эти женщины вышли замуж... ну, не то, чтобы против воли, но когда альтернативой был длительный тюремный срок. Не знаю уж, по реальным делам, или по сфабрикованным. Думаю, действует какая-то организация по торговле людьми. Скорее всего, как в Украине, так и в России. Вряд ли они ограничиваются поиском... жен для детей состоятельных хасанийцев. Возможно, тем, кто оказался в таком положении, еще повезло, потому что неизвестно, куда попали другие жертвы. Думаю, они пользуются коррупционными связями в российской полиции. Причем, скорее всего, не в самом Каластане. Если мы посмотрим на то, что общего было у Златы, Инги и тех двух украинок, которых я успел проверить... Они были молоды, красивы, — настоящие красавицы, — не имели близких родственников и больших денег. То есть — не

могли организовать эффективную защиту... Идеальные жертвы. Если вы проверите украинок, которые арестованы в России, или в третьих странах, и их экстрадировали в Россию, за последние десять лет, — думаю, найдете целую группу, которую можно выделить именно по таким признакам. Очень хорошо было бы проверить, что с ними произошло потом. Я сам этого сделать не могу, у меня нет возможностей вашей службы. Поэтому даю эту информацию вам.

— Вы говорите очень убедительно, но мне будет трудно убедить мое руководство, — сказал Дорошенко. — Но, если вы уже провели... такую работу, возможно, объясните, как же Злата оказалась в Киеве? А главное — почему?

— Я могу только предполагать... — Влад вздохнул. — Но, зная о традициях хасанийцев... Вы посмотрите, в каком положении она оказалась. Молодая, богатая, очень красивая вдова с маленьким ребенком. Но, если бы она вернулась к Каластан, — ей бы там сразу начали... искать нового мужа. Как вы понимаете, желающих выстроилась бы очередь, потому что это означало бы еще и то, что «победитель конкурса» получил бы контроль над состоянием Талаевых. А вот кто бы искал? Старший из оставшихся родственников мужского пола..? Не настолько я знаю их традиции, чтобы точно сказать. Но, думаю, Злату не устраивало, что она сама была бы только приложением к бизнесу. Хасанийская женщина, возможно, и смирилась бы. А она — нет... Поэтому из Эмиратов полетела в Киев. Думала что здесь ее... не достанут. Хотела сама решать, что делать дальше...

— А почему именно в Киев?

— Потому что ее отец родился в Украине. Возможно, рассчитывала на гражданство по территориальному происхождению. И, думаю, надеялась найти меня. И что... я смогу помочь. Узнать, чем я занимался, в наше время несложно. Но... не успела.

— Точно не успела? — переспросил следователь.

— Да. Я даже не знал о ее существовании... пока мне не сообщил адвокат из Каластана. Конечно, читал о гибели россиянки с ребенком в теракте возле мечети, но понятия не имел о том, кто она. Если где-то и публиковали фамилию, — Талаева, — она бы мне ничего тогда не сказала... Но, если вы считаете, что это не теракт, ее могли убить умышленно, — то вот вам и возможный мотив. Не наследство, а то, что она могла разоблачить целую организацию по торговле людьми. Возможно, ставки там были выше, чем все деньги Талаевых. Наверное, выше, поскольку речь шла не только о деньгах, но и о свободе многих людей...

— Что же, интересная версия... Но мне надо будет убедить руководство... — повторил следователь. Его отношение к Владу явно изменилось, о чем свидетельствовал следующий вопрос. — Может, еще и по исполнителям то подскажете?

— Как я могу подсказать, когда материалов никаких не видел? Хотя... Если подумать... Мечеть находится на улице Лукьяновской, так? Гранаты бросали из машины, если верить прессе... Если нападающие — не идиоты, а они не идиоты, потому что их не поймали, то должны были изучить это место. А тогда должны были знать, что улица от Валов[1] — односторонняя на подъем, причем очень крутой, спускаться по ней назад — опасно, можно столкнуться лоб в лоб с машиной, которая едет в разрешенном направлении. А с другой стороны — здание Главного сервисного центра МВД, где наверняка уж есть камеры, которые точно зафиксируют едущий мимо автомобиль.

— Да, но этот автомобиль потом не нашли, — развел руками следователь.

— Потому что, возможно, они не поехали в сторону Глубочицкой. А свернули в тот проезд к Соляной. Там можно спрятаться где-то в частном секторе, или еще где-нибудь. И

машину на отстой поставить... Там и гаражи, кажется, есть... Найти будет трудно. Но этот район мало кто знает, кроме тех, кто живет прямо там или на Татарке. Но гадить, где живешь, — надо быть идиотом, а они — не идиоты. Поэтому я бы на вашем месте проверил тех, у кого там знакомые. Желательно такие, у которых можно незаметно оставить машину на время. Почему-то мне кажется, что вы это не проверяли.

Красноречивое молчание было ему ответом. Следователь сосредоточился на том, что печатал протокол допроса. А потом дал его Владу прочитать. Все изложено было верно, но не тем языком, как они разговаривали, а сухим, канцелярским. Он всегда удивлялся, как это следователи умеют так писать? Но не заявлять же претензии из-за этого... С другой стороны, сообщать о том, что только что таким же образом пытались взорвать Марьям, он не собирался. Чтобы не привлекать к ней внимание еще и СБУ. Она, бедная, и так уже настрадалась от внимания правоохранителей... А расследованию это никак не поможет.

Подписав протокол, он вышел на улицу и пошел к оставленной и отдаленной машине, ругаясь себе под нос. И поехал обратно в офис «Нефтяных гор». Там в ящике лежали тетради с дневником Златы.

Нет, это удивительно. Не могу привыкнуть, что... вышла замуж. А тем более — так... Многие девушки мечтают, букет пытаются поймать. А если еще и за богатого... А они очень богаты.

Искандер сам стесняется. Он понимает, как все это для меня. Но... Говорит, что ничего не мог сделать. Что это — их жизнь.

У меня нет выбора, кроме как выполнить, что обещала. И стараться быть хорошей женой. И изучить те правила, по которым они здесь живут, и приспособиться. Кажется, это будет не так трудно... Когда дело не в деньгах, и муж пытается помочь, а не прижать... Но он меня удивил, — приятно. Сразу сказал, в первую же ночь, что сделает все, чтобы я чувствовала себя хорошо. Если мы оказались в таком положении оба... Кажется, мне повезло: случилась благородный человек. А Искандер сказал, что просто так воспитан.

Но как же это странно — знакомиться друг с другом, узнавать друг друга после свадьбы... Обо всем приходится говорить. Даже кто что любит есть. Потому что если не договориться, жизнь сразу превратится в ад... Мы этого не хотим, а деваться некуда. Вот я и написала: «мы»... Но Искандер расспрашивает обо мне, а я о нем. Оказывается, он — заядлый охотник. А еще — любитель дорогих автомобилей. Когда я ответила, что мне нравится ездить за рулем, но редко выпадала такая возможность, он только сказал: «Пойдем!», И повел в закрытую часть двора. И показал целый ряд таких машин, к которым я даже близко не подходила. «Если любишь водить, — сказал он, — тебе это понравится!». Только теперь поняла, сколько же на самом деле у них денег. И спросила, неужели он позволит мне... А он посмотрел на меня, как на дурочку, и сказал, что, если кто-то меняет платья каждый день, в их семье можно так менять машины.

Ну, что же, выполнение договора тоже имеет свои преимущества. Но долго мне еще думать, это разбитая жизнь или наоборот. Если бы я сама сделала такой выбор...

— Зачем ты это сделал? — спросила Марьям. Ужин был вкусным, как всегда. И за ужином Влад рассказал, что случилось за день, в том числе и о допросе в СБУ. А теперь они сидели на диване в большой комнате и курили. Оба имели эту привычку, а потому можно

было не беспокоиться насчет прокуренной квартиры. А вот в машинах, привезенных Владом, оба по молчаливому согласию от этого воздерживались. Слишком уж в хорошем состоянии были их салоны.

— Потому что я хочу знать, что же происходит. А главное — почему. После того, что случилось, — тем более. А для этого надо свернуть горы и просеять Сахару. Сам я этого не сделаю, а вот они — могут.

— Но как ты узнаешь..?

— Во-первых, недаром я подал заявление о признании потерпевшим. Смогу знакомиться с материалами дела. А во-вторых... Этот Дорошенко, следователь, кажется, заинтересовался. Будет мне рассказывать, просто чтобы посоветоваться... Если он уговорит начальство на проверку моей версии... Думаю, их ждут интересные открытия. И он со мной поделится.

— Ты точно хочешь в это лезть? Что касается Златы... Это прошлое. — Марьям покачала головой.

— Если бы это было прошлое... Мы знаем, что «русские жены» у состоятельных хасанийцев продолжают появляться. Вот представь себе... Для вас это, возможно, и обычай, хотя мне до сих пор трудно поверить... А что должна чувствовать современная девушка, неважно, украинка или россиянка, когда у нее вдруг отбирают право самой выбирать путь в жизни, и даже мужа? Представь себе, какой ужас, какую беспомощность она должна чувствовать. А альтернатива — тюрьма. Одно дело, если она действительно совершила преступление, тогда это — лучший выбор. А если... ее арестовали безосновательно? Только потому, что готовили к такой роли? Кроме того, если кто-то создал такую организацию, такую схему, — вряд ли для того, чтобы устраивать для хасанийцев полдесятка или даже десятков свадеб за год. А куда попадают другие жертвы? Думаю, в места куда хуже, чем дом Искандера Талаева.

— Ты хочешь разрушить это? Думаешь, СБУ сможет?

— Хотя бы в Украине — да. В России — неизвестно, как ты понимаешь, сотрудничества сейчас нет... Но если удастся предотвратить, чтобы кто-то попал к ним, — уже хорошо. Но и это еще не все. Тебя потерять я тоже не хочу, — серьезно сказал Влад. Марьям не обратила внимания на то, что на самом деле означает это заявление, и спросила:

— А причем тут я?

— А ты посмотри... Ты попадаешь в Киев из Каластана. Злата тоже. Она сначала оказывается под арестом. Правда, в Южанске. А когда приезжает в Киев, ее взрывают гранатами. Тебя сначала пробуют арестовать, а когда не удается — пытаются взорвать, и тоже гранатой. Если бы Родион Петрович не служил в Афганистане... Ты веришь в такие совпадения?

Марьям задумалась.

— Но, если ты прав, то Злату посадили для того, чтобы заставить... А убили, чтобы она их не разоблачила. Да, это возможно. Но я тут при чем? Иметь на меня... какие-то планы они не могут, после того, как отдали тебе... Да, не говори ничего. Ты отрицаешь, а они так считают. Что я принадлежу тебе. Поэтому, по крайней мере, с этой стороны мне ничего не грозит. — Она улыбнулась, но с долей печали. — Они считают, что... принуждать меня к чему-то теперь имеешь право лишь ты. Но, — она обняла Влада, — тебе не надо это делать... Как бы там ни было, по этой причине они не могли пытаться меня посадить. Разоблечь их, как Злата, я тоже не могла. Тогда зачем меня взрывать?

— Не знаю. Это нам и надо узнать. Именно нам, а ты как думала..? Но я сейчас не с причинах, а о том, как они действуют. Методы одинаковые. Слишком похожи, чтобы это было совпадением.

— И что нам делать? Чтобы узнать...

Влад точно сам еще не знал. Но рассказал, что намеревался делать дальше. Марьям выслушала и высказала несколько замечаний. Одно он принял, над другими обещал подумать.

— А завтра что мы будем делать? — спросила она. — Ты мне сказал здесь сидеть, никуда не выходить. Я понимаю, после этого взрыва... Но так с ума сойти можно!

Влад на минуту задумался и сказал:

— А завтра, если хочешь, поедем мебель для нашего дома выбирать. Только утром я еще кое-кому напишу...

«На ловца и зверь бежит!» — подумал Влад утром, открыв электронную почту. Письмо от частного детектива только пришло.

Наконец, удалось получить копию постановления о прекращении дела Златы Бурсак. Фото в прикрепленных файлах.

По своему опыту могу сказать: мотивации в этом постановлении — никакой. Так может быть в двух случаях. Или, когда с самого начала дело было сфабриковано, и просто рассыпалась уже на этапе следствия. И это очевидно настолько, что даже ничего обосновывать не нужно. Или, когда дело явно закрывают за деньги. Когда написать просто нечего, а результат обеспечить надо.

Вот только во втором случае на постановление могут жаловаться потерпевшие. В данном случае ничего такого не произошло. Ни о каких попытках отменить постановление ничего неизвестно, очевидно, их просто не было. (Не забывают, это было довольно давно.) Но можете оценить сами.

Как Вы могли догадаться, мне удалось найти источник информации в Южанске. Этому источнику я передал Ваш список, и знаете что? Проверка уже начала давать результаты. Во-первых, из россиянок в списке — уже по трем оказались уголовные дела именно в Южанске. Причем одна из них до того проживала в Москве. Мало того — она там была известной моделью, работала на одно из модельных агентств. Но вдруг в отношении нее возбудили уголовное дело в Южанске, где она бывала до этого лишь несколько раз по паре дней. Но как-то ее узнал потерпевший по делу о «клофелиннице», поэтому ее задержали в Москве и отправили в СИЗО в Южанске. По какой причине выпустили, узнать пока не удалось. Но уже через четыре месяца — она жена очень богатого жителя Каластана. Кстати, почти Вашего родственника. Она — жена Фазиль Тохова. Конечно, остается ею до сих пор, у них двое маленьких детей. Но представляю себе, каким шоком было для московской модели — оказаться в горах Каластана... А главное, насколько мне удалось понять, все уголовное дело в отношении нее основывалась на опознании потерпевшим. Который просто увидел ее фотографию в каком-то журнале... Как по мне — весьма сомнительно. Этот потерпевший — бизнесмен средней руки, который был в Южанске в командировке. Она в своем агентстве в Москве зарабатывала больше него, зачем ей было, находясь в Южанске проездом, ввязываться в такое дело, с мизерной выгодой? Моя точка зрения — это дело заказное. Но по какой причине? Что касается других двух — более подробную информацию пока найти не удалось.

*С уважением,
Дмитрий Ратников.*

Влад был склонен с ним согласиться. Но информацию о бывшей модели решил поискать в Интернете сам. А вот постановление о закрытии дела Златы прочитал внимательно. Посмотрел на него взглядом адвоката, — и снова согласился с детективом: понять из документа, какие же доказательства были в отношении Златы сначала, и почему именно следователь считал, что их недостаточно теперь, было невозможно. А это означало, что постановление можно отменить в любой момент.

Из постановления не было понятно и то, что бывшую подозреваемую нужно освободить из-под стражи. Очевидно, она уже была на свободе какое-то время. А вот дата на постановлении говорила сама за себя. Это можно было бы считать подарком, если бы сама Злата не писала о какой-то сделке. Постановление было вынесено за три дня до ее свадьбы с Искандером Талаевым.

Надо было написать ответ. И не просто поблагодарить за информацию, и дать указание продолжать расследование. Ему пришла идея, которая на первый взгляд казалась бредом психиатра, но... уж больно была логичной. И не шла из головы со вчерашнего дня. А по опыту Влад знал, что если мысль пережила в голове ночь (тем более, подумал он, — приятную ночь), — такая мысль стоила того, чтобы ее проверить. Особенно, когда заниматься этим будет кто-то другой, а денег на такие вещи можно не жалеть.

Уважаемый Дмитрий!

Спасибо за информацию. Это — высокий класс, я понимаю, что ее трудно было получить. Обязательно продолжайте. Эти сведения накапливаются и позволяют понять, что произошло... и происходит.

У меня уже есть свои мысли по этому поводу. Поэтому прошу проверить, за последний, скажем, год не произошло ли чего-то плохого (смерть, тяжелая болезнь, арест и т. д.) с кем-то из представителей профессии психолога в Южанске? Скорее всего, или из тех, у кого частная практика, или преподавателя. Возможно, он или она специализировались на чем-то вроде построения психологических профилей на базе известного поведения человека. Если такой человек найдется, это многое объяснит в общей картине.

*С уважением,
Владлен Бурсак.*

Он отправил письмо и зашел на сайт Первого банка Каластана, авторизовался и сделал платеж частному детективу через систему «клиент-банк». А потом позвал Марьям:

— Мы же собирались ехать мебель для нашего дома смотреть!

— Уже собираюсь! А можно, я сяду за руль?

— Конечно. Хорошо, что мы не на рынок едем, а в солидный магазин. Иначе, если бы кто-то увидел, что мы приехали на «Мазерати», цену подняли бы вдвое, — рассмеялся Влад. — А так — на парковке никто ее не увидит.

— А мы с собой ничего забирать не будем?

— Нет, конечно. Если что-то выберем, закажем доставку. Еще не хватало нам самим мебель таскать...

Уже в машине она спросила:

— А ты не слишком торопишься? Работы же еще далеко не закончены...

— Давай обставим хотя бы те комнаты, где ничего делать уже не планируем... Дело не

только в том, что хочу переехать как можно быстрее. Потому что еще в Хасанкале понял, насколько собственный дом лучше, чем эти муравейники... Но работы проще контролировать, когда сам там живешь. А ты — особенно. Опасно тебе сейчас каждый раз туда ездить, мы уже убедились...

— Но ведь это постоянно будут чужие люди дома...

— Какое-то время — да. Но закончим скорее, к тому же, так безопаснее, — сказал Влад, когда они въезжали на парковку крупного торгового центра, который специализировался на мебели. У него была еще одна причина для этого, — но он не был уверен, поэтому говорить об этом было рано...

— Ну, ты даже меня поразил! — Роман Павлов вышел из ангара вместе с Владом. — Вот экскурсия, так экскурсия! И все это твое?

— Представь себе! Сам до сих пор не могу поверить. Спасибо, что помог. Поехали обратно.

Роман имел много свободного времени, и был ценителем хороших автомобилей. И сам хорошо водил, а потому Влад рассудил, что друг с радостью поможет ему решить проблему. «Инфинити» Марьям нужно было перегнать с СТО, где его закончили ремонтировать, в ангар, к другим машинам. Но, если на СТО приехать на своем «Рейндж Ровере», и оставить его там, как добраться обратно из промзоны? Проще всего было попросить кого-то сесть за руль одной из машин, а потом довезти обратно. Роман, который был бы рад посмотреть при случае его собрание автомобилей, был тем, кто наверняка уж согласится. Так и вышло.

— Да ничего... Вот только как твоя подруга ездит с такой тонировкой?

— Сам удивляюсь, но она привыкла. Мы как-то на том «Мерседесе» вынуждены были... далеко ездить. Еще в России. Так она жаловалась, что чувствует себя рыбкой в аквариуме, на которую все смотрят. Правда, я ей сейчас «Мазерати» дал, тоже не тонированную. Там не жалуется. Может быть, потому, что окна меньше.

— «Мазерати»? Еще одну? — Среди машин, стоявших в ангаре, была еще одна этой марки, хотя и другой модели, в отличие от седана, понравившегося Марьям, — с кузовом купе.

— Да, «Кваттропорте». Ей нравится, а мне не жалко, — рассмеялся Влад, выезжая на улицу.

На секунду Роман посмотрел на него каким-то странным взглядом. А потом сказал:

— Кстати, ты обратил внимание, чего здесь нет? «Кайеннов».

— Вообще, нет ни одного кроссовера, даже дорогого, типа «Кайенна» или «Леванте». Хотя два «Порше» есть, «Панамера» и «Кайман». Видимо, те, от кого эти машины мне достались, считали, что автомобиль должен быть или легковым, или чем-то вроде нормального внедорожника. Кстати, я с ними согласен.

— Вот только почему твоя девушка не взяла «Панамеру»?

— Ну как — почему? — опять засмеялся Влад. — «Мазерати» больше понравилась!

Почти всю дорогу и говорили об автомобилях, о них оба могли говорить сколько угодно времени. А потом Роман сказал:

— А с этими... пасквилянтами что ты будешь делать?

— О, им будет сюрприз! Во-первых, подробности дела этот Котов мог взять только от того «активиста», что не под стражей. А это — давление на следствие и на нас, как потерпевших. Так что уже написал ходатайство следователю и в прокуратуру, чтобы ему

изменили меру пресечения. Во-вторых, нашего друга Васю уже вызвали в полицию. А я ознакомился с протоколом, и теперь у меня есть его домашний адрес и даже телефон. Он, наверное, думает, почему я ничего не написал под его постом. Но получит уже иск в суд. Причем очень скоро. Вот только заключение психолога получу, у меня еще после Оли знакомые остались...

Влад намеревался взыскать с каждого, кто написал о нем, изрядно денег в виде возмещения морального ущерба. Не потому, что, собственно, деньги были ему нужны, а чтобы наказать рублем, или гривной, клеветников. Но для того, чтобы суд действительно взыскал большую сумму, надо было обосновать ее, а для этого — предоставить заключение специалиста-психолога. Он изучил этот вопрос, и знал, что существует несколько подходов к таким исследованиям. Но выбрал специалистов, которые могут сделать это как можно быстрее. На днях документы должны быть готовы, исковые заявления он уже подготовил, оставалось только подставить цифры, оплатить судебный сбор и разослать в суды.

Влад заехал на территорию СТО и остановился рядом с «Линкольном» Романа. Тот открыл дверь.

— Ну, хорошо, спасибо за экскурсию!

— Это тебе спасибо за помощь, Роме! Ну, пока...

— Пока. — Роман улыбнулся. — И удачи вам...

Проводив его взглядом, Влад отправил Марьям сообщение о том, что ее машина уже отремонтирована и стоит в ангаре рядом с остальными. В «Нефтяных горах» все же была работа, и из офиса надо будет набрать Павлика, — однокурсника и заместителя начальника Печерского райуправления полиции. Чтобы следователи не забыли подать по поводу того «активиста», что еще оставался на свободе, ходатайство об изменении меры пресечения... Он не собирался никому ничего прощать.

[1] Улицы Верхний Вал и Нижний Вал в Киеве (исторический район, Подол) идут параллельно друг другу и образуют фактически бульвар. В Киеве их часто называют просто Валы.

14. Камера восемнадцать.

— Все на сегодня, — сказал Родион Петрович. — Завтра продолжим, вы когда будете?

Влад с Марьям переглянулись, и она ответила:

— С утра.

— О, хорошо. Больше успеем. Вы уже будете здесь жить?

— Ну, можно и так сказать. — Они вышли на улицу и подошли к «Лендкрузеру». Влад увидел, что кожаные сиденья Родион Петрович застелил клеенкой, — кроме водительского. К машине он относился бережно, явно намереваясь вернуть ее, когда придет время, в наилучшем состоянии. — Мы не даром те комнаты уже обставили, где делать ничего не надо... Так проще пока, когда кто-то из нас будет постоянно на месте.

— Редко кто так делает. Обычно переезжают, когда все уже закончено, — сказал строитель. А у него был большой опыт, и клиентов разных он видел много.

— Но вам мы не будем мешать? — улыбнулась Марьям?

— Нет, наоборот. Некоторые вопросы можно будет быстрее решать...

— Вот и хорошо. У нас есть причины, — пояснил Влад. Родион Петрович бросил на него пронизательный взгляд, но спрашивать ни о чем не стал. — Как там Сергей, кстати?

— Спасибо, лучше. Просил передать, что очень вам благодарен. — Влад через Луненко

оплатил лечение пострадавшего от взрыва рабочего. Тому было невдомек, что для него это теперь — незаметные деньги.

— А, пустое... Он пострадал из-за нас... Кстати, с машиной проблем нет?

— Да что ей сделается? — пожал плечами Родион Петрович. — «Сотка», что может быть надежнее? Вот только полиция несколько раз останавливала.

— Почему? — удивилась Марьям.

— Они сказали, что, когда «Лендкрузер» и тремя нулями в номере тянет прицеп с портативной бетономешалкой, то это очень подозрительно! Я их спросил, а что было бы не таким подозрительным, пушка? — Хорошо, подумал Влад, что у Луненко есть чувство юмора. Лично его общение с полицейскими, когда те останавливали не за нарушения, а просто так, бесконечно раздражало, — возможно, сказывалось прошлое «дальнобойщика». Еще и поэтому Влад так разозлился на «активиста» — ухажера к Марьям. Даже не из ревности, для нее не было оснований, да и это было до их с Марьям... знакомства. А потому, что этот подонок сознательно, из мести, устраивал ей такие неприятности неоднократно, да еще и пользуясь «дружественными» отношениями его организации с полицией. Так же — ну, почти так же, — он отнесся бы к тому, кто устроил бы подобное и чужому для него человеку, другому водителю. Впрочем, совсем чужим другого водителя он не считал. Каждый водитель был для Влада собратом по рулю, независимо от того, на чем он ехал, от мотоцикла до фуры. А тот, кто помогал полиции, — какими бы благими намерениями это не обосновывал, — в привлечении к ответственности других водителей, был предателем этого братства. За исключением, разве что, прекращения опасных ситуаций здесь и сейчас, да еще случаев, когда участник ДТП скрылся с места происшествия после того, как повредил автомобиль другого водителя... Кстати, третьему нападавшему все-таки изменили меру пресечения, и он присоединился в СИЗО к своим товарищам. Влад чувствовал только удовлетворение, Василий Котов взорвался новой гневной тирадой в соцсети, где обвинил его во всех грехах. Вплоть до давления на следствие. Влад, в свою очередь, включил это в новый вариант искового заявления о защите чести и достоинства. Скоро его ждет большой сюрприз. А сам Влад сможет развлечься в суде. Давно ему не выпадало такого случая!

Наконец, Луненко распрощался и уехал. Влад перенес из «Рейндж Ровера» несколько чемоданов с вещами, которые нужны были на первый период.

— Располагайся и устраивайся, — сказал он. — А я пока машины в гараж загоню...

Так он и сделал, — «Рейндж Ровер» и «Мазерати» заняли места рядом в подземном пространстве. А потом вернулся в дом. Марьям раскладывала какие-то вещи по шкафам, которые уже стояли в нескольких комнатах на втором этаже.

— Ну, вот пока и все, — сказал Влад. Она обернулась.

— Тебе точно надо ехать?

— К сожалению. Я понимаю, как тебе здесь одиноко, но...

— Не только одиноко, но и страшно, — поправила она.

— К сожалению, у тебя ещё нет паспорта. А то взял бы тебя с собой, — сказал Влад. С изготовлением документа взамен утраченного, как всегда, возникли какие-то задержки. До недавнего времени Марьям это не беспокоило, — она никуда не собиралась ехать в ближайшее время. Необходимость этой поездки возникла у Влада внезапно, после телефонного звонка из Чарахкалы. Его присутствие было необходимо, как совладельца нефтяной компании и банка.

— Я бы в Каластан сейчас не полетела, — покачала головой Марьям. — После...

— Понимаю тебя, хотя со мной тебе вряд ли грозила бы опасность. Но возможности, в любом случае нет. А потому...

— Да, что нам еще остается?

— Буду стараться вернуться как можно скорее. А ты будь осторожна, пожалуйста.

— Буду, — она грустно улыбнулась.

Служебный «Мерседес» с водителем компании «Нефтяные горы» уже ждал у дома. Взяв дорожную сумку. — она у опытного путешественника Влада была небольшой (к тому же, все необходимое было в доме в Хасанкале), он вышел в переулок и уехал. Марьям закрыла дверь изнутри и включила сигнализацию, настроенную на нарушение внешнего охранного периметра, а система видеонаблюдения, только установленная, работала постоянно. К тому же, решетки на окнах хотя и красивые, но крепкие. Вряд ли кто-то сможет... Влад принял все доступные меры безопасности, это она понимала. В случае же новых проблем с полицией — сказал сразу звонить Григорию Михайловичу. Но это не значит, что на душе было спокойно. Свою безопасность Марьям теперь связывала только с Владом.

Тот очень хорошо понимал ее состояние. И размышлял, сидя на заднем сиденье большого «Мерседеса», который вез его в аэропорт, чего здесь больше: ему было приятно, что подруга так относилась к нему, но... жаль ее. К сожалению, пока здесь ничего нельзя было поделать.

«Мозговой штурм» шел с утра. Вопрос заключался в расширении деятельности нефтяной компании, а финансировать это должен был Первый банк Каластана. Такие соглашения должны были утверждать акционеры обеих компаний, по крайней мере, владельцы крупных пакетов. А таковыми были Влад и Зарема Тохова. Последней, правда, в уже знакомом Владу зале не было, но были Хайдер с Фазилем, как представители ее интересов. Сам Влад приехал один, хотя и мог пригласить Салмана Таханова, но решил, что чисто юридических знаний здесь не нужно, а в той мере, в какой они нужны, — разберется сам. Вопрос был в последствиях для банка финансирования такого проекта. Поскольку часть владельцев обеих компаний была одна и та же, но банк имел и других акционеров, — нужно было искать компромисс. Доля Влада в акциях банка не была самой большой, но, если учесть средства, хранившиеся там, он становился более весомой фигурой: реши он перевести деньги в другой банк, все разом, — и Первый ждали большие неприятности... Поэтому с ним вынуждены были считаться.

Самому Владу нужно было убедиться в том, что это не было банальным выводом средств, что предлагался реальный проект. Прямо в день прилета он даже успел, по дороге из аэропорта (Искандер предупредил, и за ним послали машину с водителем) заехать на один из промыслов. За эту поездку, и из документов, он убедился, что проект реален, к тому же, должен стать прибыльным. Поэтому принципиально против него не возражал, но надо было найти лучшее решение... Наконец, когда шло к обеду, все детали были согласованы. Банк на совещании представлял Витольд Тараканов, нефтяную компанию — Амир Ансаров. Таким образом, в зале были два человека, чьи семейные истории очень интересовали Влада. Но как завести разговор?

Ему помогла сама судьба. Когда все встали с мест, Фазиль Тохов достал телефон и о чем-то поговорил. А потом обратился к Тараканову:

— Прощу прощения, можете помочь с машиной? Это жена звонила, ей надо срочно вернуться к Хасанкалу. Ребенку что-то плохо стало... Мы приехали вместе, она должна была

кое-что здесь купить, вечером вместе назад, детей оставили на няню... А у меня после обеда заседание в Верховном. — Речь шла о Верховном суде Каластана, во многих субъектах Российской Федерации так назывались суды второй инстанции. Располагался он, конечно, в Чарахкале, как и офис банка, где все они сейчас находились.

Влад отреагировал мгновенно. Прежде, чем Витольд Олегович успел ответить, он сказал:

— Я сейчас буду возвращаться к Хасанкалу. Могу подвезти, если позволите.

— Буду очень благодарен! — ответил Фазиль. На этот раз они не были оппонентами, как когда делили наследство, да и тогда договорились. Так что не доверять Владу он не имел оснований. А теперь позвонил жене и сообщил, что за ней заедут, переспросив у Влада марку и номер его автомобиля.

На самом деле, у Влада были совсем другие планы на день. Но он не мог сам себя лишиться такой возможности, а потому, пока ехал по согласованному адресу, позвонил нотариусу и перенес визит на завтра.

Только он заехал на парковку перед магазином, в дверях появилась его пассажирка. Конечно, она не хотела ждать на улице — как раз начался очередной снегопад. Влад вышел и открыл перед ней дверь — не только из вежливости, но и потому, что иначе она бы подошла к машине с правой стороны, а там в «Субару» было место водителя, его место. Женщина поздоровалась и представилась:

— Алина.

— Очень приятно, Владлен. Нам никого не надо ждать?

— Нет. Хотелось бы... поскорее.

— Да, я понял, — сказал Влад. — Едем. Пристегните ремень, пожалуйста. — И резко тронулся с места.

Теперь он мог, скосив глаза, рассмотреть свою пассажирку, — в теплом салоне она откинула капюшон. Очень красивая женщина, высокая, а вот натуральный ли цвет ее волос с золотистым отблеском, он сказать не мог. Как бы там ни было, Алина была еще одной из российских красавиц — жен состоятельных хасанийцев. Та самая, что еще не так давно работала моделью в Москве, а это говорило само за себя: высший класс! Так оно и было, до сих пор. Тогда в Москве, ее звали Алина Малинина, — и это было настоящее имя, следствие чувства вкуса его родителей. Влад даже нашел ее фотографии того времени.

— Спасибо вам, — сказала Алина, когда они выезжали из Чарахкалы. — Вы не обязаны...

— Мне в любом случае нетрудно, — сказал Влад, заправляя машину в крутой поворот, — здесь начинался горный «серпантин», по которому они будут ехать до самого перевала, а затем почти до самой Хасанкалы. У него было достаточно времени. — Но, не буду скрывать, у меня было и немного собственного интереса.

— Ко мне? — удивилась Алина. — Неужели вы...

— Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о Злате, — пояснил он. — Думаю, вы здесь, русские... или украинки — жены хасанийцев, общаетесь между собой. А я Злату при жизни не знал. Так бывает... Хотел бы услышать, какой она была. И как сюда попала...

— Какой была? — Алина, кажется, успокоилась после вспышки, когда неправильно поняла намерения Влада. — Как бы это поточнее сказать... Наверное, как все мы: несчастная, которая почти стала счастливой. Может быть, ей было немного легче: она не просто приняла ислам, как все мы, она, кажется, действительно нашла в этом облегчение.

— Да, она и погибла на пороге мечети. Вы, наверное, знаете...

— У нас все знают...

На время воцарилась тишина, нарушаемая только шумом двигателя. А потом Алина спросила:

— А что вас интересует?

— Все... Как Злата... приспособилась, это же совсем другая жизнь, не такая, какая у нее была до этого. Как она себя чувствовала. Все...

— Приспособилась? — Алина грустно улыбнулась. — На самом деле, приспособиться гораздо легче, когда есть много денег... Действительно много... Да вы теперь знаете. — Влад кивнул. — К тому же, когда муж сдувает с тебя пылинки... Знаете, у хасанийских мужчин такое интересное воспитание... Они могут быть жесткими в делах, как и в войне, когда до нее доходит. Они сами определяют, с кем и как жить их детям, — и они привыкли к этому, так как прежде так же за них решали их родители. Но, если уж у них появляется жена, которую они не выбирали, — они пытаются... сделать так, чтобы она была довольна жизнью. Даже если это золотая клетка. Вы, возможно, знаете, у хасанийцев почти не бывает разводов.

— Слышал.

— Именно поэтому. Их женщины с детства готовы к этому. А нам пришлось, как вы сказали, приспособиться. Но... это не было на самом деле так трудно, как каждая из нас думала сначала. А Злате, можно сказать, повезло еще больше.

— Почему?

— Как бы это объяснить... Ей муж забегал все дороги. Она говорила... он смущался от того, что... ее лишили выбора. И пытался компенсировать это. А денег-то много... Хочешь за руль? Вот тебе сегодня «Мазерати», а завтра «Порше». Шопинг? Полетели в Москву. Или в Эмираты. Что угодно... Я вот в Москве с тех пор, как здесь оказалась, и бывала-то только раз... Она говорила, Искандер как будто чувствовал себя виноватым, хотя за что? Здесь все мужчины так живут. Возможно, потому, что другие женятся на хасанийских женщинах, которые к этому готовы... Но ему тоже не оставили выбора, однако... он согласился.

Какой-то частью Влад его понимал, но не стал об этом говорить.

— Меня интересует... ее история. В общих чертах я ее знаю. Уже знаю. Но — что рассказывала сама Злата? — спросил он. Алина пожала плечами.

— Ничего. У каждой из нас своя история. Это мы никогда не обсуждаем друг с другом.

— Вам запрещают?

— Нет, скорее... молчаливое согласие. Наши мужья понимают, что если бы мы хотели... Но мы не хотим.

Они еще некоторое время молчали, а потом Влад решил сделать последнюю ставку.

— Извините, Алина, но... вашу историю я тоже знаю. Тоже в общих чертах. И это, конечно останется между нами. Знаю, кем вы были раньше. Знаю, что произошло... с точки зрения следствия. Когда собирал информацию о Злате, так случайно поучилось... — На самом деле, он намеренно собирал эту информацию. Но, конечно, не стал этого говорить.

— И что вы хотите от меня? Если, как вы говорите, это останется между нами.

— Хочу услышать историю с вашей точки зрения. Думаю, она будет отличаться...

— Конечно уж, будет, — грустно улыбнулась Алина. — Вы говорите, что знаете, кем я была. А понимаете, что это значит? Что это такое — приехать с Урала покорять столицу, достичь там успеха, почувствовать себя человеком... Через что надо пройти, какие усилия

приложить... И на это уйдет несколько лет...

— Представляю, — ответил Влад.

— Ну, пусть представляете. А потом за тобой приезжают, куда-то везут, ты не понимаешь, что вообще происходит... А потом оказываешься в грязной камере, где постоянно находится несколько десятков женщин, от девушек до старух... А у тебя в этом городе никого нет. Ни друзей, ни родственников. Родители не могут приехать...

— Родители?

— Да, они были еще живы. У меня единственной из «русских жен» здесь. — Алина грустно улыбнулась. — Наверное, я была слишком лакомым кусочком, и они пошли на такой риск. А потом тебе говорят, что обвиняют в разбое и покушении на убийство. Ты объясняешь им, что ничего подобного не делала, и тебе не было смысла это делать. Но они говорят, что потерпевшему веры больше, а он тебя опознал. И что суд будет считать так же. И ты чувствуешь тупик. И так несколько месяцев. У тебя есть адвокат, но что он может сделать..? Ты начинаешь понимать, что это твое будущее, на годы. А потом... тебя переводят в другую камеру. Восемнадцатую.

— А что это? — спросил Влад. — Что это значит?

— Это значит, что кто-то тебя оценил... Тебя переводят в пятиместную камеру, где ты оказываешься только четвертой. Все остальные — тоже молодые. И красивые. И они объясняют тебе, что... дальше все надо заслужить.

— Как? — Влад на секунду повернул голову, чтобы встретиться взглядом с пассажиркой.

— Вы когда-нибудь бывали в тюрьме? — спросила она.

— Бог миловал.

— Там понимаешь... что от тебя не зависит ничего. Даже еда и врачи — все зависит от кого-то. Понимаете? Тебе могут сколько угодно носить передач, но от них зависит, дойдут они до тебя или нет. Мне и не носили много... Кому было..? И просто... могут оставить без всего. И они пользуются этим. Чтобы зарабатывать деньги.

— Как? — повторил Влад. Алине надо было собраться с духом, чтобы рассказать.

— В СИЗО много мужчин. Некоторые из них — очень богатые, им... хочется женского общества. Понимаете?

— Кажется, да.

— Самым сожтоятельным хочется, чтобы женщины были красивые. В СИЗО с воли никого не проведешь. Но всегда есть кто-то на месте... Вот они и... стимулируют. Как? Отправляют лучших в восемнадцатую камеру женского блока, по крайней мере, это так в СИЗО Южанска. А там... дежурства. Вот до меня там сидело трое девушек. Это означает что каждую раз в три дня... ведут в кабинет, где оставляют на ночь с таким заключенным. Если она согласится — на следующий день всех в камере накормят. И ее тоже. Если нет — о восемнадцатой камере «забудут». Обо всей камере. Восемнадцатая, ко всему, немного в стороне, на отшибе, там такая архитектура... А есть хотят все. Понимаете? Представляю себе, сколько брали с тех заключенных мужчин...

— Круговая порука, — заключил Влад.

— Именно так. Мне объяснили в первый же день. И что я не лучше других.

— А девушки, которые сидели там... Они действительно совершили что-то? — поинтересовался Влад. — Или... как вы?

— Одна... она действительно убила своего парня. Во время ссоры. Самая красивая там,

она работала репортером на местном телевидении. Таня... Кажется, ее дело затягивали намеренно. Она признавала вину, ее могли бы давно осудить, и она поехала бы в колонию. По крайней мере, так она сама говорила. Но ее держали в восемнадцатой уже год... Наверное, жалко было отпускать, она была очень красивая... У нее не было ни родственников, ни больших денег. И адвокат был по назначению, впрочем, как и у меня, я просто никого не знала в Южанске. Вот именно Таня мне и вдалбливала, что я не лучше нее... Валю и Тамару задержали с наркотиками. Валя говорила, что их подбросили. Она там почти сошла с ума. Студентка местного универа, такого точно не ожидала... А Тамара... Она, кстати, ваша, Влад, землячка. Поехала в Россию работать, и ее заставили что-то перевозить. Или уговорили, не знаю. И она попалась. И оказалась достаточно красивой, чтобы оказаться в восемнадцатой. Они сидели там по несколько месяцев. И очень обрадовались, когда меня подселили к ним: им придется отрабатывать не раз в три дня, а раз в четыре... Очень ждали, что, возможно, появится пятая...

Алина замолчала, а Влад сказал:

— Не буду спрашивать, что было дальше...

— Ничего, — неожиданно ответила она. — В первую ночь они вывели Тамару. Наверно, мне решили дать привыкнуть к мысли, что... Во вторую ночь — Таню. Она вернулась в таком виде... А днем меня повели на беседу, так они сказали. Предложили выбор. Сказали, что у меня на размышления сутки, потому что, если после Вали выведут меня... возврата уже не будет. И что «парни» уже знают про настоящую модель из Москвы. Или остаться там... или согласиться... выйти замуж, и тогда меня освободят вообще. Я спросила, за кого, а он, — это был офицер, там работал, — спросил: а разве это важно? К сожалению, сказал, это не он. Но это будет один человек, и я буду жить нормальной жизнью, рожу детей... И вернули в камеру. Я спросила у девочек, что это значит. Таня ответила, что, пока она здесь, таких, как я, было несколько. Все согласились. И сказала, что надо быть сумасшедшей, чтобы согласиться. А я считала, надо быть сумасшедшей, чтобы остаться... Так что на следующий день меня вернули в нормальную камеру. А скоро и выпустили. Ну, как выпустили? Вытолкнули за ворота, и передали каким-то людям, те посадили меня в машину и повезли сюда... Поселили в каком-то доме, дали подписать какие-то документы... А Фазиля я увидела только на свадьбе, а поговорить с ним смогла... только после, в спальне. Единственное, что говорила Злата, что у нее было так же. Это такая свадебная традиция у хасанийцев, — молодые не разговаривают до окончания... Но, если оба — хасанийцы, даже если сговорились родители, они жили в одном городе или рядом, может быть, хоть встречали друг друга. А у нас так...

— У всех? — спросил Влад, притормаживая, потому что невозможно было обогнать грузовик на узкой дороге.

— Истории, может, и отличаются, но... примерно так — у всех. Я же говорю, мы не обсуждаем это. — Алина помолчала. — Даже не знаю, почему решила вам рассказать... Потому что проо восемнадцатую никогда никому не говорила. Даже Фазиль не знает. Он знает, что... меня выкупили, но не знает, почему я согласилась.

— Жизнь... — сказал Влад. А Алина неожиданно улыбнулась.

— Вы знаете, Влад, если бы вы спросили меня, жалею ли я в итоге, что так получилось... Я бы сказала, что, скорее, нет. Да, сначала... там было страшно. И то, что ничего не знаешь, а потом, в восемнадцатой... Но, когда оказалась здесь... Думаю, я могу благодарить судьбу. Я вырвалась оттуда, у меня муж, который хорошо ко мне относится, и

прекрасные дети... Не говоря уже о том, что я не нуждаюсь. А что не по любви... А было бы у меня в Москве по любви?

Возможно, это циничный взгляд на вещи, думал Влад через полчаса, отъезжая от дома Фазиля Тохова в Хасанкале, когда высадил свою пассажирку. Но точно практичный. Изменила бы что-то Алина, если бы знала с самого начала..? Трудно сказать, но менять что-то в своей жизни сейчас — точно не захочет.

Дома, — да, в своем хасанкалинском доме он теперь тоже чувствовал себя дома, — Влад утром включил ноутбук. И сразу увидел письмо от Дмитрия Ратникова.

Уважаемый Влад!

Есть две новости, которые, видимо, Вы признаете хорошими.

Во-первых, Вы оказались правы, когда ставили вопрос про психологов в Южанске. Меньше, чем год назад там убили одного очень известного специалиста в этой области. Дробышев Александр Николаевич, кандидат наук, преподавал в местном институте МВД, то есть, занимался подготовкой кадров для полиции. Тема его научной работы — психологические отношения в замкнутых коллективах (армейских, тюремных, на судах и т. д.) как предмет расследования в случае совершения преступления. Вторая сфера его интересов — профилирование преступников. Кстати, это ему не помогло. Убит он во время обычного ограбления, когда находился у себя на даче. Жена также погибла, пятнадцатилетний сын был ранен, но выжил, благодаря ему удалось задержать нападавших. Сейчас дело передано в суд, не сомневаюсь, эти подонки получат пожизненное. Но, судя по формулировке Вашего вопроса, конкретные обстоятельства убийства Вам вряд ли интересны. А вот некоторые связи с Каластаном у него были. Точнее, с выходцами оттуда. У Дробышева вышли несколько научных статей о влиянии генетики на психологические особенности человека, они написаны в соавторстве с доктором медицинских наук Исмаилом Аевым. А он — уроженец Хасанкалы.

Во-вторых, удалось установить, наконец, местонахождение Ирины Ладычевой, подруги Златы. Ее фамилия теперь Новак, она вышла за поляка и живет в Варшаве. Видимо, поэтому они и общались со Златой только по электронной почте, — хотя, возможно, и звонили друг другу, но, во всяком случае, не встречались лично. Прилагаю установочные данные. Если хотите у нее что-то узнать, надо встречаться лично, такая моя точка зрения. Вы это можете сделать быстрее меня, Вам, как гражданину Украины, в Польшу не нужна виза. Но, если Вы хотите, чтобы это сделал я, — могу заняться ее получением. Но тогда затормозится расследование в отношении русских жен хасанийцев. Вам решать.

С уважением,

Дмитрий Ратников.

Это, действительно, были хорошие новости. Влад ответил, что за сведения об Ирине Новак благодарит, и попытается встретиться с ней сам, когда появится возможность. Зато просит продолжать получать сведения по уголовным делам в отношении девушек, которые позже стали женами хасанийцев, и их самих, причем Алиной Тоховой можно не заниматься. А по убийству психолога Дробышева, — желательно поинтересоваться, не сфабриковано ли дело об ограблении, нет ли там другого мотива. Но это не срочно, и, если невозможно будет узнать это тихо, тогда лучше вообще ничего не делать. А еще... Интуиция подсказала ему

попросить частного детектива узнать про бывшего репортера Таню, осужденную за убийство своего парня.

Затем ему пришла еще одна мысль, он ввел в поисковик имя и фамилия — Исмаил Аев. Интернет тут же выдал перечень научных статей ученого. Тот занимался генетикой (к счастью, уже были далеко не времена Лысенко), ее влиянием на поведение людей. И еще одна тема раз за разом повторялась в его статьях, — влияние генетических факторов на развитие малых народов. Конечно, если он сам — представитель одного из них, подумал Влад, и из любопытства открыл одну из статей.

Как ни странно, писал доктор Аев достаточно простым языком, так, что понятно было даже гуманитариям. До знакомства с хасанийцами Влад никогда не сталкивался с проблемами малых народов, и сейчас его интересовали, скорее, их традиции, — потому что пришлось испытать их на себе (в буквальном смысле, улыбнулся Влад). Но статьи Исмаила Аева открывали совсем другой взгляд. Он и не заметил, как прочитал их с полдесятка. И понял, что беспокоило ученого.

А потом сел за руль «Субару». На этот раз путь его лежал в офис нотариуса, того же самого, у которого когда-то Влад оформлял наследство.

— Рад вас снова видеть! — сказал нотариус. Но, когда Влад объяснил, зачем пришел, удивился:

— Но зачем вам это? Тем более, здесь половина — на украинском, я ничего не понимаю.

— А вам и не нужно понимать суть, — сказал Влад. — Это все делается для украинского суда. Иск о защите чести и достоинства. Проблема в том, что у нас нет такого нотариального действия, как удостоверение верности распечатки web-страниц, украинские нотариусы такого не делают. А вы по российскому закону это сделать можете. Такой документ будет доказательством для суда, даже если авторы удалят тексты.

— И как же вы будете подавать это в украинский суд? — продолжал расспрашивать нотариус.

— Очень просто. На основании конвенции от девяносто четвертого года, даже легализация не требуется.

И нотариус сделал все, что от него требовалось, стопка документов заняла место в сумке Влада. А еще через час он уже встречался с Искандером в кафе в центре Хасанкалы.

— Снова разговаривал вчера с Марьям, — сказал Искандер. — Тогда... я хотел ее спасти, даже не думал, что так получится.

— Как? — поинтересовался Влад.

— Мне кажется... она счастлива. Такого тона я никогда не слышал от наших женщин...

— Надеюсь... Ты тогда все сделал правильно. Хотя, кажется, она до сих пор за тебя беспокоится.

— Говорила, что уже соскучилась по тебе, — улыбнулся Искандер. — И немного боится... До сих пор о суде рассказывает, как ты там всех побеждал. Но ты же не для того хотел встретиться?

— Да. Есть дела... — И Влад стал рассказывать, за чем хочет, чтобы Искандер проследил в банке, — это касалось дела с нефтяной компанией. Ему очень удобно было иметь свой, независимый источник информации.

— А... тот список... Он тебе помог? — спросил Искандер.

— Да, спасибо. Много чего узнал. А можно получить данные тех женщин, которые не

имеют счетов в нашем банке? И еще одно... Если у тебя есть такие связи... — Искандер выслушал пожелания и на минуту задумался.

— Найдем. Но это будет дорого.

— Денег не жалея, — сказал Влад. — Время дороже. И еще одно... Машина мне нужна на ночь. Утром надо вылетать. Очень, знаешь, неудобно, когда приходится лететь, а потому не можешь сам быть за рулем, потому что машину там не оставишь...

15. Парад планет.

Хорошо, когда тебя встречают. Это — привилегия человека, у которого есть деньги и положение в обществе, подумал Влад, когда служебный «Мерседес» из компании «Нефтяные горы» остановился у его нового дома. Поблагодарив водителя и забрав вещи из багажника, он вошел в открытые ворота. И сразу увидел собственный «Лендкрузер» со старым грузовым прицепом, — теперь было понятно, почему такая картина вызвала удивление у патрульных, подумал он с улыбкой. Работа явно кипела.

Зайдя в дом, из соседней комнаты он услышал голоса. Марьям с Родионом Петровичем и двумя рабочими обсуждали выкладку плитки на полу.

— Привет всем! — громко сказал, входя в комнату. — Ты, вижу, здесь руководитель всех работ!

Она сразу подошла, и они обнялись на секунду.

— Да, ты сам мне сказал...

— Конечно. И, я вижу, все движется хорошо! — И действительно, за несколько дней, пока его не было, сделано было немало. Скоро эту комнату можно будет обставить. А потом, высказав несколько замечаний, он вышел вместе с Марьям в кухню, где уже давно все необходимое было сделано, — иначе нельзя было бы переехать.

— А у тебя как дела? — спросила она.

— На самом деле, все, что хотел, сделал. И даже больше. Но, кажется, все только начинается. И мне надо ехать дальше. Хорошо хотя бы, что на этот раз можно не лететь, а поехать за рулем...

— Куда?

— В польщу, — ответил Влад. Марьям жалобно посмотрела на него

— Это... обязательно? Мне без тебя плохо... и страшно.

Он только вздохнул:

— Мне тоже плохо, и за тебя боязно. На самом деле, больше всего мне бы хотелось никуда не ехать... или поехать вместе... Но... выхода нет. Вот, посмотри. — Влад достал телефон и показал только что полученную СМСку: «Берегитесь. Они не остановятся» Сообщение было отправлено через Интернет, поэтому определить отправителя было невозможно. — Ты понимаешь, что это значит?

— Что меня могут снова попытаться убить...

— И я могу тебя не спасти. То, что кто-то написал мне... Значит, что это — много людей. Какая-то организация. Которой ты очень мешаешь. Именно ты, а не я... Потому что сначала арестовать, а потом убить, пытались именно тебя, а не меня. А это странно, потому что деньги-то у меня, а что их может интересовать, кроме денег.? Тебе повезло уже дважды. В первый раз — они выбрали неграмотного собачьего исполнителя. А тот не узнал, что у тебя есть алиби, и мы с Григорием их переиграли. Второй раз — спас боевой опыт Родиона Петровича. Но как же они старались достичь своей цели, если применили гранату рядом с

другими людьми! Пока они притихли, думаю, в ближайшее время попыток больше не будет. Должно пройти некоторое время, но вряд ли большое. Однако... они могут повторить попытку. Если мы их не остановим. Я тоже не охранник, я могу не успеть... Нет, мы должны узнать, кто они, чего хотят, почему ты им так мешаешь, — или мы... И уничтожить их организацию. До того, как они попытаются еще раз...

— А хорошие новости у тебя есть? — Марьям грустно улыбнулась.

— Одна точно есть. В их организации у тебя есть поклонник! — Они рассмеялись. — А кто бы еще прислал мне эту СМС? Он хочет тебе добра. А это значит, что организация... неоднородна. Хотя и не маленькая. Это можно использовать. Ну, хорошо, пойдём к нашим строителям.

Те уехали через два часа, и они, наконец, остались наедине. И сели поужинать — едва ли не впервые в новом доме.

— А тебе точно надо ехать за рулем? — спросила Марьям. Влад сделал вывод, что в необходимости самой поездки он ее убедил. Или она смирилась. — Это долго...

— Это лучше, чем лететь. К тому же, я это люблю, и вообще привык. Ты забываешь, сколько времени работал «дальнобойщиком». А «Рейндж Ровер» точно удобнее, чем грузовик...

Марьям вздохнула и сказала:

— И когда едешь?

— Завтра. Ненадолго. На несколько дней.

— А почему именно сейчас?

— Ты помнишь условие для путешествия на Марс? — спросил Влад. Такого вопроса Марьям точно не ожидала. Но он же что-то имеет в виду! В противном случае это означало бы, что нужно вызвать психиатров, — а вот с этим образ Влада точно не вязался. Кажется, она еще не знала человека, который бы мыслил более логично. А тот продолжил мысль, поймав ее удивленный взгляд. — Лететь туда, если верить фантастам и астрономам, можно не в любой момент. А только тогда, когда расстояние между Землей и Марсом становится наименьшим из-за того, как планеты движутся по своим орбитам. Вот и тут так же. Два человека, которые мне интересны, одновременно будут в Варшаве. Кстати, у меня будет к тебе одна просьба...

— Какая?

— Разрешить передать от тебя привет. И научить меня этой фразе на хасанийском языке.

— Кому? И зачем? — переспросила сбитая с толку Марьям. И он рассказал. Потому что решил не скрывать от нее, что собирается делать и почему. Рассказ о том, что узнал в Каластане, занял какое-то время. И из этого вытекало, что он собирается делать. Она слушала, не перебивая, — рассказ о восемнадцатой камере произвел на Марьям, которая недавно сама была на волосок от тюрьмы, неизгладимое впечатление. Хотя Влад не сказал, от кого именно слышал об этом. Марьям поняла, что он держал свое слово, но не настаивала, в конце концов, имя было неважно. И сказала:

— Ты прав, надо... прекратить это. И дело не в... наших мужчинах... Здесь что-то...

— Да, что-то больше. И надо прекратить. А для этого надо знать... И у нас есть две отправные точки... Так случилось, что оба они сошлись в Варшаве. Или сойдутся в эти дни.

— Теперь я понимаю... Но что мне делать здесь?

— Думаю, в ближайшее время опасности нет, — пожал плечами Влад. — Днем для тебя

защита — строители. Только не возвращайся на работу...

— Я уже написала заявление об увольнении. Тут ты тоже прав, — сообщила Марьям. — Вот только... когда все это закончится, надо будет искать новую работу. Поможешь?

— Легко! — улыбнулся Влад. — А ночью — закрывайся на все замки и включай сигнализацию.

— Так и делаю. Даже в магазин прошу Родиона Петровича подвезти.

— Вот и хорошо! — Влад понимал, что запереть себя в четырех стенах, — это для нее большая жертва. Да еще и не садиться за руль, к чему Марьям только почувствовала вкус, когда села на «Мазерати»... — А я завтра почти с самого утра — в путь.

— Почти?

— Не раньше, чем откроется почта. Потому что нужно, наконец, отправить наши исковые заявления, чтобы Вася Котов не чувствовал себя так свободно...

Так вот почему ты не поехал сразу?

— Ну, надо отдохнуть после дороги и перед дорогой. — Влад пожал плечами. — К тому же, эту кровать, что мы сюда купили, ты уже испытала, а я — еще нет!

По дороге было время подумать. Ехать по трассе, управлять хорошей машиной, тихонько слушать любимую музыку — что может быть лучше, чтобы обдумать то, что знаешь? Много в голове стало на свои места.

В отеле были удивлены. Чтобы человек, который снимает такой дорогой номер, — дорожке был только «президентский», — сам приехал за рулем, да еще и с одним лишь небольшим чемоданом? Правда, на «Рейндж Ровере», но даже не последнего поколения, зато с номером 0001. Ох уж эти бизнесмены из бывшего Советского Союза..! Конечно, гостю они ничего не сказали. Но Влад и так все понимал. Ему, правда, было плевать. На самом деле, он бы, возможно, и не бронировал такой дорогой номер: привередливым Влад не был. Но других свободных номеров просто не было, все были заняты участниками конференции, которая проходила в гостинице. А если у тебя есть деньги (рассчитывался он карточкой Первого банка Каластана), и есть потребность жить именно в этом отеле, то почему бы и нет? Комфорт — только приятный бонус.

На следующее утро Влад отправился на первую встречу. К счастью, это было недалеко. Можно было дойти пешком, — он не очень любил передвигаться таким образом, если это не прогулка в выходной, но сейчас некуда было спешить. К тому же, продемонстрировать заметный для Варшавы автомобиль с украинскими номерами не хотелось.

Это была какая-то странная смесь бюро переводов и туристического агентства. Но здесь, похоже, привыкли ко всему, даже не очень удивились, когда, назначая встречу, он назвал только имя, — Владлен. И теперь он прошел в кабинет владелицы этого бизнеса.

Шатенка в очках и деловом костюме приветливо посмотрела на него.

— Значит, вы — Владлен. А я — Ирина. Очень приятно. — Разговор шел на русском здесь явно привыкли работать с гостями из бывшего Союза. — Кажется, вы... немного таинственный человек, — улыбнулась она.

— Да, мне приходится. Но сейчас я назову свою фамилию. Могу даже паспорт показать, чтобы вы мне поверили. Бурсак.

Ирина изменилась в лице.

— Да не нужно паспорта. Вы...

— Брат Златы. И приехал сюда из Киева, чтобы встретиться с вами.

— Что теперь можно изменить! — горестно сказала Ирина. — Если бы вы раньше помогли...

— Я не знал. Вообще не знал про Злату. Но теперь — хочу узнать...

— Зачем?

Влад помолчал.

— Во-первых, это мой долг. Перед ней. Во-вторых, я хочу, чтобы ни с кем больше не произошло такое. В-третьих, дорогого мне человека пытались убить. И могут попробовать еще, если я не узнаю, в чем тут дело. А вы, Ирина — единственная, кому сестра могла... открыться, с кем поддерживала связь. Вы можете сказать мне...

— О чем?

— Обо всем. С самого начала, — это же с чего началось, верно? — и до конца.

— С начала? — Ирина горько улыбнулась. — О том, что плохо не иметь денег? О том, что Злате пришлось... оказаться на содержании? О том, что произошло потом?

— Я знаю основные факты, — сказал Влад. — Но не с ее точки зрения.

— Она страдала. Понимаете, мы были молоды, мы все... мечтали о светлой любви. Но надо было выжить, и появился этот бизнесмен...

— А как они познакомились?

— Он искал... такую девушку. Специально искал. Не проститутку, но такую, которая оказалась бы в сложных обстоятельствах. Злата увидела шанс решить все проблемы... Но она хотела одновременно учиться, чтобы дальше быть самостоятельной. Кстати, он не был против. Но потом...

— Я знаю. Он погиб... А Злату обвинили в мошенничестве. А потом она странным образом оказалась в Каластане. Хотя... я знаю, как это происходило с другими. Вот только интересно, уголовное дело... оно было реальное или нет?

— Нет. — Ирина покачала головой. — Злата не делала ничего подобного. Сначала она думала, что это — какая-то месть родственников этого... Но на самом деле, им не за что было мстить. Постепенно она стала думать, что заявление в полицию — это была не их идея. Что их кто-то подговорил, а может, заставил. И... она оказалась в камере. Конечно, освободиться без больших денег было невозможно. А их не было. Я... пыталась ей помочь, но что я могла? И не знала, что с ней происходит. Но... На самом деле, Злата была из тех, кто может приспособиться к почти любым условиям. Однако и в этом есть предел, не так ли?

— По-видимому, да, — согласился Влад. И снова вспомнил Марьям: в ситуации, когда ей грозила смерть, она сразу сориентировалась, и быстро приняла решение, — правда, единственно, с его точки зрения, возможное. А вот задержание и перспектива тюрьмы парализовали ее волю. — Но потом она оказалась на свободе...

— И позвонила мне. Тут — сказать, что я была удивлена - это ничего не сказать. Когда она сообщила, что на свободе, но находится на Кавказе, и является женой бизнесмена и мусульманина... Она и сама приняла ислам, но это было чуть позже.

— Ее заставили? — поинтересовался Влад.

— Нет! Ее муж оказался порядочным человеком. Он ее ни к чему не принуждал, она захотела сама. Она считала... или ей казалось, что это — благородная религия.

— Но с вами она общаться не прекратила, — констатировал Влад, который знал это из электронной переписки. — Я так понимаю, что муж ей в этом тоже не препятствовал.

— Нет, и постепенно я узнала, как все это произошло. Как ей предложили выбор...

— Она попала в камеру восемнадцать?

— Да, но только на два дня. Надо было решать... и она решила. А... вы это знаете?

— Я знаю, как это происходило с другими, — пояснил Влад. — И сделал вывод, что Злата тоже прошла через это. Если оказалась там же, где и остальные.

— Это продолжается, наверно, и сейчас. — Ирина покачала головой. — Я, когда услышала эту историю... Сразу решила: надо бежать из России. Куда угодно, как угодно. А тут подвернулся Лешек... Но я не жалею. — Сказано это было так, будто она пыталась убедить сама себя.

— А Злата жалела? — спросил Влад. Ирина задумалась, формулируя ответ.

— Она сначала... была шокирована всем этим. Как и я, когда услышала... Но потом... Понимаете, Злате приходилось бороться. Всю жизнь бороться за существование. А в тюрьме — тем более. И вот вдруг — она оказывается женой такого состоятельного человека, к тому же, муж ее не только не обижает, а всячески пытается угодить. Насколько это в его силах. Злата рассказывала, что он сам ее не выбирал так же, как и она его, — такие традиции у его народа. Но он все же был более... современным человеком, послушаться не мог, но Злате пытался... возможно, компенсировать..? Короче говоря, она считала, что ей на самом деле повезло. Но жалела, что это произошло не по ее собственному выбору. Но... не то, чтобы смирилась, а научилась ценить свое положение. Еще шутила, мол, за богачей по любви не выходят. А потом родилась дочь... И она стала вести себя как обычная мать. В этом тоже нашла себя. Только немного жалела, что так и не доучилась... Но все это — пока был жив муж...

Вот мы и подходим к главному, подумал Влад. Все, что Ирина рассказала до сих пор, он или знал, или об этом догадался. А вот насчет дальнейшего — другого источника информации, кроме Ирины, и не было.

— А что произошло, когда он погиб? Кстати, как считала Злата — это был несчастный случай или убийство?

— Она не знала, но подозревала убийство. Хотя доказательств, конечно, не было. Даже власти Эмиратов их не нашли, по крайней мере, Злата так говорила. А вот у нее... возникла проблема. Ей нельзя было возвращаться в Каластан.

— Почему? — спросил Влад, хотя догадывался.

— Потому что ее муж погиб вместе со своим отцом. А по обычаям их народа, жизнью семьи распоряжается старший мужчина. Теперь такого не осталось, — брат мужа погиб еще раньше. Теперь ближайшим старшим мужчиной оставался муж сестры Искандера... И решать судьбу Златы должен был он. А он — бизнесмен...

— Да, я с ним знаком, — пояснил Влад.

— Он был заинтересован в бизнесе. В том, чтобы все... осталось в его семье. А для этого надо было, чтобы Злата стала женой кого-то из его родственников. Он... считал это нормальным. Он своего брата так же женил...

— С ним я тоже знаком, он там — семейный адвокат, — сказал Влад, но умолчал о том, что общался также с женой Фазиля.

— Но там есть еще третий брат... Кажется, Злата говорила, что его зовут Бекир. Он душевнобольной. Там говорили, что его жена покончила с собой, такое он с ней творил... Но, если бы Злата вернулась к Каластан, скорее всего, ее бы пытались выдать за этого Бекира. В принципе, если бы с ней произошло то же самое, это бы всех устроило: наследниками стали бы ребенок и тот же Бекир. А над ребенком можно установить опеку...

Но в любом случае, ничего хорошего из этого не получилось бы.

— Поэтому она решила лететь в Киев?

— Да, пока в Эмиратах она, как вдова, пользовалась относительной свободой, и могла покинуть страну в любом направлении. Злата считала, что, если вернется к Хасанкалу, ей могут уже не дать такой возможности. Или просто не выпускать из дома, или... под каким-то предлогом вернуть в восемнадцатую камеру.

— А почему именно Украина? — спросил Влад, зная ответ.

— Потому что Злата... хотела найти вас. Она звонила мне, рассказывала. Нашла в интернете ваш офис, позвонила туда, но там ответили, что вы уже у них не работаете. И вообще не работаете адвокатом, поэтому они не знают, где вас найти. Злата почти впала в отчаяние. Она почему-то считала, что ей больше никто не поможет. Не хотела обращаться к... действующим адвокатам, и сначала хотела посоветоваться с вами, что делать дальше. Получать гражданство, или, может, пытаться уехать в Европу? Но не могла вас найти. А потом... пошла помолиться...

— А меня в это время не было в Киеве, — пояснил Влад, но не стал уточнять, что как раз находился в очередном рейсе в Европе, как обычный водитель грузовика, — он уже проверил даты. Внезапно он почувствовал еще большую злость на тех, кто лишил его профессии: получалось, что Злата погибла также и из-за них! Молодая, красивая и богатая женщина, которая могла бы наслаждаться жизнью. О ребенке нечего и говорить. Какой-то частью сознания он принял решение не просто восстановить справедливость, но и добиться наказания тех, кто виновен в этом. Даже если на это уйдут годы. И сделать это исключительно по закону.

— Так бывает... Я понимаю, — сказала Ирина. — Вам жаль сестру, но вы ее никогда не знали...

— Даже не подозревал о ее существовании, — подтвердил Влад.

— Я понимаю. Откуда вам было знать... А у меня в душе пустота. До сих пор. Я не могу поверить... Или смириться... Злата хотела и любила жить, и после всего... эти последние годы она же стала получать должное от жизни. Но кто-то отобрал все это...

— Я приехал к вам еще и потому, что пытаюсь узнать, кто это мог быть, и почему.

Ирина внимательно посмотрела на него, хотя в глазах стояли слезы.

— Тогда желаю вам удачи.

Влад сидел в кресле на первом этаже отеля. Сидел довольно долго, и, кажется, на него стали обращать внимание. Но вот из ресторана вышли трое мужчин, которые разговаривали между собой по-немецки. Влад поднялся и пошел к лифту так, чтобы как бы случайно оказаться с ними в одной кабине. Ему повезло: двое мужчин вышли на четвертом этаже, а третий, высокий и черноусый, нажал на кнопку седьмого. Влад для вида нажал на «девятку», но, когда они остались в кабине вдвоем, сказал по-немецки:

— Доктор Аев, нам надо поговорить. — И вместе с ним вышел из кабины в коридор, когда открылась дверь. К счастью, там никого не было.

— О чем? Вы из полиции? Или... будете меня вербовать? — спросил Исмаил Аев. Хотя он делал вид, что шутит, но было видно, что не понимает, что происходит, и побаивается.

— Нет, не буду. Я не представляю какое-либо государство, — сказал Влад на русском. И тут же сказал заученную фразу на хасанийском языке. — Хочу передать вам привет от Марьям.

— Вот как? — удивился Аев. — Как у нее дела? Не виделась... с того момента, как...

— Я знаю. Давайте сядем где-нибудь...

— У меня в номере?

— Хорошо.

Номер у доктора был небольшой, но там нашлись два стула. А больше Владу ничего и не было нужно. В его люксе собеседник чувствовал бы в удобном кресле даже более спокойно, а это не входило в его планы.

— Так как дела у Марьям? — спросил Аев.

— А как может сложиться жизнь у женщины из вашего народа? — пожал плечами Влад. — Повторно выдали замуж, муж оказался подонком, правда, он не хасаниец... А потом ее, как это у вас говорят, поставили перед людьми...

Исмаил побледнел.

— И... что? Ее уже нет, вы считаете виноватым Хусейна, но, когда его тоже уже нет, решили отомстить мне? Или что?

— На самом деле, нет. Ни то, ни другое... Марьям жива. Вы же знаете о второй части обычая? Что обреченный имеет выбор?

— Рабство у неверного... — пробормотал доктор.

— Так это у вас называется. И единственным неверным там, на месте, оказался я. Но мы с Марьям нашли общий язык... Откуда бы я узнал о вас, как не от нее? А потом, уже из других источников, о многом еще. Начиная с вашего общего с братом бизнеса на финансовых «пирамидах»... — Влад сознательно не добавил, о чем он знает еще. Наверно уж, у одного из руководителей научно-исследовательского института в России достаточно «грехов». Так что, пусть думает.

— И... что вы хотите от меня? — Очень хорошо, доктор, кажется, не отличается сильным характером.

— Чтобы вы мне кое-что объяснили. Связь между вашими научными статьями по генетике в применении к малым народам, которые вы написали лет двенадцать назад, и тем, что через пару лет после этого у очень состоятельных хасанийцев начали появляться русские жены. Только не говорите, что такой связи нет. Я все равно не поверю в такие совпадения. Почему погиб ваш соавтор в Южанске, и какое отношение к этому имеют ваши совместные статьи...

— Но зачем вам это? — удивился Исмаил. Удивился искренне, он действительно не мог понять, зачем какому-то чужаку вмешиваться в дела его народа.

— Потому что одна из них была моей сестрой. А как бы я оказался в Хасанкале, когда спас Марьям..? Но сестра погибла, а теперь мне надо разобраться, почему это произошло. И я от вас не отстану, даже не мечтайте. Пока не расскажете...

— Но... я не знаю всей истории. Вы, наверное, знаете, что я живу в Москве, занимаюсь научной работой. А в Хасанкале сейчас бываю очень редко. Поэтому не знаю точно, что там происходит...

Все хасанийские мужчины, которых Влад знал до этого, были жесткими, настойчивыми людьми, которые шли к своей цели, если уж поставили ее. Доктор Аев, кажется, был из совсем другого теста, и, кажется, соотечественники пользовались его знаниями и связями, когда было нужно, но держали подальше от своих конкретных дел. Поэтому, возможно, он и не врал... Но тем проще будет его «дожать».

— Тогда расскажите, что знаете!

Исмаил рассказал. А потом Влад начал задавать ему вопросы, как привык делать это во время допросов в суде. И через час если не видел полной картины, то знал достаточно, чтобы начать постепенно рисовать ее.

16. Ребро Адама.

Лампочка сигнализации горит, увидел Влад, подъехав к дому. Хорошо, подумал, Марьям не пренебрегает безопасностью. И набрал ее номер.

— Привет. Посмотри в окно, увидишь там меня, — сказал он. — И, когда убедишься, что это таки я, и что я рядом, снимай с охраны! Я хочу домой! — Впервые он назвал так этот дом.

Лишь после того, как это было сделано, он мог нажать кнопку брелока, чтобы открылась дверь подземного гаража, и после этого через несколько минут не приехала полиция. Из гаража он поднялся в холл на первом этаже, — Марьям встретила его с улыбкой и объятиями.

— А я думала, ты приедешь только утром!

— Удачно прошел границу, — не было очередей, — он пожал плечами. — К тому же, не люблю без необходимости ехать далеко ночью.

— Помню. — Она вспомнила поездку из Хасанкалы в Ростов.

— Потому и старался приехать как можно скорее. Ну, не только поэтому... — Он тоже улыбнулся. — А у тебя как дела?

— Строительство идет, а я им руковожу. Как ты и говорил... — Влад отметил для себя, что она перестала говорить: «как ты приказал». — К тому же, наконец, получила новый паспорт.

— Значит, в следующий раз, когда надо будет съездить, можно будет поехать вместе, — сделал вывод Влад.

— Да что же я тебя баснями кормлю, ты, наверное, проголодался в дороге, — вдруг вспомнила Марьям. — Я быстренько... — И она исчезла на кухне, и, пока Влад переоделся, ужин уже ждал на столе. Он с тех пор, как они оказались вместе, начал ценить кавказскую кухню.

— А ты-то сама хоть поела?

— Конечно. Я же не ожидала, что ты приедешь... — Марьям сделала паузу. — Ну, рассказывать сейчас будешь, что узнал? Или потом?

— Давай начну сейчас. А еще кое-что сама прочитаешь. Когда компьютер на стол поставлю. — Влад имел в виду ноутбук, который обычно брал с собой в поездки, а сейчас он был в сумке, стоявшей рядом на полу. Но, действительно, начал с того, что узнал от Ирины и Исмаила Аева. Выслушав характеристику последнего, Марьям кивнула.

— Мне тоже так показалось, когда он к нам с Хусейном приезжал. Может быть, поэтому его и заставили стать врачом и, в конце концов, заняться наукой.

— Как это? — удивился Влад.

— Когда старший в семье... тогда это был, кажется, даже не отец Хусейна и Исмаила, а дед... выбирает, кем быть парню или девушке, он же принимает во внимание, что тот или та из себя представляет. Не только, к какому делу способен, но и подходит ли оно к его характеру. Ну, девушку, скорее всего, просто выдадут замуж, но тоже посмотрят, за кого. Чтобы не было... плохо обоим. — Марьям вздохнула. — Это с моим вторым мужем отец так ошибся, но... того он и не знал. Он же и не хасаниец. А, как правило, родители или деды знают, как дети думают, и чем дышат. Можно так сказать, изучают это. Потому Хусейна

сделали милиционером, а Исмаила — врачом и ученым. И обрати внимание, оба достигли успеха. Хусейн дослужился до генерала, Исмаил стал профессором и заместителем директора своего института, может, и выше поднимется...

— То ты считаешь, — удивился Влад, — такой подход работает?

— Как видишь... А я сама захотела стать юристом, и что из этого..?

— У тебя все еще впереди! Как ты можешь сейчас делать выводы? — рассмеялся

Влад. — Сделаешь еще карьеру, если захочешь. Только вряд ли в суде...

— А что ты хотел, чтобы я прочитала? — спросила Марьям, ставя посуду в посудомоечную машину.

— Сейчас. — Влад расположил на столе ноутбук. — Войду в почту... Кстати, курить будешь?

— Давай... А что, понадобится?

— Сама увидишь, — сказал Влад, доставая зажигалку.

Уважаемый Влад!

Начну с комплимента: я просто в восторге от Вашей интуиции. Всякий раз, когда Вы ставите мне задачу собрать какую-то информацию, оказывается, что она касается очень интересных вещей. А может, это особенность самого дела, о котором Вы хотите узнать? Но в любом случае, каждый раз — в яблочко. Как с теми женщинами, как с убийством психолога...

Теперь так произошло с делом журналистки. Помните, Вы просили узнать о корреспондентке Татьяне, которая убила своего парня? Такое дело, действительно, была. Очень «громкое» в свое время, конечно, для Южанска. Но о нем быстро забыли все, даже ее коллеги. А странностей в деле очень много. Однако, такое впечатление, что кто-то приложил усилия, чтобы о нем забыли.

Итак, ее зовут Татьяна Ребро. Она родом из Южанского края, точнее, из Занайска, это город краевого подчинения, километрах в ста от Южанска. Сирота, выросла в детдоме, хотя у нее сохранилась родительская квартира в Занайске. Воспользовавшись льготами, поступила в Южанский университет, захотела стать журналисткой. Потом стала работать на местном коммерческом канале, — она очень красивая, взяли с радостью. Казалось бы, обычная история со счастливым финалом.

Дело это возникло пять с половиной лет назад. Татьяне было двадцать четыре года. Она встречалась с парнем по имени Захар Недобоженко. И вот однажды, когда она была у него в гостях, соседи услышали громкие крики, вроде бы драку. Вызвали полицию. Когда полицейские зашли в квартиру, увидели тело Захара с ножевыми ранениями, Татьяна была рядом и, кажется, не знала, что делать. Она сразу призналась, что ранения Захару причинила сама, но утверждала, что он хотел ее изнасиловать. Конечно же, ее сразу задержали.

Разумеется, ей никто не поверил. И друзья Захара, и коллеги Татьяны знали, что они встречаются около года. А с точки зрения нашей полиции, если есть такие давние отношения, то о каком изнасиловании может идти речь? Как сказал мне один полицейский, которого я расспрашивал об этом деле (он уже на пенсии, а тогда имел отношение к расследованию): «Ну вы бы еще сказали, что муж жену изнасиловал!». Это у нас очень распространена точка зрения. К тому же, у Татьяны ни больших денег не было, ни родственников. А вот Захар... Он сам занимался бизнесом, а его отец был заместителем

руководителя МЧС по Южанскому краю. Думаю, Вы понимаете, что это, скорее всего, означает: сын участвовал в «распиле» бюджета ведомства. Хотя подробностей его бизнеса я не исследовал (не стояло такой задачи), но на «Порше» он ездил.

Отец потерю переживал очень тяжело. Многие слышали, как он угрожал, что «эта стерва» каждый день своего срока будет вспоминать то, что она сделала и почему. Почему-то родители Захара эту Татьяну не восприняли с самого начала, когда они начали встречаться. К тому же, его дядя, брат отца, служит на достаточно высокой должности в управлении Федеральной службы исполнения наказаний, то есть «под ним» — колонии и следственные изоляторы. А отец Захара около года назад умер, видимо, так и не перенес утраты...

Следствие шло больше года, хотя не знаю, что там расследовать. Потом дело долго тянули в суде. Наконец, Татьяна получила свои пятнадцать лет, а вот дальше произошло нечто странное. Вместо того, чтобы этапировать в колонию, ее почему-то оставили в СИЗО Южанска, где она находилась во время следствия и суда, и для отбывания наказания. Якобы для хозяйственных работ, но это сделано в нарушение всего, что только можно было нарушить. Не знаю, зачем. Но, по моим данным, она там находится до сих пор.

Но ее история меня заинтересовала, и я «копнул» относительно этого Захара. Оказалось, что на него было целых три практически аналогичных заявления от женщин, с которыми он встречался. Очевидно, он был из тех, кто просто не может слышать «нет». Каждый раз описывали одно и то же. Отказ или, в одном случае, желание разорвать отношения, — вызвали ярость с избиением и попыткой изнасилования. Конечно, его ни разу не наказали, но интересно другое: во всех случаях Захар, или его отец, отомстил этим девушкам. Одна из них была актрисой в местном театре, ее уволили с работы. А, как Вы понимаете, Южанск — это не Москва, там театров немного, и другую работу она найти не смогла. Правда, ей как раз повезло, она как раз и оказалась в Москве, сейчас в сериалах снимается. Еще одну исключили из университета, что с ней потом стало, узнать не удалось. А третья вообще работала в полиции, и ее тоже уволили.

А это значит, что Татьяна могла говорить правду. Все могло происходить по такому сценарию и с ней.

Установочные данные на всех фигурантов и копия приговора в отношении Татьяны Ребро — в прикрепленных файлах. Добавляю ссылку на видео старого репортажа с участием Татьяны, посмотрите, как она выглядела до ареста.

По другим направлениям продолжаю работу.

С уважением,

Дмитрий Ратников.

Когда Марьям, прочитав письмо и просмотрев все прикрепленные файлы, посмотрев видео, подняла глаза от экрана ноутбука, выражение ее глаз был таким, какого Влад еще у нее не видел. Кажется, она поняла, что с кем-то могло произойти нечто гораздо худшее, чем пережила она сама. Настолько худшее, что именно осознание этого уже стало потрясением.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила она.

— Конечно. Это может означать одно...

— И эта Татьяна больше всего знает о том, кого, как и к чему там принуждают.

— Тут ты тоже права, — вынужден был признать Влад.

Тогда она задала еще один вопрос, таким тоном, как будто не знала, каким образом

сделать то, в необходимости чего она не сомневалась ни на минуту, что бы ни думал ее друг, или даже по хасанийским обычаям «владелец», — в этот момент ей было все равно:

— И как ее вытащить оттуда?

Влад отметил для себя, что это впервые Марьям разговаривает с ним таким тоном. Будто требует чего-то, разумеющегося само собой. Но, как ни странно, обрадовался этому. Это означало, считал он, что рана от истории в старой крепости начала заживать... И, поднявшись со стула, начав шагать по кухне, ответил:

— Вот еще и для того, чтобы обсудить это, я ехал так быстро.

Марьям, поднявшись, снова обняла его и сказала:

— Я в тебе и здесь не ошиблась... И все-таки — как?

Он улыбнулся.

— Есть два способа. Штурм СИЗО группой спецназовцев или коррупция. Ты за какой?

Марьям осталось только прыснуть со смеху.

— За мирный! — Но тут же она стала серьезной. — Но это такие деньги... Я так настояла, а деньги... твои...

— Рассматривай это, как инвестицию в наше расследование. А значит, и в нашу безопасность. Через Татьяну мы выйдем и на организацию, которая занимается этими делами, которая стоит за историей Златы — и всех остальных. Может быть, узнаем, чем именно она занимается еще. И, как ты понимаешь, деньги у нас есть. Надеюсь, Татьяна будет нам благодарна и, действительно, что-то интересное расскажет. Но проблема в том, что ни к кому просто так с этой проблемой на улице не подойдешь. К тому же, тут надо организовать сразу целую операцию. Мы не одни понимаем, сколько Татьяна знает. Если ее просто освободить, — хотя как, когда ее статья даже под УДО[1] или амнистию не подпадает? — могут убить прямо под дверью. Или даже до выхода на свободу «несчастный случай» устроить. К тому же... В Южанске мы никого не знаем. Кого-то знает наш частный детектив, но еще вопрос, захочет ли он участвовать в таком... А в Каластане... кому мы там можем доверять, если самые влиятельные люди пользуются услугами наших врагов, чтобы устраивать... семейное счастье своих детей?

Марьям задумалась, а потом сказала:

— Искандеру.

— При условии, — уточнил Влад, — что он захочет впутываться в это. Ты же понимаешь, что это выходит далеко за пределы работы моего помощника, на которую он согласился...

— Конечно. Но, если мы ему объясним, зачем нам это надо, а потом я его очень попрошу, — улыбнулась Марьям, — думаю, согласится. Но проблема в том, что... он один. Пусть даже еще этот детектив... Разве этого достаточно?

Ему оставалось только вздохнуть.

— Нет, но всех остальных им придется искать на месте. Ты знаешь, что такое «делегировать полномочия»? Вот нам и придется это сделать. Но давай сделаем так: я сейчас напишу Ратникову, у нас есть такой способ связи, при котором информацию практически невозможно перехватить. Пообещаю такие деньги, что ему... трудно будет отказаться. Да еще и участие в благородном деле, мне показалось по его письмам, что он остался немного романтиком... И, если он согласится, тогда уже будем подробно планировать нашу операцию. К тому же, к следователю СБУ надо сходить, кое-что рассказать, пусть с этой стороны тоже работают... — Влад зевнул, все же он проехал не одну

сотню километров. — А сейчас пора ложиться спать, тебе не кажется?

Взгляд черных глаз Марьям был серьезным.

— Если уснем...

Заснули они, конечно, далеко не сразу. А следующие дни почти полностью посвятили звонкам, письмам и переводам денег на биткойн-кошельки...

В восемнадцатой камере никогда ничего не менялось. Кроме обитательниц. Ни одна не оставалась здесь больше года (а большинство — исчезали куда-то гораздо раньше), — кроме Татьяны. И она знала, что так будет и впредь. Как сказал ей, уже здесь, в СИЗО, дядя Захара: «Ты получишь свои пятнадцать, отсидишь от звонка до звонка, и каждый день будешь думать: «Лучше бы я ему дала тогда!». А потом выйдешь, сколько тебе будет, под сорок? На вокзал пойдешь жить.»

Первой цели он достиг. Татьяна, действительно, каждый раз вспоминала... Но сегодня... Ее должны везти в суд. Зачем? Кому-то из прокуратуры спустили показатель по делам с новыми обстоятельствами? Или по каким-то причинам осужденного нельзя было держать в СИЗО, — относительно нее и так нарушили все, что можно, но Татьяна на видела смысла жаловаться, понимая, кому придется рассматривать эти жалобы, — и потому они инициировали пересмотр дела, чтобы она снова была подсудимой? Ходатайство прокурора о пересмотре дела ей вручили, но Татьяна почти не стала его читать. И потому, что за годы здесь заметно подсело зрение. И потому, что это не имело смысла: все равно в ее судьбе ничего не изменится. Ей это объяснили с самого начала.

На своей постели рыдала Ева. Девушка попала сюда недавно, — теперь их было пятеро; восемнадцатая редко была заполнена, но сейчас произошло именно так. Это была ее первая «отработка», ее только что втокнули обратно в камеру, — приближалось утро. За столько лет Татьяна изучила, как и что должно быть в тюрьме, и теперь понимала, какая колоссальная степень нарушений и коррупции здесь есть. Конечно, того, чем они занимались, чем их заставили заниматься, вообще не должно было быть. Но...

— Что случилось, Ева? — спросила она. — Тебя... избили? — Такое случалось, если «заказчику» из числа состоятельных заключенных не нравились «услуги». Не администрации же претензии предъявлять!

— Нет... Но это был он! Он... отсюда меня заказал! Потому что... сказал, если бы я тогда ему не отказала, он бы не напился и не побил полицию, и здесь бы не оказался. Он сказал... что теперь ему со мной спать — дело принципа! Поэтому... мне подбросили наркоту, чтобы я оказалась здесь, а он мог... Если уж его не выпустят... Сказал, лучше бы я этого не говорила, была бы на свободе, и он бы у меня был один! — Ева заплакала сильнее. — Ему развлечение, а мне всю жизнь...

Татьяна подумала, как утешить молодую девушку? Разве что сказать, что ко всему можно привыкнуть? Ей же удалось.

Послышался шум. Разносили еду. Если это можно было так назвать, но Татьяна давно не видела ничего другого. Родственников у нее не было, передачи приносить было некому. И у соседок — тоже. Кажется, сюда именно таких и отбирали, кроме того, что красивых. Исключением была Ева, у которой была мать, но и та жила не у Южанске. Татьяна точно не знала, где именно.

Баландер[2] смотрел в камеру через открытую «кормушку» на двери. В восемнадцатую доставляли еду всегда мужчины, и всегда — те, кто был на хорошем счету у администрации.

Возможно, им приходилось как-то бороться за это право. Понятно было, почему: нужно было, чтобы из восемнадцатой не просочилось просьб о помощи. Женщина могла бы захотеть помочь... К тому же, камера в старом здании находилась на отшибе от других в женском блоке, это не давало прислать сообщение... Не говоря уже о том, что не шло и речи, чтобы кто-то передал сюда мобильный телефон, которые находила охрана у других заключенных.

— Ну, что, девчонки, есть хотите? А показать что-то не хотите? — решил он воспользоваться своим положением. — Вот хоть ты, ветеран!

Татьяна знала, что ее так и называют здесь: Танька-ветеран. Оставалось только повернуться к нему и... поднять футболку.

— А вкусенького хотите? Ну тогда подойди, дай не только посмотреть...

Ей было все равно. Давно все равно. «Вкусенькое» было то, что немного не так отвратительно есть, но... хоть так. Тем более — для всех. В который раз она подумала: неужели не лучше было бы тогда не сопротивляться Захару..? Как раз за несколько дней до того она сделала свой первый репортаж-расследование и думала, что перед ней — будущее... В следующем году планировала купить машину, — теперь эти воспоминания были будто из другой жизни... Но только одно это...

— У тебя сегодня день рождения? — спросил баландер, убирая, наконец, руку. — Готовься праздновать!

Это означало, что на «отработку» вечером выведут именно ее, вне «графика». А потом... Год назад ее избили так, что выбили зуб. Два года назад — сломали палец. Каждый день рождение происходило что-то такое... Кажется, такие «подарки» — привет от отца и дяди Захара. Надо только подобрать того, кто будет именно сегодня, и намекнуть ему, что... можно.

Сегодня ей тридцать. Юбилей. Будет ли что-то... особенное? Зачем баландер сказал об этом? Чтобы она целый день представляла..? Татьяна думала об этом, доедая то, к чему бы никогда не притронулась на свободе.

Но сегодня она хотя бы не будет в камере весь день. Суд... Зачем все это? Поездка в автозаке[3], ожидание в тесной камере в суде, — заседание по ее делу было назначено не на самое утро.

Оно началось почти вовремя, правда, у Татьяны все равно не было часов. Дело рассматривали в закрытом режиме, так как, отметил судья, будут рассматриваться детали личной жизни. Так было и в прошлый раз, — никто не должен был присутствовать в зале, кому бы она могла рассказать... Прокурор сказал о новых обстоятельствах в деле, якобы кто-то раскопал предыдущие жалобы девушек Захара. Будто они не знали этого раньше! Это спектакль, думала она. Чтобы в день рождения... дать необоснованную надежду? Лишний раз поиздеваться? Они не знали, что надежды у нее давно не осталось. Татьяна не считала это грехом уныния, нет. Ей с самого начала все объяснили. Если не будет безосновательных надежд, то не будет и разочарования. Так легче. Впрочем, если прокурор просит об установлении каких-то новых обстоятельств в ее пользу, — она почти не слушала, — возражать было бы неразумно. Так подсказывали остатки логики, которые она сохранила, кажется, с тех времен, когда работала журналистом.

Судья, председательствовавший на этом процессе, на нее почти и не смотрел. Казалось, все решено заранее. Читать человеческие взгляды она научилась, еще когда брала интервью перед камерой, — когда же это было, в этой жизни или нет..? Что ж, неудивительно. С

судьей так и должно быть. Вообще-то не должно, но должно именно по ее делу. Вот он ушел в совещательную комнату. Татьяна присела на скамью в клетке для подсудимых. Какая разница..?

Суд вернулся в зал. И судья стал зачитывать, — оглашать, — определение. По вновь открывшимся обстоятельствам... Удовлетворить ходатайство прокурора... Переквалифицировать... Убийство при превышении пределов необходимой обороны... Что? Дело закрыть по закону об амнистии? Освободить из-под стражи в зале суда?!

Это точно о ней? Но вот охранник открывает дверь клетки и зовет ее выходить наружу. И теперь Татьяна стоит прямо в зале, на полу, уже свободная. А секретарь просит расписаться, что она получила копию определения суда. определения, по которому она может идти куда угодно.

Вот только... куда? Если у нее ни копейки денег, и нет ничего, кроме старой одежды на ней и постановления суда в руках, хорошо, секретарша хоть файл дала? Почему эта мелочь показалась ей важной.

А это кто? Только судья вышел из зала, в открытую дверь вошли две молодые женщины. — Татьяна? Вот и хорошо. Поехали с нами... в место, лучше этого.

Ей оставалось лишь механически переставлять ноги. Разум отказывался воспринимать, что она свободна идти, куда сама захочет, или куда приглашают эти две симпатичные особы, совсем не похожие на охранников в СИЗО.

— А... кто вы? — спросила она, когда они уже спустились с третьего этажа, где был зал судебных заседаний, на первый. Оставалось преодолеть только охрану на выходе из здания суда.

— Я — Настя, — сказала шатенка в светлом пальто. Затем показала на брюнетку в короткой кожаной куртке и длинной юбке. — А это — Альфия. Мы из благотворительного фонда, который помогает таким, как ты. Так что, — добавила Настя с улыбкой, — берем над тобой шефство!

Таким, как она, — это каким? Татьяна только хотела спросить (хотя на самом деле — какая сейчас разница?) — но в этот момент оказалась на лестнице, которая были уже... на улице. На свободе. Вдохнула вольный воздух — и чуть не упала, подвернув на ступеньке ногу, но Альфия, которая была на голову выше, успела подхватить ее.

— Осторожно! Нет, так не пойдет... Здесь недалеко идти, там нас машина ждет, но до нее надо прийти целыми! — с улыбкой сказала она, и Татьяна обратила внимание на легкий акцент. Хотя и по имени все было понятно. Они подошли к микроавтобусу, — такого Татьяна никогда не видела, а потому подумала, что это какая-то новая модель, выпущенная за последние пять лет. И тут же сама себе удивилась — как быстро вернулась привычка делать такие выводы! Настя потянула за ручку — дверь отъехала в сторону, и все трое оказались в салоне, на задних рядах сидений. Водитель, — Татьяна видела только его коротко стриженный затылок, — сразу тронулся. Теперь можно было спросить:

— А куда мы едем?

— Подальше отсюда, — ответила Альфия. — Если хочешь быть жива. Но все будет хорошо, если мы не ошибемся, а ты будешь нас слушать в ближайшие часы. Потом... будешь делать, что хочешь, и начинать свободную жизнь, а мы поможем. А сейчас — делай то, что говорим, хорошо?

— Хорошо. — Что она еще могла ответить? Эти две девушки считают, что ей угрожает какая-то опасность? А им самим? Зачем они пошли на это? Она потом расспросит. А пока

оставалось только смотреть в окно. — Это сон, или я, наконец, таки в дурдом..? — пробормотала Татьяна себе под нос, но Настя, сидевшая рядом, услышала.

— Почему ты так подумала?

— Потому что иначе я должна быть в камере. К тому же, я помню, что сегодня у меня день рождения. Еще и напомнили. Но он — зимой, а тут — снега нет, травка зеленеет...

Теперь засмеялись все, даже водитель, который до того не издал ни звука. Альфия объяснила:

— В этом году просто такая зима! Говорят — аномальная... Но снег ты еще увидишь... А что касается всего прочего — кто-то хотел, чтобы ты была в тюрьме, а кто-то — чтобы на свободе. Все остальное — давай потом, согласна?

— Хорошо, — повторила Татьяна. Микроавтобус остановился на какой-то улице, — кажется, она узнала это место.

— Выходом, — сказала Альфия. Дверца снова отъехала, и они втроем оказались на тротуаре. Микроавтобус сразу уехал, а Настя повела их в ближайший двор, где достала ключи, нажала на кнопку брелока, — и на «Ладе», стоявшей рядом, пискнула сигнализация. — Садитесь назад, и поедем потихоньку...

Татьяна заметила, что, сев за руль, Настя стала, кажется, спокойнее. И Альфия тоже. А через несколько минут машина выехала из Южанска. Почему-то Татьяне казалось, что ее повезут в родной Занайск, где была ее однокомнатная квартира, — если, конечно, ее еще кто-то не присвоил, и даже если нет — страшно подумать, в котором она сейчас состоянии. Но — крыша над головой. Только километров через сорок, взглянув на указатель у дороги, она поняла: машина направляется совсем в другом направлении. И едет Настя, кажется, быстрее, чем было разумно на «Ладе» и по такой дороге. Сама Татьяна, кажется, наконец поверила, что все это происходит на самом деле и именно с ней. А потому спросила:

— А все же... что произошло, и куда мы едем?

— Мы же говорили — подальше отсюда, — ответила Альфия, сидевшая рядом на заднем сиденье. — Пока вечером автозак вернется в СИЗО, там выяснится, что тебя освободили в зале суда... Они там с ума сойдут. Сразу перезвонят полковнику Недобоженко, твоему «другу». А что он сделает? Может и спецподразделение поднять. — Федеральная служба исполнения наказаний имела своих спецназовцев, в основном для подавления беспорядков в тюрьмах. Но если дать команду — они могут заниматься чем угодно... Все трое знали такие случаи, когда силовики занимались совсем не тем, что входило в их полномочия, Татьяна слышала о таком, еще когда работала журналистом, а сейчас память услужливо напомнила.... — Так что нам лучше быть к этому времени... уже не в Южанском крае. А полностью исчезнет опасность, когда мы окажемся на месте, но ехать нам долго...

— На месте? А где все-таки?

— В Каластане, — ответила Настя. Кажется, они с Альфией решили передавать эстафету в разговоре друг другу, Насте не мешало даже то, что она была за рулем. — Там находится наш фонд, там ты какое-то время поживешь... а потом решишь, что делать дальше.

У Татьяны множились вопросы, но она оглянулась — и увидела, что за ними движется черный джип с синими номерами.

— Разве это... не полиция? — показала она рукой. В голосе ее была тревога.

— Полиция. Но это наши, — успокоила Альфия. — Едут за нами... на случай чего. Формально у них была командировка в Ростов, а возвращаться решили через Южанск.

Бывает... Но, если кто-то попытается что-то сделать, они... просто ехали за нами и вмешались. По закону тебя задерживать нельзя, потому что освободили по решению суда, но они могут что-то сделать... совсем по беспределу. Вот на такой случай. А на этой машине поехали, потому что нам не надо привлекать внимания, а обычная полиция, которая ничего не знает, вряд ли станет останавливать «Ладу» с тремя девушками... Понимаешь?

Татьяна понимала, главным образом, то, что ради нее организовали целую операцию. Но не понимала, кому и зачем она нужна. Однако, пришла к выводу, что ей все объяснят. Когда придет время. А сейчас было не до того...

Выехав из Южанского края, — уже темнело, — через несколько километров они остановились возле кафе у дороги. Здесь было самообслуживание, — но главное, что Татьяне это показалось царским пиром после тюремной пищи, к которой привыкла за столько лет. Заплатила за всех Альфия, поднеся свой телефон к какому-то устройству у кассы. Сколько же всего изменилось в окружающем мире за пять с половиной лет! А в восемнадцатой камере даже телевизора не было (некому было его туда передать). Она наблюдала за окружающими, пытаясь заново привыкнуть к этому миру — и к свободным людям. И обращала внимание на взгляды, — многие, кажется, удивлялись ее виду в компании двух хорошо одетых женщин. Но это такие мелочи... Уже вернувшись к машине, — за руль этот раз села Альфия, а Настя рядом с ней, Татьяна вдруг поняла: скоро наступит время, когда обычно из восемнадцатой выводят на «отработку»! Которая для нее могло бы стать сегодня «юбилейной», что бы там ни приготовили, и чем бы это ни закончилось. А она уже далеко оттуда, и... ничего такого с ней не случится! И только поняв это, она беззвучно, — чтобы Настя с Альфией, сидевшие впереди, ничего не заметили, — расплакалась.

Несколькими часами позже полицейский, сидевший рядом с водителем джипа, достал телефон и набрал номер. Коротко с кем-то поговорив, он спрятал сотовый обратно в карман.

Закончив разговор, Искандер на этом же смартфоне открыл один из мессенджеров и написал сообщение.

Влад и Марьям сидели в гостиной дома на Печерске. Сегодня они сделали, как пошутил Влад, большое дело: наконец, обставили эту самую гостиную. Точнее, закончили это делать, — ремонт в этой части дома был закончен. Для чего им пришлось не один час провести в магазинах, но, наконец, все, что нужно, было доставлено и заняло свои места. Причем обоим удалось найти то, что удовлетворяло вкусы каждого... Что касалось ремонта, оставались, можно сказать, мелочи.

Но, вместо того, чтобы радоваться, они сидели в только что купленных креслах, стряхивая пепел от сигарет в стеклянную пепельницу на журнальном столике, и напряженно ждали.

Сигнал прозвучал на айфоне Марьям. Немного дрожащими пальцами она взяла аппарат и открыла сообщение.

— Наконец-то! Да... Проехали Минводы, все в порядке, погони нет. Ночью надеются быть на месте.

Влад облегченно вздохнул, не обратив внимания даже на то, что Искандер прислал сообщение именно сестре, а не ему. Именно Марьям пришлось долго уговаривать его принять участие в организации этой операции. Решающим аргументом стал рассказ о том,

через что пришлось пройти женщине, которую надо освободить из тюрьмы, хотя Искандер и не знал, зачем им это нужно. Но он быстро нашел все необходимые связи, — а деньги Влад выделил на это такие, что все формальности были завершены с беспрецедентной для российских прокуратуры и суда скоростью.

— Прекрасно! Думаю, все обойдется, как ты считаешь?

— Скорее всего. Представляю, как они взбесились, когда узнали!

Влад только рассмеялся.

— Хотел бы я посмотреть на лицо... и тех, в СИЗО, и господина полковника, когда он узнал... Думаю, они пытались ее перехватить. Но не знали, в какую машину девчата пересели, и уж никак не могли бы просчитать, что Татьяну повезут именно в Каластан! Пусть теперь думают...

— Да... Кстати... Я вспомнила, что у Татьяны сегодня день рождения. Из приговора помню, там дата рождения указана... Представляешь, какой подарок?

— Да, особенно, если она не догадывалась, — а так и должно было быть... Правда, весь день в дороге... Но все равно, представляю, какой это приятный сюрприз!

— Не представляешь, — сказала Марьям, которой одной ночи в неволе оказалось достаточно. И погасила сигарету. — Да лучше и не представлять. А мы... отпразднуем за них.

Татьяна все же увидела снег. Несколько часов она просто дремала на заднем сиденье, — сказало напряжение. А когда проснулась, то увидела по обе стороны дороги покрытые белым склоны. Это можно было видеть в лунном свете.

— Где мы? — спросила она.

Ответила Альфия, которая как раз сидела за рулем, они с Настей менялись несколько раз, чтобы ехать без длительных остановок.

— Почти на месте. Ты пропустила много красивого... Но еще увидишь. А сейчас мы свернули с трассы, и подъезжаем к базе.

— Базе?

— Базе отдыха. Мы там переночуем... а ты поживешь, наверно, пару недель. Отдохнешь и подумаешь, что делать дальше. А мы поможем.

— Даже не знаю, как вас благодарить...

— Не надо... Мы этим постоянно занимаемся. — Но вряд ли таким вывозом из опасности, мелькнуло в мозгу Татьяны. — А пока — тебя ждут разные приятности.

— Это какие?

— Комната с чистой постелью и горячим душем, во что переодеться, чтобы выбросить это тряпье, и бутылочка вина, которой мы все отпразднуем твое освобождение и день рождения. А потом отдых. Как тебе программа? — засмеялась Настя.

Едва ли не впервые в реальной жизни она увидела то, что привыкла воспринимать как литературный штамп или удачное выражение: «смех сквозь слезы». И подумала, что ради этого стоит тратить силы и время на свою благотворительную работу.

[1] Условно-досрочное освобождение.

[2] Заключение из числа выполняющих хозяйственные работы, который разносит по камерам еду (бланду).

[3] Автомобиль, предназначенный для перевозки заключенных.

17. Все сходится.

Служба безопасности оказала ему честь, подумал Влад. Сегодня с ним решил пообщаться не только следователь Дорошенко, — кабинет был другой, в нем присутствовали еще двое. Непонятно, кто именно был здесь хозяином, за письменный стол никто не сел, все расположились за приставным. К тому же, следователь сел рядом с ним, а двое других напротив. Они были старше Дорошенко, обоим, казалось, под пятьдесят. Юрий Гармашук, высокий и лысый, был начальником Дорошенко в следственном управлении. Виктор Плынный — старшим из оперативников, занимавшихся терактом у мечети, как это дело продолжали называть, каковы бы ни были версии. Он был ниже ростом, коренастый и выглядел именно так, как и должен оперативник: незаметно. Встретишь на улице — назавтра не узнаешь. В его взгляде ничего нельзя было прочесть. Влад таких людей встречал, и считал самыми опасными. Однако в данном случае, кажется, не для него.

— Только вы меня не завербовали, — улыбнулся он. — Я — потерпевший по делу, в котором у нас общие интересы.

— Если ваша версия подтвердится, — отметил Гармашук, и Влад понял, что версию убийства ради наследства полностью не отбросили. Но решил этого понимания не показывать.

— Какая бы версия в итоге ни подтвердилась... Главное все же — узнать правду.

— Но пока нам кажется, что вы правы, — сказал Плынный. — Мы проверили — действительно, есть такая... группа женщин среди арестованных в России или выданных туда, с такими признаками, о которых вы говорили. Мы вам очень благодарны.

— Но и это еще не все. Скажите, Ольга Бурсак вам кто? — спросил следователь.

— Бывшая жена, — не стал скрывать Влад.

— Мы так и думали... И, кажется, она каким-то образом в этом деле.

— Я тоже это подозревал, — кивнул Влад. — Но без доказательств... А почему так считаете вы?

— Потому что она, как выясняется, имела отношение к слишком большому количеству таких женщин. Именно тех, с которыми это произошло. Некоторые ходили к ней, как к психологу, некоторые работали в компаниях, которые она консультировала по взаимодействию сотрудников... И тому подобное. Не бывает таких совпадений. Скажите, она хороший психолог?

— Судя по тому, как манипулировала мной, — очень! — сказал Влад. Все рассмеялись. Обсуждались слишком серьезные темы, небольшая разрядка была необходима.

— Очень похоже, что она помогала подбирать... кандидатуры.

— А может, и не только это... — Гармашук пожал плечами. — Мы же не знаем, для чего это делают. Какова конечная цель. Мы даже не знаем, только ли с женщинами они так поступают. Благодаря вам, мы обнаружили только одну группу жертв, а если есть другие? Как можно... использовать людей? Женщин — для сексуальной эксплуатации, а если мужчин? Да хоть террористов из них готовить. Что для нашей страны, что для других. Хороший психолог может... определять, кто для чего годится, и какими методами каждого можно... побудить к сотрудничеству.

— А вы почему заподозрили свою бывшую? — спросил Плынный.

— Потому что... она оказалась в России. В Южанске. И сына туда вывезла. Кажется, ей очень нужно было там оказаться, она нарушила все договоренности. — Влад рассказал о трюке с несуществующим долгом по алиментам, который позволил вывезти ребенка за

границу без согласия отца. — И она понимала, что это значит для меня... Никогда у нее не было желания такое сделать, а тут... А в этой истории очень много связано как раз с Южанском. Вы уже, наверное, знаете, что у меня есть... свои источники в России. Собственно, сначала мне как раз и надо было найти, где оказалась Ольга, и узнать, в каких условиях живет сын. С этим проблем, кажется, нет... Но почему она поселилась именно там? Это было странно, Ольга всегда хотела жить в столице. Раз уж Россия — было бы логично, если бы это была Москва или хотя бы Питер. А тут... Получается, была причина. Я попросил узнать — и оказалось, что до этого в Южанске погиб известный психолог. Причем такой, который в тамошней полиции занимался профилированием, среди прочего.

— И какой вывод вы сделали? — поинтересовался Гармашук.

— Что эта организация базируется в Южанске, или, по крайней мере, это один из центров. В их деятельности важное место занимал убитый психолог, и его нужно было кем-то заменить. Если Оля работала для них здесь, в Украине, то... возможно, они убедили ее переехать туда, и занять место погибшего. Кстати, кажется, его убили во время обычного ограбления.

— Вы действительно хорошо информированный человек, — улыбнулся Полынный.

— Приходится. Люди, которые имеют деньги, вынуждены быть информированными, — ответил Влад. — А если меня что-то интересует, вот, например, как в истории Златы... Но я же делюсь с вами информацией, разве вы не довольны?

— Мы вам благодарны. Многое мы сами бы не узнали...

— Тогда сейчас узнаете еще кое-что. О методах работы этой организации. — Влад рассказал о восемнадцатой камере женского блока Южанского СИЗО. — И я знаю, по крайней мере, об одной гражданке Украины, которая прошла через нее. Правда, нет фамилии. Только имя — Тамара, — когда примерно там находилась, и что обвинялась в преступлении, связанном с наркотиками, скорее всего, в их перевозке.

— Мы попробуем... ее установить, но данных немного, — заметил следователь.

— Я понимаю... Но может случиться, что скоро я буду иметь источник информации, который сможет многое сообщить о тех, кто за эти годы восемнадцатую камеру прошел. В том числе и об украинках, если такие там еще были. Уверенности у меня еще нет, но очень надеюсь.

— Мы тоже будем с нетерпением ждать...

Просыпаться поздно — это роскошь, решила Татьяна. Чистая постель — это роскошь; вчера она, почувствовав это всем телом, едва преодолела желание еще и укунить подушку. Чтобы еще и этим чувством — убедиться... Умыться горячей водой — это роскошь. Надеть какие-то нормальные вещи, вместо того рванья, которое носила в камере... Ей даже все подобрали по размеру. Откуда они знали..? Только кроссовки новые немного жмут. Ничего, разносятся...

Вышла из комнаты и закрыла дверь, поймав себя на мысли — как это странно: самой держать в руках ключ. Как странно вообще спать одной в комнате... Это был небольшой коттедж на какой-то базе отдыха. Так сказали ей Настя и Альфия вчера. Вот небольшой холл с телевизором, — только подумать. Настя сидит в кресле с пультом в руках, — кажется, пульты за пять лет не изменились, — и механически переключает каналы.

— О, привет! Мы решили тебя не будить. Завтракать хочешь?

— Еще как! — И не придется заискивать перед баландером!

— Тогда пошли. Здесь столовая рядом, в соседнем здании. Вот такие талончики дают... Сейчас все покажу.

Столик в углу, покрытый скатертью. Возможность выбрать по талончику вариант меню. Даже теперь она не могла поверить, что она просто Татьяна Ребро, а не Танька-ветеран восемнадцатой камеры, со всеми вытекающими из этого последствиями. Что, в конце концов, после дня рождения у нее не только не сломана ни одна кость, но и нет синяков. И что сюда она пришла, дыша дивным горным воздухом, — база отдыха находилась в ущелье.

— Народу сейчас немного, да и те разошлись. Развлекаться... Эта база принадлежит одному местному банку, — пояснила Альфия, оказавшаяся рядом за столиком. Кажется, подумала Татьяна, девушки поднялись раньше, но не завтракали, ждали ее.

— А... кто оплатил все это?

— У нас договоренность с базой, они держат для нас этот коттеджик. Если, конечно, нет такого сезона, чтобы все было забито... Но в этом году почему-то людей немного. Не забивай голову, — посоветовала Настя. — Это самое малое, что мы можем сделать...

— А что дальше?

— Дальше — две недели у тебя точно есть. Поживешь здесь. За это время... Поможем сделать документы. А еще с врачами и всем остальным...

— Кажется, еще и с офтальмологом, — сказала Альфия, которая заметила, как Татьяна изучала меню. — А потом... с работой что-то придумаем.

— Зачем вы это... для меня делаете? — Татьяну удивляло это с самого начала.

— Мы не только для тебя это делаем. Это работа нашего фонда. И мы там не одни... С мужчинами работают мужчины, с женщинами — женщины. Правда, в основном мы помогаем освобожденным жителям Каластана, но разницы-то на самом деле нет. А что касается тебя... Ну, считай, что нас попросил один человек.

У Татьяны снова включилось логическое мышление, — казалось, когда вышла на свободу, кто-то переключил тумблер. Информации для анализа было мало, но она тут же сделала вывод: этот человек должен быть или очень влиятельным, или... очень богатым. Или и то, и другое. Однако если и влиятельным, то не в Южанске. Или, по крайней мере, казалось, что именно там, считал этот человек, ей, Татьяне, на свободе угрожает опасность. А в другом месте, в частности, Каластане, — нет. Почему? Надо разобраться, а пока спросить о другом.

— С работой? А... чем вы можете помочь, что я могу делать?

— А что ты умеешь? Ты же на телевидении работала? Так в Каластане местное тоже есть.

Сказать, что Татьяна была удивлена, — значило бы ничего не сказать. Ей бы предложили должность дворника, только дали бы какую-то комнату, — и то хорошо. Но телевидение? Неужели... можно все вернуть, хотя и на новом месте? К тому же, сегодня утром она смотрела на себя в зеркало...

— Разве ж меня сейчас можно выпускать перед камерой? — грустно улыбнулась.

— Ну, мы тебя приведем в порядок! А на первое время — будешь еще что-то делать, тексты редактировать и в телесуфлер вводить, гостей встречать-проводить... Если захочешь — работа всегда найдется. У нас тех, кто телевизионную «кухню» знает, всегда не хватало. Кто к нам захочет ехать работать? А своего факультета журналистики в Каластане нет...

— Неужели... мне так повезло? — подумала Татьяна, как выяснилось, вслух. Потому что Альфия ответила:

— Не может же человеку вечно не везти! Тебе-то — да, но там другие остались...

— Да...

— Расскажи о них.

Возможно, в этом и было дело? Но кому это может быть нужно, и почему из всех жительниц восемнадцатой потребовали вытащить на волю именно ее, Таньку-ветерана? Но на вопрос нужно было ответить.

— Кроме меня, там было четверо. Новенькая, Ева Анисимова. Лет двадцати пяти, она астролог...

— Что? — удивилась Настя.

— Да, у нее свой астросалон и магазин товаров по эзотерике. В Южанске, конечно. Она говорит, что ей подбросили наркотики, чтобы посадить именно в восемнадцатую... Заказали. Представьте себе, тот, кому она на свободе отказала, а теперь он сам сидит, считает, что из-за нее, и решил так отомстить, да и свое взять... Не знаю, кто он, Ева не называла имя...

— Но он должен знать о том, что там происходит, — заметила Альфия.

— Тем, кто имеет деньги на это, услужливо сообщают, — криво улыбнулась Татьяна. — Потом — Ярослава Костина. Она самая старшая из нас, тридцать четыре года. И единственная замужняя. Там такая история... У них с мужем турагентство было, потом дела пошли плохо, и они начали «кидать» клиентов. Наконец, за них взялись, но муж успел сбежать, а ее арестовали. И отправили в восемнадцатую, чтобы давить на мужа. Чтобы тот деньги вернул. Фотографии ему отправили... А он ответил, что, если Яська такое... сделала, то ему она больше не нужна. Неинтересна. И исчез со связи. По крайней мере, так ей передали, сказав, что она остается... Кажется, она имеет шанс задержаться в восемнадцатой. Как я. Потому что на нее кто-то очень зол... Галя Гапонюк. Она вообще с Украины, а арестовали ее, чтобы выдать туркам. В чем-то она там была замешана, а пока сидит здесь, отправили к нам, кто-то решил использовать... Ну, и Наталья Лобова, где-то в администрации работала, на взятке мелкой попалась. И ее тоже — к нам.

Настя, кажется, была шокирована рассказом настолько, что не могла произнести ни слова. Зато Альфия констатировала:

— Вот что значит — журналистка! Школа чувствуется. Подаешь основные факты, как и положено. Точно на телевидение надо! — Она считала, что Татьяну следует подбодрить. — А что, тех, кто... совершил обычные преступления, там нет?

— Ну вот я же была! А вообще, зачем им для восемнадцатой обычные уголовницы? Те... их сломать, заставить труднее, они порядки знают... К тому же, для того... как нас там используют, им... свеженькие нужны, с воли, и красивые. А обычные уголовницы по обычным камерам сидят... — Татьяне казалось, что у нее начинается шизофрения. Еще бы, сидеть в столовой базы отдыха в горах и обсуждать такие вещи! Бред какой-то. Но этот чай с пирожным, кажется, реальны! А Настя, казалось, немного пришла в себя и перевела разговор на будущую работу и на то, как в Чарахкале дешево снять квартиру. Альфия достала смартфон и стала незаметно, под столом, что-то набирать.

Искандер получил данные пленниц восемнадцатой камеры и сразу переслал их Владу. Чудеса современных средств связи! Тот сразу отправил данные о трех женщинах Дмитрию Ратникову с просьбой проверить их уголовные дела. А потом набрал номер Виктора Полынного.

— Это Влад Бурсак. Помните, мы говорили о наших из восемнадцатой? Так вот, об одной данные уже есть, причем она там прямо сейчас. Записывайте...

Продиктовал все необходимое и вернулся в кабинет в офисе «Нефтяных гор», где как раз обсуждал с программистами то, как же должно работать мобильное приложение для клиентов, которые выбирают мастера по ремонту или тех, кто может за плату выполнить домашнюю работу...

Марьям выехала из гаража и нажала кнопку, чтобы дистанционно закрыть ворота. У нее сегодня было много дел, и откладывать их было нельзя. К тому же, подумала она, Влад считает, что прямо сейчас опасность невелика. А она сочетает полезное с приятным. — с ездой на «Мазерати».

Наконец, она завершила увольнение из суда, и теперь трудовая книжка лежала в сумочке. Той самой, «Валентино», которую вернули после закрытия дела, и которая ей нравилась, несмотря ни на что. Она зашла попрощаться, — судья, с которой Марьям работала, сказала, что сожалеет, но ее понимает. А потом забежала к едва ли не единственной подруге здесь, — та как раз имела десять свободных минут, чтобы перекинуться парой слов. Конечно, общаться можно было и вне суда, и они договорились не терять связи. И была еще одна тема для разговора...

Затем она поехала в городское следственное управление. Там встретилась с Григорием Михайловичем, и они пошли на допрос к следователю, — уже не Канису, а новому, по делу о заведомо ложном доносе, где Марьям была признана потерпевшей. Хотя, казалось бы, что нового она может сообщить?

Оказалось, что больше хочет пообщаться как раз следователь.

— Ваша заявительница, оказывается, — еще та штука. На нее несколько заявлений за мошенничество, причем одно из них было как раз в производстве Каниса.

— Чем же она занималась? — спросил Фертель. Марьям отметила, как сформулировал вопрос опытный адвокат: как если бы говорил об обычном бизнес. «Чем она занимается? Производством бумажных упаковок?». Что-то такое. С чем он только не сталкивался в своей работе... А следователь ответил:

— Квартирами. У пенсионеров, алкашей... Конечно, она не одна, но кое-где «засветилась» со своими документами. Мы, вообще, когда это выяснилось, хотели, если такая оказия, всю эту группу раскрутить. Но она что-то, видимо, заподозрила, особенно, когда уволили Каниса. И сбежала.

— А куда? — поинтересовался адвокат.

— В Россию, скорее всего. У нее сестра в Занайске, — сказал следователь. А Марьям важнее было другое:

— Каниса уволили?

— Уволили. Даже переводить не стали. — Этот новый следователь, кажется, испытывал к ней симпатию. — Я еще и потому вас пригласил, чтобы рассказать, что она сбежала... Соответственно, мы ее в розыск объявляем, в Россию документы на экстрадицию подаем, но — сами понимаете... Пока дело наше приостанавливаем, в связи с розыском. Это я вам рассказываю, чтобы вы пока жалобы на несоблюдение сроков ни писали...

И Марьям, которая совсем недолго проработала в суде, и, тем более, Григорий Фертель, сразу поняли, зачем следователь это делает. Дел у него много, возможно, несколько сот. Уж точно — десятки. Времени не хватает катастрофически. Сроки затягивались, потерпевшие

часто на это жаловались, а следователю такие жалобы — лишняя головная боль. Когда подозреваемый в розыске, сделать по делу, скорее всего, он ничего не сможет. По крайней мере, пока. Можно заняться другими делами... А тут потерпевшая — сама юрист, да еще и адвокат у нее — один из лучших, могут задать хлопот, тем более, на заявительницу она, действительно, зла, и ее можно понять. На Каниса тоже, вон, как радуется, что в того уволили, но сожалеет, что этим и ограничилось. Лучше им сразу объяснить ситуацию, чтобы не было жалоб.

— Хорошо, но, если ее все-таки выдадут, или хотя бы там арестуют, чтобы потом выдать, — сообщите нам, хорошо? И вообще, если что-то продвинется... — сказала Марьям, и следователь убедился, что все сделал правильно, с этой потерпевшей можно договориться.

— Это я вам обещаю.

Как всегда в центре, парковаться пришлось далеко от места назначения, и они с адвокатом успели поговорить по дороге к своим машинам.

— А сейчас ты куда? — спросил Фертель.

— Да к еще одному следователю. На Печерск. Какой-то день следователей! — пошутила Марьям.

— Моя помощь не нужна?

— Нет. У него два дела, — даже не знаю, по какому вызывает, — но в обоих я с самого начала потерпевшая. И там и нет ничего такого... Справлюсь.

— Ну, как знаешь, — сказал Фертель, открыв дверцу своего «Мерседеса» и помещая портфель на заднее сиденье. — Если что — свисти! Ради вас с Владом — хоть звезду с неба!

Идя к «Мазерати», стоявшей чуть дальше, Марьям думала о том, что друг Влада уже воспринимает их как единое целое. Приятно... А через полчаса уже сидела в кабинете следователя Печерского райуправления. И спрашивала:

— И что у нас сегодня?

— Ознакомление, — ответил тот.

— По делу «активистов»? — догадалась она, потому что следователь вел еще и дело о покушении на нее, о взрыве гранаты, но там результатов расследования еще не было, а знакомят потерпевшего, — и подозреваемых, конечно, вместе с адвокатами, — с материалами дела, когда расследование уже закончено и следователь готов передавать его в суд.

— Да, по «хулиганке». А чего тянуть? Там понятно все. Показывал материалы прокурору, он сказал, что подпишет обвинительный акт... Вот только мне еще друга вашего нужно будет видеть. Вы можете ему позвонить?

— Сейчас... У него, наверно, со временем не очень... — Марьям достала из сумочки айфон. — Привет, это я... У следователя сейчас, на Печерске. По «активистам». Да, уже двести девяностая. — Статья 290 Уголовного процессуального кодекса как раз и предусматривает то самое открытие материалов уголовного производства участникам процесса. Юристы привыкли называть этот процесс просто по номеру статьи. — Он тебя хочет видеть... Хорошо, я передам, если так и сделаем, ты его потом наберешь..? — Она разорвала связь, и обратилась уже к следователю. — Влад сказал, если вы мне дадите все переснять, я ему на почту скину, а он потом заедет на пять минут, протокол подпишет... Так всем проще, раз я уже здесь, правда?

— Хорошо, давайте так и сделаем.

Однако Марьям не только фотографировала, но и вчитывалась в материалы. Хотя,

действительно, особенно расследовать там было нечего, все события были абсолютно понятны и ей, и следователю, будут понятны и судье, вот только интересно было, что телескопическую дубинку эксперт все же признал холодным оружием. А потому ее неудачливому «поклоннику» инкриминировали еще одну статью Уголовного кодекса. Марьям пыталась понять, жалко ли ей этого типа хотя бы немного, — и не находила ответа, но точно знала, что от Влада, с его-то отношением ко всякого рода «активистов», и когда обидеть хотели ее, — они сочувствия не дождутся! И вообще, его лучше не злить... Да и попрактиковаться в суде он случае не упустит. Интересно будет посмотреть... И снова набрала его номер.

— Ну, все получил?

Да, просмотрю, и потом к следователю заеду. А ты можешь сейчас сюда подскочить?

— В офис? Конечно, я теперь — вольная птица!

— Трудовую получила? Ну и хорошо. Так что лети сюда, только не слишком быстро!

— Лечу! — сказала она, садясь за руль «Мазерати».

И вскоре уже входила в кабинет, где ждал Влад (через проходную ее провел менеджер по имени Евгений). Первое впечатление у нее было, что, хотя она сама курит, но здесь, кажется, можно вешать топор, причем он еще и всплывет к потолку в такой атмосфере. Обсуждение явно шло уже давно. Влад представил ее:

— Это тоже человек из нашей команды! Марьям. Пока она переводит все, что нам нужно, на турецкий. А потом, когда будем расширять базу пользователей, возможно, и до чеченского языка дойдем... Итак, я тебя попросил приехать, чтобы с остальными познакомиться, и чтобы ты понимала, что именно от нашего продукта требуется... Может, и идеи у тебя будут!

Марьям не замечала, что целый день за ней ездят два автомобиля. У их водителей была одновременно простая и сложная задача. Простая потому, что «Мазерати» выделялась в уличном потоке. Сложная, потому что она, как говорил Влад, «дорвавшись» до мощной машины, ездил не просто быстро, но резко, меняя полосы движения, маневрируя и опережая общий поток. Не отстать на малолитражках, имевших в три раза меньшую мощность, было трудно, а следить незаметно — почти невозможно, облегчало задачу лишь то, что «объект», кажется, вообще не обращала внимание, едет кто-то за ней или нет. И теперь пассажир одной из машин достал телефон:

— Да, она приехала на работу к своему... Зашла внутрь, ее кто-то провел. Кажется, здесь хорошее место. Тогда ждем...

Влад парковал «Рейндж Ровер» во внутреннем дворе офисного здания. У Марьям не было пропуска туда на «Мазерати», поэтому она оставила машину на улице перед входом, — там была небольшая парковка. Потом Влад сам не мог бы сказать, почему решил проводить подружку к машине.

— Они вдвоем вышли, — сказал мужчина по телефону.

— Черт побери... Придется работать грубо. Вариант два — отдал команду старший.

— Ну вот, теперь ты увидела, чем мы тут занимаемся... кроме продажи бензина.

— Да не только увидела. Надо же окна хоть иногда открывать, — сказала она, выходя на

улицу.

— Может, ты и права... Но в нашей команде все — курильщики. Так получилось. Был бы кто-то некурящий, мы бы так не делали... Есть идеи?

— Я... еще подумаю. Но я все-таки всего лишь юрист, не забывай, — она улыбнулась.

— А меня интересует, кроме прочего, что бы ты от такой программы хотела получить, как потребитель? Ты же недавно руководила всем строительством... и продолжаешь, кстати. Мне тут еще в пару мест надо. А ты куда сейчас? — Влад достал из кармана смартфон, чтобы сделать звонок, как только она сядет за руль.

— Домой, — ответила она, подходя к машине. — Только заправиться надо по дороге... Кто это?

Из-за угла появилась группа мужчин, — Влад сразу посчитал: шестеро. Те бежали к ним, и намерения у них не были добрыми, если судить по тому, что двое держали в руках биты.

— Беги! — крикнул Влад. А сам занял позицию между Марьям и потенциальными нападающими. Прежде, чем один из них ударом ноги выбил у него смартфон, он успел нажать «тревожную» кнопку приложения, которое помогло недавно, в случае с «активистами». Сразу он подумал, что теперь будет хуже: даже когда придет наряд, численное преимущество будет у нападающих, которые, к тому же, кажется, подготовлены. Один даже выше него. А потом включился тот самый «режим берсерка»... Тут уж не до того, чтобы не покалечить. Первого, того, кто выбил телефон, Влад сбил с ног, со вторым, меньшего роста, столкнулся, «поднырнув» под биту. Но еще один бросился на него сзади. Он услышал крик Марьям: «Нож!», но повернуться не успел, спереди были еще трое. Почему она не убежала, черт побери?! Тут же он почувствовал, как кто-то бросился на него сзади, но ножа, — если Марьям верно все увидела, — в ход не пустил. Того, сзади пришлось ударить локтем, но он не отставал. Но вдруг вскрикнул и отцепился, однако, пока Влад отвлекся на него, кто-то из тех, что спереди, сделал подсечку, и он оказался на асфальте. Это — конец..?

Боковым зрением он увидел одного из нападавших, того, что был сзади, в коричневой куртке и балаклаве. Это, кажется, о нем Марьям крикнула, что у него нож, а теперь она висела на нем, пытаясь задушить, — или что там она хочет сделать..? Только этого и не хватало! Тут он сам получил ощутимый удар по ребрам, а еще один из нападавших наступил ему на колено. Боль была адская, казалось, Влад сейчас потеряет сознание, но тут увидел, что у того, который только сделал это, в руке пистолет. Но целится тот не у него, а в Марьям, которая повисла на нападавшем в куртке, — хотя что она с ним сделает, если тот весит больше в полтора раза? А вот выстрела допустить было нельзя, и Влад подсек здоровой ногой ноги мужчины с оружием. Тот упал рядом с ним, но пистолета не выпустил. Выстрел все же прозвучал, но пуля прошла мимо.

А потом одновременно из офиса «Нефтяных гор» выбежали двое охранников с дубинками, а с улицы подлетела машина охранной компании. Теперь силы были равны хотя бы количественно, хотя ни у тех, ни у других огнестрельного оружия не было.

Но нападавшие явно не собирались вступать в долгую драку. Тот, что боролся с Марьям, наконец, сбросил ее с себя, — она упала на газон рядом, — и что-то крикнул. Один из охранников «Нефтяных гор» как раз подбежал к месту схватки, занес дубинку над ближайшим из нападавших, — отчаянный поступок, — но тот, у которого был пистолет, обернулся и выстрелил ему в ногу. Охранник упал, а стрелок снова вернулся в сторону Марьям, Влад еще раз ударил его по ноге, и выстрел снова ушел «в молоко». Второй

охранник, кажется, немного приостановился, но водитель охранной фирмы направил машину прямо в нападавших, и те ретировались за угол дома, через бордюры и газоны, куда охранники проехать машиной не могли. А преследовать нападавших не стали, — это и не их дело. Они должны защитить своего клиента, в данном случае — Влада. Старший наряда узнал его по фотографии, которая высветилась на его планшете.

— Вы в порядке?

— Кажется, не очень. Встать не могу. Что с девушкой?

Но Марьям встала сама и уже подбежала.

— Ты живой?

— Вроде ды. Только ногу, кажется, сломали... Сволочи! А ты как?!

— Да нормально вроде...

— Скорую вызвать? — спросил охранник.

— Частную... Можете дать мне телефон? Вот туда отлетел...

На телефоне разбился экран, но он работал, и Влад позвонил по номеру частной клиники, вызвав две машины скорой помощи.

Полиция, как это часто бывает, приехала на место последней, не застав там ни раненых, ни Марьям, которая помчалась за машиной скорой на «Мазерати», — остались только пятна крови, охранник «Нефтяных гор», который не пострадал, экипаж охранной фирмы, — их просил оставить свои данные полиции сам Влад, — и пятно крови на асфальте...

18. Предел понимания.

— Одноэтажный дом надо было покупать! — проворчал Влад. В частной клинике ему выдали не то трость, не то костыль, — он не знал, как правильно это назвать, с рукояткой и подставкой, которая давала опору для предплечья. Ходить так было можно, но подниматься и спускаться по лестнице было тем еще удовольствием. Однако Марьям уже привыкла к тому, что в подобные моменты у него прорывается чувство черного юмора. И ответила:

— Знал бы, что будешь хромать, — соломки бы подстелил!

— Вот тебе, кстати, разница: если бы в государственную больницу поехали, то за этой палочкой тебе пришлось бы меня везти самой. А тут все дали на месте. Не говоря уже о качестве...

Перелома ноги, к счастью, у него не было. Зато была травма связок, как объяснил врач, неприятная и такая, которая может вывести из строя примерно на тот же срок. Влад же в ответ напомнил проо адмирала Исакова, который, когда врачи сказали, что после ранения ногу спасти не удастся, сказал: «Спасите мне голову!». После чего служил на флоте еще много лет. Марьям, стоявшая рядом, сказала тогда, что не хочет о таком даже слышать, но он считал, что тоже работает головой... А теперь они сидели в гостиной, в удобных креслах. После того, как врачи установили, что же у него с ногой, и наложили жесткую повязку, как назвал это сам Влад, — каким бы ни был научный медицинский термин, — он не пожелал оставаться в палате, и Марьям привезла его домой.

А теперь, утром, можно было поговорить и о серьезных вещах.

— Вот скажи, зачем ты на него кинулась? Я же тебе кричал: беги оттуда!

Марьям посмотрела на него, как на умалишенного.

— Как я могла тебя там бросить? Что бы со мной было после этого..?

Она имеет в виду, что не может без него жить? Если так, то это, конечно, приятно, но... Или все же — традицию хасанийцев, и боится, что ее все-таки убьют, если его не будет рядом по какой бы то ни было причине? Но не сейчас же выяснять это... Были более важные

вещи, которые ннужо было обсудить.

— А почему ты думаешь, что им именно я был нужен? — спросил Влад.

— А кто же? — в голосе Марьям было искреннее удивление. — Не я же... Кому я нужна?

— Ты забываешь о взрыве... К тому же, как ты видишь, я жив, хотя меня сбили с ног. И ничего им не мешало добить. Хоть, вместо того, чтобы наступить на колено, — ударить по голове. Хоть застрелить. Но в меня не выстрелили ни разу, а вот в тебя — дважды. К счастью, не попали...

— Потому что ты ему помешал...

— Сделал, что мог. Потом он попал в охранника...

— И ты ему оплатил скорую...

— И лечение оплачу тоже. Он, в конце концов, из-за нас пострадал, как и Сергей... Хотя на улице не был обязан нам помогать. Его зона ответственности — только здание... Но дело не в этом. Полиция, конечно, не поверит. Но мне так кажется, что убить хотели именно тебя. Снова. Другой причины, почему меня не застрелили, я не вижу.

— Но все это было... как-то так неуклюже!

Влад задумался. Она была права. Нападение было организовано непрофессионально. Или так только должно было казаться?

— У меня не было времени задумываться, лежа на земле, — улыбнулся он. — А тебе, возможно, со стороны было виднее. Но этому есть два объяснения. Во-первых, возможно, они думали, что ты подойдешь к машине одна. Тогда бы все прошло проще... и выглядело бы, как обычное ограбление. Кстати, это тоже аргумент, что ждали именно тебя. Моя-то машина — внутри... Если бы я не вышел тебя проводить — вообще бы там не появился, а рассчитывать на это они не могли. А во-вторых, это могло быть так и задумано... чтобы выглядело, как нападение тупых преступников, посягнувших на твою сумочку. Может быть, они бы и машину угнали... Для вида. Но охотились они именно за тобой. Собственно, я же говорил, что может быть новая попытка... Но не думал, что так скоро.

— И что мы будем делать? — спросила Марьям.

— Думать и действовать... Как всегда. Сегодня мы должны еще несколько мест объехать...

— Но ты не сможешь сесть за руль. Я тебя отвезу...

— Хотя бы на левую ногу наступили, можно было бы на машине с «автоматом» ездить! — снова грустно улыбнулся Влад. Для управления автомобилем с автоматической коробкой передач левая нога не нужна. Но это у него снова пробился наружу черный юмор. А потом тон Влада стал серьезным. — Нет, об этом и речи быть не может. Я вызову машину с водителем и охраной, в «Нефтяных горах» есть. Они мне предлагали, теперь придется воспользоваться...

— А... мне что делать? Здесь оставишь?

— Если хочешь, поехали со мной. — Он пожал плечами. — Надо подумать, чтобы здесь охрана тоже была. Пока все это не закончится. — Влад снова улыбнулся. — Ног у меня всего две, на много нападений не хватит, а ты — вообще одна!

— Как ты можешь еще шутить... А потом что?

— А потом — летим в Каластан. Разгадка этой истории где-то там. И паспорт у тебя уже есть...

У Марьям эта идея не вызвала энтузиазма.

— Ты... потащишь меня туда? Будешь настаивать?

— Нет, постараюсь убедить. — Влад улыбнулся. — На самом деле, я прекрасно понимаю, что ты не очень хочешь туда ехать. Плохие воспоминания, и все такое... Но, во-первых, ты мне там будешь нужна. Очень. Вот, например, посмотри: надо будет встретиться с этой нашей освобожденной пленницей. Многое надо выяснить у нее лично, ни Ратников, ни Искандер тут мне не помогут. И взгляда в глаза ничто не заменит. А если я один к ней приду, что она подумает обо мне, и о том, зачем это мне надо..? Что она вообще о мужчинах сейчас думает, можешь себе представить? А если мы будем вместе... Да и подскажешь мне что-то. И еще много чего подобного. Возможно, придется и за руль там сесть, так что права возьми с собой. Я ведь даже этого сейчас не могу... Но самое главное в другом. Я тебя здесь не оставлю... Тут тебя таки убьют одну, раз уж не отступились. А я ничего не смогу сделать. А вот если мы будем вместе... Да и охрану там обеспечить проще будет. Я думаю, ты жить все-таки хочешь..? Так как, убедил?

— Ты говоришь — воспоминания... — Марьям заговорила быстро, как бывало, когда она волнуется. — Но не только воспоминания... Здесь я чувствую себя свободной, понимаешь? А там, если ты останешься дома, а меня попросишь хотя бы в магазин съездить, все... потому что они меня узнают... там все знают всех, и все помнят все... будут говорить: какой у нее хороший хозяин, позволяет самой на улицу выйти, да еще и за руль сесть... Но если ты так говоришь, если я тебе там, действительно, так нужна, — я поеду.

— Потому, что... ты думаешь, я тебе приказываю?

— Нет. — Ее глаза подозрительно заблестели, неужели, подумал Влад, это слезы? — Потому что я понимаю: ты мне не приказывает, а убеждаешь!

Виктор Полынный пришел на этот раз в кабинет следователя Дорошенко. И удивился, увидев там не только Владлена Бурсака, но и незнакомую девушку. Тот представил их с Марьям друг другу, объяснив, что она «тоже человек из Каластана».

— И что?

— А то, что ее уже несколько раз пытались убить. Не говоря уже о том, что подставить... — Влад рассказал всю историю, начиная с нападения «активистов», но ни словом не обмолвившись о старой крепости. — И все это началось именно после того, как мы вернулись из Каластана.

Для обоих сотрудников СБУ было очевидным, каковы отношения Влада с этой девушкой, но, вообще-то, им не было до этого дела.

— И что вы хотите от нас? Чтобы мы забрали к себе все эти дела?

— Нет. Тем более, первое уже направляют в суд, — пояснил Влад. — То, которое о нападении на дороге. К тому же, я понимаю, что формально оснований для этого нет. Но, если вы немного полицейским... неформально поможете, а заодно — подтолкнете... По тому делу, о взрыве гранаты, они хоть что-то делают. Но никого не найдут, конечно... Но экспертизы назначили, машину у нашего строителя на неопределенный срок забрали... А по нападению, произошедшему вчера, — следователь со мной даже еще не связывался. И с Марьям тоже. Хотя мои данные им точно известны, они же имели дело со службой безопасности нашей компании. Даже записи камер наблюдения не изъяли, хотя эти камеры «смотрят» прямо на место происшествия. Я, конечно, распорядился записи сохранить, а если бы это не была моя компания, и я не мог бы этого сделать? Им, кажется, плевать, но мне — нет. И вряд ли я смогу сам... заставить их работать. А это нападение — действительно, часть

чего-то большего. Но для полиции — просто обычная уличная драка, возможно, попытка разбойного нападения...

— А вы считаете, что нет? — спросил следователь.

— Учитывая все, что было раньше? Конечно, нет! Учитывая, что в первый раз Марьям пытались убить именно так, как убили Злату. Учитывая, что, если Злату убили намеренно, то это было замаскировано под теракт, а вчерашнее нападение было замаскировано под обычный разбой или хулиганство...

Полынный задумался, а потом сказал:

— Но может быть и другая версия. И покойная Злата, и присутствующая здесь госпожа Марьям[1] связаны не только с Каластаном, но и с вами, Владлен Юрьевич, тоже.

Влад поморщился.

— Думал я об этом... Но тут вот в чем дело: Злату я при жизни не знал, не подозревал о ее существовании. То есть, формально связь со мной была, а на практике — нет. Какой смысл ее из-за этого убивать..? А что до Марьям, — когда ее пытались посадить, то ничего не знали о ней. Даже о том, что во время отпуска она ездила в Россию. Тем более — не знали обо мне... Нет, это тоже связано с чем-то другим. Но пока я не знаю, с чем.

— Но будете узнавать?

— А разве у меня есть выбор? — мрачно улыбнулся Влад. А у следователя был свой интерес, и он обратился к Марьям:

— А под протокол показания обо всем этом дать сможете?

— Почему бы и нет? — пожала она плечами. А Полынный, между тем, продолжал разговор с Владом:

— Кстати, насчет вашей бывшей жены мы таки нашли доказательства по делу о торговле людьми. Она совсем не такая умная, как считала... Будем подавать в Россию запрос на экстрадицию. Вы говорили, она теперь живет в Южанске?

— А разве Россия кого-то нам сейчас выдает? — удивился Влад. — Тем более — по запросу не полиции, а вашей службы. — А сам подумал: эх, Оля, ну зачем тебе было связываться в это? И так же зарабатывала неплохо, а может, здесь что-то еще?

— Как ни странно — выдают, если это касается не «политических» дел, а обычного криминала.

— Тогда у меня будет к вам просьба. Когда человека задерживают по запросу об экстрадиции, сразу сообщают инициатору розыска, верно? Пожалуйста, сразу позвоните мне. Надо забрать сына, не оставлять же его там в детдоме, или куда они его отправят...

— Я вас понял. Сделаем... А сыну сколько лет?

— Одиннадцать.

— Он вам сам не позвонит? — поинтересовался Полынный.

— Он бы с радостью. Но есть ли у него номер..? Оля всегда... препятствовала нашему общению. А российского номера тем больше у него быть не может. Да есть ли и у него вообще телефон..? Вы же понимаете... — Теперь в голосе Влада можно было различить грусть.

— Очень хорошо понимаю. — Возможно, у него такая же бывшая, подумал Влад. — Хорошо, это мы сделаем, но... надеемся, вы не будете ее предупреждать.

— Чтобы она исчезла вместе с сыном, и я никогда его не увидел? — улыбнулся Влад. — И не смогла рассказать, что же происходит в этом деле? Не надо считать меня дураком!

Марьям, которая краем уха слышала этот разговор, различила в его интонации то, чего

не понял оперативник. Что, одновременно с тем, как формулировал мысль, Влад вынужден был делать выбор. Выбор сложный, но такой, решила она, перед которым его поставила сама Ольга. Перед выбором насчет того, перед кем у него больше обязательств, учитывая возможные последствия. Но, считала она, именно Ольга создала такую ситуацию, а что до Влада — она понимала: сделав этот выбор и приняв решение, он будет его выполнять, и пойдет до конца. Марьям уже убедилась, что это — одна из основных черт его характера. Убедилась, начиная с той самой крепости...

— Привет, Ромчик! — сказал Влад. Они позвонили в дверь квартиры в элитном доме на Оболони. Роман Павлов был дома один и, кажется, только что откуда-то вернулся, потому что переодеться не успел. Влад решил пойти на риск и заехать без звонка.

— О, привет, заходите! — На Марьям хозяин посмотрел с интересом. Провел в комнату и предложил садиться. Гости сели в кресла, сам Роман — на диван напротив, и, кажется, ждал продолжения. — Что это с тобой?

— Мы мимо проезжали, — сказал Влад. — Вот я и решил заехать, дело одно обсудить. Заодно тебя с Марьям познакомить. — Его взгляд стал колючим. — И спросить, зачем ты ее пытался убить?! Только не отрицай. Я тебя прямо этой палкой палкой... — Он поднял свою трость или костыль. — Да, кстати, если у тебя тут что-то огнестрельное есть... Наша смерть тебе не поможет. В случае чего — заявление оставлено в надежном месте. Так что молись, чтобы ни со мной ничего не случилось, ни с ее головы волос не упал...

Марьям молчала, — она не знала, ни кто такой вообще Роман, ни почему Влад пришел к выводу, что за покушениями стоял именно этот человек. К тому же, самого Влада она еще не видела в таком состоянии. Ни в истории с «активистами», ни, когда он рассказывал про «собачьего следователя», ни во время драки. Кажется, он превратился в сплошную ярость. Насколько это была игра? До сих пор он был спокоен... Или увидел лицо того, кого считал другом, а тот оказался..? Или просто умел себя контролировать до такой степени, чтобы раньше ничего не было заметно? Или это вопрос о палке, заданный невиновным тоном, так разозлил?

А хозяин не выдержал его взгляда.

— Простите... — Это явно относилось к обоим. — Я сразу отказался, когда...

— Когда что?

— Когда понял, что это — твоя подруга!

— А до того, значит, не возражаешь, что это ты?

— Какая теперь разница... — Роман опустил глаза. Понятно было, что многолетней дружбе пришел конец. — Как ты узнал, можешь объяснить?

— Помнишь, в ангаре я тебе сказал, что дал подруге покататься «Мазерати Кватропорте»? Ты на меня посмотрел тогда... странно. Зная, что именно на такой катается твой «объект», а молодых женщин на «Мазерати» вообще немного. Думаю, кто-то за Марьям следил, и доложили, на чем она ездит... А потом мне пришла та СМСка... К тому же, у кого полно связей среди бандитов, еще со времен отца? Тебе такое организовать — легче легкого. Все сложилось. Но я решил... дать тебе шанс. Если бы не то, что произошло вчера... Уже когда ты понял...

— А что случилось? Вчера — это не я! — почти закричал Роман.

— Вот это и произошло. — Влад постучал палкой по полу. — Нас чуть не убили. Если это не ты — говори, кто заказчик! Тебе самому это не надо было. И вообще, зачем ты этим

занимаешься, денег мало?!

— Чтобы хоть чем-то заниматься... Это же невозможно — вообще ничего не делать. — Роман сказал это с грустью. — Достало все... А тут как-то спросили, нет ли у меня связей. Конечно, есть... А потом понеслось... Только я ничего не организовывал. Я только посредник, — пояснил он. — Процент небольшой, но... для меня дело не в деньгах, ты понимаешь. А когда я понял, что это касается тебя... то отказался дальше работать по этому заказу. Как ты правильно догадался, СМС скинул, чтобы предупредить...

— Добрый какой! — иронически сказал Влад. — Ну, а заказчик кто?

— Понятия не имею! Он со мной связывался через мессенджеры, но по голосовой связи. Так труднее перехватить звонок, а письменных следов не остается, — пояснил Роман. Казалось, у него был большой опыт таких переговоров.

— Как он разговаривал?

— На русском. — Роман пожал плечами. — Вроде без акцента. Но не знаю, он из Украины, из России, или находится где-то еще. Номер телефона — это продается такая карта для путешествий, какой-то балтийский оператор, кажется...

— Давай номер, — потребовал Влад. Роман протянул руку, взял свой смартфон и что-то сделал, а потом показал цифры на экране. Влад записал все это, — его собственный телефон после вчерашних приключений мог «похвастаться» разбитым экраном. — Как он говорил? Криминальный тип, или нет? — В криминальных типах, понимал Влад, его уже бывший друг разбирался хорошо. А тот задумался:

— Вроде нет... Кажется, не первой молодости. Низкий голос. Но, возможно, измененный, знаешь, сейчас есть такие программы... Спокойная, грамотная речь... Не матерился, жаргона не употреблял. Четко формулировал, что ему нужно.

— И что ему было нужно? — впервые подала голос Марьям.

— Он сказал, что... есть человек, который ему мешает. Дал твои данные — фамилию, имя, адрес. Сказал, что работаешь в суде, но сейчас в отпуске.

— Так вот когда это было... — понял Влад. Роман назвал число и продолжил:

— Я спросил, что именно надо сделать... Он сказал: все равно, лишь бы человек не мешал. Долго. Поэтому сначала... решили обойтись без крови.

— И сфабриковали дело, — поняла Марьям. — О мошенничестве...

— Да, чтобы звучало правдоподобно. Все знают, что некоторые сотрудники судов... промышляют таким. Да и не только они, но все, кто имеет связи... Берут деньги якобы под судью, а на самом деле тот может ничего не знать. Так что я передал твои данные знакомым ментам. — Роман посмотрел на Марьям. — Они за тобой пару дней следили, а потом решили действовать, как я понял, у них была какая-то женщина на крючке, они и уговорили ее подать заявление, потому что у нее как раз дело в вашем суде... Но они оказались идиотами... Две попытки — и все зря, а после второй стало понятно, что таким путем уже ничего сделать нельзя. Это же надо было — подумать, что, если ты в отпуске, но дома, то никуда и не ездила... И не проверить. Заказчик был очень недоволен... И потребовал решить проблему любой ценой. Но тебе повезло и второй раз... А потом... я отказался с ним работать. Сказал, что есть личная причина. К тому, что произошло вчера, я отношения не имею, — заверил Роман.

— А исполнитель? — спросил Влад. Роман, кажется, не мог принять решение, но, наконец, сказал:

— Я не знаю имени. Погоняло[2] — Колотушка. Он меня тоже не знает. — Этс

означало: можете сдать его полиции, мне ничего не будет угрожать. И одновременно ставило целью выяснить намерение гостей. Влад с помощью палки поднялся с кресла.

— Живи, если можешь... Но помни, что я сказал: если со мной что-то случится, или с ее головы хоть волос упадет... Марьям, пошли отсюда.

Они молча вышли из квартиры и спустились на лифте, — в другой раз Влад пошел бы вниз по лестнице, но не сейчас, не когда ходил с палкой. Выйдя из подъезда, только сплюнул. А потом они почти синхронно закурили сигареты.

— Друг? — спросила Марьям с сочувствием.

— Был... У меня духу не хватит его сдать, и он это знает. К тому же, он теперь безопасен. Ромка — слабак. Ты обратила внимание, как сразу раскололся? Думаю, он не врет, что вчерашнее — не его дело, что он отказался работать с этим заказчиком, когда узнал, что дело касается меня...

— Почему ты так думаешь?

— Потому что почерк совсем другой. Заказчик нашел другого посредника. И исполнителей. К тому же, он, действительно, меня предупредил... Больше было некому. И он — только посредник. Не заказчик, не организатор, не исполнитель. А посредника заказчик другого найдет... Но... я дал ему шанс, а он не воспользовался.

— Какой?

— Рассказать про Злату... Ты вспомни: очень похожий почерк, использование гранаты. Исполнитель по прозвищу Колотушка. Знаешь, что это? Книги о Второй мировой не читала..? Так в советской, — Красной, — армии называли немецкие ручные гранаты, они были большие, с деревянными ручками... Вот тебе и связь. Если же заказ тебя шел через него, то, скорее всего, и на Злату тоже. Но он — ни слова. Скорее всего, и заказчик тот же.

— И он его не знает?

Влад пожал плечами, подходя к черному «Мерседеса», ждавшему на улице. С сиденья рядом с водителем вышел парень и открыл заднюю дверь. Это Влад попросил дать ему машину с водителем из «Нефтяных гор», а охранник был из полиции, — Влад заключил соответствующий договор[3], - и вооруженный.

— Если заказчик не идиот, то не знает... Тем более, тот точно не в Украине. Потому что Злата никогда не имела к Украине отношения, здесь ни у кого не было причин... Поэтому мы и летим в Калтастан. Чтобы узнать все на месте и, наконец, прекратить это.

— Да, теперь понимаю... — Поездка все еще не вызывала у Марьям энтузиазма, но она покорила неизбежному. — А сейчас куда?

— По нескольким адресам, документы надо собрать, в офис заехать... Вот только докурим... Ты извини, что я тебя везде с собой таскаю, но... ты видишь, как все оборачивается. Не хочу тебя оставлять одну...

[1] В украинском языке — вежливое обращение: слово «господин» («пан») либо «госпожа» («пані») и имя. Например: «пан Дмитро», «пані Валентина». Но также может употребляться и обращение по имени и отчеству, аналогичное русскому языку.

[2] Прозвище, кличка в уголовном мире (жаргон.)

[3] В украинской полиции есть подразделение, официально предоставляющее услуги охраны на договорных основаниях. Имеются и частные охранные фирмы, но их сотрудники не могут пользоваться огнестрельным оружием.

19. Совесть ветерана.

— Красивая у вас земля, — сказал Влад. — Но очень плохая логистика...

Как с одним, так и с другим невозможно было спорить. На этот раз из аэропорта они ехали днем, и виды завораживали. Но слишком уж длинным был этот путь. Даже на представительском «Мерседесе» с водителем, — Искандер настоял, чтобы машину выделили в банке. А теперь сидел в гостиной дома Влада, той самой, с ковром из волчьей шкуры.

— Что же тут поделаешь... Но мы привыкли. Что вы хотите делать? — Обычно к Владу он обращался на «ты», а значит, сейчас имел в виду их вдвоем с Марьям. Кстати, Хамзат судьбой сестры ни разу не интересовался, по крайней мере, пообщаться ни с ней, ни с Владом, не пытался. Возможно, спрашивал у того же Искандера?

— Формально я прилетел для того, чтобы переоформить компанию. Помнишь, у нас в Украине сеть заправок? Юридически владелец — компания из Чарахкалы. Я хочу переоформить права на свою эстонскую фирму, чтобы никто не попрекал компанию российским владельцем, — пояснил Влад. — Ты же понимаешь, что происходит сейчас, тем более, я-то не россиянин... А на самом деле — хочу сам разобраться с тем, что происходит здесь. И начать надо со встречи с нашей Татьяной. Как у нее дела, кстати?

Искандер только пожал плечами.

— Живет на природе, отдыхает... Девушки ей помогают. Приводят в порядок постепенно. Говорят, очень хочет к нормальной жизни вернуться, работать...

— Раз хочет — так и будет. — В этом Влад был уверен. — От воли не опьянела?

— Есть немного... Не понимает, за что ей так повезло. Ну, если хочешь с ней встретиться, — сама расскажет. К ним в гости поедешь, или сюда пригласишь?

Влад задумался.

— Приглашать — будет выглядеть как вызов. Напрашиваться — тоже не очень... Но, если бы не нога... А так — придется сюда. Она согласится?

— Думаю, да...

— А может, и нет. Мне все равно в Чарахкалу ездить по делам придется. Где там эта база, рядом?

— За Чарахкалой, километров двадцать. Так тебе машина будет нужна?

— Да, все время. Мне еще, возможно, в Южанск надо будет мотнуться... А сам я не могу.

— А что произошло, вообще? — запоздало спросил Искандер. Было понятно, что он имеет в виду палку.

— Да какие-то у Марьям поклонники завелись, — улыбнулся Влад, а сама Марьям нахмурилась. После этого они рассказали Искандеру, что произошло. Рассказ занял много времени, а потом Искандер задумался.

— Вроде ты и прав, и кроме как из Каластана, все это происходить не может. Но... Я не могу додуматься, почему. Я здесь живу всю жизнь, работаю в службе безопасности банка, я знаю, кто чего здесь стоит и чем дышит. Но не вижу причины. Еще и чтобы так... маскировать... Если это как-то связано с русскими женами и всей этой историей, с Таней... Тогда я понимаю, почему убили Злату: она могла раскрыть все это. Я бы, извини, понял, если бы пытались убить тебя. Но Марьям тут при чем? Она никак с этим не связана, а если посадить хотели до того, как узнали... о тебе...

— Вот с этим и надо разобраться.

— Желаю, чтобы удалось... Я тоже еще подумаю. — Искандер поднялся, чтобы ехать домой. До вечера было уже недалеко... — На когда машина завтра нужна..?

Владу было трудно подниматься, поэтому провожала брата Марьям. Потом вернулась и села рядом с Владом на диван.

— Устала? — спросил он.

— Да. Но хотя бы с Искандером поговорили... — Марьям вздохнула. — А я думала, уже не придется увидеться... — Надеяться, что брат когда-нибудь приедет в Киев, она явно не могла.

— Вот видишь, не всё так плохо с этой поездкой! — Влад только улыбнулся. — А завтра еще и нашу спасенную увидишь. Разве тебе не интересно?

— Конечно, интересно! А когда?

— Наверно, после обеда. Мне надо будет в офис утром. А она, вероятно, отсыпается... Что ей еще делать? Вот только... опять придется сначала тебя целый день таскать с собой. Разве что ты потом сама машину возьмешь и приедешь...

Она покачала головой.

— Нет, здесь я одна быть не хочу. Только с тобой. — И прижалась к нему. — Вообще без тебя не хочу... Но тут — ни на минуточку...

Татьяна, действительно, просыпалась поздно. За исключением случаев, когда нужно было ездить в какие-то учреждения. Но оно того стоило. Теперь у нее паспорт был в кармане, только подумать! Как его сделали так быстро, и на основании одного лишь постановления суда? Больше никаких документов у нее не было, после такого освобождения. Но Настя и Альфия решили все проблемы. Как им это удавалось, и сколько стоило, Татьяна не хотела и думать. Даже регистрацию сделали, без которой паспорт недействителен. В каком-то селе Любодарово Чаражалинского района. Интересно, где это?

А еще у нее теперь были очки, недорогие, но даже удивительно ей шли. Зрение за годы в камере заметно подсело, но теперь можно было без проблем читать, да и на горы окружающие смотреть. Как же здесь красиво! Альфия даже свой старый телефон ей отдала. Хотя, кроме нее самого и Насти, кому Татьяна могла звонить? Она поняла, что на свободе у нее никого не осталось. Что ей с этим телефоном делать? Профиль в соцсети заводить? Зачем? Да она и не очень умеет этим пользоваться...

Татьяна не понимала, почему с ней так возятся. Это явно выходило за пределы того, как обычно помогают освободившимся из заключения. К тому же, девушки после первых двух дней поехали по своим делам, только заезжают, чтобы возить Татьяну по ее же делам. А она живет себе одна в этом коттедже, ходит в столовую три раза в день... За что ей так повезло?

Вот и сейчас приехали, — Настя за рулем старенького, но в хорошем состоянии «Рено Кенгу», — и выносят какие-то сумки.

— Привет! Сегодня будем принимать гостей! — объявила Альфия.

Каких? — Кто к ней может прийти?

— Тех, благодаря кому ты сейчас здесь.

Влад и не вспоминал, когда столько ездил на заднем сиденье. А теперь... Сначала в Киеве, теперь здесь. Вот только если в Киеве это был обычный «Мерседес» Е-класса, то здесь — огромный S-класс, причем бронированный. Искандер объяснил, что машина служебная, и ранее ею пользовался Юнус Талаев. А теперь подали ему, только пришлось найти водителя. «Мерседес» был даже с полным приводом — так легче преодолевать заснеженные горные дороги, хотя бывало и такое, что без внедорожника не обойтись.

Горы...

Перед ними поднялся шлагбаум, и машина въехала на территорию базы, — это, наверно, с иронией подумал Влад, привилегия больших и черных машин. Хотя в данном случае он был благодарен, — иначе пришлось бы ковылять несколько сот метров.

Водитель остался в машине, а Влад, Марьям и Искандер направились к коттеджу, который стоял в углу территории. На полпути их встретили две девушки, — Искандер представил их Насте и Альфии. И все вместе они пошли к коттеджу.

Там их и ждала «виновница» праздника. Татьяна была маленького роста и стройная, — тюрьма не смогла ее согнуть. Волосы она собрала в сложную прическу, — да, очевидно, сделала это сама... Не потеряла навыков. И желания тоже.

Она смотрела на вошедших, пока Настя представляла их друг другу. Конечно, она сразу поняла: этот высокий лысый мужчина с костью, Влад Бурсак, здесь главный. Девушка с ним, а этот Искандер, видимо, просто помощник.

— Рад видеть тебя здесь, — приветливо сказал Влад, с ударением на последнее слово.

— А я уж как рада! Даже не знаю, как... — На глазах Татьяны выступили слезы. Договорить она не смогла.

Между тем, все сели за импровизированный стол. Марьям несколькими фразами смогла успокоить Татьяну, упомянув при этом, что сама недавно едва избежала тюрьмы. По взгляду, который она кинула на Влада, Татьяна сразу поняла, благодаря кому. А Влад, открыв бутылку вина, предложил выпить за свободу.

Впрочем, бутылка здесь была всего одна, по всему выходило, поняла Татьяна, что разговор намечается какой-то деловой. Но о чем? Она решила спросить прямо:

— Зачем вам было... делать это? Представляю себе, сколько... это все стоило... Хотя — даже не представляю... — Откуда ей знать, если она даже современные цены в магазинах не очень представляла? — Как вы вообще узнали..?

— Узнали, когда... собирали информацию о других вещах. О женщине, которая, возможно, находилась в восемнадцать камере, — пояснил Влад. — И ужаснулись, что с кем-то такое может произойти. Помнишь? — обратился он к Марьям. Та в подобных случаях предпочитала мало говорить, но внимательно смотрела на ту, которую они спасли. Однако теперь кивнула:

— Как можно было не попробовать помочь тебе? Я даже не представляю... Пять лет...

Пять с половиной, хотела поправить Татьяна. Хотя, если считать только время в восемнадцатой, то чуть меньше. Но какая разница? Она действительно не могла понять, что им, — или, точнее, Владу, — нужно от нее. В бескорыстие она разучилась верить, — хотя Настя с Альфией, кажется, сделали шаг к тому, чтобы вернуть ей веру в людей. Хотя бы в некоторых. Но этот Бурсак, кажется, бизнесмен. Хотя намек он дал.

— Вы сказали, что... искали женщину, которая могла быть в восемнадцатой. Возможно, я ее знаю?

— Вряд ли, — пожал плечами Влад. — Она должна была оказаться там чуть раньше. И всего лишь на несколько дней. Ее звали Злата.

Татьяна задумалась.

— Я ее не знала, но слышала это имя. От девочек, с которыми сидела там вначале... Уже не помню, в связи с чем о ней говорили. Все же — сколько лет прошло... Они говорили, что она там пробыла всего несколько дней. Даже до «отработки» не дошло. Если они ее помнили, тогда это должно было быть... незадолго до меня, — сделала она вывод. Влад и

Марьям одновременно подумали, что им, кажется, повезло: освобожденная не только далеко не глупа, но и память имеет хорошую. Для того, чем они собирались заняться, — подарок судьбы!

— Почему так могло произойти? — спросил Влад. Он-то знал, но хотел проверить Татьяну. Та снова задумалась:

— Кажется, было несколько девушек, которым... предложили выбор: оставаться у нас или выйти замуж. За незнакомцев. Не знаю, почему. Не знаю, почему это предлагали именно им, и не предлагали другим. Мне казалось, что это... как-то не по-настоящему. Но... все это вообще не было похоже на реальность. Ты себе живешь, работаешь, строишь планы... любишь, а потом, из-за одного случая, потому, что только раз решила отказать... и не чуждому, а своему парню... Оказываешься там... И вынуждена такое делать... — Из ее глаз покатались слезы. — Кто-то, может, забыл бы. Но у меня всегда была хорошая память. Я помню почти каждый день...

Это очень хорошо, подумал Влад, нужно будет только подтолкнуть ее... А пока сменил тему.

— Ты уже определилась, что делать дальше?

— Да. Я же говорю — это как сказка! Меня здесь берут на телевидение... может, когда-нибудь и в корреспонденты вернусь, пока об этом речи, конечно, нет. Но уже это...

Влад не стал говорить, что идея принадлежала именно ему, а реализовать ее было просто, потому что канал, на который брали на работу Татьяну, частично принадлежал нефтяной компании. Но решил сказать другое:

— Есть еще одина, как сейчас модно говорить, опция. Или просто — вариант. Если захочешь — можем тебя переправить в Украину. После всего, — сделаем статус беженца, будешь работать там. Подумай...

— Хорошо, подумаю. А... если я откажусь... то, что предложили здесь, — останется? — осторожно спросила она. Очевидно, идея об Украине не вызвала у Татьяны энтузиазма. А возможно, она подумала, что все это как-то связано с политикой.

— Конечно, — серьезно ответил Влад. — Выбирать тебе. И время подумать еще есть...

— Тогда... еще раз спасибо. Потому что, когда я думаю, что со мной могло бы быть... Прямо в тот день, когда меня освободили... — И она рассказала о «поздравлениях» с днем рождения в прошлые годы. Все были поражены, даже Настя и Альфия, которые наслушались рассказов о тюремной жизни. Правда, ни с чем, подобным восемнадцатой камере, им до сих пор сталкиваться не приходилось.

— Не представляю, как вообще такое может быть. Как... такая камера и такой «бизнес» могут существовать столько лет. Ты же не была первой там, да? — спросил Искандер. Ему, действительно было это непонятно, но с Владом они договорились, что он немного подтолкнет разговор в нужном направлении.

— На самом деле, все это продолжается лет десять, — сказал Татьяна. — Насколько мне известно. Там есть такой полковник Тимофей Недобоженко. Теперь он в управлении службы исполнения наказаний по краю, а десять лет назад работал как раз в СИЗО. Видимо надоело ему мелочами заниматься, вроде того, чтобы телефон или наркотики передавать заключенным... Вот и решил организовать такой... бизнес. — Она грустно улыбнулась. — На мою беду, он оказался дядей того парня, которого... я убила. Вот и решил мне отомстить и к «заработку» своему приспособить. Он мне сам, после первой «отработки», пояснил, что... это до конца моего срока теперь так будет. Тогда он уже в управлении работал. И...

жаловаться куда-то не было смысла.

— Слушай, если это продолжается десять лет, — сказала Настя, — неужели никогда... никаких проблем не было? — Ее давно занимал этот вопрос.

— У них все организовано так, что... О такой... возможности говорят тем арестованным, у кого есть деньги. И есть, кому по воле за них заплатить. А сама восемнадцатая камера... закрыта. Никакого общения с другими. Даже на прогулку если выводят, то так, чтобы отдельно... Но мы все и так знаем, что будет, если кто-то кому-то расскажет. Даже адвокату, у кого он есть. Да и что адвокат сделает? Девушку-то после свидания с ним все равно вернут в камеру. А... жалобу будет рассматривать тот же полковник Недобоженко. Или его люди. И за это накажут. Это... всем объясняют сразу. Или ты... о беременности? Так этого не допускают. Это — не единственное требование к тем мужчинам. Ну, и не калечить, если отдельно не разрешат... Все остальное — можно... Если заплачено. — Татьяна вздохнула. — На самом деле, мне даже... неудобно... Что я здесь, а девочки там остались. Наверно, думают, куда я делась..?

— Вот об этом я и хотел поговорить, — сказал Влад. Татьяне стало понятно: начинается тот самый деловой разговор. — Я хочу помочь и другим. И узнать, что за этим стоит, потому что, кажется, Южанский СИЗО — лишь верхушка айсберга. Я видел твой репортаж-расследование, он до сих пор есть в интернете. Правда, ты тогда была блондинкой, точнее, только казалась. — Он улыбнулся, а Татьяна, наконец, коротко рассмеялась. — У тебя хорошая голова... А теперь ты знаешь изнутри, что происходит там, в СИЗО. Что ты нам посоветуешь?

— Вы хотите... прекратить все это? Разрушить? — Влад кивнул. — А... у вас есть люди из полиции, Следственного комитета..? Не здесь, в Москве...

— К сожалению, нет людей такого уровня, — сказал Влад. И подумал, что, если бы он жил здесь всю жизнь, и у него было бы столько же денег, — такие связи наверняка уж были бы. Как он, при желании, мог бы найти их через знакомых в Киеве. Но Россия была для него, все же, чужой страной. К тому же, иметь серьезный конфликт с местными силовиками было тоже нежелательно. Могут не помочь и большие деньги... Татьяна, кажется, так и не поняла, что он — не россиянин, даже после того, как предложил переехать в Украину. — К тому же, мы не бандиты, мы не можем действовать так, как они. А потому... остается один путь: формально — по закону, но, если понадобится, кому-то заплатить...

— Похоже, так вы сделали со мной, — кивнула Татьяна. Все присутствующие подумали, что она быстро делает правильные выводы. — Для того, чтобы прекратить это... Надо, чтобы этим занялись в Москве. Иначе — как..? А для этого нужны, во-первых, доказательства, одних только моих показаний вряд ли будет достаточно. А во-вторых — необходим скандал, чтобы заставить их действовать. Но... как? На телевидение такой сюжет не попадет, это точно...

— Сейчас есть такая штука — сила интернета, — улыбнулся Влад. — Кажется, пять лет назад этого еще не было в такой степени... Но это надо будет делать одновременно с теми же юридическими шагами. Подачи заявления, в том числе в Москве... — Влад сомневался, что все нити организации тянулись туда. Слишком много было «завязано» на Южанск. — Но ты права, твоих показаний может быть недостаточно. Нужны еще доказательства. Нужны еще свидетели. Хотя бы один. Как ты считаешь, кого из тех, кто остался в восемнадцатой, проще вытянуть? Так, как сделали с тобой.

— Еву! — сразу сказала Татьяна.

— Почему?

— Потому что она там недавно, следствие идет. Обычное дело о наркотиках. А самое главное, по ней был... можно сказать, частный заказ. — И Татьяна пересказала рассказ уже бывшей соседки по камере. — Как же она была поражена... Но, если этот заказ... или «перебить» деньгами, или как-то заставить того следователя, его выполняет... он сможет, насколько я понимаю, просто закрыть дело и освободить ее сам. С другими это будет труднее. Дела... не такие простые.

— А еще она тебе симпатична, — вдруг сказала с улыбкой Марьям. Татьяна внимательно посмотрела на нее.

— Симпатична? Может быть... Но главное — мне Еву жалко. Представляете? — Она грустно улыбнулась. — После стольких лет там — мне еще кого-то жалко... Но Ева попала туда... почти по той же причине, что и я. И тоже переживает, что... из-за одного отказа ей сломали всю жизнь. Я, действительно, каждый день думала: если бы не сопротивлялась тогда... Каждый день... — На глазах Татьяны снова появились слезы. — Как мне сказал полковник Недобоженко с самого начала. И он добился своего... А относительно Евы добивается этот... Даже сам сидя в СИЗО...

— Хорошо, мы подумаем, как помочь твоей Еве... А потом и всем остальным. — Влад провел рукой по лысине. — А пока помоги нам. Во-первых, запиши видео. Можешь сидеть спиной к камере, а портативная камера у нас есть. Расскажешь проо восемнадцатую и о том, что там происходит, вернее, что происходит с женщинами в южанском СИЗО. Об этом «бизнесе» руководства. Если знаешь о том, что там руководство еще за деньги делает для заключенных, — тоже расскажешь. Возможно, тебе кто-то говорил. — Влад имел в виду тех самых заключенных-мужчин, которые платили за «услуги», но не сказал этого вслух. И от охраны Татьяна могла многое услышать за столько лет. — Это видео мы пустим в ход... когда придет время. Это можно сделать... хотя бы завтра. Настя, Альфия, вы поможете...? Хотя в видеосъемке, пожалуй, Татьяна разбирается лучше всех нас, верно? — Все, начиная с самой Татьяны, улыбнулись, чего Влад и добивался.

— Хорошо, я сделаю это. А во-вторых?

— А во-вторых — ты говорила, что у тебя хорошая память. Ты помнишь тех, кто... были твоими соседками за это время?

— Да, почти всех. Кроме, может быть, кого-то из тех, кто... задерживался всего на несколько дней.

— Вот и хорошо. Садись и напиши список. Всех, кого помнишь. Кто они — каждая, — откуда, возможно, там были девушки из других стран. Я точно знаю, что были украинки. Таких выдели особо. И о каждой напиши, что известно. За что сидела, родственники, если были, и вообще все, что вспомнишь. Конечно, кратко. Кстати, а куда потом они девались, эти девушки из восемнадцатой?

— Как и все... В основном — в колонии, — ответила Татьяна.

— И что, они, те, кто это устроил, не боялись... что они где-то проболтаются? Что это станет известно? — удивился Искандер.

— Нет. Во-первых, в основном их отправляли в колонию в Светлом, это тоже Южанский край. То есть, они... оставались под властью Недобоженко, — объяснила Татьяна. — А это значит, что с ними там могли сделать что угодно. Их и предупреждали, чтобы никто ни слова... А во-вторых, кто же захочет о таком рассказывать? — Она снова грустно улыбнулась. — Думаете, мне будет приятно? Но... я это сделаю. Спиной к камере.

— Хорошо, но это — завтра. А сейчас... нам нужен список...

— Я поняла. — Татьяна встала. — Можно, я это буду делать... у себя в комнате? Чтобы никто не мешал вспоминать... И еще, у вас есть бумага?

Через минуту она уже поднималась по лестнице, а другие остались и начали обсуждать, — впервые все вместе, — план второй спасательной операции. Правда, операции редко идут по плану, но среди них не было ни одного военного или разведчика, который объяснил бы им это.

Что бы ни думал Влад, а Марьям, находясь в Каластане, чувствовала себя в безопасности только в его доме в Хасанкале. Она не боялась нового покушения, или боялась не больше, чем в Киеве. К тому же, не могла понять, почему целью этих нападений могла быть именно она. Деньги-то, большие деньги, — у Влада... Ее имущество, остатки наследства генерала Аева, вряд ли могли кого-то интересовать до такой степени, чтобы... Кроме того, кто наследники, Хамзат и Искандер? Оба не беднее нее, к тому же, именно Искандер сделал все, чтобы спасти ее тогда, в крепости. И Влад, конечно... Признание его бывшего друга ее поразило, но не дало ответа на вопрос: кому и чем она может так мешать? В суде? Но она не судья... Что от нее там зависело? К тому же, она там уже не работает. Тогда... что?

Однако эти проблемы она оставила позади, сев в самолет. Но здесь... Каждый из соседей, каждый, кого можно было встретить на улице, знал, что с ней произошло, что ее поставили перед людьми, но она выбрала... И кому она принадлежит, тоже знали. Единственное, чего Марьям не знала, — понимает ли Влад, чего стоило ей приехать сюда? Хотя и понимала, почему он так хотел этого. Сегодняшний разговор с Татьяной ее окончательно убедил. И в обсуждении плана операции она принимала активное участие. Как бы то ни было, в доме ее никто не видит, это их с Владом пространство. Никому нет дела до того, что происходит здесь, и кто здесь есть.

А теперь они уже сидели в гостиной, которую Влад называл «комнатой с волком» из-за ковра из волчьей шкуры, и курили. Оба считали, что делать это в присутствии тех, кто не курит, не нужно, а если относительно Татьяны уверенности не было, то Настя, Альфия и Искандер курящими точно не были. Так что пришлось воздерживаться — и не только во время разговора, но и на обратном пути, потому что Искандер ехал с ними.

— Как ты считаешь, получится? — спросила Марьям.

— Не вижу, почему бы и нет... С нашей Таней это было сложнее, — сказал Влад.

— Она все-таки молодец! Она... сохранила себя, правда? Такая сила воли... После всего, что с ней происходило столько лет...

— Я тоже удивлен, откровенно говоря. Там можно было с ума сойти. И как же она нам уже помогла! — Список гражданок Украины, которые прошли через восемнадцатую камеру за пять лет, Влад уже отправил по электронной почте Полынному. Теперь у оперативников СБУ будет много работы: установить их всех, узнать, в связи с чем были арестованы в России или других странах (несколько женщин были выданы в Россию), — некоторые сведения в списке Татьяны были, но обо всех (запомнить все это за пять лет было невозможно), — и где находятся сейчас. Часть из них должна была уже освободиться, возможно, кто-то вернулся в Украину. Тогда их можно было допросить официально. А если окажется, что не вернулся никто, — это тоже будет важно узнать. И ничего хорошего такая новость не будет означать. Как бы то ни было, в СБУ были согласны с выводом Влада насчет того, что восемнадцатая камера Южанского СИЗО — часть чего-то гораздо большего. А Марьям спросила о важном

для нее:

— Ты еще долго собираешься здесь оставаться?

Он посмотрел на нее с сочувствием.

— Не знаю... Даже не в бизнесе дело, хотя кое-что надо здесь сделать. Как мы уедем, пока... не закончится все это? Хотя бы с этой Евой. Тогда можно будет составить план... и пусть наши люди здесь его выполняют. Если мы обеспечим все. А сами уедем. Кто бы ни занимался всем этим, пусть им станет не до нас. Я понимаю, почему ты спрашиваешь, поверь. Но... так будет лучше.

— Наверно, лучше, — но уверенности в голосе Марьям не было. — А что еще..?

— Попросил нашего частного детектива привлечь коллег. Чтобы начали «копать» некоторые дела тех, кто сидел с Татьяной. Здешние, российские. И тех, кто потом уехали в Каластан, и других. Никогда не знаешь, когда найдешь бриллиант в навозе, дело Татьяны тоже выглядело, как обычное «бытовое»... Но это — не быстрое дело. — Влад задумался. — Знаешь, у меня ощущение, что это закончится гораздо скорее. Тем более, к делу с этой Евой мы его тоже привлечем. Найти подходы, и быстро...

— Хотелось бы...

Он улыбнулся:

— Молись.

Но получил неожиданный ответ:

— Знаешь, я... потеряла веру. Если сказать здесь кому-то об этом... не знаю, могут убить, даже если считают, что я принадлежу тебе... Но я начала... терять ее, еще когда... была со вторым мужем. — Она так и не называла его по имени, обратил внимание Влад. — А... окончательно потеряла — как раз тогда, в крепости.

— Но почему? — удивился он. — Разве это не... чудо спасения? Знаешь, что мне тогда сказал Искандер? Что Аллах может послать на спасение даже неверного...

— Может, и чудо. — Марьям смотрела ему прямо в глаза. — Но... я тогда не молилась о спасении. И вообще... Почему-то даже мысли такой не было. Возможно, уже смирилась. А... оно произошло. Как ты считаешь, о чем это говорит?

— Не знаю...

— Я тоже. А тот, кто не знает, — точно не верит...

Влад посмотрел на часы и потянулся к своей палке, лежащей рядом.

— Ничего себе разговоры на ночь... Может, о чем-то поприятнее?

Она встала, улыбаясь:

— Намек поняла!

20. Путеводная звезда.

— Что вы еще хотите от меня? — спросила Ева. — Все равно, без адвоката я ничего не скажу. А его здесь нет...

Это была правда. Адвокат был хоть и по назначению, но все же... Ей в свое время хватило хладнокровия требовать хотя бы этого. Конечно, это не помогло ни от ареста, ни от того, что происходило в восемнадцатой.

— Что с тобой? — спросил следователь, глядя на небольшой синяк под глазом Евы. Ну, не рассказывать же ему, что во время последней «отработки», — позавчера, — ему-то не понравилось... Девочки потом сказали, могло быть гораздо хуже. Но говорить об этом нельзя. Все обитательницы восемнадцатой знали, какие будут последствия.

— А, ничего страшного... И все-таки, чего вы хотите? Без адвоката ничего не будет.

Дверь кабинета открылась, в него вошли две девушки. Зачем? Понятые? Следователь хочет сделать какое-то освидетельствование? Почему? А тот внезапно улыбнулся:

— Для того, что мы будем делать сегодня, адвокат не нужен.

Только теперь Ева обратила внимание на одну деталь. Раньше, когда ее привозили сюда из СИЗО, в кабинете всегда пристегивали наручниками за левую руку к стулу. Чтобы правой можно было подписывать документы, но, по словам следователя, для безопасности... Хотя на самом деле — для психологического давления, это она понимала. Но действовало это, несмотря на понимание... А сейчас потребности в безопасности не было? Или тут что-то еще? По крайней мере, сидела она свободно, положив обе руки на стол.

— Зачем адвокат, чтобы выйти на свободу? — риторически спросил следователь.

— Что..? — Ева вытаращила на него глаза. Неужели такое может быть? Она рассчитывала на что угодно, но не на это. У Евы уже наступило принятие — она приготовилась провести годы в неволе. Даже прозвище в камере у нее уже появилось — Звездочётка. Из-за того, чем занималась на свободе, — астрологией она увлеклась, еще когда была подростком, а со временем превратила это на источник достаточно неплохого существования. Если бы не этот...

— Что слышала... Уголовное дело закрываем. Повезло тебе с экспертизой... Не подтвердились наркотики, необходимые для уголовного преследования. Вот постановление. Распишись, что получила, здесь и здесь. И за вещи...

Она поверила, только увидев стопку пакет с тем, что изъяли у нее при задержании. Включая паспорт. Расписалась, где сказали, запихнула вещи в карманы куртки. Конечно, деньги, которые были у нее при задержании, исчезли, и даже невозможно было сказать, что в неизвестном направлении. Но это такие мелочи... Но что здесь делают эти двое? Они представились — Настя и Альфия. И предлагают, — уже в коридоре, — куда-то ехать с ними.

— Вообще... я хотела домой... — нерешительно сказала Ева уже на лестнице.

— Я понимаю, — сказала Настя, — но это опасно. Мы тебе сейчас объясним... Если захочешь — потом отвезем домой... Но...

А они уже на улице. Она действительно может идти, куда угодно! Но Ева сохранила достаточно здравого смысла, чтобы, по крайней мере, выслушать новых знакомых. И села в белый микроавтобус.

То, что объяснила по дороге Настя, звучало разумно. Она — свидетель того, что происходило в восемнадцатой. И, во-первых, свидетель, опасный для тех, кто организовал этот «бизнес», а это значит, что ее могут просто убрать. А во-вторых...

— Разве ты не хочешь помочь другим? — спросила Альфия. — Чтобы с ними такого не происходило. Даже с теми, кто сидит... за то, что совершили.

— Хочу, конечно. Такого не должно быть! А сколько таких, как я, было... Но как? — развела руками Ева.

— Вот об этом и поговорим. Только сейчас пересядем в другую машину. Выходим!

Через полчаса серая «Лада» выезжала из Южанска, а Настя с Альфией вводили Еву в курс дел. Больше всего ее удивило, что Таня-ветеран оказалась на свободе. Вот уж о ком она меньше всего могла такое предположить! Даже меньше, чем о себе, зная, почему и по чьему распоряжению та находилась в восемнадцатой. Но, если уж Таню выдернули у них прямо из-под носа... Кажется, здесь все серьезно, и об опасности не врут. Предложение пожить некоторое время в Каластане тоже звучало разумно, Ева знала, что эта небольшая

республика — почти государство в государстве, там должно быть относительно безопасно, и власть южанских полицейских и тюремщиков туда не распространяется.

— Так как, согласна ехать с нами? — еще раз переспросила Альфия.

— Да. Раз тут такие дела... Но... это надолго? Я хочу все-таки вернуться. У меня квартира, бизнес...

— Помоги нам их... разогнать. А лучше — самих посадить. Тогда сможешь вернуться... дальше дуришь людей, — улыбнулась Настя. Она не верила в гороскопы.

— Почему это — дуришь? — В голосе Евы послышалась обида.

— А потому, что ты даже про саму себя не знала, что окажешься на свободе через полчаса. Правда же?

Ева не сразу нашла, что ответить на такой аргумент.

— Но ведь... у меня в камере моих записей не было. И звезд я не видела!

— Вот это выкрутилась! — рассмеялась Альфия, которая сейчас была за рулем. — Так как, поможешь нам и себе?

— Конечно, помогу. Вам, и Тане тоже. Это же она вам рассказала обо мне... — Другого вывода просто нельзя было сделать. — Только об астрологии... не надо так! — К своему делу Ева относилась серьезно, а теперь почувствовала, что скоро сможет вернуться к нему.

— Хорошо, не будем, — примирительно сказала Настя. — Но лично я не буду просить составить мне гороскоп! Ни тебя, ни кого-то из твоих... коллег.

Неприметная «Лада» с тремя девушками ехала по трассе, а освобожденная пассажирка в этот раз была не так внимательна и не заметила, что за ними едет джип с полицейскими. И Настя с Альфией на этот раз не были так напряжены, как с Таней. Возможно, потому, что считали последнюю более важным свидетелем, а может, потому, что в первый раз все прошло, как по маслу. Еве пришлось показать их сопровождение, — и чтобы успокоить, и для того, чтобы понимала, что ради нее организовали целую операцию. Кажется, она должна отблагодарить... Что ж, думали Настя с Альфией, кажется, на этот раз не должно быть проблем.

Сказать, что полковник Недобоженко был взбешен, — значило бы ничего не сказать. Сам факт, что кто-то вмешался в его дела, — это уже было плохо. Казалось бы, хуже не бывает. Но кого именно увели в него из-под носа, прямо из СИЗО, из восемнадцатой?! Татьяну Ребро! Опасную как свидетеля, но главное было не в том. Та самая Таня, которая убила его племянника, и почему?! Это же надо — встречаться с ним год, то есть — дать согласие быть с ним, а потом говорить, что он ее хотел изнасиловать! В голове Тимофея Недобоженко такое не укладывалось вообще. Она убила Захара, а из-за этого умер его отец. Он потерял двух родных людей из-за этой... И был решительно настроен сделать так, чтобы виновница провела в восемнадцатой камере все пятнадцать лет. С «отработкой» каждые несколько дней. Полковник считал это как раз той мстью, которая соответствовала тому, что совершила Татьяна. Восемнадцатая камера появилась когда-то, как средство заработать денег, но тут пригодилась. Наказать убийцу раз тем, чего она хотела, по ее словам избежать, — с точки зрения полковника это было проявлением справедливости. Для того, чтобы контролировать это, чтобы Ребро никто случайно не перевел в обычную камеру, он даже отказался от перевода на более высокую должность в другой регион. Хотя такой же бизнес можно было бы организовать и там.

И вот теперь оказалось, что все зря: из всех, кто сидел в восемнадцатой, кто украл у него

именно ее, Таньку-ветерана!

Конечно, он быстро выяснил, что именно произошло. Казалось, Ребро уже не вернуть. Это плохо само по себе, но он принял меры, чтобы такое не повторилось. Среди прочего — приказал докладывать ему лично, когда кого-то из восемнадцатой вывозят из СИЗО. Он знал, кто расследует каждое дело, или когда вопросы насчет этих заключенных рассматривает суд. И вот теперь внезапно к следователю вывезли эту Анисимову. Недобоженко прекрасно знал, почему она в восемнадцатой, кто заказал относительно нее дело именно для того, чтобы она оказалась здесь. Следователь не был сообщником полковника, он просто отрабатывал обычную взятку, и не подозревал, что должно было произойти с Евой в тюрьме. Этот вопрос «решался» уже с администрацией изолятора. Это была ошибка заказчика: если бы он обратился к сообщникам полковника с самого начала, дело вел бы «правильный» следователь. А теперь... Быстро наведя справки, полковник понял: эта тоже сейчас окажется на свободе. Но помешать этому не успел. Лично появившись в кабинете следователя, он мгновенно выяснил, что произошло, и пригрозил ему всеми возможными карами. Следователь понимал, с кем имеет дело, хотя подробностей «бизнеса» полковника и не знал. Но приметы двух молодых женщин, которые должны были помочь освобожденной, сообщил. А вот дальше было дело техники: в каком направлении они поехали, установили быстро. Как и то, что на «Ладе» были номера Каластана. Полковник понял, что это значит. И быстро выяснил, зайдя в интернет, с кем может иметь дело: фонд помощи бывшим заключенным из Чарахкалы был довольно известным. Непонятно было одно: что им нужно было в Южанске?!

Хуже было другое: беглянки имели несколько часов форы. Но все же он дал команду отправить погоню. Полковник сам не мог бы сказать, чего в этом действии было больше: отчаяния или ярости? Но и не сделать ничего тоже не мог. К тому же, однажды повезло тем, а теперь должно было повезти ему. Даже когда, — или именно потому, что — на этот раз у него украли Звездочётку.

За рулем была Альфия, когда двигатель стал работать с перебоями. К счастью, подумала она, мы уже не в Южанском крае.

— Это же «Лада», — проворчала она. — Надо было другую взять...

Дискуссия, на чем ехать, состоялась еще в Каластане. Именно «Ладе» отдали предпочтение потому, что этот автомобиль был наиболее незаметным. Достаточно было и того, что выделялись номера Каластана.

— И что нам делать? — спросила с заднего сиденья Ева.

— Мы сейчас едем с горы. А там, внизу, — кафе, и рядом — станция технического обслуживания. Сейчас докатимся туда, поедим, машину поставим на ремонт. Так как это «Лада», у них должны быть все запчасти, — улыбнулась Настя. Машина принадлежала именно ей. — Думаю, тебе нечего с нами ждать. Поедешь дальше с полицейскими, они тебя доведут до места. Там тебя встретит Наташа, и поселит... Будешь пока снова с Таней жить, только в разных комнатах! А мы, когда нам машину сделают, сами спокойно приедем. Согласна?

— Если вы так считаете, и уверены в этих полицейских... — протянула Ева.

— С ними точно проблем не будет. И с Наташей тоже.

Так и случилось, что, когда уже смеркалось, Настя и Альфия стояли на площадке перед кафе, потому что решили подышать свежим воздухом. Им сказали, что ремонт машины

закончат через час, и можно будет ехать дальше. Вдруг прямо рядом с ними затормозил черный микроавтобус, дверь открылась, и из него посыпались крепкие парни в камуфляже. Настя и Альфия не успели опомниться, как уже лежали лицом вниз на полу микроавтобуса, который резко развернулся и поехал в обратную сторону, с мешками на головах и руками в наручниках за спиной, чувствуя, что на их спины кто-то поставил ноги в тяжелых ботинках. Каждая попытка сказать слово, — друг другу или неизвестным, — заканчивалась болезненным пинком под ребра, и скоро они не понимали ни направления, в котором едут, ни времени, прошедшего с момента, когда они оказались здесь. Единственное, что было понятно — это то, что произошла катастрофа, и вряд ли кто-нибудь сможет им помочь.

Полицейские, как и обещала Настя, довели Еву до самой базы отдыха. Наташа, еще одна девушка из благотворительного фонда, встретила ее и поселила в коттедже. Соседнюю комнату, как оказалось, действительно занимала Таня, — они обнялись, как подруги, которыми в восемнадцатой камере их трудно было назвать.

— Пойдём, покажу, где здесь кормят, — сказала Татьяна.

— Однажды ты мне уже объясняла порядки! — заметила Ева. Они рассмеялись.

— Да какие там порядки! Кроме того, что есть... Кормят, кстати, неплохо.

Конечно, по сравнению с СИЗО, подумала Ева. Но скоро удостоверилась, что жаловаться, действительно, не на что. А она-то, в отличие от Тани, хорошо помнила, что такое нормальная еда!

— Не видела у тебя очков, — сказала Ева.

— Да я и сама не видела... Только когда освободилась, поняла, насколько «село» зрение... С ними тоже девочки помогли. Не хочешь им позвонить, кстати? — Татьяна получила полученный от Альфии телефон.

— Давай попробуем. Скажу, что доехала...

Однако дозвониться не удалось. Телефоны Насти и Альфии были «вне зоны». Татьяна и Ева почувствовали тревогу, но не слишком серьезную, в конце концов, они знали, что на трассе, а тем более — в горах, не везде есть мобильная связь. К тому же, с кем они могли связаться еще? Так случилось, что номеров ни Искандера, ни, тем более, Влада Бурсака, у Татьяны не было. Альфия просто не рассказала им, что подарила освобожденной телефон, поэтому никто и не догадался спросить у нее номер или оставить свой. Тем более, не было этих номеров у Евы, хотя она и получила от следователя свой смартфон вместе с другими вещами, правда, его пришлось поставить в комнате на зарядку. Так что им оставалось просто разговаривать. Точнее, Ева выслушивала то, что знала Татьяна о цели их освобождения и планах тех, кто организовал его.

Настя и Альфия понимали лишь то, что попали в серьезную беду. На это они точно не рассчитывали! Нет, даже нельзя было сказать, что они понимали это обе. Каждая из них не знала, что с другой. Из микроавтобуса их вывели еще с мешками на головах, а сняли эти мешки уже в кабинетах, — разных кабинетах. Объявили о задержании и стали допрашивать, — прямо ночью, — по делу о пособничестве в побеге из-под стражи. Обе сказали, что требуют присутствия адвоката, и им сообщили, что ночью ничем помочь не могут. Альфия отказалась давать какие-либо показания; она опасалась, что ее, — их, — могут начать бить, но ничего подобного не произошло. Наконец, ее бросили в камеру, — это было какое-то отделение полиции, но она не знала, где именно. Возможно, в Южанске, но

уверенности не было. Телефон, конечно, отобрали, поэтому, связаться ни с кем она не могла. В камере она была одна, и та была обустроена так, что ни с кем нельзя было перекрикиваться или даже перестукиваться.

Настя наконец решила объяснить, что ничего плохого они не делали. Только решили помочь девушке, которую должны были освободить из-под стражи. Освободить официально, они же ее в кабинете следователя встретили, а не где-нибудь! Так чего же от них с Альфией хотят? Ей не объяснили этого. А только задали много вопросов. А видела ли она постановление о закрытии уголовного дела? Да, даже держала в руках. А, самое главное, куда же делась Ева Анисимова? Поехала со знакомыми, которые проезжали по этой же дороге, дальше, в Каластан. А что было делать, когда у них сломалась машина? Зачем Еве ждать с ними? Настя благоразумно не сказала, что знакомые эти были каластанскими полицейскими. Адрес базы отдыха, где должны были поселить Еву, не назвала тоже, сказав, что этим должны были заниматься местные сотрудники фонда. Настю долго пытались убедить, что они помогли Еве бежать из-под стражи, но та держалась своего: все вопросы — к следователю. Она не знала, что проблема — для тех, кто их схватил, — была не только в отсутствии Евы: у той осталось на руках постановление о закрытии дела, со всеми необходимыми реквизитами. Пока у Евы оставался экземпляр документа, не было смысла уничтожать тот, что оставил у себя следователь.

Затем Настя и Альфия, каждая отдельно, на себе почувствовали, что такое российский суд. Даже несмотря на то, что для избрания меры пресечения каждой назначили адвоката, — своих в Южанске у них не было, и связаться ни с кем им не дали — уже с самого утра каждой из них все-таки избрали меру пресечения: арест. Каждую вывели из суда, снова положили на пол автомобиля, все с теми же наручниками на руках и мешком на голове, и долго куда-то везли, а потом поставили на ноги и повели по каким-то коридорам. По крайней мере, каждой показалось, что это коридоры. А потом Альфию бросили на диван, а Настю посадили на стул и, наконец, сняли мешки, хотя и оставили скованными руки. Они увидели друг друга, а еще перед собой — трех мужчин в форме. Комната, где они находились, была похожа на обычный кабинет какого-то мелкого чиновника, вот только на окнах — решетки.

Альфия только попыталась спросить:

— Как ты?

Но от старшего из мужчин сразу услышала окрик:

— Говорить, когда я скажу! И говорить, о чем я спрашиваю! Это вам не следственный отдел, это — тюрьма! Здесь вы никто, поняли?! И адвоката тут не будет! Быстро мне сказали: кто вас послал, чтобы вывезти отсюда Звездочётку?!

Альфия молчала, а Настя ответила:

— Искандер Мухидинов.

— Из Каластана? — спросил офицер, поняв, что именно Настя — более слабая из этих двоих.

— Да.

— Номер телефона помнишь?

Настя назвала цифры. Офицер тут же вытащил свой телефон и стал набирать номер.

Искандер был в Чарахкале. Был не как помощник Влада, а как сотрудник службы безопасности Первого банка Каластана. Тех, кто выполнял такую работу, как он, в разных

районах республики, вызвал к себе на совещание начальник. А теперь он вышел из здания банка и направлялся к своему красного «Фольксвагену», чтобы ехать домой и заниматься обычными делами. Ну, как — обычными? Пока Влад с Марьям находились в Хасанкале, дела обычными ни были, точнее, к обычным добавлялось много новых. А тем более — с этой историей. Но тут в кармане завибрировал телефон. Номер был незнакомый, но он ответил на вызов. И услышал в трубке:

— Искандер Мухидинов?

Это было сказано официальным тоном, так говорят полицейские, подумал он. Но оказалось, что ошибся.

— Это говорит полковник Недобоженко. Знаешь такого?

— Слышал, — ответил Искандер.

— Ну тогда слушай внимательно. Ты знаешь, где я работаю? Так вот, сейчас здесь, в СИЗО, прямо передо мной сидят твои две девки. Альфия и Настя. И они уже арестованы. Да какая тебе разница, за что? Арестованные — значит, будут сидеть. А пока будут сидеть, я с ними могу делать, что хочу, понял? А я хочу их посадить в восемнадцатую камеру. Ту самую, откуда вы с ними у меня двух украли. Вот эти две и займут их место. И будут делать все, что делают остальные, а ты как думал? Если ты мне не привезешь назад Анисимову и Ребро. У тебя есть три дня. Пока там другие три будут «отрабатывать». Если не успеешь — следующими пойдут они. Если сделаешь, как надо, — твоих переведу в обычную камеру, там и сидеть, чтобы у вас никто ничего никому не сказал. А тех — на их место. Только, когда этих двух назад повезешь, все бумажки с собой прихвати. Понял?

— Понял, — ответил Искандер. И услышал:

— Тогда жду звонка, когда привезешь... товар.

Связь прервалась. И сразу раздался сигнал Вайбера. Открыв приложение, Искандер увидел фотографию Насти и Альфии, они сидели, растрепанные, в каком-то кабинете, кажется, с руками, скованными за спиной. Вот еще одно фото, Настя сидит на коленях мужчины в форме, его лица не видно. Искандер закрыл фото и начал набирать номера. Через пять минут он встретился с тремя мужчинами, и пересказал им услышанное.

— Кто их в это втянул? — спросил старший. Искандер объяснил, а потом предложил:

— Поехали к нему.

— Едем! И лучше, если он сам объяснит...

Открывая дверь дома, Влад подумал, что встревоженный Искандер на пороге — это становится уже едва ли не традицией. Вот только тогда он был один, а сейчас с ним еще трое. Один, похоже, русский, а другие двое — или тоже хасанийцы, или представители какого-то другого народа Каластана. Открыл дверь и сказал:

— Заходите. Что-то случилось?

— Да, — сказал Искандер. А один из мужчин оттеснил его, — Влад со своей палкой едва не упал, — и завопил:

— Ты во что женщин втянул, черт побери?!

И попытался ударить Влада в грудь. Тот увернулся, сделав поворот на здоровой ноге, и первый из мужчин мимо ворвался в дом. Второй тоже стал наступать, а Искандер с тем, которого Влад определил, как русского, остались позади.

— Стоять! Вы в мой дом пришли, а не я к вам — закричал Влад. А сзади, из коридора, донесся голос Марьям, которая что-то говорила гостям на непонятном языке. Как ни

странно, те успокоились, Искандер с русским тоже вошли в дом. Все прибывшие были ниже Влада минимум на полголовы, а это, он знал, дает в разговоре психологическое преимущество. Стукнул палкой по паркету и сказал:

— Так, успокоились все! Хотите что-то обсудить — говорите. Проходим сюда, садитесь, рассказываете, что произошло. И кто вы, черт возьми, такие, что врываетесь в чужой дом! Искандер, хотя бы ты объяснил, что происходит.

Один из прибывших о чем-то переговорил с Марьям, а потом все, как и предлагал Влад, расселись по диванам и креслам в «комнате с волком».

— Я — Мансур Ильясов, — сказал старший из мужчин. — начальник уголовного розыска МВД Каластана. Это мой заместитель, Александр Пивоваров. Мой брат, Али. И его жену, Альфию, ты в такое втянул... Она попала в беду. Рассказывай быстро!

— Сначала объясните, что произошло. Это вы знаете, а не я, — спокойно заметил Влад. — Если вы думаете, что я испугаюсь слов «уголовный розыск», — нет, не испугаюсь, у меня десять лет адвокатского стажа... Так что давайте не кричать, а искать выход из ситуации.

Искандер рассказал о звонке полковника Недобоженко, пересказав его почти дословно. Марьям побледнела. А Влад сказал, как если бы это не вызвало никакого сомнения:

— Надо вызволять девчат. Если даже... мы выполним его требования, нам это ничего не даст, их не освободят.

— Но не будут насиловать, — отметил Пивоваров.

— Ну, разве что... Но это не результат. Надо их освободить... и кардинально решить этот вопрос. Сейчас я вам расскажу, что происходит. А вы пока думайте, какие силы можно привлечь. Деньги я дам, если потребуется. Любые. А вот сила есть у вас.

— Если надо — вызовем спецназ, — сказал, заметно успокоившись, Мансур Ильясов. — Хоть из Грозного. Но надо знать, что делать...

— Их отец — замминистра внутренних дел в Чечне, — пояснил Искандер. — И он уже знает. Али ему звонил, пока мы сюда ехали.

— Я так и думал... — пробормотал Влад себе под нос. Он сразу догадался, что братья — чеченцы. Это было видно по тому, как разговаривала с ними Марьям, — а она сама говорила, что на родном языке с другими хасанийцами разговаривать по их обычаям теперь не может, а вот чеченский язык знает настолько хорошо, что ее саму принимали за представительницу этого народа. Все это пронеслось в мозгу автоматически, как только он услышал их разговор. — Значит, я вам расскажу, что там происходит. Если хотите задействовать спецназ... лучше, чтобы их командир приехал сюда как можно скорее. Чтобы спланировать все... Сколько нам дали времени, три дня? — Все заметили, как он сказал это «нам». А потом Влад поднялся и, несмотря на палку, стал ходить по комнате. — Марьям, тебе придется... Можешь сесть за руль? Вот и хорошо. Бери машину, лети на базу, хватай Татьяну и вези сюда. Скажи, что Настя и Альфия в беде, она согласится, но Искандер мне нужен здесь, а больше никому, кроме тебя, она не будет доверять.

— Там еще и вторая девушка теперь, Ева, — подсказал Искандер.

— Да, ее тоже вези сюда. Сможешь?

— Да. — Марьям была все еще бледной, но взгляд был твердым. — Какую машину взять?

— Какую хочешь, выбирай, что тебе удобнее. Искандер, поможешь открыть ворота?

Брат и сестра вышли из комнаты, а Влад начал рассказывать ту часть истории, которую

должны были знать гости.

Когда в комнату вошли Марьям с Татьяной и еще одной девушкой, — это и должна была быть Ева, — Влад как раз выслушивал рассказ Али. Перед тем он высказал недоумение:

— Семья, в которой одни полицейские, а Альфия помогает бывшим заключенным...

— Она этим продолжила заниматься. Она ко мне сначала по делам фонда своего пришла, — пояснил Али. — Я продукты поставлял в СИЗО, здесь, в Чарахкале. Стал уговаривать, чтобы качество было лучше... А потом... Но сказала, что продолжит после свадьбы этим заниматься, я не возражал...

Влад сделал вывод, что это — обычная ситуация: сын большого полицейского чина из одного региона служит в другом, где есть диаспора, в данном случае, чеченская. А второй сын занимается бизнесом, зарабатывает деньги, пользуясь этими связями. Всем удобно. Это не просто Россия, это Кавказ... И тут же обратил внимание на вошедших.

— Заходите, девушки. Это — Ева, так? У нас сегодня без церемоний. Не до того.

Марьям заметила, что кроме тех, кого она уже видела, здесь присутствует еще один мужчина. Лет сорока, высокий, с бородой, в камуфляже и с кобурой на ремне. Она решила обратиться к нему на чеченском языке, и не удивилась, получив ответ. Это был тот самый командир спецподразделения из Грозного, которого упоминал Влад. Либо успел домчаться, пока она ездила за девушками, подумала Марьям, либо уже был в пути.

— А что случилось? — спросила Татьяна. — Марьям только сказала, что Настя и Альфия попали в беду...

И стала слушать рассказ. А когда услышала, какие требования выдвинул полковник Недобоженко — у нее подкосились ноги. На помощь ей бросился Пивоваров, подхватил и довел до ближайшего кресла. А Влад спросил:

— Марьям, а где у нас коньяк..? О, так лучше...

А Татьяна немного пришла в себя и тихо, с надрывом, спросила:

— Зачем тогда вы сделали это? Зачем... дали надежду... что все будет... нормально?

— Стоп! — прервал ее Влад. — Ты что, думаешь, мы тебя сюда привезли, чтобы отдать назад Недобоженко?!

Ее глаза округлились:

— А разве нет..?

— Хорошего же ты о нас мнения..! — На лице Влада мелькнула мрачная улыбка. — К тому же, даже если бы мы сделали это, что бы это нам дало? Нет, мы пойдем другим путем... — В голове Влада мелькнуло, что Татьяна, а тем более — Ева, Искандер и Марьям, моложе его, не застали или почти не застали советской реальности даже в детстве, и им эта фраза вряд ли что-то скажет.[1]

— Но... зачем я тогда вам нужна?

— Ты там, в СИЗО, провела много времени, и знаешь женский блок изнутри. Может возникнуть необходимость в штурме, — пояснил Влад. — Помнишь, Марьям, как мы в свое время обсуждали это и смеялись? А оно вон как обернулось... Так вот, с этим вот красивым мужчиной, — он указал на бородача в камуфляже с пистолетом, — кстати, его зовут Шамиль, и именно ему придется командовать, если до штурма дойдет, — так вот, вы с ним идете в соседнюю комнату. Там есть стол. И ты рисуешь план тех помещений, которые там знаешь. Ева, может, поможешь..? Вот и хорошо... А нам надо сделать еще одно...

— Что именно? — спросил Али.

— Подготовить юридическую базу... Мы же не будем... просто организовывать побег, верно? Нам надо, чтобы девушек освободили по закону, правда?

— Как это сделать? — спросил Мансур Ильясов. Марьям заметила, что командир спецназовцев с Татьяной и Евой исчезли в соседней комнате, а за ними последовал Александр Пивоваров. А еще поняла, что эти полицейские, со всем их опытом, почему-то признали лидерство Влада в этой операции. По крайней мере, прислушивались к тому, что он говорил, и это нельзя было объяснить только тем, что все находились именно у него дома.

— Очень просто. Сейчас Али и Искандер едут в Чарахкалу и подают заявление о преступлении. Захват заложников, незаконное лишение свободы, превышение власти, вымогательство... Сразу возбуждается уголовное дело. — Влад улыбнулся. — Это заявление же точно не будут скрывать от учета! В рамках дела следователь, — вы же найдете следователя из ваших? — сразу допрашивает Татьяну и Еву о том, что происходит в восемнадцатой камере, и вообще в Южанском СИЗО. А потом быстро получаете документ на обыск, — как это у вас происходит? Не удивляйтесь, я адвокатом работал не здесь, а в Украине, у нас другой процесс... Но после этого вам никто ничего не скажет, особенно, если вы... прикроете такую лавочку. Даже с использованием подразделений из Чечни. Кстати, в Южанском крае есть колонии... мужские?

— Да, — ответил Мансур. — Одна, в Красном. Это километров семьдесят от Южанска.

— Надо полагать... ваши там тоже сидят? — Влад имел в виду чеченцев. Мансур кивнул. — Было бы неплохо как раз в этот день... ту колонию немного взбунтовать.

— Зачем?

— А для того, чтобы «тюремный спецназ», который подчиняется нашему другу, полковнику Недобоженко, послали туда, подавлять беспорядки. И он не смог оказать вам сопротивление в Южанске.

— А это идея! — протянул Мансур.

— Но это же сколько времени на все уйдет... — сказал Али.

— Лишних... ну, пусть полсуток, полсуток, если все быстро сделать, — сказал Влад. — Кроме того, подразделениям из Грозного все равно нужно будет добраться туда, а путь не близкий. Я понимаю, что для вас значит... каждый час, пока Альфия там. Правда, думаю, о том, что до худшего у нас есть трое суток, этот Недобоженко не врал... Но... тогда мы все сделаем, как надо. Верно я говорю, Мансур?

— Да, — согласился тот, а потом что-то сказал брату на родном языке. И снова обратился к Владу. — Вы... нам поможете?

— Всем, чем надо, — серьезно ответил тот. А потом достал из кармана смартфон, который как раз подал сигнал о полученном сообщении. — Больше того, тут сложилось так, что... я поеду с вами.

[1] Фраза: «Мы пойдем другим путем!» — по советской традиции приписывается В.И.Ленину. На самом деле взята и перефразирована из поэмы Владимира Маяковского, посвященной Ленину. Широко известна благодаря одноименной картине.

21. Лавина с гор.

— Я здесь сойду с ума, — тихо сказала Настя. Они с Альфией находились в восемнадцатой камере уже больше суток. Без какой-либо связи с внешним миром. Правда, для тех, кто уже находились здесь, они и были такой связью, — старые пленницы были удивлены, что новенькие знали, как кого зовут. Но, выслушав всю историю, приуныли. Все

это означало: шансов, что для них что-то изменится к лучшему, нет. Если те, кто пытался помочь, сами присоединились к ним... Что до новеньких, им на себе приходилось испытывать то, о чем раньше только слышали. Им сразу дали понять, что поблажек не будет. Есть хотелось всем, а если откажутся сразу двое, это будет означать — два дня без еды...

Было утро. Только что в камеру втолкнули после очередного «отработки» Наталью Лобову, арестованную мелкую взяточницу. Она находилась здесь уже несколько месяцев, и утратила способность плакать. А теперь открылась «кормушка», в которой было видно лицо баландера.

— А ну, девчонки, есть хотите? О, да тут новенькие? А показать ничего не хотите? Вот ты, черненькая! — Он показал на Альфию. Сокамерницы зашикали, и пришлось выполнить требование. — А вкусенького хотите..?

Через полчаса подруги сидели рядом на кровати и разговаривали шепотом, чтобы не слышали другие.

— Как ты... могла? — спросила Настя. — Что тебе Али скажет..?

— Еще надо, чтобы у него появилась такая возможность. — На лице Альфии появилось что-то похожее на улыбку.

— Так ты что, пойдешь..? — Настя не закончила, но все было понятно. Она еще не могла осознать, что и над ней нависла такая же угроза.

— У нас с Али давно договорено, — пояснила Альфия. — В случае чего... это же бизнес, все может быть... Он сам мне говорил: если тебя украдут, чтобы выжить, выполняй все, кроме... самого худшего. Понимаешь? Чтобы продержаться... Пока придет помощь.

— Какая здесь может быть помощь? — Настя быстро отчаялась, попав в ловушку. Альфия подумала, будет ли она продолжать работу в фонде, когда они выберутся отсюда? И ответила:

— А ты думаешь, нас здесь бросят? Ты знаешь, кто такой мой муж, и какие у него родственники. И ты видела этого Бурсака. Неужели ты веришь, что... они ничего не сделают?

— Я не знаю, что они могут сделать, — пожала плечами Настя. — Мы здесь по решению суда, а не просто так... Разве что... отдадут им Таню и Еву? Но тогда... кем будем мы? И нас не выпустят после этого, только отсюда заберут. — И подумала: хотя и это уже будет неплохо...

— Ну да, по решению, они в отношении нас даже формально нарушили все, что можно. Мы для них проходим по одному делу, а, значит, не должны находиться в одной камере. Ты понимаешь, что это значит? Они пошли ва-банк. А что касается... наших... Если бы они хотели отдать... тем... Таню с Евой, это можно было бы уже сделать. Мы бы тогда были в общей камере, но они не сделают этого. Я не знаю, что они придумают. Но... они знают, сколько времени у них есть... до худшего. Или у нас... Потому что Недобоженко сам сказал. Ты же слышала... Я уверена, они что-нибудь придумают. Нам надо продержаться, — повторила Альфия.

— Ты действительно веришь в это?

— Это не вера, это уверенность. И расчет.

— Хотела бы я быть такой уверенной... — протянула Настя. Альфия только подумала: так что же тебе мешае..? С Настей она дружила давно, еще до своей свадьбы, и знала, что у той нет такого твердого характера, как у нее самой.

Татьяна нервничала, сидя в микроавтобусе с логотипом Первого банка Каластана. Да, ей все объяснили, да, она дала свое согласие на участие в этой операции. Она поверила этим людям, но в глубине души шевелился червячок сомнения: в конце концов, она для них — никто, в отличие от Насти и Альфии...

— Волнуешься? — тихо спросил Александр Пивоваров, сидевший рядом. Он был переодет в форму охранника банка, как и двое спецназовцев из Чечни. К счастью, по внешности отличить чеченца от представителя одного из народов Каластана было невозможно, да и «собственных» чеченцев там хватало. Во втором таком же микроавтобусе в почти такой же компании сидела Ева.

— Очень, — призналась она.

— Не волнуйся. Мы едем не для того, чтобы проиграть... С тобой все будет в порядке. — Он улыбнулся. — Я прослежу.

Микроавтобусы въехали на территорию полуразрушенного, давно неработающего завода. Именно здесь назначил встречу для передачи «товара», как назвал он Татьяну и Еву, полковник Недобоженко. Нужно было только ждать.

Те, с кем должна состояться встреча, тоже приехали на микроавтобусе, черном «Фольксвагене» с тонированными стеклами.

— Очень хорошо, — сказал Пивоваров. Именно он руководил этой частью операции.

— Почему? — спросила Татьяна. А он взял портативную рацию и сказал:

— Готовимся. Их больше пяти.

— Почему? — повторила Татьяна.

— В их автобусе восемь мест. Один — водитель, — пояснил Александр. — Еще два они приготовили для вас. Остается пять... Даже если больше — ничего страшного. Так, сейчас выходим. Сцепи руки за спиной. Пусть для них выглядит так, как будто ты в наручниках, понимаешь?

— Да. А... — Она хотела спросить, не воспользуется ли он ими на самом деле. Но, поймав взгляд оперативника, решила не продолжать.

— И помни, что у тебя послезавтра первый рабочий день на телевидении, — с улыбкой сказал Пивоваров. — А моя задача — доставить тебя назад до тех пор.

Она кивнула. И только теперь поверила. Или, точнее, окончательно поняла, что хочет верить. После такого обещания отдать-таки ее Недобоженко — было бы слишком жестоко. И для освобождения Насти с Альфией это не нужно. А Саша, — так он просил себя называть — не садист...

С переднего пассажирского сиденья второго микроавтобуса появился Искандер. А из черного «Фольксвагена» вышел полковник Недобоженко. За ним появились еще трое мужчин в камуфляже и с автоматами. Для того, чтобы доставить в СИЗО двух девушек, автоматы не были нужны, но Недобоженко явно хотел произвести впечатление на оппонентов. Даже оставил при себе нескольких спецназовцев, когда остальных отправили в Красное, где в колонии начались беспорядки. Искандер о чем-то переговорил с Недобоженко, передал ему папку с какими-то бумагами, а потом махнул рукой в сторону микроавтобусов.

— Работаем! — сказал в микрофон Пивоваров. А потом они вышли из машины: мужчины тесно обступили Татьяну, державшую руки за спиной, и делали вид, что удерживают ее за локти. Двое из второго микроавтобуса таким же образом вывели Еву. К ней пошли двое из людей Недобоженко, а сам он с еще одним подошел к Татьяне.

— Думала сбежать от меня? — сказал с жестокой улыбкой. — Я же тебе обещал — пятнадцать лет, и каждый день вспоминать... — Полковник протянул руку, чтобы похлопать ее по щеке. Но вдруг получил подсечку от человека в форме охранника банка, — а на самом деле заместителя начальника уголовного розыска Каластана Александра Пивоварова, который одновременно выкрикнул что-то, — и вот уже полковник лежит лицом вниз на асфальте, двое бородатых мужчин в той же форме охранников надевают наручники уже на него, а другие — на его людей. А Татьяна, Танька-ветеран, вдруг оказывается со свободными руками и... со всего маху бьет полковника ногой в лицо.

— Тихенько, тихонько, — говорит ей Александр. — Лежачего не бьют, тебя что, не учили? — Но на лице его — улыбка. А из-за полуразрушенного корпуса завода быстро выкатываются два бронированных внедорожника «Тигр», и вот уже оттуда появляются еще с десяток людей в камуфляже. Когда полковника проносят, — лицом вниз, — мимо одного из броневиков, он успевает заметить номерной знак, — полицейский, но регион — Чеченская Республика? При чем они тут? Но его бросают не в «Тигр», а в один из микроавтобусов. Тот оборудован, как маленький передвижной офис, его сажают в кресло, а напротив садится тот самый «охранник».

— Ваша лавочка закрывается, Недобоженко. Я — заместитель начальника уголовного розыска МВД Каластана подполковник Пивоваров. А вы — задержаны. И мы сейчас едем назад, в Чарахкалу. А вам лучше сразу же, прямо здесь, по дороге, начать рассказывать, чем вы там занимаетесь, и не только о восемнадцатой камере. А вообще о вашей организации по торговле людьми, и кто в нее входит, кого и куда она отправляет. — Он повернул голову к водителю. — Поехали. Писать на ходу — неудобно, но нам не привыкать.

Два микроавтобуса в сопровождении «Тигров» выехали на трассу, где перед ними пристроился полицейский автомобиль с «мигалками». А Тимофей Недобоженко, глядя на все это в окно, убеждался, что не только для женщины, которая отказала не тому, кому нужно, жизнь может измениться в одно мгновение и навсегда.

— Еще никогда не проезжал такое расстояние... так быстро, — сказал Влад.

— Я тоже, — проворчал водитель. Его звали Муса, и он устал ехать всю ночь. — Да еще и в колонне.

— А мы привыкли, — пожал плечами на переднем сиденье Мансур Ильясов. — Тем более, у нас сопровождение.

— А еще я никогда не ездил в колонне спецподразделения. Тем более — из Чечни, — улыбнулся Влад. Если строго придерживаться правды, это было не совсем так. В колонне были несколько гражданских машин — не только их «Мерседес». В Южанск ехали и несколько лучших адвокатов Каластана, среди которых был и Салман Таханов, — их задачей было быстро добиться отмены меры пресечения Насти и Альфия. — А дальше что?

— А дальше мы встречаемся с «броней». Кстати, вот они. Но вместо объездной въезжаем в город и направляемся к СИЗО. А другие экипажи — в суд, в отдел полиции... Наша задача — вытащить девушек, а они проводят обыски. Вы на что хотите посмотреть? О! — В кармане Мансура ожила рация. — Саша говорит — Недобоженко взяли, везут в Каластану.

— Девушки в норме? — спросила Марьям, сидевшая рядом с Владом на заднем сиденье.

— А что им сделается..? Тоже едут назад, второй машиной. Не надо им в одной машине с полковником быть... — Мансур улыбнулся. — Хотя Саша пожалеет.

— Почему?

Мансур вернулся на сиденье и посмотрел на Марьям.

— А ты что, не увидела, что они с вашей Таней... глаз положили друг на друга? — Он улыбнулся. — Саша давно разведен, точно говорю, там что-то будет... Но это их дела, а пока он по дороге этого полковника точно «расколет».

Часть колонны, в том числе и их «Мерседес», пристроилась за четырьмя БТРами и несколькими «Тиграми», и на развязке они свернули с трассы в город. Остальные машины, в сопровождении экипажей с «мигалками», поехали дальше. Влад знал, что сейчас будет происходить. Такого точно еще не видел Южанск. Несколько очень уважаемых адвокатов из Каластана придут подавать процессуальные документы в сопровождении спецназовцев, и судебные заседания будут назначены молниеносно. А в это время другие полицейские, все, как один, из Каластана, проведут обыски у собственных южанских коллег, изъяв некоторые интересные материалы. И даже в по меньшей мере одном суде... Все это было санкционировано судьями из Каластана. Такого еще не было, возможно, во всей России, но и дела такого, кажется, не бывало... Да и двери нескольких квартир будут выбиты тяжелыми ботинками бородачей в камуфляже. Вряд ли кто-то будет сопротивляться.

Мансур о чем-то поговорил по телефону, а потом сказал:

— О, все интереснее! Полковник всех сдает, и там такие люди... Сейчас буду отправлять людей на задержания. — И стал отдавать по телефону какие-то распоряжения на непонятном Власть языке. Зато все понимала Марьям, которая молча кивала, выслушав очередную фразу. Мансур, в свою очередь, понимал, что она понимает, но не возражал, а Влад не стал прямо сейчас расспрашивать. Все подробности он узнает потом. Сейчас они неважны. Между тем, колонна подъехала к СИЗО, техника окружила его, заблокировав все выезды. «Мерседес» остановился прямо напротив главного входа, Мансур выскочил наружу, из еще одной легковушки вышел один из следователей, а из «Тигра» — Шамиль со своими людьми. Другие стали выходить из БТРов, а эти трое направились к двери СИЗО, и Шамиль что-то первым сказал охране. Кажется, требовал, чтобы к ним срочно вышел начальник.

Обитательницам восемнадцатой камеры нечего было делать. Разве что ждать обеда? Сегодня никого из них не должны были вывозить ни в суд, ни к следователям. Но вдруг загремели двери, и с порога выкрикнули:

— Ильясова, Попова, быстро на выход!

Настя и Альфия быстро вскочили, и побежали к двери. Альфия только успела сказать:

— Бывайте, девочки, это скоро закончится!

Настя спросила одного из охранников:

— Что случилось?

Тот криво усмехнулся:

— За вами приехали!

Больше он ничего не объяснил, но уже через несколько минут они оказались на улице. — даже у Альфии расширились глаза, когда она увидела рядом БТР. А за ним — знакомый белый БМВ мужа, который обнял ее, а затем вместе с Настей посадил в машину:

— Едем домой!

— Побег из-под стражи? — пошутила Настя; теперь она могла шутить.

— Да вы что? Как можно? — К ним подошел со своей палкой Влад и наклонился над окном машины, — стекло опустилось, когда он приблизился, поэтому услышал последнюю реплику Насти. — Освобождены на основании решения суда, представь себе, в нем указано

на обыск СИЗО, чтобы освободить лиц, содержащихся там, как заложники! Надеюсь, вы дадите дома показания о том, как вас захватили, и что сказал ваш друг полковник, потому что иначе я не завидую судье, который это сделал! Но другого выхода не было, а адвокаты уже работают. Так что сегодня будете дома.

— А... Таня и Ева, у них все в порядке? — на всякий случай спросила Настя. Ей ответил Мансур, оказавшийся рядом:

— Тоже едут домой. У них теперь хорошая «крыша» есть, — улыбнулся. — Ну, хорошо, вы тоже отправляйтесь. А мы поехали работать. Влад, вы по вашим делам? Вам сопровождение дать?

— Спасибо. Лишним не будет.

А потом, когда все полицейские отошли в сторону, достал телефон и сделал в мессенджере звонок абоненту в Киеве.

— Спасибо, что сообщили, я сейчас решаю этот вопрос. А я вам в ответ... Если вы уже установили там кого-то из этих торговцев людьми, — берите. Немедленно. Здесь сейчас как раз зачищают... с этой стороны.

— Вот за это спасибо! Приступаем! — сказал Полынный. — Кстати, может быть, на днях у меня будет для вас, наконец, хорошая новость...

Если у тебя есть все необходимые документы, ты приезжаешь на большом черном «Мерседесе» с водителем, и тебя сопровождают двое молчаливых парней в камуфляже, — а все вокруг уже знают, что такие же парни только что едва ли не взяли ли штурмом следственный изолятор, два отделения полиции и суд, а также повязали нескольких не последних людей в городе, — скорость оформления всех необходимых разрешений просто невероятная. Особенно, когда ты — в своем праве. И вот Влад уже находится в учреждении, на табличке у входа в которое — красивое официальное название, но суть которого остается той же, как и много лет назад: это — детский приют. И сидит напротив пожилой женщины, полной, кажется, лучших намерений.

— Конечно, Андрей переживает арест матери, — говорила она. — И... он домашний мальчик, не привык к нашим условиям, а у нас здесь всякие есть... Но у него такая реакция: на слово — удар! Да, я понимаю, это плохо, когда его другой ребенок «хохлом» назвал, но...

— Все правильно сделал, — улыбнулся Влад. — Но, как вы понимаете, я вас избавлю от этой проблемы.

— Конечно, так будет лучше!

А из-за закрытой двери кабинета послышался детский голос:

— Точно ко мне? И кто здесь может прийти ко мне?

— Сейчас увидишь...

Влад поднялся со стула, дверь открылась, и в кабинет вошел мальчик. Высокий для своих одиннадцати лет, худенький и в очках. Увидев Влада, остановился на пороге, казалось, он не верил своим глазам.

— Папа? Откуда ты... — А потом подбежал и обнял.

— Приехал забрать тебя отсюда!

— Это... очень хорошо! — Он посмотрел на женщину, — директора приюта, — и тихонько сказал: — Здесь плохо!

Но она не обиделась, а только ответила:

— Конечно, дома лучше!

— Это точно! — сказал Влад. Потом посмотрел на сына. — И ты еще увидишь, какой это дом... Мне трудно ходить по вашим этажам, кто-нибудь поможет Андрею собрать вещи? А я буду ждать здесь.

— Конечно.

Через десять минут они уже спускались по лестнице, мальчик нес небольшую сумку, а отец — папку с документами. В ней оказался даже паспорт ребенка, — можно было не ехать в консульство, в Ростов, чтобы сделать новый.

— Пап, а почему ты с этой палкой? — спросил Андрей. Влад ответил чистую правду:

— Одна плохой человек наступил на ногу.

Но Андрей оказался наблюдательным, — в отца, подумал Влад:

— Наступил? Но у тебя, кажется, болит колено!

— Наступить можно по-разному, — улыбнулся Влад. Затем сын задал другой, казалось, важный вопрос:

— А... мама говорила... у тебя какая-то тетя Катя... Она здесь?

— Нет. — Влад думал, как все объяснить. — Ее нет, есть тетя Марьям. Сейчас ты с ней познакомишься. Она нас в машине ждет.

Почему-то это известие успокоила мальчика, Влад только подумал, что же такого наговорила ему Ольга о них с Катей. Но надеялся, что с Марьям проблем не будет. Ей он все давно объяснил.

— В машине? А куда мы едем? У тебя есть машина?

— Есть, и не одна, но эта — не совсем моя. С такой ногой я не могу сесть за руль, — объяснил Влад. — А едем мы домой. Это, правда, не близко. На Кавказе.

— Ты теперь там живешь? — Мальчик понял, сколько произошло всего за то время, что они не виделись с отцом. Но, казалось, унаследовал способность делать логические выводы: если папа приехал за ним сюда, — значит, живет где-то в России... но подробности можно было выяснить потом.

— Иногда там, иногда — в Киеве. Мы туда полетим, но чуть позже. — Наконец, они спустились на первый этаж и вышли на улицу. — Пойдем вон туда, к «Мерседесу».

— Мы поедем в горы?

— Да. Только ехать нам долго. А что?

— А я никогда не бывал в настоящих горах...

Перед тем, как отправиться в Каластан, они решили пообедать в небольшом ресторане в центре Южанска. Влад радовался, что Андрей с Марьям, кажется, нашли общий язык. К ним присоединился Искандер, с которым Муса сразу договорился, что они будут меняться за рулем. О том, что права есть и у Марьям, они и не вспомнили. Влад и этому был только рад. Он позвонил Мансуру Ильясову и сказал, что отпускает офицеров, сопровождавших его. А потом стал краем глаза смотреть телевизор, висевший на стене. Федеральные российские каналы уже рассказали, что в Южанске происходит какая-то непонятная, но масштабная спецоперация, которую проводят, в том числе, полицейские из Чечни.

— Представляете себе, как они перепугались, — улыбнулся Искандер. — Половина России, наверно, вспомнила рейд Басаева на Буденновск.

— Разве они не знают, что сейчас такое невозможно?

— Как тебе сказать... Может быть, и знают, но фраза: «в российском городе работает чеченский спецназ» — звучит для многих почти так же.

— Я не руоссиянин, — пожал плечами Влад. — Мне нет дела до того, кто и чего здесь боится... Но... ты меня извини, для нас «чеченский спецназ» — не такая уж и торговая марка. Вероятно, ты знаешь, их много погибло у нас на Донбассе...

— Возможно, даже кое-кто из тех, кого ты сегодня видел, там были. И БТРы эти ехали под предлогом передвижения в Ростовскую область, к границе, хотя они туда и не доедут... Но... здесь им не противостоит армия, правда? Обычная городская полиция и охрана СИЗО которая просто испугалась, не допустила обыска и вывела тех, кого у них требовали, выдала все документы, так что не понадобилось никакого штурма. А потом провели несколько обысков. Вот ты смотри, мы здесь сидим, люди спокойно ходят по улице... Но в половине России — паника из-за того, что говорят по телевизору. Тем более, они не понимают, в чем дело, и представляют, что город кто-то захватил, точно говорю... — Теперь пожал плечами Искандер. — А вообще, для наших друзей из Чарахкалы и Грозного это будет очень большое дело, — те и другие выигрывают в каких-то своих играх. Может быть, даже с Москвой. Они будут тебе очень благодарны, ты им такую возможность подарил...

— Да, Шамиль уже звал в гости в Грозный.

Искандер в секунду задумался.

— Ехать или не ехать — твое дело. Но я бы на твоём месте сохранил его номер... Да и Мансура тоже. Неизвестно, когда может пригодиться.

— Это я уже сделал. Страна такая, что лишний номерок, на самом деле, лишним не бывает. Что у нас, что у вас...

22. Показанная картинка

Следующий после операции день у всех был разный.

Тимофей Недобоженко привыкал к превращению из тюремщика в заключенного, — каластанский судья мгновенно санкционировал арест. Мансур Ильясов, Александр Пивоваров и команда следователей работали с задержанными, — их было много. Недобоженко «сдал» всех, кого знал, еще по дороге в Каластан. Часть оперативников и следователей остались в Южанске, чтобы продолжать «зачистку» с помощью спецподразделений из Чарахкалы и Грозного. Для обычных жителей столицы края разницы между ними все равно не было.

Влад, Марьям и Андрей просто отдыхали в хасанкалинском доме. Даже водителя на этот день отпустили, — Влад сказал ему ехать домой.

— Мне еще машину надо поставить в гараж, — сказал вечером измученный долгой дорогой Муса.

— Ты в собственном доме живешь?

— Конечно.

— Тогда поезжай домой, поставишь машину у себя во дворе. Если кто-то на работе что-то скажет, — говори, это я приказал. Только смотри, чтобы не украли. — Оба знали, что угоны машин в Каластане были чрезвычайной редкостью. Благодарный Муса поехал отсыпаться.

Андрею было интересно. Он впервые оказался на Кавказе, — и вообще в горах. И в таком роскошном доме раньше не жил. И целых три автомобиля во дворе. Правда, папа сейчас водить не может, и они все устали. Но завтра, — он попросил, а остальные согласились — они поедут посмотреть город. Искандер, — как оказалось, брат Марьям, — обещал много чего показать. А пока ему тоже надо было отдохнуть. Но самое главное — папа рядом... Хотя ему и надо будет завтра поехать по делам...

А у Татьяны должны были быть насыщенные день и ночь. На самом деле, они с Евой успели даже поспать несколько часов, когда вернулись на базу отдыха. Но сегодня Татьяна должна была переезжать в квартиру, которую сняли для нее. Первый месяц аренды оплачивал фонд, где работали Настя и Альфия. (На самом деле, деньги на это дал Влад, справедливо полагая, что прямой помощи Татьяна не примет. Он думал, что это самое малое, что он мог для Татьяны сделать.) А вот с переездом должна была помочь Наталья. Альфии, а тем более Насте, тоже надо было отдохнуть. Альфия осталась дома с мужем, а Настя решила на несколько дней поселиться в том же коттедже в горах. Ева согласилась пожить там с неделю, пока не будут арестованы все причастные к преступлениям в Южанске, но потом хотела вернуться в свой астрологический салон, — несмотря на едкие шутки, способность к которым вернулась к Насте. Ева же твердо решила, пока они здесь вместе, составить ей гороскоп.

Итак, Татьяна переезжала. Если это так можно было назвать, потому что из вещей у нее были только смена одежды и смартфон. Хорошо хоть, квартира была с мебелью и всем необходимым. И дешево, потому что на окраине. А самое главное, до местного телецентра, где она должна была начать работать, — с километр. Можно ходить пешком. Она поинтересовалась у Альфии, безопасно ли в Чарахкале ходить по темным улицам, — та ответила: «Это тебе не Южанск!». Это был важный вопрос, потому что работать она должна была начинать редактором в ночную смену. Татьяна понимала, почему. Местный канал вещал круглосуточно, но ночью было... спокойно. Не было ни экстренных новостей, ни гостей студии, которыми нужно было заниматься. Только следить, чтобы все шло без происшествий, чтобы не нарушалась программа... Хотя за нее и замолвили слово (сама Татьяна считала, что только девушки из фонда, и понятия не имела, что просьбу высказал еще и Влад Бурсак), но новый начальник хотел сначала посмотреть, как она справится в спокойной обстановке. Татьяна вздохнула, — после такого почти не выспалась, а теперь еще одну ночь не спать, — но и винить его не могла. И была полна намерений показать, что работу на телевидении не забыла.

Начальника звали Кемаль Атабов, или «просто Кемаль», как он просил к себе обращаться. Здесь почти не употребляли отчество, это Татьяна поняла сразу. И уже, когда она должна была через полчаса идти домой (наконец, выспаться), он вдруг вошел в комнату, где сидела Татьяна с еще несколькими сотрудниками.

— У нас беда! — сказал он.

— Что случилось? — спросил Максим, работавший за соседним столом.

— Развозка в аварию попала! Все в больнице.

Общественный транспорт по ночам не работал, поэтому, Татьяна уже поняла это, сотрудников, кто не имел собственных машин, забирал в таких случаях на работу служебный микроавтобус. А теперь, значит, кто-то не доедет...

— Кто там был? — спросил еще один сотрудник, Назим.

— Новостийщики... Оля, Дмитрий...

— Оба ведущих?! — переспросил с ужасом Максим.

— В том-то и дело! — Кемаль стукнул кулаком по ближайшему столу. — А выпуск через пятнадцать минут!

На секунду воцарилась тишина, как бывает, когда все шокированы, и никто не знает, что делать. Все понимали, что кого-то из ведущих, которые обычно работают днем, просто не

успеть вызвать из дому. А никого другого на месте не было. Чарахкала — небольшой город, и на местном телеканале работало немного сотрудников. Вдруг Максим сказал:

— Вот Таня говорила, что когда-то работала в прямом эфире... — Она, действительно, сказала это три часа назад, когда обсуждали какой-то вопрос трансляции.

Все посмотрели на нее, и она ответила:

— Я, вообще-то, была корреспондентом... Правда, давно... — И тут поняла... — Вы что, хотите... посадить меня перед камерой?!

Кемаль посмотрел на нее с сочувствием, — он знал, что Татьяна только недавно освободилась из тюрьмы, и с этим связана какая-то история, хотя и не подозревал о подробностях, о том, через что ей пришлось пройти. И считал, что она еще хорошо держится. Но сказал:

— А ты можешь предложить что-то другое? — И улыбнулся. — Нас больше никому спасти!

— Разве меня можно теперь выпускать..? — пробормотала Татьяна, подумав: хорошо хоть, девчата успели помочь вставить зуб... А Максим улыбнулся:

— Разве ты не знаешь, что даже если бы тебе было нужно, — гример сделала бы чудо?

— Я тебя прошу... — сказал Кемаль. Татьяна задумалась на секунду и ответила:

— Ну, давайте попробуем... — И добавила: — Только не ругайтесь, если что не так! Где у нас здесь гримеры? — Она еще даже не знала расположение комнат.

— Пойдём! — Кемаль с облегчением вздохнул. Обычно он не провожал сам ведущих в гримерку, но здесь был особый случай. Татьяна встала со своего кресла.

— Только... введите меня в суфлер![1] И текст проверьте еще разладно?

— Конечно, мы сделаем!

А через десять минут сидела за столом ведущей и выпуска новостей, и, услышав в незаметном наушнике: «Начали!», Увидев, как включилась лампочка на ближайшей камере, и начали двигаться строки на экране телесуфлера, сама не веря, что она говорит это, что она согласилась на это, начала:

— Доброе утро! Вы смотрите новости Каластана, в студии Татьяна Ребро...

Влад даже дома, в Киеве, нечасто смотрел телевизор. Хотя и не относился к тем, кто гордится его отсутствием дома. Наоборот, в дом на Печерске он купил несколько современных и недешевых аппаратов. А вот здесь, в Хасанкале, даже на большой кухне стояла «плазма», обычно выключенная. Но этим утром телевизор включили, — вдруг в новостях будет что-то насчет следствия? Вряд ли, конечно, но — все может быть. Позже, конечно, Влад позвонит Мансуру, однако, если что-то известно именно утром... Но, увидев, кто ведет выпуск новостей, Влад и Марьям одновременно воскликнули:

— Ничего себе!

— А что такое? — спросил Андрей. Влад объяснил:

— Видишь эту ведущую? Она — наша знакомая, пришла работать на телевидение. Но мы не знали, что ей поручат сразу вести новости! — не объяснять же мальчику, кто такая Татьяна, и что ей пришлось пережить!

— По-моему, она это классно делает! — высказал свое мнение Андрей. Владу пришлось лишь согласиться, наблюдая за ней. Татьяна не просто механически читала текст, нет, — она понимала, что читает, выделяла интонацией важное или интересное, когда надо — подпускала в голос иронию. А когда возникла проблема с тем, чтобы вовремя дать в эфир

запись одного репортажа, — спокойно извинилась перед зрителями, и начала рассказывать следующую новость, а, когда сюжет был готов, — спокойно вернулась к нему, и «подвела» к теме зрителей, — собственными словами, не из суфлера!

— Надо будет ей позвонить, поздравить, — сказала Марьям. — У Тани, действительно, талант.

— И выдержка.

— Выдержка? Почему? — не понял Андрей.

— Потому что прямой эфир — это всегда большое напряжение, — пояснил Влад, которому, когда он был адвокатом, несколько раз доводилось участвовать в различных телепрограммах. — А тем более, когда происходят такие... сбои.

Раздался дверной звонок, — Марьям пошла открывать дверь и впустила Искандера, которому сообщила новость о новостях, как она это назвала. Тот тоже был удивлен. Но, как и договаривались, взял с собой Андрея, чтобы устроить ему экскурсию по Хасанкале. Не только Влад, но и Марьям, которая не жила здесь уже больше семи лет, не могли этого сделать. Влад подумал, будет ли он показывать мальчику старую крепость, и, если да, то сохранились там следы костра? Вряд ли, все должно было засыпаться снегом.

А за ними приехал Муса на «Мерседесе». Чтобы ехать в Чарахкалу, на прием к главе Каластана. Уже по дороге Влад достал телефон (вместо старого, но на две сим-карты, смартфона, который разбился при нападении в Киеве, он все-таки купил себе два айфона, один для украинского номера, другой — для российского), и набрал номер Татьяны.

— Привет! Это Влад, если не узнала.

— Почему же? Узнала, — сразу ответила она. Трудно было не узнать его характерный голос.

— Беда, значит: еще богаче не буду! — Рассмеялись не только они, но даже Марьям, сидевшая рядом и слышавшая только реплики Влада. Муса тоже улыбнулся, но пассажиры на заднем сиденье не могли этого видеть. — Но я тебе звоню, просто как телезритель. Чтобы поздравить! Ты молодец.

— Ты... правда так считаешь? — Уверенности в голосе Татьяны не было. Она как раз вышла из телецентра и шла домой, — ей пока трудно было считать эту квартиру своим домом, но это точно было гораздо лучше восемнадцатой камеры... А что касается внезапного дебюта в роли ведущей, — что ж, ей удалось ничего явно не испортить, это Татьяна понимала, а вот относительно всего остального — не была уверена...

— Да, я считаю, что у тебя талант. А поскольку я — совладелец компании, которая, в свою очередь, — совладелец вашего канала, то настоятельно порекомендую твоему руководству дать тебе эту работу постоянно. Если ты захочешь, конечно.

— Спасибо. Я... попробую... — Возможно, подумала Татьяна, так и есть. Возможно, Кемаль, сказавший, что у нее все очень хорошо получилось, не просто хотел подбодрить. Тем более, что он уже предложил ей подменять ведущую утренних новостей, пока та не выйдет из больницы. Хотя, когда нет такой срочности, как этим утром, мог бы пригласить кого-то еще...

— Ну, тогда вопрос решен. — Татьяна услышала в его голосе улыбку. Удивительно, разве по телефону можно это расслышать? — Ладно, не буду тебя отвлекать. Пока, и обращайся, если что!

Связь прервалась. И тут же телефон у Татьяны зазвонил снова. На экране высветилось: «Саха Пивоваров».

— Привет, Таня! Надеюсь, я первый звоню, чтобы тебя поздравить?

Теперь рассмеялась уже Татьяна:

— Представь себе, нет! Но мне все равно приятно, спасибо!

— И кто же опередил меня? — удивился Александр. Он как раз ехал на работу, и, сидя за рулем, разговаривал с помощью громкой связи.

— Ну, прежде всего, конечно, мой начальник, Кемаль. Он был очень доволен. А потом, представь себе, звонил Влад Бурсак! Только что. Он, оказывается, тоже меня видел. Сказал, что у меня талант, и что он будет просить, чтобы мне дали постоянно эту работу!

— Тогда у тебя двойной праздник! — заключил Александр. — Праздновать будешь?

— Да у меня теперь всю жизнь — праздник... — вздохнула она. По сравнению с тем, что было недавно, и едва не вернулось, — точно... Но Татьяна поняла, что вопрос этот он задал не просто так. Она умела читать взгляды, — относительно Саши ей все было понятно. Но, наверное, он не знал, захочет ли она, после всего... мужской компании. И не знал, как сказать... А потому... — Да и нет у меня компании... Или...

— А если будет? — услышала она в трубке.

— Тогда другое дело!

— Значит... когда за тобой заехать?

— У тебя столько свободного времени? — Опять рассмеялась она.

— Не забывай, я все же — начальник над операми, и могу планировать свой день так, как мне нужно! Сейчас, например, еду снова беседовать с твоим «другом» Недобоженко. Он много интересного рассказывает, и про интересных людей... Кстати, ты знаешь, что ты ему нос сломала? Нам пришлось объяснять, что это он при задержании упал.

— Ничего себе! Сама не хотела... Но мне его не жалко... Хорошо, закончишь с ним — позвони...

— Договорились!

Неужели может быть такое, что жизнь у нее таки налаживается? — подумала Татьяна, пряча смартфон в карман куртки.

Вот чего Влад точно никогда не ожидал, — это того, что окажется на приеме у президента. Хотя и не совсем у президента, — официально должность называлась: глава Республики Каластан. Но все называли местного лидера именно президентом.

Теперь они с Марьям сидели в приемной и ждали. Рядом сидели глава местной полиции и Мансур Ильясов, человек в прокурорской форме, — можно было сделать вывод, что это руководитель прокуратуры Каластана, — а напротив (приемная была большая, как и положено первому лицу в республике) — трое старых мужчин. Одним из них был Салман Таханов, но, понял Влад, он был здесь не столько как адвокат, пусть даже и один из лучших, сколько как член неформального совета старейшин хасанийцев.

— Ты их знаешь? — шепотом спросил Влад.

— Их все знают, — так же тихо ответила Марьям. — И это они решали... поставить меня перед людьми.

— Салман Таханов тоже? — удивился Влад.

— Он — один из них. Ему восемьдесят четыре года... Но, может быть, он был против.

— А я думал, ему слегка за семьдесят.

— Он крепкий. Даже до сих пор за рулем в Хасанкале ездит. Искандер сам видел...

Сам старый адвокат о чем-то разговаривал со своими соседями, — тоже тихо, чтобы не

услышали другие. Наверно, шутил, потому что усы шевелились, как бывало, когда он улыбается.

Но тут всех пригласили в кабинет. Тот самый помощник главы республики, который вчера сам позвонил Владу и очень просил быть здесь, причем вместе с Марьям. Такие просьбы из администрации лучше было не игнорировать, но Влад думал, побывал ли ранее в этом кабинете хоть один гражданин Украины.

Президента звали Усманбек Ахтаров, был он не хасанийцем, — тех вообще было мало в руководстве республики, однако, много в бизнесе, — а представителем другого из пяти коренных для Каластана народов, унарцем. Лет шестидесяти, высокий, с седыми волосами и черными усами, он жестом пригласил всех садиться, первым указав на Влада, — видимо, заметил, что тот ходит с палкой.

— Итак, я хочу знать, что это такое здесь произошло у меня за спиной! — сказал он. — Почему я должен узнавать обо всем из новостей? Что это за... набег горцев на мирный город? — Но в этот момент Ахтаров улыбнулся. Влад понимал, что собрал их президент не для того, чтобы устроить силовикам разнос; если бы намерения были именно такими — это произошло бы без посторонних. Нет, он намеревался снять свои политические сливки, в том числе и в Москве. Но для этого надо было точно знать, что произошло и почему. А у кого выяснять это, как не в тех, кто устроил это? Но тогда почему здесь присутствуют трое хасанийских старейшин?

Первым слово взял прокурор, и доложил, сколько человек арестовано. Почти все были жителями Южанска. И это были влиятельные люди, — бизнесмены, полицейские, пограничники с немаленькими звездами на погонах, люди из администрации и даже один заместитель губернатора Южанского края. Они, в свою очередь, называли сообщников, — количество задержанных росло каждый день. В СИЗО Чарахкалы не хватало мест, некоторых приходилось вывозить в Грозный, что не добавляло спокойствия самым заключенным.

— Пока что все выглядит так, что мы разоблачили крупную организацию по торговле людьми, — объяснял он. — Центр ее находился в Южанске, но ниточки тянутся минимум в пять регионов. Да и к некоторым в Москве тоже... Тех мы не достанем, но и навредить нам они не смогут. Особенно, благодаря помощи коллег из Грозного. — Те, как было всем известно, имели свои выходы на Москву, и свои счета с местными силовиками.

— Хорошо, и чем же занималась эта организация? — спросил Ахтаров.

— Почти всем, — подключился к разговору Мансур. Президент едва заметно кивнул, поощряя его продолжать; начальник уголовного розыска начал говорить раньше своего руководителя, но, очевидно, лучше знал это дело, поэтому тот тоже не возражал. — Заманивали людей... разными способами. Кого вербовали из-за отсутствия работы, кого — через такую себе секту, кого — через тюрьму. Человека очень легко посадить, даже по сфабрикованному делу, а затем поставить условие: освободим, если будешь делать то или другое, поедешь туда-то... Особенно, если материалы дела остаются, и его легко потом восстановить. А еще, с человеком в тюрьме можно делать, что угодно... Как мы убедились. И он будет согласен на все, чтобы это прекратить.

— И куда же они девали этих людей? — поинтересовался президент.

— Тоже куда угодно. Кого-то — на работу, за еду. Кого-то вывозили за границу с этой же целью. Тут сейчас появились сведения, что... некоторых просто продавали террористам, а те принуждали к участию в своих преступлениях. Но хуже всего, мы теперь знаем, было женщинам, особенно молодым.

— Представляю себе... — Глава республики только покачал головой.

— Даже не представляете, — поправил его Мансур, удивив всех. — Я тоже не представлял, пока мы не начали допросы... А еще в этой организации была, как теперь модно говорить, своя «фишка». Они работали «на заказ». Нужны работники конкретной специальности? Обеспечивали. Женщины с желаемой внешностью? Тоже не проблема. Вот как раз для обеспечения этого и использовались свои люди в правоохранительных органах и тюрьмах. Можно было «заказать» практически кого угодно. Даже в самой тюрьме. — Мансур рассказал о деле Евы Анисимовой. — А еще мы нашли несколько случаев, когда... человек ехал отдыхать, допустим, в Турцию. Как правило, это девушки, причем благополучные, работавшие, следившие за собой... И вот оказывается, что на такую есть дело в России, а сама она могла быть из России, Украины, Молдавии, еще откуда-то... Потом ее выдавали России по запросу. Сажали в самолет, — как правило, устраивали, чтобы таких было сразу несколько. А в аэропорту Южанска их отводили в сторону и... Не вели через паспортный контроль. Все, человек из Турции вылетел, там он считается выданным России. А в России официально его нет, даже материалы дела могли уничтожить. Человек без официального статуса, без документов, но который считает, что, если пожалуется, то получит большой срок, с ним можно делать что угодно. Некоторых мы теперь освобождаем в России. А некоторых... вывозили морем за границу. И вернуть их будет трудно. К тому же, эта организация работала не только в России.

— Украинских сообщников сейчас тоже «зачищают», — вступил Влад. Его заявление никого не удивило — все считали естественным, что у него есть связи с силовиками в собственной стране. Ахтаров внимательно посмотрел на него

— Это очень хорошо... Но вы, можно сказать, запустили это дело. Так расскажите нам, как это произошло и почему. Вы, как я понимаю, как-то вычислили это...

— Но я даже не думал... делать дело такого масштаба. Все началось с моего наследства. Думаю, вы знаете об этом, и узнали раньше меня самого. — Влад улыбнулся, — он решил показать, что знает о роли президента в том, что он стал богачом, и для чего тот пошел на это. На лице главы республики появилась такая же хитроватая улыбка, да и у Салмана Таханова зашевелились усы. — А когда я вернулся домой, мне намекнули, что могут заподозрить: это я сам заказал сестру, ради этого наследства. Хотя я-то и не подозревал о ее существовании. К сожалению... Но решил в этом разобраться, чтобы выяснить, что же произошло. Чтобы меня не трогали... А в этой истории самым удивительным было то, как вообще Злата стала женой хасанийца. Еще больше я удивился этому, когда узнал... об их брачных традициях. — Президент кивнул. Он тоже был в курсе.

— Вы выяснили, как это произошло?

— Да, но, так сказать, в процессе вышел на нечто гораздо большее. Выяснилось, что больше одиннадцати лет назад... Вы знаете, кто такой Исмаил Аев?

— Конечно. Он, можно сказать, — гордость Каластана и своего народа, — сказал Ахтаров. Хасанийские старейшины кивнули.

— Так вот, он занимается генетикой. В том числе — в ее применении к малым народам. Знаете, что подтолкнуло его к этому? Когда у него самого родился больной ребенок... Он провел исследования и пришел в ужас, а одиннадцать с лишним лет назад пришел в совет старейшин... Да, тот, что после сорок четвертого года решает только вопросы внутренней, так сказать, жизни хасанийцев... И объяснил им проблему. Это — небольшой народ. Который живет замкнуто, в смысле семей. А это значит: постепенно все роднятся между

собой. И, когда заключается брак... Молодожены формально не являются близкими родственниками, но у них может быть столько же общих генов, как у родных брата и сестры. И с каждым поколением таких случаев будет становиться больше, а это может привести к болезням и вырождению... И совет старейшин, — думаю, те, кто присутствуют здесь, тогда не входили в него, нашла выход.

— Какой?

— Выход должен был быть таким, чтобы, с одной стороны, — влить в хасанийский народ свежую кровь. Буквально. А с другой — не нарушать традиции, в частности, что мужа или жену подбирают, сговариваются между собой, старшие в семье... Это означало, что надо было найти способ, как принуждать к этому девушек из других народов. Выбор был сделан в пользу русских и украинок. Думаю, потому, что не хотели... проблем с другими народами Каластана. А у Исмаила Аева был брат, Хусейн, генерал украинской милиции. Тогда еще не муж Марьям... И ему было поставлена такая задача — найти организацию, которая... занималась чем-то подобным. И войти с ней в контакт. Генерал Аев свое дело знал, и тех, кого надо, нашел. Для тех же организация принудительных браков для хасанийских молодых людей из состоятельных семей стала только еще одним направлением деятельности.

— Как они отбирали..? — спросил, чего никто не ожидал, прокурор.

— Когда организация работала, как сказал Мансур, «по индивидуальным заказам», — большую роль играли психологи. Именно так в ее составе оказалась моя бывшая жена, — я об этом тоже понятия не имел. Это было уже... после нас... Но психологи в таких случаях не только подбирали, скажем, кандидатуру, но и вычисляли, как воздействовать на конкретного человека. В случае с «хасанийскими невестами» — кому-то надо было только пригрозить, на кого-то сфабриковать дело... а кого-то посадить в ту же восемнадцатую камеру, чтобы согласилась. Между прочим, они привлекали хороших психологов, ошибок почти не случалось. Кстати, я думаю, генерал Аев начал понимать, с кем связался он и элита его народа. Вероятно, стал наводить справки. А когда понял окончательно... то не смог жить дальше. А у нас все связали это с событиями в Украине... Даже его брат не знал, почему это произошло.

— Но ведь вашу бывшую жену арестовали, почему же сообщники не смогли ее освободить? — спросил президент.

— Слишком большая организация. — Влад пожал плечами. — Конечно, исполняли это по запросу Украины те, кто к нее не входил. И она оказалась в том же СИЗО, правда, в общей камере, а не в восемнадцатой. Думаю, через адвоката передала просьбу помочь, но, пока она дошла, к кому надо... было уже поздно. К тому времени мы уже освободили Татьяну Ребро, и они все, начиная с полковника Недобоженко, были вынуждены заниматься защитой. Пошли на такую глупость, как взятие в заложники сотрудниц нашего благотворительного фонда, ну а после этого... вы сами знаете, что произошло. А на что они рассчитывали? — К тому же, подумал Влад, не выяснили, кто родственники у одной из заложниц. Вероятно, не было времени... Но об этом не нужно было говорить.

— Кстати, передайте Татьяне, что я тоже ее видел по телевизору. Надеюсь в будущем видеть чаще, — улыбнулся Ахтаров. Конечно, он знал, что Влад, можно сказать, совладелец телекомпании, и недаром высказывал ему свое пожелание. Но не знал, что вопрос и так уже решен. — И желаю успеха... Но что мы будем делать дальше..? — Последовало обсуждение с прокурором и полицейскими направлений расследования. Как и можно было предположить, глава республики не хотел трогать некоторых людей в Москве, — по крайней мере, пока. Их

хорошо было держать на крючке. Президент был опытным и хитрым политиком, и хотел выжать из этого дела как можно больше выгоды для себя. Влад не мог его винить, — а если тот будет ему благодарен, тем лучше. Унаследованный бизнес никуда не денется, и будет продолжать работать в Каластане.

А потом Ахтаров обратился к Таханову и других хасанийским старейшинам.

— Вас я тоже пригласил не зря. Поверьте, я уважаю вас и ваш народ. Но то, что происходит... Эти насильственные браки, что с этим теперь нам делать? А то, что вы присутствующую здесь Марьям Аеву едва не казнили? Хорошо, что удалось спасти. — Президент улыбнулся. — Будем считать, что в этом случае был добровольный отказ от доведения преступления до конца. — Очевидно, он тоже был юристом, и предложил вариант, как никого не привлекать к ответственности, хотя, по мнению Влада, в уже совершенном было несколько статей Уголовного кодекса, что украинского, что российского. А глава республики, между тем, продолжал свою мысль. — Я буду требовать, чтобы вы, старейшины своего народа, собрались в ближайшее время, и объявили, что отказываетесь от этой практики — когда женихов и невест подбирают другие люди... Это не дело, когда молодые не имеют права выбора! Тем более — в современном мире. Разве вы не понимаете этого?

Ему ответил Салман Таханов:

— Мы понимаем, — по крайней мере, многие из нас. Но... что мы можем сделать? Наши мужчины воспитаны так, что самым ухаживать за девушками — это неприлично, они... многие из них просто не знают, как это... И сами девушки воспримут это так же. Если...

— Я понял, — сказал президент. — Но это надо менять, и сказать, что те, кто желает, могут выбирать сами. А в отношении тех, кто не готов... Ну, хотя бы знакомить и спрашивать, что ли? Но я не готов терпеть и дальше такое средневековье. Давно думал, что с этим делать, но повода не было. Но теперь... Вы поняли?

— Да, мы подумаем, как лучше сделать это, — сказал другой старик. — Это непросто для нас, но мы найдем способ. — Влад отметил, что все они говорят по-русски, хотя и с акцентом, но свободно и грамотно подбирая слова.

— И с этим вашим обычаем «ставить перед людьми»... Чтобы я такого тоже больше не слышал — категорически заявил президент. — Вот только самосудов нам и не хватало! На этот раз... простим, но если повторится — все участники будут наказаны. И те, кто принимал решение, — тоже. И Марьям вам надо... реабилитировать и восстановить в правах...

А та взяла Власть за руку и сжала так, что ему стала больно. И внезапно сказала, глядя хозяину кабинета прямо в глаза:

— Но ведь вы говорили о выборе... А тут... меня не спрашиваете?! Нас..? — Это были ее первые слова на этом совещании, — раньше она только слушала, удивляясь, что вообще попала сюда, что может слышать, что обсуждают такие люди. Но теперь, когда дело касалось ее судьбы, — решила взять все в свои руки. И говорила быстро, как бывало, знал Влад, когда она волнуется. — Не восстановить в правах, а отобрать... и вернуть... Тогда не будет больше возможности... — Влад понял, что она имеет в виду. Хасанийские обычаи не предполагали, чтобы женщина могла быть «просто подругой», тем более у того, кого они считали чужаком. Понял и президент, глядя на то, как она сжимает руку Влада, поймав ее взгляд, который молил: оставьте нас в покое, когда нам хорошо! И улыбнулся:

— Что ж, если после того, что произошло, такой выбор сделали вы сами, — не буду настаивать. Надеюсь, вас там ни забрасывают камнями на главной площади! Времена уже не те! — Он посмотрел на золотые часы на собственном запястье. — Хорошо, кажется, все обсудили... Потому что, извините, мне надо ехать открывать новую больницу. Кстати, — все еще с улыбкой посмотрел он на Влада, — одна из ваших компаний строила. Вот и посмотрю... Так что всем — до свидания. И надеюсь, что мы сделаем то, о чем договорились, — сказал президент уже совсем другим, жестким тоном руководителя, выходя из кабинета, — не через ту дверь, в которую входили посетители, к которым теперь подошел помощник хозяина, чтобы вежливо выпроводить. Усманбек Ахтаров явно разбирался в том, как простые вещи и действия превратить в атрибуты власти.

В приемной Влад оказался рядом с Салманом Тахановим. И обратился к нему:

— Надо будет завтра заехать к вам. По одному... юридическому делу.

— Хорошо, я вас буду ждать, — ответил адвокат. Двое других хасанийских старейшины вышли в коридор, понимая, что здесь — деловые разговоры, которые их не касаются и им не интересны. — Где-то после обеда, хорошо?

— Да, я буду. А вообще... не ожидал встретить вас здесь.

— Это почему? — Зашевелились усы.

— Во-первых, вы выглядите моложе своих лет, — улыбнулся Влад. Они вышли из приемной и медленно направились к лифту. — А во-вторых... Это означает, что вы были среди тех, кто принимал решение... в отношении нее... — Влад кивнул в сторону Марьям, которая шла рядом и прислушивалась к разговору.

— Неужели вы думаете, что я мог быть за? — удивился старый адвокат. — Но остался в меньшинстве... Хотя я с самого начала знал, что так будет. — Он вздохнул. — Еще когда узнал, что старейшины будут рассматривать этот вопрос... Это сложнее, чем адвокатская практика. — Но он явно к чему-то вел, и Влад спросил:

— И что вы сделали?

— Сделал так, чтобы вы немного задержались у нас, Влад. А потом... за несколько дней попросил одного общего знакомого завести, как бы случайно, с Искандером разговор... о неверных и о праве выбора. Я встречался с ним, я знаю, как он думает. Это должно было остаться в голове, и привести к тому, что к нему пришло единственно верное решение... Как видите, так и случилось.

— Так это вы сделали так... что мы теперь вместе? — спросила Марьям. Усы старого адвоката снова зашевелились.

— И теперь вижу, что не ошибся. Я вас успел узнать, Влад, и знаю истории вас обоих, что еще можно было придумать?

— Все получилось как нельзя лучше! — рассмеялся Влад, а Марьям, кажется, была готова расцеловать старика прямо здесь, если бы не обычаи их народа. — Да, мы можем вас поблагодарить... Кстати, а как там дела, по которым ваши коллеги работают в Южанске?

— Дело Насти и Альфии, конечно, сразу закрыли. — Таханов пожал плечами. — А самое интересное, что двое из трех остававшихся в восемнадцатой камере, уже дома. По той взяточнице — вообще доказательств нет, скорее всего, подстава. Кому-то понадобилась ее должность. А когда она оказалась в СИЗО, то ее решили... приспособить к бизнесу, потому что красивая... Пока освободили, а на днях и дело закроют. А что касается владелицы туристического бюро, — она теперь под домашним арестом.

— Надо будет Татьяне сказать, она обрадуется, — отметила Марьям.

— Да... Проблема пока только с вашей, Влад, соотечественницей. Потому что она там по запросу на выдачу из Турции... Но мы привлекли коллегу из Москвы, он занимается именно такими делами. Надежда есть...

— А давайте, знаете, что сделаем? Скиньте мне данные по ее делу, — предложил Влад. — Если там есть что-то, связанное с Украиной... Или даже если нет... Нашу гражданку могут судить дома, что бы и где она ни совершила. Думаю, сможем организовать еще один запрос, чтобы ее выдали именно домой. Нам она нужна, как свидетель происходящего здесь. И... помочь дома будет легче. Чтобы она не сделала, — уже расплатилась, правда?

— Я тоже так думаю, — кивнул Таханов. — А знаете, Влад, что интересно? Теперь, когда бизнес Недобоженко с компанией прикрыли, никого из восемнадцатой камеры «отрабатывать» не водят, ее и стали использовать для тех, кто ждет экстрадиции. Так что ваша бывшая жена туда и попала. А еще у одной — он посмотрел на Марьям, — в деле твое имя встречается. Догадываешься..?

— Это... та, что подала на меня заявление в Киеве? А теперь ее должны выдать — еще и по делу о мошенничестве с квартирами, — вспомнила Марьям услышанное от следователя.

— Именно так. — Усы старого адвоката снова зашевелились. — Знаете, что? Вы кое-кому сорвали свадьбу! Им обоим хотели предложить...

— Ничего себе! И кого же заинтересовала Ольга? — удивился Влад.

— На самом деле, моего троюродного брата... Он сам старший в своей семье, вдовец, а...

— И вам не жалко родственника? — расхохотался Влад. А Таханов с той же улыбкой, что скрывалась за усами, ответил:

— Я так и думал, что вы это скажете... Но он кавказских овчарок «ломал». А ты, — старик снова посмотрел на Марьям, — думал, будешь рада услышать, что у твоей «подруги» появится такой выбор...

— А теперь вы отказались..? — спросил Влад.

— Не мы, а они... Им придется, если... вы начнете поднимать шум, — пояснил адвокат. Влад понял, зачем он вообще им об этом рассказывает. И пожал плечами:

— Вы хотите... или кто-то хочет... и их «выкупить»? Хотя обе действительно виновны? Ну... пусть у них появится шанс. А ты как считаешь? — Он посмотрел на Марьям. А та задумалась и сказала:

— Пусть... это лучше, чем тюрьма. Если их не запугивать... как раньше в восемнадцатой... то это, действительно, их выбор. А иметь хоть какой-то выбор — всегда лучше, чем вообще никакого, правда?

Вскоре старый адвокат ушел, а Влад и Марьям вышли из администрации и через площадь пошли в «Мерседесу», который ждал в отдалении. Площадь перед зданием сделали пешеходной, — никто, наверное, не думал, что к машине через нее будет добираться человек на костыле. А подъехать ближе Муса просто не мог. Пока они шли, Марьям сказала:

— Так что, все закончилось? Мы можем... жить, как прежде..? Или... тебе даже спокойнее, когда Андрей с тобой?

— Насчет Андрея — да. А вот в остальном... Ты обратила внимание, что за всем этим мы так и не узнали главного?

— Чего?

— Кто убил Злату, — ты помнишь, что все, кого допрашивали по делу о торговле людьми, отрицают это? Хотя некоторые берут на себя такое, чего хватит на пожизненное... И кто пытался посадить и убить тебя. Пока мы этого не узнаем, — опасность не минует. Даже если кого-то заставят «взять на себя» эти дела для суда. Хотя здешняя полиция вряд ли будет этим заниматься. Зачем оно им надо?

— А ты им веришь? — недоверчиво посмотрела ему в глаза Марьям. — Когда они не признаются...

— В этом — да...

— Тогда... как нам узнать? Придется все начинать с самого начала?

Но в этот момент в кармане Влада зазвонил телефон.

[1] Телесуфлер — устройство, на котором ведущий телепрограммы видит текст, зачитываемый им на камеру.

23. Луч света.

Он ответил на звонок и услышал в трубке голос Искандера.

— Ты еще в Чарахкале?

— Да, а что?

Собеседник, кажется, немного смутился.

— Мы здесь Андрею экскурсию устроили, как и обещали... Но сейчас Ираде тоже в Чарахкалу надо. Если мы вместе приедем, а вы там встретитесь?

Влад на секунду задумался. Кажется, дела он закончил, а побыть лишний раз с сыном — всегда хорошо.

— Давай! Мы тогда здесь задержимся. А когда будете подъезжать — позвони, договоримся, где встретимся. Хорошо, до свидания, у меня тут второй телефон звонит.

Он разорвал связь и достал из другого кармана второй айфон. Слышать его сигнал было странно, в этот аппарат была вставлена украинская сим-карта. Тем более странно было увидеть здесь, на площади у администрации главы Каластана кто звонит. Там значилось: «Виктор Полынный». Тот самый руководитель оперативной группы из СБУ. Интересно, подумал Влад, знают ли российские спецслужбы, чей это номер, и прослушивают ли его сейчас? Но Полынный не стал бы звонить без надобности, зная, где он сейчас находится, а потому следовало ответить на звонок. Может, расскажет о том, как продвигается дело об украинской части организации по торговле людьми?

Оказалось, что рассказать он хотел о другом.

— Помните, я говорил, что могут быть хорошие новости? — спросил Полынный. — Хотя, как сказать... Вам что-то говорят такие имена — Павлов Роман Дмитриевич и Козубенко Екатерина Витольдовна?

— Да, — ответил Влад, чувствуя, как по спине разливается ледяная вода. — А что?

— Они задержаны по подозрению в убийстве Златы Талаевой. Полиция сейчас их проверяет... по делу о покушении на вашу подругу. Помните, вы нам называли прозвище — Колотушка? Мы этого кадра установили. А он назвал заказчика, — это Павлов думал, что тот его не знает... А оказалось, исполнитель — ловкий тип, смог узнать. И его сдал...

— Это мне понятно... но каким боком тут Катя? — спросил Влад, сделав механически шаг в сторону от Марьям, хотя вряд ли мог бы опасаться, что она будет обижаться или ревновать... Но это была подсознательная реакция. Даже у него были человеческие слабости.

— Как это — каким? — удивился оперативник. — Как раз она и была заинтересована, чтобы вы получили это наследство! Думала, что... поможет вам тратить деньги. Так мы считаем. Но не выгорело, так что она и была теперь с этим Павловым... Вы понимаете, что это значит? Вам повезло, если бы вы на ней таки женились, а она сама на допросе сказала, что были такие планы... Долго бы не прожили.

— Но... этого не может быть. — Влад задумался на секунду, а потом в его голове будто что-то щелкнуло. — Катя сама оскорбила меня так, что... я сразу ушел. И было это уже после того, как убили Злату. Если бы она... пыталась сделать то, о чем вы говорите, — кстати, откуда бы она вообще про Злату узнала, если я не знал? — тогда этого бы точно не сделала. Сохраняла бы отношения... Она не дура!

— Нервы подвели. — Казалось, Влад видел, как на другом конце канала связи оперативник пожимает плечами. — А вот как они узнали — надо установить. Работаем. Кажется, у этого Павлова в России свои источники. Хотя, если это — обычное убийство из корыстных побуждений, мы это дело будем передавать в полицию... Но сначала отработаем этот... международный аспект.

— Хотя бы меня уже не подозреваете? — В другой раз Влад спросил бы это с улыбкой, но сейчас улыбаться не мог.

— А кто вас подозревал? Вы у нас — потерпевший, — невозмутимо ответил Полынный. Это, наверно, привычка оперативника, — держать собеседника за дурака, подумал Влад. Но о том, что не подозревают, — вряд ли врет. Иначе просто не стал бы рассказывать, тем более — по телефону. А может, и это он сделал не просто так? Следовательно вручил сообщение о подозрении, суд Рому и Катю арестовал, а Полынного что-то не устраивает? Потому и звонит, зная, что он, Влад, сейчас в России, в Каластане. Надеется, что ему предложат другую версию?

— Мне надо немного подумать... и кое-что узнать. Я так думаю... вы ошибаетесь, — сказал Влад.

— Ну, пока так движется дело... — Точно, оперативника не устраивает версия следователя. Другого вывода из подбора слов и тона, которым они были сказаны, сделать было невозможно.

— Я вам позвоню. — Влад разорвал связь. Марьям посмотрела на его лицо и спросила:

— Что случилось?

— Кажется, мы во всем ошиблись... А теперь ошибаются там, в Киеве. По крайней мере, одного невинного человека уже арестовали, — сказал Влад, снова направляясь к «Мерседесу», который ждал на стоянке. Он коротко пересказал услышанное от Полынного. Марьям сказала:

— Это ты... про бывшую невесту? Считаешь, она ни при чем?

— Не потому, что она бывшая... А потому, что если бы это была она, — не обидела бы меня так, что мы сразу расстались... А ты что, ревнуешь? — пылливо посмотрел на подругу Влад.

— Нет! Но... ты сам объективен? Когда речь о ней...

— Думаю, что да... А самое главное, — могу ли я допустить, чтобы человек зря сидел в тюрьме? Если она ничего не сделала. После того, что мы узнали о Тане, Еве и других...

— Если ты уверен... тогда, конечно, нельзя... — сказала Марьям, когда они подошли к машине. Муса вышел из-за руля и открыл перед ними заднюю дверь. Затем вернулся на свое место, и Влад сказал:

— Едем в банк.

— Это срочно, — настаивал Влад. Секретарша, конечно, защищала график своего шефа. Но все же перед ней был не кто-нибудь, а совладелец банка, к тому же, как рассказывали, — с большими связями в полиции. Поговаривали даже, что прямо сейчас Бурсак был на приеме у самого президента! А если после этого приехал сюда, — наверное, что-то случилось? И она ответила:

— Хорошо, сейчас только люди выйдут...

Марьям впервые была в Первом банке Каластана, — если не считать того, что снимала деньги с карточки в отделении... за несколько дней до крепости. Но уж точно не бывала раньше в офисе. И не знала, почему Влад так настойчиво пытается попасть в кабинет с табличкой: «Тараканов Витольд Олегович, вице-президент». Но наконец, когда из кабинета вышли какие-то иностранцы, — надо же, иностранный бизнес добрался до Каластана! — они с Владом оказались внутри. И присели на стулья у приставного стола, а хозяин остался на своем месте, за письменным. Или начальственным столом... Обычный человек лет шестидесяти, лысый, довольно высокий, но ниже Влада. На Марьям он смотрел как-то странно. Но ей было не до того. Главное, как смотрел на хозяина кабинета Влад.

— Вы хотели что-то сообщить? — спросил Тараканов.

— Да. О том, что Катя арестована. В Киеве. Служба безопасности считает ее заказчицей убийства моей сестры.

Хозяин кабинета мгновенно побледнел. Но переспросил, словно не понимал:

— Катя?

— Да. Козубенко Екатерина Витольдовна. Ваша дочь. Которой сначала мать сменила фамилию, когда... вы их бросили, — она никогда не говорила, какая была фамилия, но понятно, матери не хотелось, чтобы ребенка дразнили: «княжна Тараканова». А потом она еще сменила фамилию, по бывшему мужу... Поэтому о вас никто там, в Киеве, не знает и не вспоминает. Но... мы же понимаем, что произошло.

— И что же произошло? — переспросил Тараканов.

— Вы хотите, чтобы я все рассказал? — Влад помотал головой, словно ему было трудно то ли осознать, что произошло, то сформулировать свою мысль. — Ну, что ж, пусть Марьям послушает, она-то имеет право знать... Правда, я знаю не все... Но, думаю, вы следили за тем, как живет ваша дочь в Киеве. Хотя и не общались, не помогали...

— Она отказывалась, — тихо ответил Витольд Олегович. — После того, как ее настроила мать...

Хорошо, мелькнуло в голове Влада. Его удалось вытянуть на диалог. Хотя эта фраза о матери его ребенка — явно направлена на то, чтобы вызвать сочувствие, Тараканов явно знал, что его собеседник сам был почти такой же ситуации.

— И никогда отца не вспоминала. Я даже и не знал, как ее отчество. Катя — и Катя... Как бы там ни было, вы хотели знать, как у нее дела... Узнали, что она стала встречаться со мной. И обратили внимание на совпадение фамилии, — Бурсак — с девичьей фамилией невестки Юнуса Талаева. Узнали, что я — ее брат, а других кровных родственников — нет. Интересно, думали ли вы избавиться еще и Заремы Тоховой, или решили, что это уже будет слишком, и надо довольствоваться половиной состояния Талаева..? Вероятно, так как Катя отказалась иметь с вами дело, — решили сделать так, чтобы она стала невестой богача как будто случайно. А дальше... было дело техники. Вот единственное, чего я не знаю, — это

погибли Юнус и Искандер Талаевы в случайной авиакатастрофе, или вы и тут приложили руку. — Влад сделал паузу, но ответа не дождался. Он считал, что такое молчание красноречивее ответа, но понимал, что доказать ничего не сможет. Поэтому не оставалось ничего другого, как продолжить. — Думаю, вы планировали... устранить Злату, вместе с ребенком, когда они вернутся в Каластан. Арсенал был бы большой, начиная от автомобильной аварии... Но Злата полетела в Киев, потому что не хотела, чтобы ей, по хасанийским обычаям, искали нового мужа. И спутала вам все планы, — вам пришлось искать исполнителей в Киеве. Вы каким-то образом вышли на Романа Павлова, — вероятно, не знали, что мы с ним давно дружим. И не сказали, кем были жертвы. Дали фамилию — Талаева, и все. Роман со своими людьми выяснили, что Злата часто ходит в мечеть. И решили устроить все так, как будто это — террористический акт против мусульман. А может, вы подсказали им такую идею, не знаю. Тем, кто постоянно живет в Украине, такое вряд ли пришло бы в голову, у нас нет... негатива к исламу. А вот в России это распространено... Как бы там ни было, ваше задание они выполнили. Злату с ребенком убили. Вместе с еще несколькими людьми, чья «вина» была лишь в том, что они пришли помолиться одновременно со Златой... А потом вам надо было только сделать так, чтобы обо мне узнали и президент Каластана, и Салман Таханов, который с ним знаком. Первому было выгодно, чтобы слишком много влияния не забрали Тоховы, второй хотел заработать свой гонорар. Вы обо всем этом знали. И просчитали, что они захотят разделить наследство Талаевых. Для чего привезут сюда меня. А ваша цель была — чтобы я разбогател, и женился на Кате... Но... она наговорила мне такого, что я ушел. Случилось это после убийства Златы, вы такого не могли предвидеть. А потом, уже здесь... Вы знаете, что произошло. Марьям стала вам мешать, вы все еще надеялись, что ко мне сможет вернуться Катя. Поэтому сначала вы пытались сделать так, чтобы Марьям попала в тюрьму. Но Рома обратился к идиотам, у них ничего не получилось. Ну, и мы с адвокатом приложили немного усилий... И тогда вы... решили прибегнуть к радикальным мерам. А мы не могли понять, почему же это убить стараются не меня, — хотя у меня деньги, у меня бизнес, — а Марьям. А вам я был нужен живой. Чтобы Катя могла... утешить меня. Вы не знали, ни что именно она тогда сказала мне... Ни, что после меня стала встречаться раз с Ромой. Кстати, я этого тоже не знал. А теперь благодаря этому наши следователи... построили свою версию. И... Катя под арестом.

Влад рассказывал это, глядя Тараканову в глаза. А тот смотрел то на него, то на Марьям. На ее лице боролись понимание и отвращение. А еще она снова взяла Влада за руку и крепко сжала, как в кабинете главы Каластана. Витольд Олегович заметил и это. И вздохнул:

— И что вы собираетесь делать?

— Я уже написал знакомому в СБУ, — это они занимаются делом о взрыве у мечети, — что произошло. — На самом деле Влад не сделал этого, — просто не было времени. Но решил солгать, чтобы их с Марьям ни пытались убить прямо сейчас. Неизвестно, что придет в голову тому, кого загнали в угол! Но это, подумал он, надо будет сделать при первой возможности. Приехать сюда — он решил в редком для себя порыве эмоций. А написать письмо можно будет, как только окажется в подходящей обстановке. Даже не с компьютера, а со смартфона, хотя это и не так удобно. — А когда буду в Киеве, постараюсь Катю освободить. Не потому, что хочу вернуться к ней. Нет. А только потому, что невиновный человек не должен сидеть за решеткой. Но не знаю, поверят они мне или нет. Когда у них есть готовая жертва на месте, а вы — далеко, и вас не достанешь, Россия своих граждан за

границу не выдает... Вы прекрасно знаете, как работают следователи. Что ваши, что наши.

— И что вы предлагаете? — спросил Витольд Олегович.

— Я? Вам? — развел руками Влад. — Ничего. А что я могу вам предложить? Вы сами решите. В зависимости от того... хотите вы Кате добра, или, возможно, планировали... сами стать наследником после меня и после нее. Я не могу вас ни к чему принудить, и заявлять в здешнюю полицию тоже не буду. Это ничего не даст. Они не смогут вести следствие о том, что произошло в Украине, а на сотрудничество с ними там сейчас никто не пойдет. Но, пока вы здесь, Катя — там, в камере. Просто помните об этом. — Он посмотрел на Марьям, продолжавшую крепко держать его за руку. — Пойдем отсюда. А вам, Витольд Олегович, — до свидания. Или прощайте. Решать вам.

Он отодвинул стул и, с помощью своей палки, встал, а потом, так же держа Марьям за руку, направился к выходу из кабинета. Не оборачиваясь и думая, не лежит где-то в ящике стола Тараканова пистолет. Это не просто Россия, это — Кавказ, здесь все возможно... Но они просто дошли до дверей кабинета, вышли и прикрыли их за собой. Влад сказал секретарше:

— Витольд Олегович просил его некоторое время не беспокоить, ему надо подумать...

Они с Марьям направились к лифту. Хотя вниз — это не вверх, но не тогда, когда ты ходишь с костылем.

Кафе, где можно вкусно пообедать, посоветовал Муса, который хорошо знал город. По-настоящему дорогих ресторанов в Чарахкале не было, но Влад по опыту знал, что кухня в них далеко не всегда настолько же лучше, насколько выше цены. А самое главное — настроения тоже не было. Была потребность поесть и дождаться Искандера с Андреем. Когда подъехали к кафе, — оно располагалось на центральном бульваре Чарахкалы, — Влад отправил Искандеру сообщение, где они будут ждать.

Первой заметила это Марьям.

— О, смотри, наверно, хорошее место!

Из кафе как раз выходили Александр Пивоваров с Татьяной. Влад согласился:

— Этот товарищ даму в плохое место не поведет! А Мансур был прав... И много времени им не понадобилось...

Но обсуждение пришлось прекратить, потому что пара как раз приблизилась к ним. Направлялись они, как выяснилось, к машине, стоявшей прямо рядом с «Мерседесом», на котором приехали Влад и Марьям. Это был «Лендкрузер», почти такой, как Влад дал поехать Родиону Петрович, только с правым рулем. Александр заметил их, только подойдя почти вплотную (а еще опытный оперативник, подумал Влад), а Татьяна буквально остолбенела. Никак не ожидала встретить их здесь, да еще и когда пришла не одна...

— А чего вы удивляетесь? Не только вы хотите вкусно поесть! — улыбнулся Влад. — Таня, как дела?

— Я ей объясняю, что хорошо! — рассмеялся Пивоваров. — А она не верит!

— Это почему?

— Да... слишком-то неожиданно это все. — На лице Татьяны появилась какая-то растерянная улыбка. — Разве все так хорошо бывает?

— Почему бы и нет? — Влад тоже улыбнулся. Может, и хорошо, что мы их встретили, подумал он. Когда увидел человека, у которого в жизни все становится хорошо... после того ужаса, который ей пришлось пережить, — и у самого улучшилось настроение. — Я тебе по

собственному опыту скажу: жизнь иногда напоминает американские горки. После пропасти — позволяет подняться вверх. Тем более, мы и так в горах...

— Да неужели? — Татьяна сказала это с преувеличенным недоверием, было понятно, что к ней вернулась способность шутить. А потом добавила уже серьезно: — А я так и не знаю, соглашаться ли постоянно вести передачи...

— А ты зайди на страницу вашего канала, — посоветовал Влад. — Я сегодня зашел, пока ждал в одной приемной. И увидишь, сколько зрителей тебя обсуждают. Спрашивают, где раньше прятали такое сокровище.

— Если бы они знали, где...

— А теперь это неважно, — сказала Марьям. Татьяна бросила на нее невероятно благодарный взгляд. А Влад продолжал:

— Разве ты можешь обмануть их ожидания?

Татьяна наконец широко улыбнулась:

— Надо будет почитать! Если все так и есть, — придется согласиться.

— А еще я говорю, — сказал Александр, — надо с квартирой что-то решать. В Занайске продать, купить что-то здесь...

— А я говорю, что не хватит, — развела руками Татьяна. — Здесь — столица республики, а что такое Занайск, какие там цены?

В этом было нечто большее, понял Влад. Пивоваров пытался убедить ее стать постоянной жительницей Чарахкалы, с хорошей работой и перспективами. Он не хотел, чтобы Татьяна чувствовала себя перекасти-полем. Понимала ли это она? И сказал:

— Если не хватит, то существует такая полезная штука, как банк. Работа у тебя уже есть, к тому же, с большей зарплатой, чем ты рассчитывала, — если согласишься остаться ведущей, конечно. На остаток — кредит возьмешь, все выгоднее, чем арендовать. Так что подумай. Надумаешь — номер знаешь... Ладно, не будем вас задерживать, да и сами есть хотим!

Александр с Татьяной сели в автомобиль и уехали. Влад и Марьям вошли в кафе и сели за столик в углу. Сделали заказ, а Влад достал айфон и быстро написал письмо Виктору Полынному, в котором объяснял, что именно произошло и почему. Когда отправлял его, раздался сигнал мессенджера, — поступило сообщение. Звуковое. Увидев, от кого оно, Влад нажал на значок «воспроизвести», приглушив звук. Они услышали голос Витольда Олеговича: «Вы сказали, что мне надо подумать. Но на самом деле — не очень. Вы не знаете этого, но мне, сказали врачи, жить осталось меньше года. Если вы курите — лучше бросайте... Все равно собирался в отставку в этом месяце. Так вот, я лечу в Киев. Не знаю, поймет ли меня Катя, — все это было, в конце концов, ради нее, — но вы правы, сидеть в тюрьме... вместо меня она точно не должна. Может быть, она меня простит. Перед вами обоими я извиняться не буду, у вас-то, кажется, все как раз сложилось хорошо. Обиды на вас у меня тоже нет, это не вы арестовали Катю. Скорее, благодарен, что сразу сообщили, как только сами узнали. Как вы сказали, не знаю, прощайте или до свидания, — возможно, увидимся на суде, если до него доживу.»

Запись закончилась, Влад и Марьям какое-то время молчали. Затем она спросила:

— Как ты думаешь, ему поверят? Дочь отпустят?

Влад задумался:

— Витольд Олегович — умный человек, ты только посмотри, какой план разработал... Только эмоции собственной дочери не просчитал. — На его лице появилась хмурая

гримаса. — Я так думаю, если он уже решил явиться с повинной, чтобы ее выпустили, то прихватит с собой доказательства. Как-то же он связывался с Ромчиком... Да тот его и по голосу опознает. Если заказчик явился сам, он не будет запираяться. — Улыбка на его лице изменилась. — А ты так переживаешь за Катю?

Влад поймал взгляд ее черных глаз, но официант как раз принес первые блюда, и у Марьям было немного времени обдумать ответ.

— Я тоже считаю, что... никто не должен сидеть, если невиновен. И... Ты сказал, что не вернешься к ней. Я тебе верю. Разве этого недостаточно?

— Если тебе достаточно, то мне — тем более. Нам придется привыкать... жить с этим...

Он намеренно сказал это «нам», как нечто, что разумелось само собой. Марьям — умная, она обязательно обратит на это внимание. Но комментариев по поводу этого «нам» не последовало, — для нее это тоже разуилось само собой. Очень хорошо, подумал Влад, услышав вопрос:

— С чем?

— С тем, что ради того, чтобы я стал богатым, убили нескольких человек. — Теперь на его лице и в голосе была грусть. — Конечно, ни я, ни, тем более, ты об этом понятия не имели. И все же... Но и отказываться — глупо, тем более, я отвечаю и за тебя, и за Андрюшу... Знаешь, что я сделаю? Когда вернемся в Киев, открою фонд. Но не помощи бедным людям или бездомным собакам. А для исследований и улучшения законодательства, — мы, все же, юристы. Кстати, ты хотела работать? Вот тебе и сфера... для приложения усилий. Если не захочешь работать в «Нефтяных горах».

— Я... подумаю.

— А вот и наши!

В кафе вошли Искандер, Андрей и молодая женщина, которую Влад еще не видел, — разве что в толпе в старой крепости, но тогда не выделил среди других, а может, тогда ее там и не было, — но сделал вывод, что это и есть жена Искандера, Ирада. Та самая, с которой они поженились... не по своей воле. Влад и Марьям замахали руками, чтобы привлечь внимание вошедших, и те подсели к ним, — с самого начала Влад выбрал столик на шестерых, объяснив официанту, что к ним присоединятся еще несколько человек. Подошел официант, и «новенькие» сделали заказ.

— Что вы долго, — сказал Влад. Искандер пояснил:

— Представь себе, нас остановили на въезде в город. Нет, я на самом деле превысил скорость... Но думал, что... как всегда, дам денег и поеду дальше. Но тот лейтенант нас продержал полчаса. Сказал, что у них сейчас ориентировка по борьбе с торговлей людьми, а мы подозрительные: мы — хасанийцы, а ребенок — русский.

— Украинец, но для них разницы нет, — сказал Влад. Полицейский, очевидно, был представителем одного из местных народов. — И что ты сделал?

— Сначала предложил позвонить тебе, но он сказал, что по телефону невозможно проверить личность. Откуда он знает, это действительно отец ребенка или нет? Кажется, серьезно хотел везти нас в участок, тогда я сказал, чтобы он позвонил Ильясову или Пивоварову. Оказалось, что Пивоварова он знает, набрал его, и тот подтвердил, что с нами все в порядке. Только после этого отпустили, даже денег не взяли, — закончил рассказ Искандер. А Андрей преодолевал:

— Я подумал... снова могут отправить в какой-то приют.

— Нет, этого мы не допустим! — сказал Влад. А сам наблюдал за Ирадой, которая завела разговор с Марьям о каких-то местных делах. При этом разговор шла на русском, — удивительно было понимать, что для Ирады тоже выбор Марьям там, в старой крепости, означал, что она уже не является частью хасанийского народа и не может пользоваться родным языком, но при этом они спокойно общаются... А еще, когда Влад смотрел на Ираду и Искандера, ему было так и невдомек, как они могут жить, если не сами выбрали друг друга, но оба, кажется, не выглядели недовольными жизнью, и он пришел к выводу, что им лучше знать, счастливы они или нет. Как и им с Марьям, — а их, в конце концов, тоже свела судьба, с помощью хитрого и опытного Салмана Таханова и решительного Искандера. — Как тебе здесь? — Он имел в виду Каластан, и мальчик ответил:

— Здесь хорошо. И интересно. Но мы поедем в Киев, правда?

— Да, я там живу. А тут — только бываю по делам.

— Но... мы там тоже будем жить вместе? — уточнил Андрей, которого перипетии последних месяцев, — переезд в Россию, потом — арест Ольги (об этом они, по молчаливому согласию, не говорили) и попадание в приют, — лишили уверенности в будущем.

— Конечно. У меня там теперь дом... больше здешнего. Мы там с Марьям живем, теперь ты там будешь жить тоже.

— И... у меня будет своя комната? — спросил Андрей, который был лишен этого в приюте.

— Конечно. У каждого должна быть своя комната, — серьезно ответил Влад. Это была одна из причин, почему он выбрал дом, слишком большой для них вдвоем с Марьям, хотя ей тогда этого и не сказал. — Вот только... школа у тебя опять будет новая. Наверно, придется догонять...

— Это ничего... А... мы скоро туда поедем? — В голосе мальчика появилось напряжение, и Влад подумал, чего здесь больше: он хочет как можно дольше остаться в Каластане, или переживает, что, где он будет жить, совершенно не зависит от его собственного желания? Скорее всего, и то, и другое. Здесь, на Кавказе, Андрей чувствовал себя так, будто попал в сказку, это его отец хорошо понимал. А еще убедился, насколько важным для человека является право делать выбор. Но у него был готов ответ:

— А это зависит и от тебя.

— Как это? — Кажется, мальчик не привык, чтобы от него самого что-то зависело, — кроме, разве что, школьных оценок, и теперь смотрел сквозь очки удивленным взглядом.

— Скоро Новый год, — с улыбкой пояснил Влад. — В новую школу ты пойдешь, конечно, уже после каникул. У меня сейчас нет срочных дел, у Марьям тоже, — можно немного отдохнуть. — На самом деле, он хотел еще немного побыть здесь, чтобы лично убедиться, как продвигается дело торговцев людьми. И неофициально сообщать об этом СБУ, хотя, как выяснилось, к убийству Златы организация никакого отношения не имела. — Поэтому мы можем выбирать, когда возвращаться. Ты где хотел бы встречать Новый год — в Киеве или здесь?

— Я? — Кажется, для Андрея было непривычно, что от его выбора будет зависеть, где они все будут отмечать праздник. Он на секунду задумался и твердо ответил: — Здесь! — И пояснил: — Тут интересно, я еще такого не видел... Искандер так интересно рассказывает!

— Тогда мы остаемся, — огласил решение Влад. Марьям и Искандер прислушивались к разговору, хотя одновременно вместе с Ирадой обсуждали какие-то семейные дела. Услышав

фразу сына о интересном рассказе, Влад подмигнул Искандеру, тот в ответ улыбнулся и развел руками: мол, сам себе создал дополнительную работу. Хотя ему нравилось рассказывать о родном городе кому-то, кому было действительно интересно. — Но тебе в Киеве будет тоже интересно, я заметил, как ты во дворе ходил вокруг машин... так вот, там их у меня больше. Правда, сесть за руль смогу, в лучшем случае, через месяц... — Он похлопал по рукоятке своей палки. — Так что будем ждать этого вместе. Чтобы куда-нибудь поехать.

— Будем, папа! — сказал Андрей, и, наконец, на его лице появилась улыбка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net